

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 12. № 2/2026

DISCOURSE

Volume 12. No. 2/2026

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2026

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Зубков А. Д. Проблемы социальной справедливости и доступности в массовом открытом онлайн-образовании.....	5
Брук Е. Г. «Кельтский миф»: эвгемерическая трактовка национальной истории и мифологии в трудах французских ученых первой половины XVIII века	21
Стожко Д. К., Стожко Н. Ю. Проблема воли в дискурсе гуманитарной культуры	32
Мальшев В. Б., Стоцкая Т. Г., Борисова Т. В. Киноискусство как метаязык внутреннего мира режиссера (на материале творчества Андрея Тарковского)	49
Сорокопуд М. С., Коник А. А. Культура цифровой прозрачности и человек в условиях алгоритмического надзора: социальный скоринг в контексте философской антропологии	65
Кошмило О. К. Лингвоонтологический подход в теории М. Бахтина: логика–грамматика–поэтика	83

СОЦИОЛОГИЯ

Казаринова Н. В., Матвеев М. С. «Виртуальное сообщество» как социологический конструкт, или Как использовать цифровые следы в исследовании	95
Драч В. Е. Санкционированный ИИ как педагогический инструмент: квази-эксперимент по формированию новой академической субъектности.....	107
Щербина А. В. Ценностно-нормативные конфликты гуманизации отношения к животным в современной России.....	121

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вerezубова Е. Е., Фрейдсон О. А. Социальная реклама как маркер лингвокультурного пространства.....	137
Telezhko G. M. Structuring the Near Eastern Dialect Continuum in the Neolithic	149
Брагина Э. Р. Адаптация англицизмов в экономическом дискурсе: разнообразие фонетических, морфологических и графических методов	163
Зубарева Е. О., Ложкина Е. С. Лингвистическая модель приграничного миграционного дискурса (на материале английского языка)	180
Кононова И. В., Проказов Н. С. Средства реализации фатической коммуникации в англоязычном кинодиалоге: динамический аспект	200

Правила представления рукописей авторами	211
---	-----

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Zubkov A. D. Issues of Social Justice and Accessibility in Massive Open Online Education	5
Bruk E. G. “The Celtic Myth”: Euhemeristic Interpretation of National History and Mythology in the Works by French Scholars of the First Half of the 18th Century.....	21
Stozhko D. K., Stozhko N. Yu. The Problem of Will in the Discourse of Humanitarian Culture	32
Malyshev V. B., Stotskaya T. G., Borisova T. V. Cinematography as a Metalanguage of the Director's Inner World (Based on the Films of Andrei Tarkovsky)	49
Sorokopud M.S., Konik A. A. The Culture of Digital Transparency and the Individual in the Context of Algorithmic Surveillance: Social Scoring in the Context of Philosophical Anthropology	65
Koshmilo O. K. Linguistic and Ontological Approach in M. Bakhtin's Theory: Logic – Grammar – Poetics.....	83

SOCIOLOGY

Kazarinova N. V., Matveev M. S. “Virtual Community” as a Sociological Construct, or How to Use Digital Traces in Research	95
Drach V. E. Sanctioned AI as a Pedagogical Tool: a Quasi-Experiment on the Formation of a New Academic Subjectivity	107
Shcherbina A. V. Value-Normative Conflicts of Humanization in Attitudes toward Animals in Russia.....	121

LINGUISTICS

Verezubova E. E., Freidson O. A. Social Advertising as a Marker of Linguistic and Cultural Space.....	137
Telezhko G. M. Structuring the Near Eastern Dialect Continuum in the Neolithic	149
Bragina E. R. Adaptation of Anglicisms in Economic Discourse: Diversity of Phonetic, Morphological and Graphical Methods	163
Zubareva E. O., Lozhkina E. S. Linguistic Model of Cross-Border Migration Discourse (Based on the English Language)	180
Kononova I. V., Prokazov N. S. Means of Implementing Phatic Communication in English-Language Film Dialogue: a Diachronic Aspect	200

Оригинальная статья
УДК 172; 177; 378
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-5-20>

Проблемы социальной справедливости и доступности в массовом открытом онлайн-образовании

Артём Дмитриевич Зубков

*Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,
Новосибирск, Россия
zubkov_nstu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8289-5316>*

Введение. Современность, характеризующаяся экспансией образования цифровыми образовательными средствами, определяет ключевые вызовы для реализации принципов социальной справедливости. «Угасание» инклюзивного потенциала массовых открытых онлайн-курсов (МООК), понимание их доступности исключительно как технической возможности регистрации – все это заставляет вернуться к осмыслению подлинного равенства в глобальном онлайн-образовании. Новое изучение проблем МООК определяется необходимостью преодоления системных барьеров на пути устойчивого и справедливого образовательного развития.

Методология и источники. Исследование структурных ограничений социальной справедливости и доступности в МООК, выявление факторов цифрового, экономического, культурного и лингвистического неравенства опираются на синтез социологического анализа и социально-философской рефлексии концепций «справедливости как честности». Системный подход позволяет рассматривать МООК как целостную, но противоречивую экосистему, воспроизводящую социальные диспропорции. Социокультурный подход дает возможность анализировать условия реального, а не формального, участия различных групп в образовательном процессе.

Результаты и обсуждение. Противостоять иллюзии универсальной доступности МООК позволяет концепция «педагогической справедливости», главная идея которой заключается в обеспечении равенства образовательных результатов через преодоление цифрового разрыва, экономических барьеров, языковой гегемонии и культурной нерелевантности контента. Схожими принципами по обеспечению «качества образовательного функционирования», отрицания «технологического детерминизма», утверждения приоритета инклюзивности над масштабируемостью обладает философия «равенства возможностей». Результативное участие в МООК зависит от набора «возможностей доступа»: возможности преодолевать технологические ограничения, финансовые затраты, языковые преграды, культурное отчуждение. Чем шире спектр этих возможностей для каждого обучающегося, тем выше уровень социальной справедливости в онлайн-образовании. Философия «педагогической справедливости» сопрягается с концепцией устойчивого развития цифровой образовательной среды. Модели «инклюзивных МООК», реализующие практики адаптации, поддержки и поликультурного дизайна пы-

© Зубков А. Д., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

таются воплотить на практике принципы справедливости, создавая баланс между массовостью и равенством, технологиями и человекоцентричностью.

Заключение. Соединение критического анализа барьеров с принципами педагогической справедливости может дать новый импульс развитию MOOC и изменить содержание их миссии, усилив гуманитарную и инклюзивную направленность. Интеграция этих принципов в технологические, экономические и педагогические основы MOOC является условием их трансформации в инструмент подлинного образовательного равенства.

Ключевые слова: массовые открытые онлайн-курсы, MOOC, цифровое неравенство, образовательное неравенство, образовательная политика, онлайн-образование, глобальное образование

Для цитирования: Зубков А. Д. Проблемы социальной справедливости и доступности в массовом открытом онлайн-образовании // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-5-20

Original paper

Issues of Social Justice and Accessibility in Massive Open Online Education

Artem D. Zubkov

Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

zubkov_nstu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8289-5316>

Introduction. Modernity, characterized by the expansion of digital educational environments, defines key challenges for the implementation of the principles of social justice. The “fading” of the inclusive potential of massive open online courses (MOOCs), the understanding of their availability solely as a technical possibility of registration – all this makes us return to understanding true equality in global online education. A new study of MOOC problems is determined by the need to overcome systemic barriers to sustainable and equitable educational development.

Methodology and sources. The study of structural limitations of social justice and accessibility in MOOCs, the identification of factors of digital, economic, cultural and linguistic inequality are based on a synthesis of sociological analysis and socio-philosophical reflection of the concepts of “justice as fairness”. A systemic approach allows us to consider MOOCs as a holistic but contradictory ecosystem that reproduces social disparities. The sociocultural approach makes it possible to analyze the conditions of real, rather than formal, participation of various groups in the educational process.

Results and discussion. The concept of “pedagogical justice” helps to counteract the illusion of universal accessibility of MOOCs. Its main idea is to ensure equality of educational results by overcoming the digital divide, economic barriers, language hegemony and cultural irrelevance of content. The philosophy of “equality of opportunity” has similar principles of ensuring the “quality of educational functioning”, denying “technological determinism”, and asserting the priority of inclusiveness over scalability. Effective participation in MOOCs depends on a set of “access opportunities”: the ability to overcome technological limitations, financial barriers, language barriers, and cultural alienation. The wider the range of these opportunities for each student, the higher the level of social justice in online education. The philosophy of “pedagogical justice” is associated with the concept of sustainable

development of the digital educational environment. Models of “inclusive MOOCs” implementing the practices of adaptation, support and multicultural design try to put into practice the principles of justice, creating a balance between mass and equality, technology and human-centeredness.

Conclusion. Combining a critical analysis of barriers with the principles of pedagogical justice can give a new impetus to the development of MOOCs and change the content of their mission, strengthening its humanistic and inclusive focus. The integration of these principles into the technological, economic and pedagogical foundations of MOOCs is a condition for their transformation into an instrument of genuine educational equality.

Keywords: massive open online courses, MOOC, digital inequality, educational inequality, educational policy, online education, global education

For citation: Zubkov, A.D. (2026), “Issues of Social Justice and Accessibility in Massive Open Online Education”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-5-20 (Russia)

Введение. Актуальность системного осмысления и практического преодоления барьеров социальной несправедливости в сфере массовых открытых онлайн-курсов (МООК) определяется стремительно изменяющимся глобальным образовательным ландшафтом, где эти платформы перестали быть экспериментом, превратившись в существенный компонент непрерывного обучения и профессионального развития для миллионов. Новые условия, прежде всего ускоренная цифровизация всех сфер жизни, усиленная опытом глобальных кризисов, выдвинули МООК на передний план как инструмент потенциально универсального доступа к знаниям. Одновременно возникли предпосылки, обнажившие глубинные противоречия: глобальный охват технологически зависим от локальной инфраструктуры, а обещание демократизации сталкивается с вековыми структурами социального и экономического расслоения [1]. Именно эта дихотомия – между провозглашенным инклюзивным потенциалом и реально наблюдаемыми паттернами исключения – формирует ядро современной актуальности проблемы. Внимание к этой дилемме закономерно отражается в растущем объеме научных публикаций, аналитических докладов международных организаций, посвященных цифровому разрыву и образовательному равенству, а также стратегических документов национальных систем образования, прямо указывающих на необходимость обеспечения справедливого доступа к цифровым образовательным ресурсам как на условие устойчивого развития. Наука остро нуждается в глубоком междисциплинарном понимании механизмов трансляции социального неравенства в виртуальные среды, требуя синтеза знаний из социологии, педагогики, экономики, теории коммуникаций и социальной философии. Изучение социальной справедливости в МООК не является узкопедагогической задачей; оно представляет значительный интерес для развития социологии цифрового общества, исследующей воспроизводство стратификации в новых контекстах для экономики образования, анализирующей эффективность инвестиций в цифровые платформы с точки зрения общественного блага, и для политологии, изучающей реализацию права на образование в условиях цифрового суверенитета и глобализации. Проблема становится особенно острой именно сейчас по нескольким взаимосвязанным причинам: масштабы внедрения МООК достигли критической массы, делая их влияние на образовательные траектории массовым явлением; накопленные данные все отчетливее демонстрируют устойчивые диспропорции в участии и результативности разных социальных групп; осознание ограниченности чисто технологиче-

ских решений для сложных социальных проблем требует перехода к более комплексным подходам; наконец, этические императивы инклюзивного развития становятся центральными в глобальной повестке. Накопленные достижения – обширный эмпирический материал о демографии обучающихся [2; 3], их успешности и причинах отсева [4; 5], критический корпус работ, выявляющих отдельные барьеры [6–8], опыт пилотных инициатив по повышению доступности [9; 10] настоятельно требуют не разрозненного рассмотрения, а именно системного обобщения и критического анализа. Только такой синтез позволит перейти от констатации проблем к разработке действенных, научно обоснованных стратегий трансформации МООК в подлинно справедливую и доступную образовательную среду, способную оправдать возлагаемые на нее надежды по преодолению образовательных разрывов в глобальном масштабе, а не по их латентному закреплению в новых цифровых формах.

Фокус настоящего исследования направлен на тщательное исследование фундаментальных вызовов, связанных с социальной справедливостью и реальной доступностью, присущих экосистеме МООК в их роли доминирующей образовательной среды глобального масштаба. Цель заключается не в простой констатации существующих трудностей, а в глубоком, критическом анализе ключевых структурных проблем, которые систематически подрывают обещание МООК служить универсальным инструментом образовательной демократизации. Речь идет о выявлении тех устойчивых барьеров, которые превращают декларируемую открытость в ограниченную возможность, доступную лишь определенным сегментам населения, несмотря на кажущееся отсутствие географических границ. Требуется понять, какие именно механизмы внутри самой модели МООК, взаимодействуя с предсуществующими социальными структурами, воспроизводят или даже усугубляют неравенство вместо его преодоления. Необходимо подвергнуть анализу саму природу «доступности» в этом контексте: доступность чего именно – лишь пассивного потребления контента или полноценного, результативного участия, ведущего к признанным достижениям и возможностям? Это исследование стремится прояснить, какие именно аспекты социальной несправедливости проявляются наиболее остро в цифровой образовательной среде МООК и почему они оказываются столь устойчивыми.

Актуальность исследования проблем социальной справедливости в массовом онлайн-образовании приобретает особую значимость в контексте современных трансформаций российского образовательного пространства. Наблюдаемое противоречие между динамично развивающейся нормативно-правовой базой цифрового образования и изменяющейся аксиологической реальностью общества создает необходимость поиска новых концептуальных оснований образовательной деятельности. В условиях цифровой трансформации происходит переосмысление субъектности как обучающихся, так и образовательных институтов, что актуализирует проблему ценностного согласования между реальными условиями бытия субъектов образования и конкретными образовательными практиками. Массовые открытые онлайн-курсы, занимая промежуточное положение между глобальными образовательными тенденциями и национальными образовательными традициями, становятся важным полигоном для апробации новых аксиологических подходов, способных преодолеть возникающие ценностные разрывы и обеспечить смысловую целостность образовательного пространства.

Научная новизна представленной работы коренится в ее комплексном подходе к выявлению и интерпретации взаимосвязанного комплекса факторов, которые действуют как

мощные фильтры, ограничивающие не просто доступ, но и справедливое, равноправное участие в MOOK. В отличие от исследований, фокусирующихся преимущественно на технических аспектах доступности [11] или показателях регистрации [12], данная работа нацелена на вскрытие глубинных социально-экономических и культурных корней проблем. Критически анализируются не только очевидные ограничители, такие как отсутствие необходимой цифровой инфраструктуры или средств, но и менее заметные, однако не менее значимые, культурные и лингвистические диссонансы, особенности педагогического дизайна, не учитывающие разнообразие образовательных траекторий и когнитивных стилей, а также экономические модели платформ, создающие скрытые финансовые барьеры для полноценного вовлечения. Суть новизны заключается в рассмотрении этих факторов не изолированно, а в их системном взаимодействии и взаимном усилении, формирующем совокупное препятствие для групп, уже находящихся в уязвимом положении в традиционных образовательных системах. Работа стремится показать, как именно преобладающее социальное расслоение транслируется и модифицируется в новой цифровой образовательной реальности MOOK, выявляя причины, по которым благая цель массовости оборачивается на практике новыми формами исключения и воспроизводства старых иерархий. Анализ направлен на понимание причинно-следственных связей, лежащих в основе наблюдаемого неравенства результатов и возможностей различных демографических групп обучающихся.

Методология и источники. Методологическая конструкция настоящего исследования сознательно опирается на междисциплинарный синтез, где доминирующую роль играют инструментарий социологического анализа и глубина социально-философской рефлексии. Этот выбор обусловлен необходимостью не просто описать наблюдаемые диспропорции в MOOK, но и подвергнуть их критическому осмыслению через призму фундаментальных представлений о справедливости, равенстве и их применимости в условиях цифровой трансформации образования. Социологический подход позволяет систематизировать и интерпретировать эмпирически фиксируемые проявления неравенства, выявляя закономерности участия различных социальных групп, факторы отсева и барьеры эффективного вовлечения. Социально-философский анализ, в свою очередь, обеспечивает необходимый концептуальный каркас для оценки самих принципов, лежащих в основе организации MOOK, их соответствие или противоречие идеалам справедливого общественного устройства. Центральным объектом приложения этих методологических линз становятся базовые концепции социальной справедливости, в особенности идея справедливости как честности с ее ключевыми принципами равных базовых свобод и различия, требующего преимущественного распределения ресурсов в пользу наименее преуспевших. Так насколько архитектура MOOK, их экономические модели, педагогические стратегии и технологические решения соответствуют этим принципам, или напротив, закрепляют существующие привилегии и недостатки? Параллельно интегрируются современные теоретические разработки, специально сфокусированные на природе и проявлениях социальной несправедливости в контексте цифровых образовательных сред. Эти разработки предлагают аналитические схемы для понимания специфических механизмов исключения в онлайн-пространстве, трансформации традиционных форм капитала (культурного, социального, экономического) в цифровую эпоху и формирования новых, сетевых иерархий. Они помогают осмыслить, как абстракт-

ные принципы справедливости материализуются или деформируются в конкретной технологической среде платформ МООК под воздействием алгоритмических решений, дизайна интерфейсов, моделей модерации и коммуникации.

Базовую основу исследования составил широкий корпус материалов, подвергнутых критическому анализу с применением избранной методологической оптики. Основное внимание уделено научным публикациям, представляющим результаты эмпирических изысканий в области МООК. Эти работы предоставляют неопределимые данные о демографических характеристиках аудитории различных платформ, показателях завершения курсов, факторах, влияющих на успешность или неудачу обучающихся из разных социальных, экономических и культурных групп. Анализ этих данных позволил выявить устойчивые паттерны неравенства, выходящие за рамки случайных вариаций. Не менее значимую роль сыграли теоретические и обзорные статьи, коллективные труды, в которых предпринимаются попытки концептуализации вызовов социальной справедливости в цифровом образовании, предлагаются объяснительные модели и обсуждаются возможные пути решения. Комплексный анализ этого разнородного массива информации, рассмотренного через призму социологической и социально-философской методологии, направлен на достижение глубокого, концептуально обоснованного понимания структурных причин несправедливости в МООК, выходящего за пределы поверхностных описаний.

Теоретическое осмысление проблем социальной справедливости и доступности в МООК требует обращения к фундаментальным философским концепциям, сформировавшим современное понимание равенства, свободы и справедливого распределения возможностей. Анализ выявленных барьеров не может быть полным без их соотнесения с этими интеллектуальными традициями. Центральное место в этом анализе занимает теория справедливости как честности Джона Роулза [13]. Его концепция, изложенная в работе «Теория справедливости», предлагает два базовых принципа, критически важных для оценки МООК. Первый принцип (равных основных свобод) утверждает право каждого на наиболее полную систему равных основных свобод, совместимую с аналогичной системой свобод для всех. Применительно к образованию это означает право на равный доступ к знаниям и образовательным ресурсам как фундаментальной свободе. Вторым принципом, включающим принцип различия, гласит, что социальные и экономические неравенства допустимы лишь в том случае, если они приносят наибольшую пользу наименее преуспевшим членам общества. Роулзовский «занавес неведения», заставляющий выбирать принципы справедливости без знания своего будущего положения в обществе, ставит под сомнение легитимность систем, воспроизводящих преимущества для уже привилегированных групп, что напрямую соотносится с наблюдаемыми диспропорциями в МООК. Технологическая открытость платформ сама по себе не соответствует принципу различия, если не создает механизмов компенсации для тех, кто изначально находится в неблагоприятном положении (отсутствие инфраструктуры, бедность).

Не менее значимый вклад вносит «подход, основанный на возможностях» (*capability approach*), разработанный Амартеей Сеном и развитый Мартой Нуссбаум. Этот подход смещает фокус с распределения ресурсов или удовлетворения потребностей на реальную свободу человека вести тот образ жизни, который он имеет основания ценить – его «возможность функционирования» [14]. Образование здесь рассматривается не только как благо само по

себе, но и как ключевая «способность», расширяющая другие свободы и возможности (например, участие в общественной жизни, получение достойной работы, защита своих интересов). Применительно к МООК, подход Сена Нуссбаум требует оценивать не просто наличие технического доступа к курсу, а реальную возможность конкретного человека конвертировать этот доступ в значимые образовательные достижения и, в конечном итоге, расширять свои жизненные возможности. Цифровой разрыв, языковые барьеры, культурная нерелевантность, экономические издержки – все это ограничивает не ресурс (курс доступен онлайн), а саму способность человека эффективно использовать этот ресурс для своего развития. Оценка МООК с позиций подхода возможностей выявляет разрыв между формальной доступностью и реальной свободой получения качественного образования и его плодов.

Теория признания Акселя Хоннета [15] открывает важную перспективу для понимания культурных и языковых барьеров в МООК. Хоннет утверждает, что для формирования позитивной самоидентификации и полноправного участия в обществе человеку необходимо переживать признание в трех сферах: любви (эмоциональная поддержка), права (юридическое равноправие) и солидарности (социальная оценка). Культурная гомогенность контента МООК, доминирование определенных языков и образовательных парадигм могут приводить к непризнанию или неправильному признанию обучающихся из иных культурных контекстов. Это проявляется в чувстве нерелевантности материала, отчужденности, трудностях идентификации с предлагаемыми примерами и нормами. Непризнание подрывает мотивацию и чувство принадлежности к образовательному сообществу МООК, что является существенным барьером на пути справедливого участия, выходящим за рамки чисто информационного доступа.

Концепция публичной сферы Юргена Хабермаса [16], хотя и не сфокусированная исключительно на справедливости, важна для анализа коммуникативных аспектов МООК. Идеал Хабермаса – это сфера рациональной дискуссии, где индивиды участвуют на равных, оставляя в стороне социальный статус. Структура дискуссий в МООК, часто отражающая культурные иерархии и языковое доминирование, может исказить этот идеал. Экономические барьеры на пути к получению сертификатов или доступу к интерактивным функциям также создают неравенство в возможности полноценного участия в формирующемся цифровом образовательном публичном пространстве.

Синтез этих философских перспектив предоставляет мощный концептуальный аппарат для критики существующих моделей МООК и проектирования более справедливых альтернатив. Роулз задает критерии справедливого распределения доступа и выгод; Сен и Нуссбаум фокусируются на обеспечении реальных возможностей для реализации потенциала; Хоннет подчеркивает необходимость культурного признания; Хабермас привлекает внимание к условиям равноправного участия в дискурсе. Вместе они образуют нормативную основу, требующую от МООК не просто масштабируемости, но и активного преодоления структурных барьеров, препятствующих превращению декларируемой открытости в подлинное равенство образовательных возможностей, и признания для каждого обучающегося, независимо от его исходного положения в глобализирующемся, но все еще глубоко неравном мире.

Что касается выбора теоретической базы исследования, представленной классическими теориями социальной справедливости второй половины XX в., следует подчеркнуть его методологическую обоснованность, несмотря на хронологический разрыв с объектом

исследования. Обращение к концепциям Джона Роулза и Амартьи Сена обусловлено не их технологической современностью, а фундаментальным нормативным потенциалом, сохраняющим актуальность в условиях цифровой трансформации образования. Эти теории предлагают не конкретные технические решения, а систему этических координат для осмысления проблем справедливости, которые технологический прогресс не отменяет, а лишь трансформирует. В частности, «занавес неведения» Роулза предоставляет универсальный критерий для оценки справедливости архитектуры любой социальной системы, включая цифровые образовательные платформы, вынуждая проектировать их с позиции наименее привилегированного участника. Подход Сена, смещающий фокус с наличия ресурсов на реальные возможности их использования, обладает исключительной эвристической ценностью для анализа ситуаций, когда формальный доступ к MOOK не конвертируется в значимые образовательные достижения уязвимых групп. Таким образом, хронологический разрыв между теорией и объектом анализа преодолевается на уровне методологической функции этих концепций: они обеспечивают не описание технологических реалий MOOK, а их нормативную критику, выявляя разрыв между технологическими возможностями и этическими императивами социальной справедливости.

В рамках данного исследования операционализация ключевых понятий выполнена с учетом специфики массового онлайн-образования и задач анализа социальной справедливости. Понятие инклюзивности трактуется в расширительном значении, выходящем за рамки классического понимания, ограниченного преимущественно учетом физических, ментальных и сенсорных особенностей обучающихся. В контексте MOOK инклюзивность понимается как системный принцип, направленный на выявление и устранение всего спектра барьеров – социально-экономических, культурных, лингвистических, цифровых и педагогических, которые могут исключать или ограничивать полноценное участие различных групп. Такой подход позволяет рассматривать MOOK как потенциально универсальную среду, требующую активных усилий по включению тех, кто оказывается на периферии образовательного процесса не только из-за ограниченных возможностей здоровья, но и ввиду экономического неравенства, культурных различий, языковой изоляции или недостаточной цифровой грамотности. Аналогичным образом уточняется понятие «образование», которое в фокусе настоящего анализа понимается прежде всего как процесс – процесс передачи и усвоения знаний, развития критического мышления, компетенций и личностного роста. Однако с методологической точки зрения невозможно игнорировать и второй, инструментальный аспект образования – его функцию социальной верификации через документированное подтверждение квалификации (сертификаты, дипломы). В контексте MOOK именно этот аспект зачастую становится точкой бифуркации, где формальная доступность образования-процесса сталкивается с монетизацией образования-квалификации. Такой двойной фокус позволяет анализировать проблему социальной справедливости комплексно, не только как обеспечение доступа к контенту, но и как создание условий для достижения обучающимися социально значимых и верифицируемых результатов. Выбор именно таких трактовок обусловлен необходимостью адекватного отражения многомерности проблем социальной справедливости в цифровой образовательной среде, что соответствует интегральному характеру применяемого социально-философского и социологического подходов.

Результаты и обсуждения. Результаты выполненного анализа с неоспоримой ясностью демонстрируют глубоко укорененные, взаимосвязанные барьеры, фундаментально подрывающие принципы социальной справедливости и реальной доступности в экосистеме MOOC. Центральным, исходным препятствием выступает цифровое неравенство, проявляющееся не только в элементарном отсутствии устройств или подключения к интернету у значительных слоев населения в различных регионах мира, но и в качественных аспектах доступа: низкой скорости соединения, нестабильности связи, высокой относительной стоимости трафика, а также в критическом дефиците цифровых компетенций, необходимых для уверенной навигации по платформам, эффективного поиска и обработки информации, участия в онлайн-взаимодействиях [17]. Это неравенство создает непреодолимый фильтр на самом пороге входа, автоматически исключая целые категории потенциальных обучающихся по признаку их географического положения, уровня дохода или возраста. Экономические различия формируют второй мощный слой барьеров. Хотя базовый просмотр контента часто формально бесплатен, сама возможность получения верифицируемых результатов обучения, доступа к оцениваемым заданиям, персональной обратной связи или сертификатов часто монетизирована. Стоимость этих услуг, абсолютно незначительная для одних, становится непреодолимым финансовым препятствием для других. Более того, скрытые издержки участия – значительные временные затраты, необходимость отвлекаться от оплачиваемой работы или семейных обязанностей, затраты на дополнительные материалы или программное обеспечение – ложатся непропорционально тяжелым бременем на экономически уязвимые группы, делая полноценное обучение практически недостижимой роскошью. Языковые барьеры представляют третий существенный ограничитель [18]. Доминирование ограниченного числа, преимущественно западных, языков на ключевых платформах MOOC создает непреодолимое препятствие для носителей других языков. Существующие решения автоматического перевода часто оказываются неадекватными для передачи нюансов академического дискурса, специальной терминологии или культурных контекстов, содержащихся в материалах курсов, что приводит к неполному пониманию, фрустрации и, в конечном итоге, к отсеву. Культурные различия и недостаточная релевантность контента усугубляют ситуацию [19]. Учебные материалы, примеры, кейсы, педагогические подходы и даже структура курсов нередко неявно отражают культурные нормы, образовательные традиции и социальные реалии стран их происхождения. Для обучающихся из иных культурных сред это оборачивается трудностями с пониманием контекста, ощущением отчужденности, нерелевантности содержания их собственному опыту и потребностям, что резко снижает мотивацию к продолжению обучения. Недостаточное представительство различных культурных перспектив в содержании и среди преподавателей усиливает это чувство исключенности.

Совокупное воздействие этих барьеров имеет далеко идущие, разрушительные последствия для декларируемой доступности и справедливого участия в MOOC. Доступность сводится не к равенству возможностей достичь значимых образовательных результатов, а лишь к потенциальной возможности зарегистрироваться и пассивно наблюдать за контентом для тех, кто преодолел первый, технологический порог. Реальное, результативное участие – завершение курсов, получение сертификатов, применение знаний для карьерного роста или дальнейшего обучения – становится привилегией уже обладающих необходимыми ресурсами: стабильным интернетом, современными устройствами, финансовой возможностью

оплачивать сертификаты, свободным временем, владением доминирующими языками и знакомством с культурными кодами, заложенными в курсы. Вместо того чтобы нивелировать существующее социальное неравенство, MOOK рискуют стать его новым, цифровым усилителем, воспроизводя и даже углубляя пропасть между теми, кто имеет доступ к ресурсам для успеха в цифровую эпоху, и теми, кто его лишен. Это приводит к систематической недоступности качественных образовательных траекторий через MOOK для уязвимых групп населения, включая жителей сельских и удаленных районов, лиц с низкими доходами, представителей этнических и языковых меньшинств, пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями здоровья, тем самым сводя на нет их потенциал как инструмента подлинной демократизации образования.

Обсуждение выявленных системных барьеров социальной справедливости в MOOK требует перехода от констатации к анализу их глубинного воздействия на саму суть образовательной эффективности и равенства в этой цифровой среде, а также к поиску действенных политических решений. Ключевой парадокс заключается в том, что техническая возможность масштабирования обучения для миллионов пользователей не гарантирует достижения образовательных целей равным образом для всех участников. Эффективность MOOK как образовательного инструмента оказывается принципиально зависимой от социального контекста обучающегося. Технологические, экономические и культурные барьеры не просто ограничивают доступ к контенту – они искажают сам процесс усвоения знаний, снижают способность к критическому осмыслению материала из-за языковых сложностей или культурной нерелевантности примеров, затрудняют полноценное участие в дискуссиях и проектной работе, лишая обучающихся важнейших аспектов социального конструирования знаний. Следовательно, образовательная эффективность MOOK, измеряемая традиционно через показатели завершения курсов или результаты оценивания, становится индикатором не универсального качества платформы, а селективной доступности ресурсов, необходимых для преодоления внутренних барьеров системы. Равенство в такой модели оказывается иллюзорным: формальное равенство доступа к регистрации маскирует фундаментальное неравенство возможностей для достижения значимых образовательных результатов и их последующей конвертации в социальные или экономические преимущества. Вместо выравнивания возможностей MOOK могут воспроизводить и даже усиливать образовательный разрыв, предоставляя качественные траектории преимущественно тем группам, которые уже обладают необходимыми видами капитала – культурным, социальным, экономическим, адаптированным к требованиям цифровой образовательной среды. Это трансформирует MOOK из инструмента демократизации в механизм кристаллизации новых форм образовательной стратификации, где успех предопределен не столько способностями или мотивацией, сколько исходным социальным положением. Данная ситуация ставит под сомнение этическую легитимность MOOK как глобального образовательного проекта без радикального пересмотра их основ. Упоминание этической легитимности применительно к MOOK отсылает не к политико-правовому, а к нормативно-ценностному аспекту их существования как социального института. В данном контексте этот термин обозначает моральное право MOOK на текущую институциональную форму и практики функционирования, которое ставится под сомнение, когда их реализация систематически воспроизводит социальное нера-

венство вместо его преодоления. Вопрос, таким образом, заключается не в легальности МООК, а в их соответствии фундаментальным образовательным и социальным целям, моральным ожиданиям общества и принципам справедливости, что и составляет суть их этической легитимности в социальной сфере.

Преодоление этих вызовов требует выхода за рамки точечных улучшений и разработки комплексной образовательной политики, нацеленной на перепроектирование экосистемы МООК вокруг принципа педагогической справедливости. Политический ответ должен быть многоуровневым. На макроуровне необходима интеграция принципов цифровой справедливости в национальные и международные стратегии образовательного развития. Это включает законодательное закрепление гарантий доступности цифровой инфраструктуры как общественного блага, разработку стандартов инклюзивности для онлайн-курсов, финансируемых из государственных средств, и создание систем мониторинга социального воздействия МООК с использованием показателей, выходящих за рамки количественных метрик (регистрации, завершения) в сторону измерения реального равенства образовательных результатов для разных групп. Финансовые механизмы должны стимулировать платформы и провайдеров курсов к внедрению истинно инклюзивных практик: субсидирование профессиональной локализации контента на недоминирующие языки, гранты на разработку курсов с участием международных коллективов авторов для обеспечения культурного многообразия, создание целевых фондов поддержки для покрытия стоимости сертификации и дополнительных услуг для малоимущих обучающихся. На мезоуровне (уровне платформ и институтов) критически важна ревизия внутренних политик. Это подразумевает пересмотр алгоритмических систем рекомендаций курсов и формирования учебных групп для предотвращения сегрегации по неявным признакам, внедрение гибких моделей монетизации (скользящая шкала оплаты, микростипендии, бесплатные верификации за достижения), обязательное включение принципов универсального дизайна обучения (UDL) в разработку всех элементов курса – от интерфейса до методов оценивания. Образовательная политика должна поощрять создание сетей локальной поддержки: партнерство платформ с общественными центрами, библиотеками, НКО для организации точек доступа с техникой, интернетом и тьюторским сопровождением в уязвимых сообществах. На микроуровне (уровне педагогического дизайна) необходима политика, стимулирующая и регламентирующая создание контента с учетом эпистемологического плюрализма – включение разнообразных способов познания, культурных контекстов, примеров из различных социальных реальностей, а также применение дифференцированных педагогических стратегий, признающих и учитывающих различный образовательный бэкграунд и когнитивные стили обучающихся. Без такой системной трансформации политического подхода, ставящего во главу угла не масштаб, а глубину справедливости, МООК останутся эффективным инструментом лишь для избранных, а их потенциал как двигателя глобального образовательного равенства будет утрачен, закрепив цифровые формы социального отчуждения. Речь идет о политическом выборе: будет ли онлайн-образование служить инерционному воспроизводству неравенства или станет платформой для его активного преодоления через сознательное конструирование справедливой среды.

Заключение. Выполненный анализ демонстрирует, что проблемы социальной справедливости в МООК носят не случайный, а системный характер, будучи встроены в их техно-

логические, экономические и педагогические основы. Именно этот вывод о системности проблем обуславливает необходимость столь же системного ответа, который не может ограничиться лишь микроуровнем педагогических практик. Выявленные барьеры – цифровое неравенство, экономическая эксклюзия, культурная гомогенизация – являются следствием макроэкономических тенденций и политических решений (или их отсутствия) в сфере глобального образования. Поэтому требование системных изменений закономерно предполагает переход к уровню образовательной политики и экономических моделей. От общего анализа природы проблем мы переходим к особенному характеру необходимых решений, которые должны реализовываться на трех взаимосвязанных уровнях: макроуровне государственной и межгосударственной политики, мезоуровне институтов и платформ и микроуровне педагогического дизайна. Только такая многоуровневая стратегия может обеспечить переход от формальной открытости МООК к реализации их потенциала как инструмента подлинного глобального образовательного равенства.

Выполненное исследование недвусмысленно констатирует: декларируемая революционная доступность МООК остается недостижимым идеалом на фоне устойчивых системных барьеров социальной несправедливости. Выявленные препятствия – технологические, экономические, лингвистические, культурные – действуют не изолированно, а в синергетическом взаимодействии, формируя сложную архитектуру исключения. Эта архитектура трансформирует потенциально демократичную образовательную среду в пространство, где реальные возможности результативного участия, получения признанных квалификаций и социально-значимых преимуществ распределяются крайне неравномерно, коррелируя с предсуществующим социально-экономическим статусом обучающихся. Технологическая масштабируемость МООК, их глобальный охват сами по себе не только не гарантируют равенства образовательных результатов, но и рискуют стать инструментом кристаллизации новых форм цифрового неравенства. Преодоление этих дисфункций требует не косметических корректировок, а фундаментальных системных изменений, направленных на перепроектирование самой логики функционирования МООК. Центральным императивом становится переход от риторики открытости к практике воплощения принципов социальной справедливости на всех уровнях: от проектирования интерфейсов и педагогических моделей до разработки экономических механизмов и глобальных образовательных политик. Без такого пересмотра МООК останутся эффективным инструментом преимущественно для уже привилегированных групп, воспроизводя, а не преодолевая, вековые разрывы в доступе к качественному образованию.

Концептуальное значение данной работы заключается в утверждении невозможности устойчивого и инклюзивного развития массового онлайн-образования вне его глубинной интеграции с философией социальной справедливости. Принципы справедливости – справедливость как честность, приоритетное внимание к нуждам наименее обеспеченных, обеспечение равных возможностей для реализации базовых свобод – должны перестать быть факультативными дополнениями к техническим спецификациям платформ. Они обязаны стать организующим ядром, структурным элементом ДНК МООК, определяющим выбор технологий, дизайн педагогических взаимодействий, модели финансирования и критерии оценки успешности. Интеграция этих принципов – не благотворительность, а условие выживания МООК как релевантного социального института в долгосрочной перспективе. Устойчивость цифровой образова-

тельной среды напрямую зависит от ее способности обеспечивать подлинную инклюзивность, измеряемую не абстрактными цифрами регистраций, а конкретными возможностями достижения значимых образовательных целей представителями всех социальных страт, независимо от их географического положения, материального положения, культурного бэкграунда или языковой принадлежности. Только через призму справедливости МООК могут реализовать свой преобразующий потенциал как катализатор социальной мобильности и глобального образовательного равенства, а не как очередной механизм селекции и исключения.

Перспективы дальнейших исследований лежат в плоскости перехода от критической диагностики к разработке и валидации конкретных механизмов преодоления выявленных дисбалансов. Наиболее актуальными представляются следующие направления: во-первых, тщательное изучение сравнительной эффективности различных интервенций, направленных на снижение цифрового и социального неравенства в МООК. Это требует разработки методологий для оценки долгосрочного воздействия программ по обеспечению устройств, субсидированию интернет-трафика, развитию цифровой грамотности в специфических контекстах (например, в сельских регионах). Во-вторых, критически важна разработка, апробация и стандартизация инклюзивных педагогических практик и моделей поддержки обучающихся. Необходимо исследовать эффективность гибридных моделей (онлайн-офлайн), сетей локальных тьюторов, систем взаимопомощи, адаптивных траекторий обучения, учитывающих различные темпы усвоения материала и когнитивные стили. Особое внимание должно уделяться поддержке групп с особыми образовательными потребностями и лиц, сталкивающихся с множественными формами дискриминации. В-третьих, необходимы комплексные исследования влияния образовательной политики разных уровней (институциональной, национальной, международной) на динамику социальной справедливости в МООК. Анализ должен включать оценку последствий конкретных регуляторных решений, моделей финансирования платформ, требований к инклюзивности при государственном заказе курсов. В-четвертых, существует насущная потребность в разработке и верификации комплексных метрик для оценки социальной справедливости и инклюзивности МООК, выходящих за пределы количественных показателей охвата и завершаемости, фокусируясь на качестве опыта и равенстве результатов для разнородных групп обучающихся. Прогресс в этих исследовательских направлениях станет основой для превращения МООК из зеркала, отражающего существующее неравенство, в инструмент его осознанного преодоления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балмасова Т. А. Философия коммунитаризма в миссии устойчивого университета // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 43–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-43-52
2. Береговая О. А. Методологический потенциал философской компаративистики в решении проблем современного образования // *Studia Culturae*. 2024. № 61. С. 13–27. DOI: 10.31312/2310-1245-2024-61-13-27
3. Донских О. А., Разумов В. И. РПД-логия и совершенствование образования в XXI в. // *Профессиональное образование в современном мире*. 2022. Т. 12, № 1. С. 168–174. DOI: 10.20913/2618-7515-2022-1-20
4. Изгарская А. А. Отечественное образование в процессах глобальной интеграции и противостояния миросистеме // *Философия образования*. 2023. Т. 23, № 4. С. 33–48. DOI: 10.15372/PHE20230402

5. Мартишина Н. И., Постников П. М. Традиции в культуре и образовании // Вестн. СГУПС: Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (21). С. 29–34. DOI: 10.52170/2618-7949_2024_21_29
6. Стурова И. С. Философия как один из источников андрагогики – теории и практики образования взрослых людей // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. № 3. С. 74–80.
7. Егорычев А. М. Философские и научно-теоретические основы отечественного социального образования: социальная педагогика как механизм его развития // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2014. № 10. С. 20–27.
8. Нестерова Л. И. Культурно-исторический контекст формирования компетентного подхода в образовании // Человек. Культура. Образование. 2013. № 4 (10). С. 148–156.
9. Зубков А. Д. Идеи и идеалы открытого образования // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 4–1. С. 203–216. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.4.1-203-216
10. Zubkov A. Development of Professional Foreign Language Competence of Economics Students with MOOCs during the Pandemic // Education Sciences. 2023. Vol. 13, № 10: 1010. DOI: 10.3390/educsci13101010
11. Багрова Е. В., Мусабирова Э. И. «Миф о красоте» и трансформация высшего образования в период пандемии коронавируса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10, № 5А. С. 73–78. DOI: 10.34670/AR.2021.54.62.007
12. Колесников А. С. Философско-методологические предпосылки новой парадигмы системы образования в условиях интеграции и глобализации // Социальная компетентность. 2018. Т. 3, № 4 (10). С. 49–59.
13. Борисова П. А. К концепции социальной справедливости Дж. Роулза // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 2 (2). С. 53–56.
14. Балашов Д. В. Идея справедливости Амартии Сена // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 4 (95). С. 25–38. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-25-38
15. Кукарцева М. А. Аксель Хоннет – социальный теоретик и социолог // Социол. исслед. 2014. № 4 (360). С. 38–45.
16. Тетюев Л. И. Идея коммуникативного разума в социальной философии Юргена Хабермаса // Поволжский торг.-экон. журн. 2010. № 3. С. 70–76.
17. Бороздина Н. О. Высшее образование на самоизоляции: катастрофа или шаг в будущее? // Общество: философия, история, культура. 2020. № 8 (76). С. 56–59. DOI: 10.24158/fik.2020.8.11
18. Костина Т. И. Философия открытого образования // Вестн. Моск. гос. акад. делового администрирования. Сер. Экономика. 2010. № 2 (2). С. 3–10.
19. Аверков М. С., Дерябин А. А., Попов А. А. Наука о данных и искусственный интеллект как инструменты практической реализации философии открытого образования // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 63–84. DOI: 10.17223/1998863X/56/7

Информация об авторе.

Зубков Артём Дмитриевич – старший преподаватель кафедры английского языка Сибирского государственного университета путей сообщения, ул. Дуси Ковальчук, д. 191, Новосибирск, 630049, Россия; старший преподаватель кафедры иностранных языков Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», ул. Каменская, д. 56, Новосибирск, 630099, Россия. Автор 116 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия образования, цифровые технологии в образовании, открытое образование.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.08.2025; принята после рецензирования 14.10.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. Balmasova, T.A. (2023), "The Philosophy of Communitarianism in the Mission of a Sustainable University", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 43–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-43-52
2. Beregovaya, O.A. (2024), "Methodological potential of philosophical comparative studies in solving the problems of modern education", *Studia Culturae*, no. 61, pp. 13–27. DOI: 10.31312/2310-1245-2024-61-13-27
3. Donskikh, O.A. and Razumov, V.I. (2022), "RPD-ology and the Improvement of Education in the 21st Century", *Professional Education in the Modern World*, vol. 12, no. 1, pp. 168–174. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-1-20>
4. Izgarskaya, A.A. (2023), "Domestic Education in the Processes of Global Integration and Confrontation with the World System", *Philosophy of Education*, vol. 23, no. 4, pp. 33–48. DOI: 10.15372/PHE20230402
5. Martishina, N.I. and Postnikov, P.M. (2024), "Traditions in the culture and education", *The Siberian Transport Univ. Bulletin: Humanitarian research*, no. 2 (21), pp. 29–34. DOI: 10.52170/2618-7949_2024_21_29
6. Sturova, I.S. (2016), "Philosophy as One of the Sources of Andragogy – Theory and Practice of Adult Education", *Economics Profession Business*, no. 3, pp. 74–80.
7. Egorychev, A.M. (2014), "Philosophical and scientific theoretical fundamentals of national social education. Social pedagogics as mechanism of it's development", *Alma Mater (Higher School Herald)*, no. 10, pp. 20–27.
8. Nesterova, L.I. (2013), "Cultural and historical context of the formation of the competence approach in education", *Human. Culture. Education*, no. 4 (10), pp. 148–156.
9. Zubkov, A.D. (2023), "Ideas and ideals of Open Education", *Ideas and Ideals*, vol. 15, no. 4-1, pp. 203–216. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.4.1-203-216
10. Zubkov, A. (2023), "Development of Professional Foreign Language Competence of Economics Students with MOOCs during the Pandemic", *Education Sciences*, vol. 13, no. 10: 1010. DOI: 10.3390/educsci13101010
11. Bagrova, E.V. and Musabirova, E.I. (2021), "The "Beauty myth" and the transformation of higher education during the coronavirus pandemic", *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, vol. 10, no. 5A, pp. 73–78. DOI: 10.34670/AR.2021.54.62.007
12. Kolesnikov, A.S. (2018), "Education philosophy in the context of anthropological measurement of history of philosophy", *Social competence*, vol. 3, no. 4 (10), pp. 49–59.
13. Borisova, P.A. (2015), "John Rawls's Concept of Social Justice", *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. Philosophy. Sociology. Art Studies*, no. 2 (2), pp. 53–56.
14. Balashov, D.V. (2019), "Amartya Sen's Idea of Justice", *The J. Of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 4 (95), pp. 25–38. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-25-38
15. Kukartseva, M.A. (2014), "Axel Honneth – Social Theorist and Sociologist", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 4 (360), pp. 38–45.
16. Tetyuev, L.I. (2010), "The idea of communicative reason in the social philosophy of Jurgen Habermas", *Povolzhskii torgovo-ehkonomicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 70–76.
17. Borozdina, N.O. (2020), "Higher Education in Self-Isolation: a Disaster or a Step Into the Future?", *Society: philosophy, history, culture*, no. 8 (76), pp. 56–59. DOI: 10.24158/fik.2020.8.11
18. Kostina, T.I. (2010), "Philosophy of open education", *Vestnik Mosk. gos. akad. delovogo administrirovaniya. Ser. Ehkonomika*, no. 2 (2), pp. 3–10.
19. Averkov, M.S., Deryabin, A.A. and Popov, A.A. (2020), "Data Science and Artificial Intelligence as Tools for the Practical Implementation of the Philosophy of Open Education", *Tomsk State Univ. J. of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 56, pp. 63–84. DOI: 10.17223/1998863X/56/7

Information about the author.

Artem D. Zubkov – Senior Lecturer at the Department of English, Siberian Transport University, 191 Dusi Kovalchuk str., Novosibirsk 630049, Russia; Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Novosibirsk State University of Economics and Management, 56 Kamenskaya str., Novosibirsk 630099, Russia. The author of 116 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, philosophy of education, digital technologies in education, open education.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 16.08.2025; adopted after review 14.10.2025; published online 20.04.2026.*

Оригинальная статья

УДК 141.411; 291

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-21-31>

«Кельтский миф»: эвгемерическая трактовка национальной истории и мифологии в трудах французских ученых первой половины XVIII века

Елизавета Григорьевна Брук

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
bruk97@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4562-877X>*

Введение. Целью статьи является определение роли эвгемеризма в изучении и конструировании национальной истории и мифологии в трудах французских ученых первой половины XVIII в. Научная новизна исследования определяется отсутствием специальных работ на русском языке по указанной проблеме. Актуальность темы исследования обуславливается все более возрастающим интересом современных российских и зарубежных исследователей к истории эвгемеризма как одного из способов рациональной интерпретации мифологии. Однако эта область исследований все еще обладает заметными лакунами, которые данная статья отчасти призвана заполнить.

Методология и источники. Для изучения указанной проблемы в статье используется метод историко-философского анализа, проблемный и классификационный подходы. Источниками для исследования послужили труды французских интеллектуалов первой половины XVIII в., использовавших эвгемеризм в качестве инструмента конструирования национальной истории и мифологии. В статье представлены основные идеи П.-И. Пезрона, Ж. Мартена, А. Банье и С. Пеллутье

Результаты и обсуждение. В начале XVIII в. П.-И. Пезрон с помощью строгого эвгемеризма соединил ветхозаветное повествование, имена различных богов, национальную и общеевропейскую историю, создав умозрительную конструкцию – «кельтский миф». Его теория была популярна в интеллектуальной среде в течение всего XVIII в. С некоторыми модификациями в своих текстах ее воспроизводили Ж. Мартен и А. Банье. Концепция «естественной религии» и первоначального монотеизма позволила авторам связывать воедино ветхозаветное повествование и национальный политеизм. Они полагали, что события, о которых говорится в Писании, являлись подлинной исторической основой многих «языческих басен» и трактовали появление политеистического культа эвгемерически. С. Пеллутье, не уменьшая всеохватности «кельтской теории», отказался от конфессионально окрашенного эвгемеризма П.-И. Пезрона. Он перестал сопрягать происхождение кельтов с ветхозаветным повествованием и использовал эвгемерическую трактовку мифологических сюжетов лишь эпизодически.

Заключение. В трудах французских ученых первой половины XVIII в. эвгемеризм поддерживал конфессионально окрашенную концепцию национального прошлого и служил объяснением появления «ложных» богов политеизма.

Ключевые слова: эвгемеризм, история религиоведения, П.-И. Пезрон, Ж. Мартен, А. Банье, С. Пеллутье

© Брук Е. Г., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Брук Е. Г. «Кельтский миф»: эвгемерическая трактовка ациональной истории и мифологии в трудах французских ученых первой половины XVIII века // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 21–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-21-31

Original paper

“The Celtic Myth”: Euhemeristic Interpretation of National History and Mythology in the Works by French Scholars of the First Half of the 18th Century

Elizaveta G. Bruk

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia
bruk97@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4562-877X>*

Introduction. The purpose of the article is to determine the role of euhemerism in the study and the construction of national history and mythology in the works of French scholars of the first half of the 18th century. The novelty of the study is determined by the lack of special works on this problem. The relevance of the research topic is due to the ever-increasing interest of modern Russian and foreign researchers in the history of euhemerism as one of the ways of rational interpretation of mythology. However, this area of research still has noticeable gaps and this article is partly intended to fill them.

Methodology and sources. To study this problem, the article uses the method of historical and philosophical analysis, problem and classification approaches. The works by French intellectuals of the first half of the 18th century, who used euhemerism as a tool for constructing national history and mythology, were the main sources of the study. The article presents the main ideas of P.-Y. Pezron, J. Martin, A. Banier and S. Pelloutier

Results and discussion. P.-Y. Pezron, using strict euhemerism, combined the Old Testament narrative, the names of various gods, national and pan-European history to create a speculative construct, which can be called “Celtic myth”. His theory was popular in intellectual circles throughout the 18th century. J. Martin and A. Banier reproduced it in their texts with some modifications. The concept of “natural religion” and original monotheism allowed the authors to link together the Old Testament narrative and national polytheism. They believed that the events described in the Scriptures were the true historical basis for many “pagan fables” and interpreted the emergence of the polytheistic cult euhemerically. S. Pelloutier, without diminishing the comprehensiveness of the “Celtic theory”, rejected the confessionally tinged euhemerism of P.-Y. Pezron. He stopped linking the origin of the Celts with the Old Testament narrative and used the euhemeristic interpretation of mythological plots only episodically.

Conclusion. In the works by French scholars of the first half of the 18th century, euhemerism supported the confessional concept of the national past and served as an explanation for the emergence of “false” polytheistic gods.

Keywords: euhemerism, history of religious studies, P.-Y. Pezron, J. Martin, A. Banier, S. Pelloutier

For citation: Bruk, E.G. (2026), ““The Celtic Myth”: Euhemeristic Interpretation of National History and Mythology in the Works by French Scholars of the First Half of the 18th Century”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 21–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-21-31 (Russia)

Введение. В конце XVII–начале XVIII в. в Европе происходило постепенное переосмысление проблемного поля, концептуальных рамок и методологии исторической науки. Ученые все больше обращали внимание на национальное прошлое, которое нередко связывали с нравами и обычаями древних кельтов. История и мифология этого народа служили предметом

для построения различных гипотез и научнообразных конструкций, которые можно объединить под общим названием «кельтский миф». Его создание происходило под влиянием смешения нового рационализма и старых методов интерпретации мифологических мотивов. Одним из важнейших исторических, полемических и политических инструментов в изучении и конструировании национального прошлого в XVIII в. был эвгемеризм. Целью статьи является выявление значения эвгемеризма для изучения и конструирования национальной истории и мифологии в трудах французских ученых первой половины XVIII в.

Эвгемеризм – общий термин, который объединяет различные теории происхождения религии. Все они восходят к учению античного философа Эвгемера. Работы мыслителя, как и их переводы на латинский язык, были утрачены [1, р. 397], поэтому еще в античную эпоху эвгемеризм был достаточно подвижной интерпретативной стратегией. В одной из своих работ Николас Рубекас выделял три вида эвгемеризма, которые с течением времени сменяли друг друга [2, р. 2]. Первый из них – «эллинистический эвгемеризм». Автор полагал, что ядром этой теории являлось осмысление способов обожествления живых царей, в то время как культ умерших правителей играл в ней второстепенную роль. В рамках «эллинистического эвгемеризма» проводилось различие между земными или человеческими и небесными богами [2, р. 2]. Вторым по времени возникновения, с точки зрения автора, был «раннехристианский эвгемеризм». Он полностью сосредотачивался на «земных богах» политеистических религий. Целью этой теории было показать «недвусмысленную классификацию всех предыдущих “ложных” религий по сравнению с одной “истинной” религией» [2, р. 2]. Третий – «новый (modern) эвгемеризм» – был наиболее молодой и расширенной версией этой теории. Любой случай обожествления мертвых людей с этой точки зрения представлял собой эвгемерическую теорию и должен был рассматриваться в качестве таковой [2, р. 2]. Однако даже его в чистом виде в XVIII в. использовали мало. «Новый эвгемеризм» служил одной из интерпретационных стратегий внутри общего «исторического» толкования мифов, которое, наряду с натуралистическим, лингвистическим и другими методами, было одним из способов построения национального прошлого.

«Эллинистический» и «раннехристианский эвгемеризм» на сегодня хорошо изучены [1; 3; 4]. В исследовании «нового эвгемеризма» периода XVII–XIX вв. в настоящее время лишь намечены основные направления [5; 6]. Этим обстоятельством объясняется актуальность данной темы и новизна исследования.

Методология и источники. Для анализа идей французских авторов XVIII в. и реконструкции общего интеллектуального поля этого периода в статье использовался метод историко-философского анализа, проблемный и классификационный подходы. Источниками для исследования послужили труды крупнейших интеллектуалов «французской школы» XVIII в., развивавших «кельтскую теорию» и использовавших эвгемеризм в качестве инструмента конструирования национальной истории и мифологии. В статье представлены основные идеи и концепции П.-И. Пезрона, Ж. Мартена, А. Банье, С. Пеллутье.

Результаты и обсуждение. Изучение истории и мифологии древних кельтов во Франции XVIII в. началось с издания в 1703 г. сочинения Поля-Ива Пезрона (1639–1706) «Древность истории и языка кельтов, по-другому называемых галлами» [7]. Этот автор родился в Бретани, в 1682 г. получил степень доктора Сорбонны, а с 1697 г. был аббатом в Шармуа [8,

р. v–vi]. Его книга была настолько популярна, что надолго определила основную точку зрения французских интеллектуалов на происхождение галлов. Пезрон полагал, что галлы, галаты, кельты, киммерийцы, титаны, гомерийцы (потомки Гомера – *Е. Б.*) – один и тот же народ, историю которого можно проследить, опираясь на Книгу Бытия. С точки зрения автора, библейский Гомер – сын Иафета – был праотцом кельтов или галлов. Единый народ постоянно мигрировал и постепенно разделялся на различные ветви, каждая из которых получила свое собственное название и осела на определенной территории. Однако современные бретонцы и валлийцы, по мнению Пезрона, сохранили изначальный язык гомерийцев. Саки (*saques*), будучи одной из таких ветвей, вторглись во Фригию и «пришедши в новый мир, они изменили свое старое название, которое, возможно, было им противно, чтобы взять новое имя *Титанов* (курсив автора – *Е. Б.*)» [7, р. 53]. Они основали город Акмонию, названную так в честь их правителя – Акмона. После смерти этот и последующие правители были причислены к богам. Акмон был отцом Урана, женившегося на своей сестре Титее. Этот правитель был сведущим в астрологии, поэтому стал ассоциироваться с небом, а его жена – с землей. Сатурн, свергнув своего отца Урана, объявил себя королем. Его жена, Рея, во избежание расправы, спрятала их сына Юпитера на Крите. Возмужав, принц победил во всех семейных распрях и стал королем. Далее в том же контексте в работе последовательно появлялись имена Атласа, Прометея и других персонажей. Пезрон полагал, что некогда они действительно были живыми людьми, которые впоследствии стали почитаться как боги. У кельтов их заимствовали греки и римляне. Эти люди, по мнению автора, были древнейшими правителями кельтов, о которых нам что-либо известно. В своих построениях Пезрон, цитируя Лактанция, опирался через посредство его текстов на учение Эвгемера. Например, про смерть Юпитера автор писал: «В конце концов, этот великий король, после того как господствовал над большей частью земли и создал себе бессмертное имя, умер, как другие люди; и мы знаем, что это произошло на острове Крит, как уверяет Энний, опираясь на Эвгемера» [7, р. 94]. Так, согласно теории Пезрона, практически все народы Европы входили в орбиту «кельтского мира» и имели общее происхождение. Их праотцами, по мнению автора, были гомерийцы – потомки ветхозаветного Гомера. Кельты или галлы – предки французов – вели свое происхождение от народа, упомянутого в Писании, а современные бретонцы и валлийцы оказывались хранителями древнейшего языка. С помощью строгого эвгемеризма Пезрону удалось сконструировать национально окрашенный «кельтский миф», который был популярен в интеллектуальной среде в течение всего XVIII в.

В 1727 г. в Париже вышло анонимное сочинение «Религия галлов, извлеченная из самых безупречных (*riges*) источников древности». Современники указывали [9, р. 6], что автором книги был бенедиктинец Жак Мартен (1684–1751). Она пользовалась известным влиянием в академических кругах: идеи, высказанные Мартемом, цитировали, одобряли или опровергали практически в каждой работе, посвященной религии галлов. Автор высоко оценивал труд Пезрона и подхватывал его тезис о единстве происхождения большинства народов Европы. Он выстраивал на этом фундаменте свою теорию изначальной кельтской религии. Большое внимание автор уделял галлам как предкам французов, кельтским народам Британии и доисторической, «кельтской» древности на территории Греции и Древнего Рима. Общая изначальная религия этих народов, по мнению автора, была проста и есте-

ственна: запечатленное в душах представление о Высшем Существо, творце всего сущего, было ее незыблемым основанием. Это Существо было бесконечным, невидимым и не подлежащим изображению [10, р. 23]. Его символом был дуб. «Галлы дали этому Верховному Существому имя Езуса, что означает Бог» [10, р. 23]. Таковой, по мнению автора, была кельтская религия, а следовательно, и религия галлов в ее первоначальном состоянии. Однако вскоре они сотворили себе богов «по примеру других народов» [10, р. 2]. В пантеоне появились имена Меркурия, Марса, Сатурна и др. Автор, перечисляя эти имена, критиковал эвгемерическую интерпретацию почитания этих божеств, данную Пезроном, «который полагает, что спасает себя, утверждая, что те, кто носили эти имена, жили, правили, были знаменитыми среди галлов, и что именно от них остальные народы заимствовали этих богов» [10, р. 24]. И далее Мартен добавлял: «Я говорю, что их культ был внедрен в Галлиях только как подражание...» [10, р. 24].

Автор считал религию галлов более древней, чем греческую и римскую [10, р. 33], поскольку изначально никто не строил храмов и не создавал изображений, а именно это, с точки зрения Мартена, и демонстрировал культ, отправляемый друидами. Юпитер в Галлии, как полагал автор, появился поздно, вместе с римлянами, а сходство представлений о нем и об Езусе способствовало тому, что античные авторы смешивали их культы. Они также называли среди почитаемых богов Меркурия, который, по мнению Мартена, соответствовал кельтскому Тевтату. Огмий, как полагал автор, был одной из его ипостасей, Плутон – еще одним именем этого бога. Тевтат, с точки зрения автора, означал «отец народа» [10, р. 326]: «Тевтат был, таким образом, тем отцом, тем вождем, от которого они вели свое происхождение...» [10, р. 326]. Ссылаясь на отрывок из Тита Ливия и приводя возможную эвгемерическую трактовку сюжета, Мартен убеждал читателя в том, что бог Тевтат – одна из ипостасей Меркурия – «Меркурий inferнальный» или «Мертвый Меркурий». «Этот историк, – писал автор про Тита Ливия, – говорит, что близ нового Карфагена было возвышение <...>; это возвышение было, без сомнений, гробницей Меркурия, поскольку Меркурий, должно быть, умер в тех местах, где правил» [10, р. 330–331].

Мартен, описывая политеистическую стадию развития галльской религии, полагал, что даже после «искажения» в ней можно найти историческое зерно и отголоски «истинного» представления о божестве. В этом контексте Мартен своеобразно применял метод «исторического» толкования мифологии и культовых практик. Он полагал, что в них отразилась память об исторических событиях, описанных в Ветхом Завете. Отмечая, что «гомерическая теория» Пезрона недостаточно обоснованна, автор, вслед за Огюстеном Кальме, писал: «...галлы происходили от кимвров и германцев», которые, в свою очередь, «по-видимому, были прямыми потомками Гомера» [10, р. 47]. Они долго сохраняли свою древнюю религию незапятнанной, которая из Галлии была принесена в Британию и далее на Север. Писание в контексте построений Мартена рассматривалось автором как достоверный исторический источник, запечатлевший события, обычаи и нравы древности. Политеизм становился позднейшим наносным напластованием на изначальную, чистую кельтскую религию. Почитание дуба галлами восходило, по теории Мартена, к давно забытым представлениям о Мамврийском дубе [10, р. 64, 259]. Постепенно, память о явлении Бога Аврааму и об этом дереве стала обрастать ненужными «суевериями».

Описывая обычай совершать человеческие жертвоприношения, Мартен пересказывал известные ему «исторические» интерпретации. Он писал: «Сатурн первым ввел отвратительный обычай приносить в жертву людей. Сатурн язычников, кажется, был никем иным как Авраамом, и повеление принести в жертву своего сына, которое получил этот патриарх, и есть реальная основа басни, которую рассказывают (qu'on publie) о Сатурне» [10, p. 95]. В отличие от эвгемерических трактовок событий, восходивших к библейским реалиям и персонажам, более распространенные исторические и эвгемерические толкования за редкими исключениями, упомянутыми ранее, не вызывали у автора доверия.

Так, Мартен продолжал разрабатывать теорию Пезрона, выстраивая картину древней кельтской религии. Представления автора о ее древнейшем этапе согласовывались и с концепцией первоначального монотеизма, и с понятием «естественной религии». Политеизм казался Мартену позднейшим наслоением, искажением памяти о давно минувшем ветхозаветном прошлом, подлинность которого не вызывала у автора сомнений. Несмотря на то, что «гомерическая теория» подверглась некоторой модификации, представления о кельтском единстве минувших дней получили в его труде дальнейшее развитие. Постулируя вторичный характер политеизма и, в частности, культа греческих и римских богов среди кельтов, Мартен делал «кельтский миф» более национальным, не снижая при этом всеохватности его пафоса. Возводя «искаженный» впоследствии культ к его исторической первооснове, изложенный, по мнению автора, в Священном Писании, Мартен наглядно показывал, что память народа сохранила, хотя и в измененном виде, свою ветхозаветную историю. Простые и «чистые» принципы первоначальной религии как будто служили «припоминанием» некогда непосредственно известной галлам «истинной» религии. Таким образом, и Жак Мартен, и опиравшиеся на него авторы использовали идею «естественной религии» и концепцию первоначального монотеизма в качестве инструмента для поддержания национальной идеи как части «кельтского мифа».

Линию Поля Пезрона и Жака Мартена продолжил аббат Антуан Банье (1673–1741), один из главных популяризаторов конфессионально окрашенного эвгемеризма во Франции XVIII в. В своем крайне популярном многотомном труде «Мифология и басни, объясненные исторически» он посвятил несколько сотен страниц религии галлов, германцев и народов, населявших Великобританию. С точки зрения автора, изначальная религия галлов почти до неузнаваемости изменилась с приходом римлян, в то время как Британия оказалась практически не затронута их влиянием, а значит, там дольше сохранялись исконные культы. Происхождение этой религии Банье также, как и его предшественники, связывал с общим кельтским прошлым: «Кельты, от которых произошли наши галлы, были невероятно могущественными и заняли наибольшую часть севера Европы, откуда, в конце концов, они распространились в среднюю часть и заняли страну, которую мы населяем» [11, p. 371]. Поскольку миграция кельтов началась из Азии, их религия имела много заимствований от финикийцев, карфагенян [11, p. 481], египтян [11, p. 479] и особенно от персов [11, p. 371]. С точки зрения Банье на это указывало и сходство организации жречества (кельтские друиды и персидские маги по функционалу были похожи между собой), и вера в бессмертие души, и почитание огня [11, p. 374]. Автор полагал, что в Галлию эта религия прибыла в незапятнанном виде: «Эта древняя религия галлов изначально была достаточно чистой: этот народ, особенно друиды, имели представление о Боге гораздо более верное и духовное, чем греки и римляне <...>. Но это перво-

начальная простота длилась недолго, и галлы, еще до того как были покорены римлянами, изменили свою религию» [11, р. 375]. В результате всех этих изменений в Галлии стали строить храмы, хотя раньше местами поклонений были леса и природные объекты, появились культы различных римских богов, хотя изначально почитались лишь светила и природные элементы [11, р. 377]. По поводу заповедных лесов и культа деревьев Банье отмечал: «Ученые тщательно исследовали откуда пришло такое почтение галлов к деревьям и, в особенности, к дубу <...> наибольшее их число берет начало от Мамврийского дуба, под которым Авраам, как рассказывается в книге Бытия, призывал имя Господа» [11, р. 385].

Банье был не согласен с Мартеном по поводу истолкования функций и образов богов. Про Юпитера аббат писал, что галлы почитали его до римлян, «и так как Титаны завоевали Галлии и проникли в глубину Испании <...>, более вероятно, что как только этот известный завоеватель был возведен в ранг богов, его стали почитать в его империи. Галлы дали ему имя *Титаниса*» (курсив автора – *Е. Б.*) [11, р. 459–460]. Далее Банье продолжал описывать различных богов, не развивая темы Юпитера и Титанов. Свою теорию происхождения этих персонажей с опорой на Пезрона он дал в разделе, посвященном религии древних греков и римлян. Целый ряд известных правителей и законодателей, согласно авторской точке зрения, носили имя Юпитера. Однако древнейшим из них был «без сомнения Юпитер Аммон ливийцев, так как вероятно, что именно Хама его сын Мицраим, или Местраим, поместил среди богов» [12, р. 13]. Здесь начиналось переплетение библейского повествования и истории отдельных стран: Хам отождествляется с древнейшим из Юпитеров. Далее автор приводил теорию Пезрона с некоторыми изменениями. Скифы, потомки Магога, второго сына Иафета, по версии Банье, утвердились на севере верхней Азии и оттуда стали распространяться далее в Армению, Каппадокию и Фригию. Среди них был известный военачальник Акмон, построивший в качестве столицы своего государства город Акмония. После смерти правителя его причислили к сонму богов «под именем *Высокий* (*Très-haut*)» [12, р. 21]. Далее Банье прибегнул к изложению истории Урана, Титеи, Сатурна, Реи, Юпитера, в точности повторяя описания Пезрона. Юпитер, победив своих противников, разделил империю на части: «Плутон был поставлен правителем западных провинций Империи Титанов, Галлий и Испании» [12, р. 25]. Автор по поводу генеалогии расходился с Пезроном лишь в одном вопросе: он считал, что Пезрон ошибался в том, что возводил кельтов к титанам по прямой линии [12, р. 27]. Чтобы расширить круг родственных кельтских народов, Банье прибегал к помощи эвгемерической теории при толковании имен и образов богов.

Банье был сторонником первоначального монотеизма [13, с. 43], и его эвгемеризм носил ярко выраженную конфессиональную окраску. Подобно своим предшественникам, он считал ветхозаветное повествование подлинной исторической основой древних «басен». Представление о простой и изначально чистой от суеверных «искажений» религии галлов, германцев и других родственных, по мнению Банье, народов являлось логическим продолжением концепции изначального монотеизма. Единственное серьезное отличие теории Банье от взглядов Мартена касалось постулирования египетского, финикийского и персидского происхождения практически всех религиозных представлений галлов.

Еще одним автором, известным на протяжении всего XVIII в. и развивавшим линию Пезрона и Мартена, был Симон Пеллутье (1694–1757). Он имел французское происхождение

ние и, хотя провел основную часть жизни на территории современной Германии и Швейцарии, развивал идеи французской школы. В 1740 г. вышла известная работа Пеллутье «История кельтов, и в частности галлов и германцев, с легендарных времен (*les tems fabuleux*) до захвата Рима галлами» [14]. С точки зрения автора кельты были частью народа скифов и вместе с сарматами, тоже скифским племенем, некогда заняли всю Европу. Пеллутье, следуя за Пезроном, во многом с ним не соглашался: «Я нашел, на самом деле, в его плане немного чересчур доверия к древним басням, с некоторыми ошибками и некоторыми неточностями, которые он, судя по всему, исправил бы. Он делает кельтов потомками Гомера (*fait descendre les Celtes de Gomer*) и Аскеназа, сына в первом случае, и внука Иафета – во втором. Это возможно: по крайней мере, мнение очень старое. Но общепризнанно, что история и генеалогия кельтов не простирается так глубоко» [14, р. 21–22]. И далее по поводу имен обожествленных кельтских правителей, упомянутых Пезроном, Пеллутье отмечал: «Он сделал из Акмона, Офиона, Сатурна, Йава (*Jaou*), который, с его точки зрения является Юпитером латинян, кельтских правителей, не принимая во внимание, что первые два из этих имен очевидно греческие, а два остальных финикийские. Он говорит, что тевтоны смешались с умбрами; что так же неверно, как если бы я сказал, что франки смешались со шведами, чтобы выразить, что они изначально являются одним и тем же народом. Но, в остальном, я убежден, что отец Пезрон попал в цель» [14, р. 22]. Так, отрицая некоторые явные шероховатости конфессионально окрашенного эвгемеризма Пезрона и тягу к тотальному смешению всех народов Европы с помощью «гомерической теории», Пеллутье все же доказывал, что древние жители Испании и Португалии – галлы – предки французов, а германцы, жители Скандинавии, Англии, Ирландии, древние обитатели Греции и Рима, пеласги и другие народы были кельтами по своему происхождению. Пеллутье следовал за своими предшественниками, утверждая, например, что у пеласгов можно было найти исконно кельтскую религию, не имевшую храмов, не знавшую идолопоклонства [14, р. 77]. Возведение к Мамврийскому дубу, почитание этого дерева кельтами вызывало у автора насмешливые замечания: «Я укажу в своем месте происхождение этого суеверия, которое некоторые возводят к Мамврийскому дубу с той же долей вероятности, с которой они утверждают, что галлы жертвовали своим богам волосы, чтобы почтить память Троянского коня» [14, р. 78]. Разбирая «басню» о титанах или гигантах в качестве доказательства кельтского происхождения пеласгов, Пеллутье писал: «С моей стороны, я не сомневаюсь, что эти так называемые гиганты были пеласгами, первыми обитателями Греции, которых античные авторы нам описывают как людей гигантского роста. Их называли Титанами, как я отметил, поскольку они говорили, что произошли от бога *Tisa* или *Tota* (курсив автора – *Е. Б.*). Они свергли богов: это верно в буквальном смысле...» [14, р. 85]. Пеллутье, таким образом, считал титанов реально жившим кельтским народом, который, руководствуясь принципами своей чистой «духовной» религии, разрушал привнесенный извне культ иноземных богов. Эти события и послужили, с точки зрения Пеллутье, основой для «басни» о битве титанов с богами. «Гомерическая теория», которая обычно являлась спутницей истории титанов, по его мнению, не выдерживала критики [14, р. 132]. Пеллутье, следуя за Пезроном, изменил лишь один важный пункт кельтской теории: перестал сопрягать происхождение кельтов с библейской историей.

Разворачивая перед читателем пантеон древних кельтов и напоминая, что пеласги, фракийцы и галлы – родственные кельтские народы, Пеллутье, описывая функции бога Тиса или Тота, писал, что он был верховным божеством, «в определенном смысле истинным, единственным (seul) богом» [9, р. 60]. Тоту приписывали сотворение мира не только кельты, но и египтяне, он был создателем и отцом других богов [9, р. 61]. И здесь Пеллутье, предупреждая логичную для того времени тягу к эвгемеризму, замечал: «но эти низшие божества не были людьми, возведенными в ранг богов после смерти. Это были интеллигенции (Intellegences), которые произвело первое Существо и соединило с каждой частью материи, чтобы ее оживить и ею управлять» [9, р. 61]. Они признавали единого Бога, Верховное Существо, которое производило низшие божества и «которое поместило их в разные части видимого мира» [9, р. 22]. Поэтому кельты, как и персы, воздавали почести различным физическим элементам: они верили, что «каждое телесное существо было вместилищем или храмом» [9, р. 23] божества. Пеллутье постоянно напоминал читателю, что римские боги и их имена были незнакомы древним кельтам, и появились у этих народов достаточно поздно под влиянием иноземных культов. Например, имя Юпитера было заимствовано у финикийцев [7, р. 79]. Верховный Бог почитался у всех народов Европы под именем Тота [9, р. 51] или Тиса. Германцы называли его Воданом или Одином [9, р. 37]. Тот был «Душой мира», вступившей в «священный брак» с Землей: «Кельты возводили происхождение всех вещей к богу *Totu* (курсив автора – *Е. Б.*) и Земле; все остальные божества <...> происходили, таким образом, от этих двух...» [9, р. 99]. Так два начала – пассивная материя и активное божество – породили остальные интеллигенции и мир. Почитание божественных сил, заключенных в физических элементах (воздухе, огне, воде), небесных светилах и творениях природы вскоре стало уступать место поклонению самим стихиям и природным объектам. Пеллутье писал, что у кельтских народов было непринято возводить великих людей в ранг богов, ни в течение жизни, ни после смерти [9, р. 141], «они говорили, что храбрецы вскоре встретят Одина, бога сражений...» [9, р. 141]. Вера в бессмертие души и воскресение мертвых, отсутствие храмов и изображений богов были признаками исконно кельтской религии.

Пеллутье, во многом следуя за Пезроном, отказывался от его конфессионально окрашенного эвгемеризма, не уменьшая всеохватности «кельтской теории». Он перестал сопрягать происхождение кельтов с ветхозаветным повествованием, хотя изначально в теории Пезрона именно связь библейской и национальной истории служила основанием для построения «кельтского мифа». К середине XVIII в. эта умозрительная конструкция была настолько прочна и разработана, что уже не нуждалась в своем первоначальном фундаменте. Эвгемеризм в качестве рационального способа интерпретации мифологии Пеллутье использовал очень осторожно и эпизодически. Выстраивая картину кельтской религии, он критиковал концепцию Мартена, полагая, что автор плохо знает описываемый им предмет и «постоянно маскирует богов греков и римлян под галльских божеств» [9, р. 6]. Однако в общих чертах теории этих двух авторов различаются между собой только именами и отсутствием у Пеллутье привязки «басен» к библейской истории. Кроме того, подобно Банье, автор описывал сходства идей и культов кельтских народов с религиями персов и финикийцев. Это, в свою очередь, делало ее более натурфилософской. «Наивный эвгемеризм» кельтов, даже в отношении подчиненных, второстепенных богов, Пеллутье решительно отвергал.

Заключение. Таким образом, не только эвгемеризм, но и понятие естественной религии, а также теория первоначального монотеизма на протяжении XVIII в. поддерживали национальную идею в контексте «кельтского мифа». Эвгемеризм, зачастую, был неразрывно связан с «гомерической теорией» и служил способом соединения ветхозаветного повествования, считавшегося непререкаемой исторической истиной, с именами богов политеистических культов. Эвгемерическая трактовка служила инструментом для конструирования национального прошлого и объяснения механизма появления «ложных» богов политеизма. Эта тенденция стала переосмысляться во второй половине XVIII в. Постепенно из работ ученых уходила конфессиональная точка зрения на события прошлого, однако эвгемеризм в качестве инструмента трактовки национальной истории и мифологии был крайне популярным еще в течение века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cooke J. D. Euhemerism: A Mediaeval Interpretation of Classical Paganism // *Speculum*. 1927. Vol. 2, iss. 4. P. 396–410. DOI: 10.2307/2847516
2. Roubekas N. P. An Ancient Theory of Religion: Euhemerism from Antiquity to the Present. London; NY: Routledge, 2017.
3. Barboza A., DePalma Digeser E. Lactantius' Euhemerism and its reception // *Euhemerism and Its Uses: The Mortal Gods* / ed. by S. Pugh. London; NY: Routledge, 2021. P. 78–103.
4. Gerber A. Grounding the gods: spreading geographical euhemerism from Servius to Boccaccio // *Euhemerism and Its Uses: The Mortal Gods* / ed. by S. Pugh. London; NY: Routledge, 2021. P. 104–126.
5. Трынкина Д. А. Эвгемеристическая теория о саамах как прообразе персонажей низшей мифологии Британских островов в трудах викторианских ученых: дис. ... канд. истор. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2015.
6. Schlichter F. Euhemerus and Euhemerism in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *J. of the History of Ideas*. 2023. Vol. 84, iss. 4. P. 653–683. DOI: 10.1353/jhi.2023.a909534
7. Pezron P. *Antiquité de la nation et de la langue des Celtes, Autrement apellez Gaulois*. Paris: Chez Jean Boudot, Imprimeur du Roy et de l'Académie Royale des Sciences, 1703.
8. Pezron P. *The Rise and Fall of States and Empires; or the Antiquities of Nations, more particularly of the Celtae or Gauls: Containing a Great Variety of Historical, Chronological, and Etymological Discoveries, Many of Them Unknown both to the Greeks and Romans*. London: Printed for M. Jones, 1809.
9. Pelloutier S. *Histoire des Celtes, et particulièrement des Gaulois et des Germains, Depuis les Tems fabuleux, jusqu'à la Prise de Rome par les Gaulois*. Tome second. Paris: De l'Imprimerie de Quillau, 1771.
10. Martin Ja. *La religion des Gaulois, tirée des plus pures sources de l'antiquité*. Tome premier. Paris: Chez Saugrain Fils, Libraire-Juré de l'Université, Quai des Augustins, près la ruë Pavée, 1727.
11. Banier A. *La mythologie et les fables expliquées par l'histoire*. Tome cinquième. Paris: Chez Briasson, Libraire, rue S. Jacques, à la Science. 1739.
12. Banier A. *La mythologie et les fables expliquées par l'histoire*. Tome second. Paris: Chez Briasson, Libraire, rue saint Jacques, à la Science, 1738.
13. Брук Е. Г. Эвгемеризм и представления о религии древних кельтов в исследованиях XVIII в.: труды П.-И. Пезрона (1639–1706) и П. А. Малле (1730–1807) // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2025. Т.11, №.1. С. 38–47. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-4
14. Pelloutier S. *Histoire des Celtes, et particulièrement des Gaulois et des Germains, depuis Les Tems fabuleux, jusqu'à la Prise de Rome par les Gaulois*. La Haye: Chez Isaac Beaugard, 1740.

Информация об авторе.

Брук Елизавета Григорьевна – кандидат философских наук (2024), ассистент кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 18 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия религии и религиоведение.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.09.2025; принята после рецензирования 12.11.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. Cooke, J.D. (1927), "Euhemerism: A Mediaeval Interpretation of Classical Paganism", *Speculum*, vol. 2, iss. 4, pp. 396–410.
2. Roubekas, N.P. (2017), *An Ancient Theory of Religion: Euhemerism from Antiquity to the Present*, Routledge, London, NY, USA.
3. Barboza, A. and DePalma Digeser, E. (2021), "Lactantius' Euhemerism and its reception", *Euhemerism and Its Uses: The Mortal Gods*, in Pugh, S. (ed.), Routledge, London, NY, USA, pp. 78–103.
4. Gerber, A. (2021), "Grounding the gods: spreading geographical euhemerism from Servius to Boccaccio", *Euhemerism and Its Uses: The Mortal Gods*, in Pugh, S. (ed.), Routledge, London, NY, USA, pp. 104–126.
5. Trynkina, D.A. (2015), "Euhemeristic theory about the Sami as a prototype of characters of the lower mythology of the British Isles in the works of Victorian scientists", Can. Sci. (History) Thesis, MSU, Moscow, RUS.
6. Schlichter, F. (2023), "Euhemerus and Euhemerism in the Seventeenth and Eighteenth Centuries", *J. of the History of Ideas*, vol. 84, iss. 4, pp. 653–683. DOI: 10.1353/jhi.2023.a909534
7. Pezron, P. (1703), *Antiquité de la nation et de la langue des Celtes, Autrement apellez Gaulois*, Imprimeur du Roy et de l'Académie Royale des Sciences, Paris, FRA.
8. Pezron, P. (1809), *The Rise and Fall of States and Empires; or the Antiquities of Nations, more particularly of the Celtæ or Gauls: Containing a Great Variety of Historical, Chronological, and Etymological Discoveries, Many of Them Unknown both to the Greeks and Romans*, Printed for M. Jones, London, UK.
9. Pelloutier, S. (1771), *Histoire des Celtes, et particulièrement des Gaulois et des Germains, Depuis les Temps fabuleux, jusqu'à la Prise de Rome par les Gaulois*, tome second, De l'Imprimerie de Quillau, Paris, FRA.
10. Martin, Ja. (1727), *La religion des Gaulois, tirée des plus pures sources de l'antiquité. Tome premier*, Chez Saugrain Fils, Libraire-Juré de l'Université, Quai des Augustins, près la ruë Pavée, Paris, FRA.
11. Banier, A. (1739), *La mythologie et les fables expliquées par l'histoire*, tome cinquième, Chez Briasson, Libraire, rue S. Jacques, à la Science, Paris, FRA.
12. Banier, A. (1738), *La mythologie et les fables expliquées par l'histoire*, tome second, Chez Briasson, Libraire, rue saint Jacques, à la Science, Paris, FRA.
13. Bruk, E.G. (2025), "Euhemerism and representations of ancient Celtic religion in the studies of the 18th century: works by P.-Y. Pezron (1639–1706) and P. H. Mallet (1730–1807)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, vol. 11, no. 1, pp. 38–47. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-4
14. Pelloutier, S. (1740), *Histoire des Celtes, et particulièrement des Gaulois et des Germains, depuis Les Temps fabuleux, jusqu'à la Prise de Rome par les Gaulois*, Chez Isaac Beauregard, La Haye, FRA.

Information about the author.

Elizaveta G. Bruk – Can. Sci. (Philosophy, 2024), Assistant at the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 18 scientific publications. Area of expertise: philosophy of religion and religious studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.09.2025; adopted after review 12.11.2025; published online 20.04.2026.*

Оригинальная статья

УДК 159.947

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-32-48>

Проблема воли в дискурсе гуманитарной культуры

Дмитрий Константинович Стожко¹, Наталия Юрьевна Стожко²✉

^{1, 2}Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹d.k.stozhko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>

²✉sny@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0018-8803>

Введение. В статье исследуются диалектика феномена воли и ее трактовки в современном научном дискурсе. Воля рассматривается в философском аспекте как способность личности осмысленно осуществлять выбор и неукоснительно следовать ему, выстраивая сценарий своего поведения. Гипотеза исследования состоит в том, что воля представляет собой сложный и внутренне структурированный феномен (систему предикат) человеческого поведения, определяемый конкретными внутренними и внешними факторами. На основе системного анализа определено соотношение феномена воли и свободы, сознания, любви, страха, мужества, воспитания в контексте целостной философской реконструкции данного феномена.

Методология и источники. Проблема воли имеет несколько аспектов и рассматривается в науке, как философский, педагогический и психологический феномен. Методология исследования основывается на методе диалектики и использовании индукции, дедукции, анализа, синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному. Для философского анализа феномена воли использованы философские концепции Аристотеля, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, И. Канта, К. Маркса, В. С. Соловьева, А. Шопенгауэра и др.

Результаты и обсуждение. В статье дается обоснование феномена воли как особого духовного напряжения личности (силы человеческого духа), который появляется (формируется) у человека в ситуации осуществляемого им выбора, когда ему приходится принимать определенные решения, вырабатывать определенный сценарий своего поведения и нести за них личную ответственность. В сложной структуре феномена воли выявлена определенная иерархия ее системообразующих элементов, раскрыты ее онтологические, аксиологические и гносеологические основания.

Заключение. В заключении сделан вывод о том, что воспитывать в себе волю означает формировать в себе такие духовные начала, которые имеют абсолютное значение, объективную истинность и определяют для человека полноту его бытия.

Ключевые слова: воля, личность, мужество, смысл жизни, страх, сценарий поведения, человек

Для цитирования: Стожко Д. К., Стожко Н. Ю. Проблема воли в дискурсе гуманитарной культуры // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 32–48. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-32-48

© Стожко Д. К., Стожко Н. Ю., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Problem of Will in the Discourse of Humanitarian Culture

Dmitry K. Stozhko¹, Natalia Yu. Stozhko²✉

^{1, 2}*Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia*

¹*d.k.stozhko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>*

²✉*sny@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0018-8803>*

Introduction. The article explores the dialectic of the phenomenon of will and its interpretation in modern scientific discourse. Will is considered in the philosophical aspect as the ability of a person to meaningfully make a choice and strictly follow it, building a scenario of their behavior. The research hypothesis is that will is a complex and internally structured phenomenon (a system of predicates) of human behavior, determined by specific internal and external factors. Based on a system analysis, the correlation of the phenomenon of will and freedom, consciousness, love, fear, courage, education is determined in the context of a holistic philosophical reconstruction of this phenomenon.

Methodology and sources. The problem of will has several aspects and is considered in science as a philosophical, pedagogical and psychological phenomenon. The research methodology is based on the method of dialectics and the use of induction, deduction, analysis, synthesis, ascent from the abstract to the concrete. Philosophical concepts of Aristotle, N.A. Berdyaev, I.A. Ilyin, I. Kant, K. Marx, V.S. Solovyov, A. Schopenhauer and others are used in the philosophical analysis of the phenomenon of will.

Results and discussion. The article provides a justification of the phenomenon of will as a special spiritual tension of personality (the power of the human spirit), which appears (or is formed) in a person in a situation of choice, when they have to make certain decisions, develop a certain scenario of their behavior and bear personal responsibility for them. In the complex structure of the phenomenon of will, a certain hierarchy of its system-forming elements is revealed, its ontological, axiological and epistemological foundations are revealed.

Conclusion. In conclusion, it is concluded that to cultivate the will in oneself means to form in oneself such spiritual principles that have absolute meaning, objective truth and determine for a person the fullness of his being.

Keywords: will, personality, courage, meaning of life, fear, behavioral scenario, human

For citation: Stozhko, D.K. and Stozhko, N.Yu. (2026), "The Problem of Will in the Discourse of Humanitarian Culture", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 32–48. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-32-48 (Russia)

Введение. Актуальность исследования феномена воли обусловлена формированием новой реальности и трансформацией ее духовного и социального пространства [1–3]. Изменения всей системы общественных отношений и лежащих в ее основе ценностей, наблюдаемые в контексте новой реальности, создают новые условия для выбора и принятия решений, определяющих судьбу человека и современного общества.

Целью исследования является анализ внутренней диалектики воли в контексте новой реальности и определение соотношения воли и свободы, страха, мужества и воспитания в контексте ее целостной философской реконструкции.

Обосновано и раскрыто представление о том, что воля – сложный и внутренне структурированный феномен (система предикат) человеческого поведения, определяемый конкретными (внутренними и внешними) факторами, и проявляется в человеке как духовное

напряжение (сила духа), которое формируется в ситуации объективной необходимости осуществления выбора, когда приходится принимать определенные решения, создавать конкретный сценарий поведения и нести за них личную ответственность.

Методология и источники. Проблема воли имеет несколько аспектов и рассматривается в науке как философский, педагогический и психологический феномен. Методология исследования воли с философского угла зрения основывается на методе диалектики и использовании индукции, дедукции, анализа, синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному. Теоретическую основу исследования составили работы российских и зарубежных авторов, посвященные философскому осмыслению феномена воли, ее сущности, характера и содержания. Феномен воли в данном исследовании определяется как сложный конструкт бытия и раскрывается в способности человека осмысленно совершать свой выбор и неукоснительно осуществлять его. Необходимость такого выбора обусловлена ограниченностью (во времени) самой человеческой жизни и ограниченностью жизненных средств, доступных самому человеку.

Результаты и обсуждение. Феномен воли с древности интересует исследователей. Эволюция представлений о феномене воли в истории философской мысли позволяет проследить как менялись эти представления по мере изменения духовно-нравственных, социально-политических, экономических и культурных характеристик каждой исторической эпохи и конкретной цивилизации. А это, в свою очередь позволяет глубже понять те закономерности в развитии феномена воли, которые определяют и ее современное состояние и представления о ней.

Еще Аристотель отмечал, что воля может быть как «доброй», так и «злой». Рассматривая волю в этическом плане, древнегреческий философ, в частности, писал, что «злые поступки совершаются по доброй воле». Раскрывая понятие воли в категориях «мужество», «свобода выбора», «дружба» и т. д., Аристотель связывал волю с ответственностью человека за свои действия перед самим собой и перед другими людьми и трактовал волю как сознательный выбор определенного решения. Об этом красноречиво свидетельствует следующее его размышление: «Если предмет сознательного выбора есть предмет решения о том, чего мы хотим и что от нас зависит, то сознательный выбор – это, пожалуй, воля, принимающая об этом решения; в самом деле, приняв решение, мы выносим свой суд и тогда согласуем нашу волю с решением» [4, с. 89].

Другой древнегреческий философ, Платон, в своем сочинении «Государство» рассматривал волю не только с позиций этики, но и в контексте политической философии, а в диалоге «Кратил» дается следующее определение воли: «Также и "воля" (βουλή) некоторым образом означает полет стрелы (βολή), а "соизволение" (τό βούλεσθαι) означает устремление и совет (βουλεύεσθαι)» [5, с. 657].

Определенное представление о воле существовало и в древнеримском социуме, например, у стоиков, понимавших под волей способность противостоять «влечению к благам». Соглашаясь с таким представлением о воле, Цицерон в своих «Тускуланских беседах» определил волю как «разумное желание» [6]. Широкое распространение получили знаменитые утверждения о том, что: «voluntas populi suprema lex» – «воля народа – высший закон» и «regis voluntas – suprema lex» – «воля монарха – высший закон», что свидетельствовало об

эволюции древнеримского общества от республиканского устройства к империи и о том, что феномен воли в древнеримском обществе постепенно начинает рассматриваться в качестве правовой категории [7, с. 54].

В новое время появились новые представления о феномене воли, нашедшие свое отражение в философской мысли. По мнению И. Фихте «воля есть та именно точка, в которой умопостижение и созерцание, или реальность, тесно проникают друг в друга. Она – реальный принцип, ибо она абсолютна, и неудержимо определяет она силу, сама себя, ... она – умопостигающий принцип, она прозревает себя, и она созерцает долженствование. У ней способность исчерпана сполна, и схема божественной жизни возведена в ней в действительность» [8, с. 788]. Согласно И. Фихте, сфера воли – это единство реальности внутренней (внутреннего мира человека) и реальности внешней (мира, окружающего человека). Формирование такого единства в конкретных проявлениях воли (целеустремленность, терпение, упорство, настойчивость и т. д.) как раз и является ее предметом, а человек (личность) – ее объектом. В свою очередь И. Кант, пожалуй, впервые выразил мнение о том, что воля – это не просто есть то, что движет нашими действиями и обосновывает наши намерения, но и то, что действует (следует) из нашего внутреннего нравственного долга. Различая вслед за Аристотелем «добрую волю» и «злую волю», немецкий философ сформулировал суть «доброй воли» в известном «золотом правиле» этики, согласно которому «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [9, с. 474].

Если говорить о философском осмыслении феномена воли в Новое время, то оно нашло свое отражение в сочинениях многих других мыслителей (Т. Гоббс, Р. Декарт, Дж. Локк, Ш. Монтескье, И. Фихте, А. Шопенгауэр, Д. Юм и др.). В Новейшее время за рубежом феномен воли исследовали В. Виндельбанд, А. Камю, Г. Маркузе, Э. Мунье, Б. Рассел, Д. Ройс, Г. Риккерт, Ж.-П. Сартр, В. Франкл и др.). В рамках западноевропейского структурализма, персонализма и экзистенциализма воля рассматривалась как одно из ключевых свойств человека, позволяющих ему самореализоваться в социуме.

На рубеже XIX–XX вв. феномен воли стал объектом философских размышлений и в сочинениях российских философов (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, Е. Н. Трубецкой, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, С. Л. Франкл и др.). В рамках теонормной этики и философии идеал-реализма воля мыслилась российскими исследователями как ключевая духовная компонента человеческой сущности, как «воля к совершенству» (И. А. Ильин), «работа со смыслами» (В. С. Соловьев), «накопление в себе сил добра» (Н. О. Лосский).

Обобщенный анализ основных философских течений и представлений о феномене воли в истории философской науки сегодня представлен в работах М. Ю. Байдаковой, А. В. Водолагина, О. Н. Дьяченко, А. А. Шевцова [10–13].

В XX в. феномен воли в российской гуманитарной науке чаще всего стал рассматриваться в педагогике (В. И. Абраменко, Н. И. Александрова, Б. Г. Ананьев, А. В. Веденов, А. И. Высоцкий, А. С. Зимин, К. Н. Корнилов, М. С. Ривес), психологии (Т. И. Агафонов, Е. Н. Баканов, М. Я. Басов, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, Ю. Б. Гиппенрейтер, А. В. Запорожец, В. А. Иванников, Е. П. Ильин, В. К. Калинин, В. А. Крутецкий, А. Ф. Лазурский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. А. Рудик, Н. Н. Толстых и др.) и богословии (О. Давы-

денков, В. Н. Лосский, И. Мейендорф, В. С. Соловьев, Е. Шестун, и др.). Эти три сферы изучения феномена воли существуют до сих пор [14]. Так, феномен воли довольно активно исследуют представители педагогики (андрогика, асфатроника, хьютогика) и психологии (гештальтпсихология, бихевиоризм, гуманистическая психология и др. [15]. В частности, И. Ф. Кефели отмечает: «Асфатроника – научное направление в изучении феномена безопасности, основой которого выступают энерго-информационные процессы в биологических (биосферных), социальных и больших технических системах. Сюда же мы должны относить психическую, когнитивную и эмоциональную деятельность человека, для которой проблема обеспечения безопасности не менее актуальна» [16, с. 163]. Поскольку воля проявляется именно в психической, когнитивной и эмоциональной деятельности человека, такой подход к ее изучению через призму обеспечения безопасности не только правомерен, но и весьма перспективен.

Резюмируя историко-ретроспективный анализ проблемы воли в истории философской мысли, можно сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, вывод о двойственном понимании и толковании данного феномена в светской и религиозной философских традициях. Во-вторых, воля представляет собой многомерный и полифункциональный аспект человеческой деятельности, является способностью индивида (личности) к осуществлению собственной деятельности, а следовательно, к формированию своей субъектности. В-третьих, накопленный философской мыслью исторический опыт теоретического осмысления воли актуален в условиях формирования «новой реальности», ведь, как известно, история имеет свойство повторяться, а исторический процесс носит циклический характер. Это означает, что в рамках «новой реальности» представления о воле могут получать самые неожиданные проявления, поскольку «новое – это хорошо забытое старое».

Ключевым вопросом философии воли в современных условиях является вопрос о том, зачем она нужна современному человеку? И ответ здесь очевиден: воля представляет собой необходимое условие сохранения и развития человека как человека, она позволяет ему оставаться самим собой в самых сложных жизненных ситуациях, преодолевать жизненные трудности, сохранять стойкость и мужество. По сути, речь идет о воле к жизни. В контексте обостряющегося глобального геополитического кризиса, разрушения прежних систем ценностей и институтов, растущей угрозы новой мировой войны воля как воля к жизни становится императивом нашего дальнейшего существования и развития.

Учиться быть мужественным можно только через волю, через формирование в самом себе, в своей природе и в своем характере такой силы духа, которая действительно способна заставлять человека делать то, что объективно необходимо, и преодолевать те пороки и невзгоды, которые возникают на разных этапах его жизненного пути. Деграция природы человека и ее кризис – это деграция воли человека, ее упадок. На первый взгляд это понятно и так просто, что, казалось бы, здесь не о чем и говорить, но воспитывать в себе волю может и желает далеко не каждый. Уже само усилие заставить себя формировать собственную волю вызывает у многих людей апатию и стойкое нежелание. И в этом отношении определенный интерес представляет «энергетический подход» к осмыслению феномена воли, который возник еще в начале XX в. Он был представлен в работах А. А. Богданова, В. Ф. Освальда, С. А. Подолинского и других авторов. А. А. Богданов, например, рассматри-

вая волю в контексте психо-энергетики, отмечал, что «энергетическая точка зрения в массе случаев приводит к научно важным выводам» [17, с. 133]. Представление А. А. Богданова о воле было органично «встроено» в разработанную им концепцию «собираания человека» и развития «системы социального сотрудничества», в тектологию – созданную ученым организационную теорию [18]. Он рассматривал волю как силу, которая влияет на мышление и заставляет человека принимать и исполнять определенные (осознанные) решения. При этом воля способна создавать иллюзорную реальность, исказить восприятие объективной реальности. В свою очередь В. Ф. Освальд, рассматривая волю как проявление нервной энергии, утверждал, что воля занимает обособленное, а не центральное место в ряду духовных явлений, «она проявляется только в тех процессах, в которых организмы отдают свою энергию во внешний мир» [19, с. 295]. Полемизируя с А. Шопенгауэром, он доказывал, что воля и акт, волевое ощущение и действие человека – это разные фазы человеческого состояния, и делал вывод, согласно которому «волевым ощущением следует считать процесс, происходящий в центральном органе параллельно с актом подобно тому, как ощущение есть процесс, происходящий в центральном органе параллельно с чувственным впечатлением» [19, с. 302]. Наконец, С. А. Подолинский также рассматривал психические аспекты человеческой жизнедеятельности, в том числе и волю, в рамках энергетического подхода. В качестве проявления человеческой энергии воля порождает в человеке способность к деятельности, к работе, к труду. И именно труд может увеличивать «превратимую энергию» Солнца «на земной поверхности» [20, с. 12]. В XXI в. внимание исследователей к «энергетическому подходу» и психологическому анализу феномена воли сохраняется [21–23].

Но, несмотря на важнейшую роль труда в жизни человека, необходимо вспомнить о том, что смысл жизни заключается в полноте нашего бытия, а значит, и в гармонии нашего внутреннего мира и окружающего нас внешнего мира, тогда воспитание воли как способа обретения такой гармонии становится объективно необходимым. Появление воли может состояться как при внешнем, так и при внутреннем побудителе или, как выражался в свое время И. Фихте, «первичном толчке». Например, некоторые люди, чтобы преодолеть собственные пороки и свое убожество (например, чтобы бросить пить, курить, употреблять наркотики, начать вести здоровый образ жизни) должны просто испугаться, причем испугаться настолько (по словам С. Кьеркегора, «испытать страх и трепет»), чтобы захотеть изменить свою жизнь к лучшему. Страх смерти, потери любимого человека, невероятных страданий может толкнуть человека в совершенно иное жизненное пространство, в котором не будет места прежним порокам. Но страх – это лишь временный толчок для перехода человека в новое свое качество. Помимо страха необходима воля. Страх проходит, человек не может полноценно жить и самореализовываться в условиях страха. Как только страх забывается, проходит, человек снова срывается, вновь начинает предаваться порокам и деградировать. Поэтому страх – это всего лишь один из факторов воли. Например, страх Божий, в котором верующих воспитывает церковь, это всего лишь предварительное условие формирования воли соблюдать и защищать христианские ценности. Тем не менее, эти ценности соблюдаются и защищаются далеко не всеми христианами, что только подтверждает мысль о том, что страх – это лишь один из факторов появления воли, как, впрочем, и ее утраты. Никогда ни один верующий, будь то христианин, мусульманин, буддист или иудей не будет

защищать свои религиозные ценности без любви к Богу. Именно поэтому воля верующего основывается не столько и не только на страхе, но прежде всего на любви к Богу, потому что, как писал апостол Павел в своем Первом послании к коринфянам, «любовь первее», «любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1–Коринф. 13, 4–8).

Аналогичная картина складывается и в отношении атеистов. Страх (например, страх наказания за совершенные или несовершенные действия) для обретения воли у них может послужить триггером, но основу воли все-таки составляет любовь, точнее, «ἀγάπη» – «агапэ» – духовная любовь к ближнему). И это никоим образом не противоречит богословскому представлению, поскольку, согласно второму повелению Христа, любить ближнего, как и Бога, нужно «всем сердцем твоим и всею душой твоею и всем разумением твоим» (от Матфея 22:37–39). Именно в любви как духовном состоянии человек обретает силы и формирует свою волю. Преодолевая свой страх, человек возвышается над всем бренным и становится подлинно духовным существом. В отличие от любого живого организма, в котором любовь заложена генетически и проявляет себя исключительно в качестве рефлексов и инстинктов, в человеке, помимо этих уровней любви, ее главным основанием становится воля – осмысленное и устойчивое желание и активная движущая сила человеческого духа.

В связи с интересом к исследованию феномена воли в науке существовало и существует много ее трактовок [14–26]. Но главное состоит в том, что воля должна быть *продуктивной*. Ее результатом должен стать определенный сценарий поведения человека, выработанный им самостоятельно, принятый им как свой собственный, рассматриваемый им как единственно правильный. Именно в этом случае мы можем говорить о воле, потому что когда никакого сценария поведения не вырабатывается, то и воли как таковой нет. Следующим шагом на пути формирования воли человека является неукоснительное следование выработанному сценарию поведения. Несмотря на все соблазны и влияния, человек, обладающий волей, следует своему сценарию поведения *неукоснительно*. Здесь можно рассуждать о том, стоит ли прислушиваться к окружающим и менять сценарий своего поведения или нет, но это человек делает сам; он самостоятельно принимает решение «за» или «против» корректировки сценария своего поведения. В первом случае перед нами экстраверт, внушаемый человек, воля которого оказывается неустойчивой. Во втором случае появляется феномен «фанатичной воли», фанатизма. В третьем случае человек оказывается интровертом, замкнутым в самом себе, погруженным в свое одиночество, по сути, живущим в режиме отчуждения. Любой психологический тип человека (К. Юнг) позволяет ему иметь собственную волю, пускай даже в разном отношении и в разной степени. Одни становятся фанатами-вегетарианцами, другие фанатами-мясоедами и т. д. Но и здесь следование избранному сценарию поведения представляет собой волю; только в теологии воля – это воля к спасению («спасись сам, и спасутся тысячи вокруг тебя»), а в секулярном мире – воля к совершенству. Поэтому безволие как таковое – это все-таки временное состояние человека, поскольку воля сама в себе уже содержит «цель и установку к действию» и ее «необходимо проявлять здесь и сейчас», поскольку «сама цель не находится в будущем, но реализуется в качестве установки» [27, с. 171]. В любом случае воля – это осмысленное следование раз и навсегда установленному для себя сценарию поведения, вне зависимости от того, является ли он, этот сценарий, объективно правильным (добрая воля) или, наоборот, объективно неверным

(злая воля). Поскольку существуют разные сценарии поведения, постольку правомерно рассуждать о «доброй» воле и о «злой» воле как это и делали Аристотель, И. Кант и другие философы.

Ключевым признаком воли является осмысленность своего поведения. Если речь идет о неосмысленном поведении, то это безволие в его «чистом», «снятом» виде, безумие в буквальном значении этого слова. На этот счет говорят: «не ведают, что творят». Конечно, люди могут и должны осмысливать свои пороки и адекватно их оценивать, поскольку именно осмысленное следование сценарию избранного поведения, направленному на преодоление пороков, слабостей или недостатков и усиление, культивирование преимуществ и достоинств является «волей к совершенству» (И. А. Ильин), высшей формой воли, ибо сказано в Св. Писании: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Евангелие от Матфея, 5: 48). Осмысленность поведения, как и осмысление воли, воплощаются в наших представлениях и переживаниях. Ощущение воли и наши представления о ней, например, представления о свободе воли могут не совпадать с реальностью и оказаться в противоречии друг с другом. «Действительно, иногда мы ошибаемся, подменяя реальную причину наших действий иллюзорной, и часто сами не можем отдать себе отчет в том, что же явилось причиной наших действий» [28, с. 164].

Таким образом, следование избранному сценарию поведения, а не слепое следование обстоятельствам является воплощением воли или ее исполнением. «Только выполнение накладывает последнюю печать на решение, которое до тех пор является просто шатким намерением и существует исключительно в разуме, *inabstracto* ... Каждый истинный, настоящий, непосредственный акт воли в то же время и непосредственно – акт тела, ... и в соответствии с этим ... каждое воздействие на тело в то же время и непосредственно – воздействие на волю» [29, с. 185]. Но важно, что воля – это, во-первых, осмысленное влияние разума на тело и, во-вторых, практический разум, воплощающий в действии определенный сценарий поведения. Словосочетания «по воле ветра», «по воле обстоятельств», «волею случая» – это бессмысленные абстракции, оксюмороны, симулякры, которые не имеют никакого отношения к научному осмыслению феномена воли.

Перейдем к соотношению феномена воли и кризиса человека, в рамках которого «усиливая собственное могущество, человек в то же самое время делается все более уязвимым» [30, с. 104]. Это соотношение обусловлено *характером* воли, которая может быть созидательной или разрушительной. Воля, которая способствует созиданию человека, его самостроительству, воля, которая преодолевает кризис человека и создает необходимые условия для полноты его бытия, помогает его развитию и совершенствованию, представляет собой *духовную силу*. Воля, которая способствует саморазрушению человека его деградации, вызывает у него суицидальные намерения, представляет собой *психическую деструкцию*, поскольку не может считаться самостоятельной и полностью осмысленной побудительной силой для человеческого бытия. Злой рок, «ἀνάγκη» – «ананке» – судьба, «*fatum*» – «фатум» – неотвратимость – как не назови проявления этой психической деструкции, все они есть нечто иное, как проявление демонизма, сатанизма и психоза в человеке. И здесь встает важный вопрос – вопрос о *свободе воли*. Может ли человек в добром здравии заставлять себя саморазрушаться, умирать, деградировать, есть ли у него право поступать со своей жизнью, как ему заблагорассудится, или он этого права не имеет? Сторонники свободы воли полагают,

что свобода воли – это экзистенциальная проблема, что свобода воли связана с «последними основаниями индивидуальной природы человека» [31, с. 163]. Но это пустая отговорка. И в законе, и в религиозной этике такая свобода воли отвергается в тех случаях, когда она направлена на уничтожение человека (суицид). Самоубийство – грех в христианстве, преступление – в сфере права. Свобода воли существует в пространстве всего того, что созидает человека, а не уничтожает его. Иное – глупость. Так, аквалангист, желающий поскорее подняться на поверхность после длительного подводного погружения, обязан соблюдать определенный порядок всплытия на поверхность. И как бы ему не хотелось поскорее увидеть дневной свет, угроза декомпрессионной болезни заставляет его действовать аккуратно и последовательно, а не скоротечно и спонтанно. Так и со свободой воли: она свободна лишь в пространстве рации, в ценностном поле культуры, а не антикультуры, в сфере человеческого бытия, а не за ее пределами. Поэтому совершенно неверно заявление о том, что воля «не является предметом постижения рации, а достигается в религиозном опыте» [32, с. 163]. Религиозный опыт не противоречит опыту светского общества. Здесь вероятно имеет место смешение смысла самого рации как разумности с понятиями полезности, выгоды, успешности и т. д. И в самом деле: не все полезное выгодно, не все успешное разумно.

Свобода воли есть воля к жизни, но никак не к смерти. Так гласит закон Российской Федерации. Идея эвтаназии, которая будто бы исходит из свободы воли человека к смерти, или практика аборт – воплощение воли матери уничтожить родившуюся в ней новую жизнь – все это на самом деле есть в первом случае, «свобода воли» освобождения от мучений и страданий в ситуации *неизбежности* смерти, а во втором – «свобода воли» от нежелательных последствий беременности. ФЗ № 323 от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предоставляет женщинам право самостоятельно решать вопрос о материнстве, но при этом регламентирует процедуру аборта. Что касается эвтаназии, то в Российской Федерации она официально запрещена (ст. 45 ФЗ № 323) и квалифицируется как умышленное убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Законодательством нашей страны также запрещены склонение, доведение или содействие совершению самоубийства (ст. 110 УК РФ).

Однако, несмотря на строгие нормы закона, в настоящее время данные вопросы достаточно активно дискутируются [33–36]. С философской точки зрения, данная ситуация свидетельствует о том, что сам выбор и право на выбор в данных вопросах зависят не только от социально-экономических, но и культурных, морально-этических стандартов конкретного общества и конкретной эпохи.

И опять-таки, с философской точки зрения, выбор и право выбора по данным вопросам отнюдь не связаны с вопросом о подлинной свободе воли; даже если человеку *предоставляют* право самостоятельного выбора, то он делает свой выбор уже в состоянии несвободы, под угрозой внешних или внутренних обстоятельств. И часто такой выбор свидетельствует не о силе воли, а о ее слабости или ее отсутствии. Разрешенная в ряде европейских стран (Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Испания, Швейцария) эвтаназия все еще под запретом в подавляющем числе стран мира именно потому, что жизнь считается высшей ценностью, и ее лишение даже по слабости воли, которую принимают за свободу воли, – это и грех, и преступление. С другой стороны, запрещение аборт только в незначительном количестве

стран (Андорра, Мальта, Монако, Польша) свидетельствует о том, что высшей ценностью жизнь человека является далеко не во всех случаях. Одно дело – практика аборт по медицинским показаниям, и совершенно другой случай – свобода воли делать аборты. А значит, и *волю к жизни* необходимо укреплять. Но часто именно безволие, слабование маскируется под свободу воли. Это – мимикрия, удобное средство самореабилитации для тех, у кого не хватает силы духа следовать раз и навсегда установленному сценарию – сценарию жить, во что бы то ни стало, и жить достойно. И тогда случается метаморфоза: сначала обесценивается чужая жизнь, когда кто-то считает, что ее можно отнимать безнаказанно; затем наплевательски относятся к своей собственной жизни, игнорируя тот факт, что человек – существо социальное, и его жизнь имеет ценность не для него одного.

Однако подобные инсинуации воли – это лишь извращенные представления о ней, о ее сущности. Человек «узнает волю к жизни как вещь в себе», он «узнает ее в чужом проявлении, данном ему в качестве представления» [29, с. 597]. Но в таком представлении скрыта опасность искаженного восприятия воли. И наиболее очевидным образом оно проявляет себя в той легкости, с которой человек готов отнять чужую жизнь, и той трудности, с которой он отдает свою собственную жизнь. Метафизический анализ воли как раз и связан с определением роли духа и духовности в поведении человека. Только при самодержавии духа человек способен быть героем и подвижником, но подавляющее число простых людей ими быть не в состоянии, поскольку определяют свою свободу воли в алгоритме и пространстве собственных субъективных и порой очень далеких преставлений о ней.

И здесь особое внимание необходимо уделить тому, как именно действует воля. И. А. Ильин выделял две формы влияния воли на человека: органически цельное и «свободное» и заставление (насилие). «Заставлением – писал он, – следует называть такое наложение воли на внутренний или внешний состав человека, которое обращается не к духовному видению и любовному принятию заставляемой души непосредственно, а пытается понудить ее или пресечь ее деятельность» [32, с. 342]. Заставляя самих себя или друг друга отказаться от «работы со смыслами» (В. С. Соловьев), люди остаются в замкнутом пространстве своего индивидуального существа и оказываются подверженными разного рода манипуляциям своим сознанием извне. По сути, речь идет о навязывании индивидуальной воли (зомбировании) другим и о вынужденном принятии волевых интенций для самого себя. И. А. Ильин выделял физическое и психическое заставление (насилие). Суть этой формы влияния на волю человека связана с тем, что сам человек не способен к самоуправлению, самоидентификации, самореализации. В этом случае он принимает (вынужденно) волю другого человека или вообще какого-либо авторитета (волю закона, Волю Божью, волю случая и т. д.). Но если человек живет своими духовными силами, способен к самоопределению и самоуправлению, он испытывает органичное влияние своей воли на самого себя и чувствует себя *субъектом* своей воли.

Пытаясь развести понятия «заставление» и «насилие», русский философ подчеркивал, что в заставлении присутствует «добрая воля», тогда как «в самом слове “насилие” уже скрывается отрицательная оценка; насилие есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное; насильник есть человек, преступивший рамки дозволенного, нападающий, притесняющий, – угнетатель и злодей» [32, с. 346].

С этими суждениями сложно согласиться безоговорочно, поскольку добровольное насилие над самим собой также имеет место. И считать его злодейством или преступлением рамок дозволенного было бы опрометчивым. Достаточно вспомнить о герое романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Рахметове, который воспитывал свою волю, ложась на гвозди вместо матраца. Будучи родом из обеспеченной семьи, он сочувствовал бедным людям, жертвовал им деньги, вел довольно аскетический образ жизни, даже не вступал в отношения с женщинами. Такой аскетизм вполне можно назвать насилием над собой, но он не подходит под определение насилия, данное И. А. Ильиным. Аналогично поступали английские пуритане и российские староверы (старообрядцы), причем делали это по своей воле без всякого внешнего принуждения. Так они воспитывали в себе выдержку, мужество, терпение, стойкость, способность преодолевать трудности, т. е. все то, что составляет содержание воли как таковой.

Наиболее ярко этот процесс раскрыт в «Повести о настоящем человеке» (1946) Б. Полевого: в ней рассказывается о героическом подвиге летчика Алексея Маресьева, который, несмотря на тяжелые ранения и ампутацию обеих ног, не только выжил, но и сумел вернуться в авиацию. Это история о несломленном духе, непреклонной воле и героическом преодолении жизненных испытаний, подчеркивающая силу человеческого характера и непреодолимую жажду жизни. Еще один пример воспитания в себе воли и мужества – роман Н. Н. Островского «Как закалялась сталь» (1930): герой романа Павел Корчагин, получив множество ранений в сражениях Гражданской войны, стал инвалидом, но, несмотря на это, силой собственной воли продолжал «оставаться в строю». Не менее ярким примером воли к жизни является и рассказ Дж. Лондона «Любовь к жизни» (1905), в котором изложена история старателя, вывихнувшего ногу и брошенного своим напарником. Преодолев много миль по тундре за три недели в суровых условиях Аляски и все-таки выжив, он добрался до людей. Еще один удивительный пример воли к жизни – роман-диалогия Э. Л. Войнич «Овод» – «Прерванная дружба», в которой рассказывается о мужестве юноши, выжившего в диких джунглях Амазонки, сумевшего вернуться на родину и отстаивать правое дело национального освобождения. В мире, где личная сила воли и стремление к самосовершенствованию играют главнейшую роль, особенно важно понимать, как эти качества могут быть развиты и применены на практике.

Библиография о феномене воли довольно обширна [37]. В последнее время как за рубежом [38–41], так и в нашей стране [42–45] появилось достаточно большое количество публикаций о воспитании силы воли. Это объясняется тем, что в условиях современного системного кризиса, фундаментальной трансформации ценностей и всей системы общественных отношений воля становится одним из важнейших свойств личности человека, позволяющих ему жить полноценной жизнью и самореализоваться в меняющемся мире. В наиболее сжатой форме практикум по воспитанию воли состоит в следующем: «Всю жизнь работай над своей личностью. Старайся разобраться во всех интересующих тебя вопросах. Думай о том, какое значение может иметь твое дело для общества, и что было бы, если бы все поступали так, как ты ведешь себя. Старайся понять свой общественный долг» [46, с. 71–72].

С точки зрения онтологии, воля имеет свое время. На этот счет различают «короткую волю» и «длинную волю» [47]. Наиболее лаконично механизм воспитания воли выражен в

словах из песни «Надежда», написанной А. Пахмутовой и Н. Добронравовым: «Надо только выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым, чтоб порой от жизни получать радости скупые телеграммы». Трудно не согласиться с этим, потому что терпение, упорство, вера, смелость, надежда и, конечно же, любовь человека к человеку, их духовная солидарность являются основными условиями формирования силы воли. Потому что воля – это, как утверждал Саня Григорьев – герой романа В. Каверина «Два капитана», – это способность человека бороться, искать, найти и не сдаваться. И здесь, как поется в упомянутой песне «Надежда»: «Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость». Важно лишь быть хозяином своей воли и слугой своей совести.

Такой практический (практико-ориентированный) подход – брать свою волю под контроль – традиционно в большей мере ориентировал как российских, так и зарубежных исследователей на осуществление психоанализа, изучение воли как психического и психологического феномена [39; 48], что неоднозначно отразилось на самой постановке проблемы, сузив ее рамки до прикладного уровня [49]. Философские аспекты воли, ее осмысление как проявления силы духа, духовности человека оказались незаслуженно элиминированными. Теперь наступили последствия: растущее социальное отчуждение. Ощущение собственного бессилия, заброшенности, одиночества, ожесточения и многие другие негативные последствия, которые как раз и способствовали формированию «новой реальности» с ее турбулентностью, неопределенностью, растущими и множющимися рискам и кризисами, стали основанием для появления «общества риска» [50].

Заключение. Воля представляет собой духовное напряжение, силу духа, которые формируются у человека в ситуации выбора, когда ему приходится принимать определенные решения, вырабатывать определенный сценарий поведения и нести за них личную ответственность. Соответственно, без воли нет ответственности, а без ответственности нет воли. И здесь свобода выбора детерминирована объективной реальностью, а воля представляет собой способность человека соответствовать этой реальности, «вызовам времени» (А. Тойнби).

Выступая в качестве своеобразной духовной энергии, воля имманентна самой жизни и определяет ее полноту в той степени, в которой сама осуществляется. Представления о воле в других ее аспектах, модусах, модальностях, например, как о «воле к смерти» или «воле к власти», о «воле в сделке», о «влечении», «идеомоторных актах» и т. д. являются, во-первых, редукцией, т. е. сведением общего представления о воле к ее частным фракциям (частностям) с последующим неправомерным их отождествлением с общим явлением (феноменом воли) и, во-вторых, искажением сущности феномена воли как философского понятия, подменой самого понятия воли некими «новоделами» (симулякрами, оксюморонами, идиомами), «смысл» которых оказывается связанным исключительно со страстями и искушениями, встающими на жизненном пути человека, не способного им противостоять, и, соответственно, значение которых не определяется значением входящих в них слов. В основе воли находится духовность человека, его «духовное самодержавие» (митр. Илларион), тогда как в основе страстей и искушений – чувственное влечение. Воспитывать в себе волю означает формировать в себе такие духовные начала, которые имеют абсолютное значение, объективную истинность и определяют для человека полноту его бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альпиндовская М. Л. Записки о новой реальности: постижение глобальны смыслов. М.: Прометей, 2021.
2. Руднев В. П. Новая модель реальности. М.: ИД ВШЭ, 2016.
3. Хилюта В. В. Человек и новая реальность: каков будет выбор? // Философия права. 2022. № 4. С. 94–99.
4. Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской // Этика. М.: АСТ, 2010. С. 39–280.
5. Платон. Кратил // Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. / пер. с древнегреч. В. С. Соловьева, М. С. Соловьева, С. Я. Шейнман-Топштейн и др. М.: Мысль, 1990. С. 613–681.
6. Цицерон М. Т. Тускуланские беседы // Избр. соч. / пер. с латин. М. Гаспарова. М.: Худож. лит., 1975. С. 207–257.
7. Крылатые фразы древних римлян / сост. И. Смирнов, В. Левинский. М.: Рипол Классик, 1999.
8. Фихте И. Г. Наукоучение в его общих чертах // Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем.; сост. В. Волжский. СПб.: Мифрил, 1993. С. 772–789.
9. Баязин В. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2006.
10. Байдакова М. Ю. Проблема свободы воли в западноевропейской философии и христианской западной традиции // Вестн. МГОУ. Сер. Философские науки. 2009. № 3. С. 11–15.
11. Водолагин А. В. Метафизика воли. Волюнтаристская традиция в истории западной философии. М.: Нестор-История, 2012.
12. Дьяченко О. Н. Проблема свободы воли в западноевропейской средневековой философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3–1 (77). С. 66–68.
13. Шевцов А. А. Очерк русской философской антропологии воли. СПб.: Роща, 2017.
14. Склярова Т. В. Понятие воли в педагогике, психологии, богословии. Возрастные кризисы как опорные точки развития воли в ребенке // Вестн. ПСТГУ. Сер. IV. Педагогика. Психология. 2005. № 1. С. 114–133.
15. Хант М. История психологии / пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2009.
16. Кефели И. Ф. Асфатроника. На пути к теории глобальной безопасности. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020.
17. Богданов А. А. Эмпириомонизм. М.: Республика, 2003.
18. Стожко Д. К., Стожко К. П. Гуманистические взгляды А. А. Богданова: отношения сотрудничества и проблема «собираания человека» (к 150-летию со дня рождения ученого) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования 2023. № 3 (63). С. 311–323. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.311-323
19. Освальд В. Ф. Философия природы / пер. с нем. О. А. Давыдовой. СПб.: Тип. Брокгауз-Ефрон, 1903.
20. Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Ноосфер, 1991.
21. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006.
22. Ильин Е. П. Психология воли. СПб.: Питер, 2009.
23. Смирнова О. Ю., Серкин В. П. Основные трактовки понимания воли в рамках энергетического подхода // Вестн. Кемеровск. гос. ун-та. 2018. № 4. С. 165–174. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-4-165-174
24. Батыршина А. Р. Представление о воле человека до возникновения психологической науки // Гуманизация образования. 2023. № 4. С. 30–40. DOI: 10.24412/1029-3388-2023-4-30-40
25. Севастьянов А. Н., Степанова В. В., Толстых Н. Н. Воля и произвольность: опыт междисциплинарного исследования // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14, № 3. С. 91–104. DOI: 10.17759/chp.2019150310

26. Михалькова Е. И., Радченко С. А. Воля личности в современной психологии // Молодой ученый. 2023. № 33 (480). С. 95–104.
27. Аленьевский И. А. Философские тезисы о воле // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2017. № 24 (273). С. 170–174.
28. Гарнцева Н. М. Обсуждая проблему свободы воли: Б. Либет, Д. Вегнер, Д. Деннет // Философия. Язык. Культура / ред. В. В. Горбатов. СПб.: Алетейя, 2012. С. 155–165.
29. Шопенгауэр А. Афоризмы. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда, Ф. Черниговца, Р. Кресина. Минск: Харвест, 2011.
30. Марков Ю. Е. Кризис человека как отражение глобальных проблем человечества // Вестн. Чувашск. ун-та. 2007. № 3. С. 104–108.
31. Сколяр Ю. Н. Исследование феномена свободы воли в экзистенциальной философии // Вестн. МГУЛ. Лесной вестник. 2015. Т. 19, № 4. С. 163–168.
32. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998.
33. Божко Н. О., Кравцова В. С. Аборты в России: «за» и «против» // Евразийский научный журнал. 2017. № 2. С. 177–179.
34. Дроздова Е. А., Аксенова А. В. Суицид в уголовном законе и его социальная обусловленность // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 325–327.
35. Хольм С., Льюис Дж. Аборты: аргументы pro et contra // Омский научный вестн. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 120–131. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-120-131
36. Шаповалова В. И., Давыдов Р. Х. Проблема легализации эвтаназии в российском и зарубежном праве // Экономика. Право. Общество. 2017. № 3 (11). С. 111–117.
37. Батыршина А. Р. Психология воли и волевая регуляция: библиографический указатель литературы. М.: ФЛИНТА, 2017.
38. Ассаджиолли Р. Психосинтез. Принципы и техники / пер. с англ. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2016.
39. Баумайстер Р., Тирни Д. Сила воли. Возьми свою жизнь под контроль / пер. с англ. С. Богданова. М.: Бомбора, 2023.
40. Макгонигал К. Сила воли. Как развить и укрепить / пер. с англ. К. Чистопольской. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022.
41. Мишел У. Развитие силы воли / пер. с англ. В. Кузина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
42. Абрамов Б. Н. Воля и ее воспитание: из Записей Б. Н. Абрамова / сост. Т. Л. Перцева. Новосибирск: Сибирское Рериховское общество, 2021.
43. Мальцева Е. В. К. Д. Ушинский о «свободе воли» и ее воспитании (на основе материалов к третьему тому «Педагогической антропологии») // Историко-педагогический журнал. 2019. № 3. С. 171–177.
44. Чумаков М. В. Развитие эмоционально-волевой сферы личности: учеб. пособие. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012.
45. Филалетов В. Воспитание воли. М.: Self-Pub, 2019.
46. Нечаев А. П. Сила воли и средства ее воспитания. М.; Л.: ГИПЛ, 1929.
47. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.
48. Kuhl Ju. Who controls whom when “I control myself”? // Psychological Inquiry. 1996. Vol. 7, iss. 1. P. 61–68. DOI: 10.1207/s15327965pli0701_12
49. Шляпников В. Н. Воля: потерянное звено современной зарубежной психологии // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 1. С. 72–87. DOI: 10.17759/exppsy.2022150105
50. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Ш. Федоровой. М.: Прогресс–Традиция, 2000.

Информация об авторах.

Стожко Дмитрий Константинович – кандидат философских наук (2012), доцент (2018), доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук Уральского государственного экономического университета, ул. 8 Марта, д. 62, Екатеринбург, 620144, Россия. Автор 436 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философская антропология, философия культуры.

Стожко Наталия Юрьевна – доктор химических наук (2006), профессор (2009), заведующая кафедрой физики и химии Уральского государственного экономического университета, ул. 8 Марта, д. 62, Екатеринбург, 620144, Россия. Автор 335 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия образования, совершенствование учебно-воспитательного процесса, технология межпредметного проектного обучения, философия и методология естествознания.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.09.2025; принята после рецензирования 12.11.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.

REFERENCES

1. Al'pindovskaya, M.L. (2021), *Zapiski o novoi real'nosti: postizhenie global'ny smyslov* [Notes on a new reality: comprehension of global meanings], Prometei, Moscow, RUS.
2. Rudnev, V.P. (2016), *Novaya model' real'nosti* [A new model of reality], ID HSE, Moscow, RUS.
3. Khiluta, V.V. (2022), "Human and the New Reality: What Will be the Choice?", *Filosofiya prava*, no. 4, pp. 94–99.
4. Аристотέλης (2010), "Ἠθικὰ Νικομάχεια", *Ehtika* [Ethics], Transl. by AST, Moscow, RUS, pp. 39–280.
5. Πλάτων (1990), Κρατύλος. *Sobranie sochinenii* [Collected works], Transl. by Solov'eva, V.S., Solov'eva, M.S., Sheinman-Topshtein, S.Ya. et al., in 4 vols., vol. 1, Mysl', Moscow, USSR, pp. 39–280.
6. Cicero, M.T. (1975), "Tusculanae disputationes", *Izbrannye sochineniya* [Selected works], Transl. by Gasparov, M., Khudozh. lit., Moscow, USSR, pp. 207–257.
7. Smirnov, I. and Levinskii, V. (comp.) (1999), *Krylatye frazy drevnikh rimlyan* [Catch phrases of the ancient Romans], Ripol Klassik, Moscow, RUS.
8. Fichte, J.G. (1993), "Die Wissenschaftslehre in ihrem allgemeinen Umrisse", *Werke*, Transl., comp. V. Volzhskii, in 2 vols., vol. 2, Mifril, SPb., RUS, pp. 772–789.
9. Balyazin, V. (2006), *Mudrost' tysyacheletii. Ehntsiklopediya* [The Wisdom of millennia. Encyclopedia], OLMA PRESS, Moscow, RUS.
10. Baidakova, M.Yu. (2009), "The problem of free will in the western philosophy and the Christian western tradition", *Bulletin of Moscow Region State Univ. Ser. Philosophy*, no. 3, pp. 11–15.
11. Vodolagin, A.V. (2012), *Metafizika voli. Volyuntaristskaya traditsiya v istorii zapadnoi filosofii* [Metaphysics of will. The Voluntarist tradition in the History of Western Philosophy], Nestor-Istoriya, Moscow, RUS.
12. D'yachenko, O.N. (2012), "Problem of freedom of will in west European medieval philosophy", *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, no. 3–1 (77), pp. 66–68.
13. Shevtsov, A.A. (2017), *Ocherk russkoi filosofskoi antropologii voli* [An essay on the Russian Philosophical Anthropology of the Will], Roshcha, SPb., RUS.
14. Skliarova, T.V. (2005), "The will in pedagogics, psychology and theology. Age crisis as the main points of will-development", *St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*, no. 1, pp. 114–133.
15. Hunt, M. (2009), *The Story of Psychology*, Transl. by Aleksandrova, A.V., AST, Moscow, RUS.
16. Kefeli, I.F. (2020), *Asphatronics. On the Way to the Global Security Theory*, IPCz Institute of Management RANEPa, SPb., RUS.

17. Bogdanov, A.A. (2003), *Ehmpiriomonizm* [Empiriomonism], Respublika, Moscow, RUS.
18. Stozhko, D.K., Stozhko, K.P. (2023), "Humanistic Views of A. A. Bogdanov: Relations of Cooperation and the Problem of "Gathering a Person" (to the 150th Anniversary of the Birth of a Scientist)", *Russian J. of the Humanities*, vol. 23, no. 3, pp. 311–323. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.311-323
19. Ostwald, W.F. (1903), *Naturphilosophie*, Transl. by Davydova, O.A., Tip. Brokgauz-Efron, SPb., RUS.
20. Podolinskii, S.A. (1991), *Trud cheloveka i ego otnoshenie k raspredeleniyu ehnergii* [Human labor and its relation to energy distribution], Noosfer, Moscow, RUS.
21. Ivannikov, V.A. (2006), *Psikhologicheskie mekhanizmy volevoi regulyatsii ehnergii* [Psychological mechanisms of volitional regulation], Piter, SPb., RUS.
22. Il'in, E.P. (2009), *Psikhologiya voli ehnergii* [Psychology of will], Piter, SPb., RUS.
23. Smirnova, O.Yu. and Serkin, V.P. (2018), "The basic interpretations of volition in the framework of the energetic approach", *Bulletin of Kemerovo State Univ.*, no. 4, pp. 165–174. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-4-165-174
24. Batyrshina, A.R. (2023), "The idea of the human will before the emergence of psychology as a science", *Humanization of Education*, no. 4, pp. 30–40. DOI: 10.24412/1029-3388-2023-4-30-40
25. Savostyanov, A.N., Stepanova, V.V. and Tolstykh, N.N. (2019), "Will and Self-Regulation: An Interdisciplinary Research Experience", *Cultural-Historical Psychology*, vol. 14, no. 3, pp. 91–104. DOI: 10.17759/chp.2019150310
26. Mikhalkova, E.I. and Radchenko, S.A. (2023), "The will of the individual in modern psychology", *Young Scientist*, no. 33 (480), pp. 95–104.
27. Alenevsky, I.A. (2017), "Philosophical theses about the will", *Belgorod State Univ. Scientific Bulletin. Ser. Philosophy. Sociology. Law*, no. 24 (273), pp. 170–174.
28. Garntseva, N.M. (2012), "Discussing the problem of free will: B. Libet, D. Wegner and D. Dennett", *Filosofiya. Yazyk. Kul'tura* [Philosophy. Language. Culture], Gorbato, V.V. (ed.), Aleteiya, SPb., RUS, pp. 155–165.
29. Schopenhauer, A. (2011), *Die Welt als Wille und Vorstellung*, Transl. by Aikhenval'd, Yu., Chernigovets, F. and Kresin, R., Kharvest, Minsk, BLR.
30. Markov, Yu.E. (2007), "The human crisis as a reflection of global human problems", *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, no. 3, pp. 104–108.
31. Skolyar, Yu.N. (2015), "Study of the phenomenon of free will in the existential philosophy", *Bulletin of the Moscow State Forests Univ. Forestry Bulletin*, vol. 19, no. 4, pp. 163–168.
32. Il'in, I.A. (1998), *Put' k ochevidnosti* [The Path to evidence], EHKSMO-PRESS, Moscow, RUS.
33. Bozhko, N.O. and Kravtsova, V.S. (2017), "Aborty v Rossii: 'za' i 'protiv'", *Evraziiskii nauchnyi zhurnal*, no. 2, pp.177–179.
34. Drozdova, E.A. and Aksenova, A.V. (2018), "Suicide in the criminal law and its social conditionality", *Gaps in Russian legislation*, no. 3, pp. 325–327.
35. Holm, S. and Lewis, D. (2024), "Aborty: argumenty` pro et contra", *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, vol 9, no. 2, pp. 120–131. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-120-131
36. Shapovalova, V.I. and Davydov, R.Kh. (2017), "The problem of the legalization of euthanasia in Russian and foreign law", *Economy. Law. Society*, no. 3 (11), pp.111–117.
37. Batyrshina, A.R. (2017), *Psikhologiya voli i volevaya regulyatsiya: bibliograficheskii ukazatel' literatury* [Psychology of will and volitional regulation: a bibliographic index of literature], FLINTA, Moscow, RUS.
38. Assagioli, R. (2016), *Psychosynthesis: A Manual of Principles and Techniques*, Transl., In-t obshchegumanitarnykh issled., Moscow, RUS.
39. Baumeister, R. and Tierny, Jo. (2023), *Willpower. Rediscovering the Greatest Human Strength*, Transl. by Bogdanov, S., Bombora, Moscow, RUS.
40. MacGonigal, K. (2022), *The Willpower Instinct How Self-Control Works, Why It Matters, and What You Can Do to Get More of It*, Transl. by Chistopol'skaya, K., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.

41. Mischel, W. (2014), *The Marshmallow Test Mastering Self-Control*, Transl. by Kuzin, V., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.
42. Abramov, B.N. (2021), *Volya i ee vospitanie: iz zapisei B. N. Abramova* [Volya and her upbringing: from the Notes of B. N. Abramov], Pertseva, T.L. (comp.), Sibirskoe Rerikhovskoe obshchestvo, Novosibirsk, RUS.
43. Maltseva, E.V. (2019), ""K. D. Ushinsky about "free will" and its education (on the basis of materials to the third volume of "pedagogical anthropology")", *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 171–177.
44. Chumakov, M.V. (2012), *Razvitie ehmotional'no-volevoi sfery lichnosti* [Development of the emotional-volitional sphere of personality], Izd-vo Kurgan. gos. un-ta, Kurgan, RUS.
45. Filaletov, V. (2019), *Vospitanie voli* [Education of the will], Self-Pub, Moscow, RUS.
46. Nechaev, A.P. (1929), *Sila voli i sredstva ee vospitaniya* [Willpower and the means of its education], GIPL, M.; L., USSR.
47. Gumilev, L.N. (1989), *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Russia and the Great Steppe], Mysl', Moscow, USSR.
48. Kuhl, Ju. (1996), "Who controls whom when "I control myself"?", *Psychological Inquiry*, vol. 7, iss. 1, pp. 61–68. DOI: 10.1207/s15327965pli0701_12
49. Shlyapnikov, V.N. (2022), "Will: The Lost Link of Contemporary Foreign Psychology", *Experimental Psychology*, vol. 15, no. 1, pp. 72–87. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150105>
50. Beck, U. (2000), *Risikogesellschaft auf dem Weg in eine andere Moderne*, Transl. by Sedel'nik, V., Fedorova, Sh., Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Dmitry K. Stozhko – Can. Sci. (Philosophy, 2012), Docent (2018), Associate Professor at the Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics, 8 Marta str., 62, Ekaterinburg 620144, Russia. The author of 436 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture.

Natalia Yu. Stozhko – Dr. Sci. (Chemistry, 2006), Professor (2009), Head of the Department of Physics and Chemistry, Ural State University of Economics, 8 Marta str., 62, Ekaterinburg 620144, Russia. The author of 335 scientific publications. Area of expertise: philosophy of education, improvement of the educational process, technology of interdisciplinary project-based learning, philosophy and methodology of natural sciences.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.09.2025; adopted after review 12.11.2025; published online 20.04.2026.

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-49-64>

Киноискусство как метаязык внутреннего мира режиссёра (на материале творчества Андрея Тарковского)

Владислав Борисович Малышев^{1✉}, **Татьяна Геннадьевна Стоцкая**²,
Татьяна Вадимовна Борисова³

^{1, 2, 3}Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

¹[✉vlmaly@yandex.ru](mailto:vlmaly@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3248-7920>

²stotskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9247-2555>

³BorisovaTVa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0200-2949>

Введение. Статья посвящена проблеме искусства как метаязыка внутреннего мира художника, режиссера. Достаточно актуальной сегодня становится постановка вопроса о метаязыке искусства применительно к кинематографу, при этом репрезентативным для такого исследования является творчество советского кинорежиссера Андрея Тарковского. Вопрос о метаязыке – констатация существования определенной структуры, уровней, позиций, слоев восприятия творчества мастера.

Методология и источники. Методологически значимым является рассмотрение проблемы метаязыка не только в рамках философии культуры (О. Шпенглер, Ф. Ницше, М. Бахтин, Г. Померанц и др.), но и смежных областей: аналитической философии, логической семантики, семиотики. В рамках семиотической методологии проблема метаязыка поставлена наиболее отчетливо. Определенные значимые шаги в разработке семиотических концепций метаязыка в культуре предприняты Р. Бартом, Ц. Тодоровым, Ю. Лотманом, Ю. Цивьяном, М. Мамардашвили, А. Пятигорским. Среди множества работ, непосредственно раскрывающих проблему метаязыка в творчестве А. Тарковского, выделяются работы Р. Бёрда, И. Евлампиева, С. Сальвестрони, Д. Салынского.

Результаты и обсуждение. Выявлено, что структуру художественного метаязыка кинорежиссера могут составлять символы, знаки, смыслы и ракурсы, индивидуальные монтажные траектории, репрезентация течения времени и природных стихий. Установлено, что в творчестве Тарковского важны две доминанты режиссерского метаязыка: метафизика внутреннего мира и метафизика стихий (к примеру, метафоры огненной, водной, земной стихий, потока жизни). Время как состояние внутреннего мира режиссера несет в себе переплетение этих двух сторон творчества Андрея Тарковского.

Заключение. Язык киноповествования становится метаязыком, будучи расщеплен на субъектную и объектную составляющие. Метаязык кино – язык действия, процесса. Персонаж фильма погружен в разворачивающееся в кадре действие. Вопрос о метаязыке выливается в дифференциацию наблюдающего и наблюдаемого. Для этого необходимо выделение определенных уровней и позиций внутри киношедевра. Та составляющая, которая имеет непосредственное отношение к индивидуальности режиссера, его внутреннему миру, является глубинной основой метаязыка кино.

Ключевые слова: метаязык, творчество Андрея Тарковского, монтаж, семиотика, художественное познание, язык кино

© Малышев В. Б., Стоцкая Т. Г., Борисова Т. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Малышев В. Б., Стоцкая Т. Г., Борисова Т. В. Киноискусство как метаязык внутреннего мира режиссера (на материале творчества Андрея Тарковского) // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 49–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-49-64

Original paper

Cinematography as a Metalanguage of the Director's Inner World (Based on the Films of Andrei Tarkovsky)

Vladislav B. Malyshev¹✉, Tatiana G. Stotskaya², Tatiana V. Borisova³

^{1, 2, 3}*Samara State Technical University, Samara, Russia*

¹✉*vlmaly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3248-7920>*

²*stotskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9247-2555>*

³*BorisovaTVa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0200-2949>*

Introduction. The article is devoted to the problem of art as a metalanguage of the inner world of the artist, director. The issue of the metalanguage of art in relation to cinema is becoming quite relevant today, while the work of the Soviet film director Andrei Tarkovsky serves as a representative example for such a study. The question of metalanguage affirms the existence of a certain structure, levels, positions, layers of perception of the master's work.

Methodology and sources. It is methodologically significant to consider the problem of metalanguage not only within the framework of cultural philosophy (O. Spengler, F. Nietzsche, M. Bakhtin, G. Pomerants, etc.), but also in related fields: analytical philosophy, logical semantics, semiotics. Within the framework of semiotic methodology, the problem of metalanguage is posed most clearly. Certain significant steps in the development of semiotic concepts of metalanguage in culture were taken by R. Barthes, T. Todorov, Y. Lotman, Y. Tsivian, M. Mamardashvili, A. Pyatigorsky. Among the many works that directly reveal the problem of metalanguage in the works of A. Tarkovsky, the works of R. Bird, I. Evlampiev, S. Salvestroni, D. Salinsky stand out.

Results and discussion. It is revealed that the structure of the artistic metalanguage of a filmmaker can be made up of symbols, signs, meanings and angles, individual editing trajectories, representation of the passage of time and natural elements. It has been established that two dominant elements of the director's metalanguage are important in Tarkovsky's work: the metaphysics of the inner world and the metaphysics of the elements (for example, the metaphors of fire, water, earth, and the flow of life). Time, as the state of the director's inner world, embodies the intertwining of these two sides of Andrei Tarkovsky's work.

Conclusion. The language of film narration becomes a metalanguage, being divided into subjective and objective components. The metalanguage of cinema is the language of action and process. The film's character is immersed in the action unfolding in the frame. The issue of metalanguage results in the differentiation of the observer and the observed. To do this, it is necessary to identify certain levels and positions within the film. The component that is directly related to the individuality of the director, their inner world, is the deep foundation of the metalanguage of cinema.

Keywords: metalanguage, Tarkovsky, editing, semiotics, artistic cognition, the language of cinema

For citation: Malyshev, V.B., Stotskaya, T.G. and Borisova, T.V. (2026), "Cinematography as a Metalanguage of the Director's Inner World (Based on the Films of Andrei Tarkovsky)", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 49–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-49-64 (Russia)

Введение. Каждый великий кинорежиссер создает свой особый язык киноповествования, который во внешнем проявлении, как правило, складывается из вполне определенных приемов и элементов. Актуальность и проблематика нашего исследования определяются тем, что к началу двадцать первого столетия возможности поиска нового в кинематографе все более затруднены, и это новое открыть все сложнее. Проблема создания киноязыка как языка авторского, как трансформированного метаязыка внутреннего мира режиссера, который пытается донести до зрителя все нюансы и тончайшие оттенки своего мировосприятия в рамках единого многосложного текста, еще не решена вполне. Погружение во внутренний мир знаменитых кинорежиссеров и определение особенностей метаязыка их творчества, что возможно через конкретизацию элементов и уровней, доминант их художественного метаязыка, позволяет понять процесс создания фильма «изнутри». Как правило, такое сложное семиотическое (символическое) образование, как метаязык, отличается многослойностью, образуя структуру ментального лабиринта, формируя свои «мертвые» зоны смысла, а также систему отсылок к другим текстам культуры. Кроме того, важен период творчества мастера, в который тот или иной фильм создавался, ведь мировоззрение художника способно претерпевать трансформацию. Таким образом, дискурс о метаязыке сводится, прежде всего, к «точке сборки» внутреннего мира режиссера. Вопрос о метаязыке – констатация определенных уровней, страт и слоев внутри произведения киноискусства.

В качестве базовой предпосылки нашего рассмотрения положено утверждение самого Андрея Тарковского из книги, написанной в поздний период творчества: «Искусство – это метаязык, с помощью которого люди пытаются связаться друг с другом: сообщить сведения о себе и присвоить чужой опыт» [1, с. 43].

Методология и источники. Формирование лингвистики как науки, исследования Ф. де Соссюра, развитие семиотики как интегративной области знания, позволяющей исследовать различные явления культуры как некоего языка, подготавливают почву для планомерного и детального изучения творчества того или иного известного кинорежиссера – в нашем случае Андрея Тарковского – с учетом достижения смежных дисциплин, например, семиотики, философии языка и теории культуры.

Проблема метаязыка без использования соответствующей терминологии изначально ставилась Д. Гильбертом, а также, в рамках штудий аналитической философии, Б. Расселом и Л. Витгенштейном [2; 3]. Исследователи заметили, что семантически язык, который мы используем в науке, не может одновременно описывать явления, процессы и себя самое. Отсюда и возникают парадоксы, такие как некоторые парадоксы теории множеств, парадокс брадобрея и парадокс лжеца. Проблема в том, что мы должны дистанцироваться от языка, на котором говорим и занять нейтральную позицию по отношению к нему. Но надо было более четко обозначить ситуацию и закрепить проблему метаязыка терминологически, поэтому уже в 30-е гг. А. Тарский и Р. Карнап начинают применять термины «язык-объект» и «метаязык» [4]. В плане изучения культуры и искусства проблема метаязыка вызревает только во второй половине XX в., уже в рамках активно развивающейся семиотики, структурной лингвистики и теории культуры. Определенные значимые шаги в разработке концепций метаязыка в культуре предприняты Р. Бартом, Ц. Тодоровым, Ю. Лотманом, Ю. Цивьяном, М. Мамардашвили, А. Пятигорским, а также отдельными представителями Тартуско-Московской семиотической школы.

В дальнейшем метаязык предстает как «неизбежно искусственный язык» (Р. Барт) [5, с. 131], который помогает составить представление о языке-объекте. В случае настоящего исследования речь о системе фильмов Андрея Тарковского как некоего текста, для которого необходим язык описания, иначе говоря, метаязык.

Согласно концепции М. Мамардашвили–А. Пятигорского, в мире культуры существуют два уровня метаязыкового описания. Первый определяется самоописанием, второй связан со встраиванием в него сознания наблюдающего субъекта. Первый тип метаязыка включается в культуру неким естественным образом, второй возникает как теоретическая конструкция благодаря потребностям объективного научного рассмотрения, подразумевающего известного рода нейтральность [6]. Если экстраполировать эту идею на кинематограф, то первый тип метаязыка составлен из интенций внутреннего мира кинорежиссера, образующих самый глубинный уровень художественного творчества, а второй тип представляет систему операциональных схем, актуализируемых в процессе создания фильма, включая все базовые символы и схемы, иные семиотические элементы кинокартины, через которые можно понять замысел и смыслы, заложенные в кинокартине.

С позиций философии культуры в творчестве Тарковского нас будут интересовать две вещи, которые полноценно могли бы раскрыть доминанты метаязыка режиссера: метафизика внутреннего мира человека и метафизика стихии. Ключи к пониманию этих доминант – кинометафоры. Кинометафорами первой доминанты могут быть зеркало, колодец, освобождение от временной немoty; мир сновидений и воспоминаний главного героя. Примеры стихийных метафор многочисленны: всевозможные модификации огня и света (огонь в костре, свече), водные метафоры (прозрачная вода в колодце, ручье, дождь), земля и поверхность земли (поле или луг с растениями и травой), течение времени в кадре.

Метафизика внутреннего мира человека достаточно планомерно осознана в философии культуры. Согласно О. Шпенглеру, следующему в этом плане мысли Ницше, первое понимание глубины «своего» микрокосма как модели макрокосма есть акт рождения новой культуры [7, с. 259]. Из первозданной тьмы мировосприятия «внутренний человек» находит выход, обретая в конечном счете «просветление», ведь «каждому из нас открыта бездна Бога» [8, с. 119]. Когда человек открывает в себе сокровенную глубину, в полной мере ощутив цельность своего внутреннего мира, тогда у него есть шанс встать на путь творения.

Однако глубина внутреннего мира должна обрести устойчивость, обрести символический центр, подобный мифологическому «мировому дереву», что мы наблюдаем, например, в фильме «Жертвоприношение». В «кинематографической стихийности» с помощью силы мысли возникают особые миры. Несмотря на то, что Тарковскому не удалось осуществить экранизацию романов Достоевского, отдельные образы мира Достоевского вплетены в творчество кинорежиссера, в частности фигура Сталкера в одноименном фильме в чем-то воспроизводит образ князя Мышкина. В «Жертвоприношении» есть прямые отсылки к Ницше, философу, для которого так важна метафора «глубины».

Среди множества работ, непосредственно проливающих свет на метаязыковые аспекты творчества А. Тарковского в плане семантики внутреннего мира и стихийности, следует отметить исследования Р. Бёрда, И. Евлампиева, Д. Салынского, С. Сальвестрони [9; 5]. Работы этих авторов наилучшим образом передают указанные семантические доминанты творчества кинорежиссера.

С. Сальвестрони, ссылаясь на мнение И. Бергмана, указывает что «Тарковский является величайшим режиссером в изображении внутреннего мира человека», что «схождение в глубину самого себя, описанное в русских и художественных произведениях» кинорежиссер переводит в область кинематографического языка [9, с. 8]. По мнению С. Сальвестрони, в творчестве Тарковского много цитат из произведений Достоевского, «герои Тарковского и Достоевского в наиболее трудные моменты своей жизни находят смелость погрузиться внутрь самих себя» [9, с. 8].

Американский исследователь Р. Бёрд по-новому пытается понять творчество советского кинорежиссера, утверждая, что А. Тарковский не из тех, кто навязывает реальности собственные воззрения, но пытается «прислушиваться» к «миру» и его «стихиям», «стихиям кино» [10, с. 14]. Наряду с устоявшимися в мировой культуре представлениями о природных стихиях (земля, огонь, вода, воздух), Р. Бёрд в сферу этих стихий добавляет элементы собственного рубрикатора. В метаязыковой фрейм стихии «земля» входят «система», «пространство», «экран»; элементу огонь соответствуют «слово и образ», «рассказ», «воображаемое». В метаязыковом фрейме элемента «вода» рассматриваются «чувственность», «время», «кадр»; элементу «воздух» соответствует только параграф с названием «атмосфера» [10, с. 214–325]. Таким образом, к четырем природным стихиям добавляются девять условных стихийных коррелятов, предложенных автором. Новизну своей работы Р. Бёрд видит в попытке рассматривать творчество А. Тарковского как «откровение о стихиях кино» [10, с. 16]. Тем самым на кинематографическом экране «стихии кино восстанавливают стихии жизни» [10, с. 322]. Но, невзирая на всю значимость работы американского исследователя, приходится констатировать в ней избыток описательности и нехватку прямых указаний на присутствие природных стихий в рассматриваемом последовательно киноматериале.

Указанные недостатки работы Р. Бёрда с избытком восполняет герменевтическое понимание метаязыка фильмов Тарковского, предложенное Дмитрием Салынским [11, с. 67]. Идеи Салынского значимы потому, что предоставляют метаязыковые шкалы и масштаб для измерения тончайших структур и смыслов, заложенных в киноязыке режиссера. В плане проблемы метаязыка здесь важна «герменевтика композиции», исследование «возникающих в симметрии смыслов», исследование архитектоники фильма как структуры «антропоморфного космоса», уподобление своих кинематографических инвенций «окнам, прорывам из реальности в сверхреальность» [11, с. 144]. Помимо прочего, весьма интересна экстраполяция «волновой метафоры» из мира физики в мир кинематографа. Объяснение эффекта интертекста в фильмах Тарковского, по сути, может быть интерпретировано как эффект взаимного усиления смысловых фабульных схем, «интерференции», взаимопереводимости смыслов в разных фильмах режиссера как системе.

Значимы также и некоторые другие исследования, раскрывающие важные метаязыковые аспекты творчества кинорежиссера [12; 13]. И. Евлампиев раскрывает важные философские аспекты творчества кинорежиссера, в частности, проблему соотношения временного и вечного, опираясь прежде всего на достижения отечественной философской традиции (П. Чаадаев, М. Бахтин, Л. Карсавин и др.) [12, с. 145–149].

Отдельный аспект творчества режиссера составляет рассмотрение семантики Троичности, Троицы, Триады в мире культуры [14; 15].

Результаты и обсуждение. Упрощая сказанное о метаязыке применительно к творчеству Тарковского, остановимся на том, что метаязык кинорежиссуры – это «язык наблюдения». Наблюдения холодного, бесстрастного, ибо «художник обязан быть спокойным» [1, с. 79]. Метафизика наблюдения сближает художника и ученого, несмотря на очевидное различие. По мнению Андрея Тарковского, «если позитивистское, научное и холодное познание действительности представляет собою как бы восхождение по нескончаемым ступеням, то художественное напоминает бесконечную систему внутренне завершенных и замкнутых сфер», которые «обогащают друг друга» [1, с. 42–43]. Модель «сферы» – это метафизика Платона и Аристотеля, Николая Кузанского. Ту же линию исследования, которая, по сути, кажется герменевтической, продолжает киногорменевтика Дмитрия Салынского, который порой прямо следует идеям Андрея Тарковского, изложенным в «Запечатленном времени» [11, с. 67]. Идея о существовании отдельных «сфер» реальности» или «миров» захватывает воображение исследователя. В этом смысле, по мнению Д. Салынского, А. Тарковский является восприимчиком идей Якова Бёме, Эммануила Сведенборга, Георгия Гурджиева [11, с. 69]. Это мир откровений, молитвы, жертвоприношения, мир всего, что подлинно и живо. Восприятие смыслов здесь происходит через «ворота хронотопов» [11, с. 73]. Д. Салынский, помимо указанных авторов, отсылает к отдельным концепциям, «хронотопам» М. Бахтина, «картине мира», «предпониманию» и «девинации» Мартина Хайдеггера [11, с. 73–114]. Позитивистский же взгляд на мир является «плоским», абстрактным, весьма условным. Это язык машины, где преобладает «геометрия треугольников» (цитата из фильма «Сталкер»). Перед нами невообразимо скучный мир современности, мир общества потребления. Согласно высказываниям одного из персонажей «Сталкера» (слова Писателя), все эти «домны», «костыли» и «протезы», удобные для «употребления» современного мироустройства, несколько не облагораживают бытие самого человека и, уж конечно, не делают его совершеннее. Андрей Тарковский, не любивший интеллектуальные спекуляции, рассматривал проблему познания в рамках оппозиции позитивистское–метафизическое. Проблема «позитивизма» косвенно поставлена в фильмах «Сталкер» и «Солярис». Позитивное или научное мышление олицетворяют такие персонажи как Профессор в «Сталкере» (есть прозвище, но нет имени) и доктор Сарториус – олицетворение безжалостного и устремленного к научной цели адепта науки в «Солярисе». Позитивизм с его «ползучим эмпиризмом» противостоит «чуду», которое «выше эмпирики» (слова Писателя из фильма «Сталкер»).

Несмотря на все разнообразие подходов к кинорежиссуре, можно выделить целые методологические школы в мировом кинематографе. Один из способов такого разделения – монтажное кино с одной стороны, и кинематограф, основанный на искусстве построения глубинной мизансцены, с другой. В первом случае важны различные монтажные процедуры построения кинематографической выразительности, во втором – работа внутри «долгих планов». Ярчайшим примером «монтажного кинематографа» является творчество Сергея Эйзенштейна. Второй способ очень хорошо разработан в школе Михаила Ромма, выдающимся учеником которого является Андрей Тарковский. Важен именно этот момент творчества Тарковского. Не сопряжение монтажных «кусков», а концентрация внимания на том, как время «втекает» в кадр, чтобы «создать свой, индивидуальный поток, передать в кадре свое ощущение его движения – от ленивого и сонного до мятущегося и стремительного» [1,

с. 122]. Впрочем, дискурс монтажного кино в творчестве крупных режиссеров всегда имеет индивидуальный почерк, и дело не в монтаже, а в индивидуальности самих режиссеров. Дело в том, «чтобы ощущать органическую потребность в каком-то особом, своем собственном способе выражения» [1, с. 124].

Для Тарковского весьма характерно понимание процесса созидания в киноискусстве как *поэзиса*. Для этого достаточно провести анализ частотности высказываний, в которых кинорежиссер отождествляет кинематограф и поэзию. Тарковский – поэт кинематографа. «Поэтические откровения» в воображении художника, интуиция и вдохновение в целом, как правило, существуют раздельно с научной логикой. Проявления интуиции и вдохновение в науке, по мнению кинорежиссера, имеют очень мало общего с теми же явлениями в искусстве. Если научное познание требует изучения деталей, выстраивания системы обоснований и доказательств, художественный образ целостен, неразложим на части, его можно принять только на веру [1, с. 43–44]. «Абсолютное достижимо лишь Верой и Творчеством» [1, с. 42]. Что касается самого кинематографа, лишь «вера в идеал» «скрепляет систему образов» [1, с. 47], иначе говоря, вовсе не логическая последовательность определяет связность повествования в киношедевре. «Логика смысла» внеположна формальной логике. Черда поступков героя на экране прочитывается не столько на языке рационально осознанной мотивации, сколько на языке морального выбора. Почему главный герой фильма «Жертвоприношение», Александр, совершает непоправимое (поджигает собственный дом), считая это актом сакрального жертвоприношения, можно понять только изнутри сознания истинно верующего человека. Тогда уже его поступок не требует рациональной критической оценки, не будет расценен как поступок умалишенного, и может появиться надежда, что Александру за счет сакральной жертвы удалось спасти мир от скверны и обеспечить лучшее будущее всему человечеству. Знаменитый иконописец Андрей Рублев по сюжету одноименного фильма приходит к созданию шедевра только через погружение в поток самой жизни, покаяние, принятие долговременного обета молчания. Мы наталкиваемся на один самых глубинных рецептов реконструкции собственного мира из осколков старого: «концепция характера Андрея Рублева выстраивается по схеме возвращения “на круги своя”, которая... возникает в фильме достаточно произвольно из более или менее естественно и органично воссоздаваемого на экране “свободного” течения жизни. История жизни Рублева для нас, по существу, история преподанной, навязанной концепции, которая, сторев в атмосфере живой действительности, восстает из пепла как совершенно новая, только что открытая истина» [1, с. 90]. Р. Бёрд в этой связи приводит примеры из фильма, когда образы обугленных книг и сожженных икон должны «восстать из пепла фильма» [10, с. 144]. Именно в этом смысле О. Шпенглер и Ф. Ницше говорят о возможности создания новой культуры из стихийного хаоса [7, с. 258–259]. В отличие от человека, своей биологией весьма ограниченного в пространстве и времени, артефакты культуры способны воссоздать наш душевный мир, подобно птице Феникс, ex nihilo.

Иконописец Андрей Рублев не чувствует за собой морального права приступить к написанию сакральных фресок, в частности, изображения сцен «Страшного суда» в только что возведенном храме. В его душе нет ни любви, ни того возвышенного состояния души, которое необходимо при написании произведений. Фактически великий художник (а он высту-

пает как альтер-эго самого Тарковского) ходит кругами вокруг сакрального центра своего творчества, не считая себя вправе зайти в это алтарное пространство без очищения, без покаяния, без жертвоприношения. Андрей Тарковский смог представить собственную жизнь на экране как исповедь, что особенно проявилось в сюжетах «Зеркала» и «Ностальгии».

Все вопросы о метаязыке в кинематографе для Тарковского – подоплека длящегося процесса, а не неких статичных сцен, как в живописи. У кино, в отличие от живописи и других видов искусства, должен быть свой собственный метаязык. Метаязык кино – язык процесса, иначе говоря – потока времени. Многие исследователи философии кино обращают внимание на это важнейшее обстоятельство – фильмы Тарковского доказывают (впрочем, как и он сам), что время – это состояние нашего внутреннего мира [1; 11; 12]. Персонаж фильма погружен в разворачивающееся в кадре действие. Воображаемый субъект способен рассматривать гравюры Дюрера, репродукции картин Леонардо да Винчи и шедевров иконописи, юродствовать, совершать «огненное» жертвоприношение, погружаться через сны в мир детства; погружаться через состояние сна в реальность Апокалипсиса; искать истину, бродя по поверхности Земли, искать откровений, создавая «окна» в духовный мир. Необходимо символически пронести искру своей души через всю жизнь красиво и бережно, как это делает Андрей Горчаков, герой фильма «Ностальгия», пронося пламень свечи сквозь воображаемый путь жизни.

Вопрос о *глубинном уровне метаязыка* особо важен и ставится следующим образом. Один из глубинных уровней метаязыкового описания – метафизика исповеди самого режиссера. Художественный образ не тождественен самой отображаемой реальности или самой абсолютной истине, которую призван выразить. На языке конечных образов художник пытается говорить о бесконечном, с помощью иносказания выразить непреложные истины, ведущие в духовный мир. Подобный художественный образ при всей своей конечности предстает как парадоксальная отсылка к беспредельному, он есть «новый и уникальный образ мира», он выступает как «иероглиф абсолютной истины» [1, с. 40]. При этом важен не только образ, но и путь поиска в искусстве. Путь настоящего художника – жертвоприношение искусству, ибо «только жертвование выражает истинное утверждение» [1, с. 42]. Д. Солинский отмечает, что в «фильмах Тарковского жертва вечно спасает мир, и в этом раскрывается идея приближения к Абсолюту. Эта идея обеспечивает когерентность образных систем всех его фильмов» [11, с. 408]. Современное искусство, существуя в условиях общества потребления, пытается обойтись без жертвы, без самоотвержения, ограничившись самовыражением художника, демонстрацией его мнимой индивидуальности. Однако этот путь ложен, ибо настоящим художником движет «вечная и неутолимая тоска по духовности, идеалу» [11, с. 41].

Структуру художественного метаязыка режиссера могут составлять как символы, знаки, смыслы, ракурсы видения мира, способы монтажа киноматериала, инструменты, так и сама процессуальная основа динамики киноповествования. При этом необходимо «сквозное» прочтение кинотекста в различных фильмах режиссера, и это сделает понятным творческое повторение сходных мотивов («интерференция смыслов»).

Проблема, которая возникла в плане начального замысла фильма с рабочим названием «Белый, белый день», следующая. Как семиотически перекодировать изначально задуманное название «Белый, белый день» и выразить в одном слове, более емко и верно? В итоге А. Тарковский называет фильм «Зеркало». «Зеркало» – одна из наиболее древних и емких

метафор в мире культуры. Ведь, как известно, «отражение», по сути, «отзеркаливание» мира – одна из основных метафор сознания. В текстах культуры метафорика зеркала начинается еще в античной мифологии, например, в мифах о Персее и Нарциссе. Она служит прекрасным средством выражения ключевых идей в мире искусства и науки, в европейской культуре ею пользовались многие творцы от Веласкеса и Ван Эйка до Людвиг Витгенштейна, Мельшиор-Бонне и Умберто Эко [2; 16; 17]. Проблема метаязыка в фильме «Зеркало» ставится в числе прочего и методологически, она звучит необычайно остро, парадоксально и филигранно. Звучит живой русский язык, на котором мыслит мальчик-блокадник. Этот мальчик *мыслит*, в отличие от своего военрука – инструктора, бездумно, слепо отдающего команды. Команду «кругом» мальчик-блокадник понимает по-своему. «Немыслящая серьезность» и высказывания военрука «обезоруживают» прежде всего сам мыслительный аппарат человека. «Ты устав строевой службы проходил?» «Огневая позиция есть огневая позиция». Такой военный «канцелярит» саркастически отсылает к проекту замкнутого в себе языка Альфреда Тарского, но один из персонажей, инструктор, не владеет операторами истинности или ложности. Контуженный военрук, неспособный мыслить, моментально реагирует на бросок учебной гранаты, но забывает о контексте. Контекст – учеба, учебная ситуация. Он же все время «на войне» и совершенно всерьез собирается совершить подвиг. Чем примитивнее сознание, тем меньше оно содержит метауровней восприятия, «зеркал» смысла. Амплитуда движения мысли людей «ограниченных» минимальна, ведь дело в количестве «граней» кристалла сознания. В указанной ситуации многоопытный, много выстрадавший мальчик-блокадник «заткнул за пояс» своего интеллектуально ограниченного инструктора.

С учетом того, что уже было сказано по поводу «Зеркала», – это фильм-саморефлексия, когда кинокартина становится художественным высказыванием о себе и собственной жизни. Исповедальный, автобиографичный фильм, проецирующий на мир искусства воспоминания о себе, своей семье, своем детстве, передающий очень личное восприятие эпохи от тридцатых до семидесятых, главным образом как эпохи времен Второй мировой, сталинского времени с его особым мироощущением. Тонко передано ощущение всеобщего страха, характерного для «типового» тоталитарного режима, связанное в памяти с историей о мнимой «опечатке» в тексте центральной газеты. Но это только социальный контекст. Есть еще философский и личностно-интимный. Это «память сердца», собирающая в своем поле все остальные смыслы. И еще есть повествование о судьбе художника в мире искусства. Последнее невозможно было сделать в рамках сюжета «Зеркала», и это уже сделано было в «Андрее Рублеве». В такой ситуации бывает достаточно одной емкой визуальной цитаты. Эту нехватку, «смысловую дыру» символически закрывает плакат на стене в квартире главного героя – о фильме «Андрей Рублев». Но главное здесь – перспектива стояния человека посреди сущего перед божественным абсолютном. Наилучшим внешним метаязыком описания этого процесса становится философия, прежде всего русская (П. Чаадаев, Л. Карсавин). И. Евлампиев пишет: «человек выступает центром «кристаллизации» всеединства, той точкой, от которой распространяются взаимосвязи, превращающие несовершенное единство в совершенное» [12, с. 148–149]. Понять и «собрать себя» в своем внутреннем мире, будучи в гармонии с миром внешним – вот главная онтологическая сверхзадача человека [12, с. 149].

Другая система исповедально-автобиографических отсылок содержится в фильме «Ностальгия». Главный герой Андрей Горчаков, отождествляющий свою судьбу с судьбой свое-

го предшественника в Италии – крепостного музыканта Павла Сосновского, переживает свою (пока воображаемую) эмиграцию и тоску по Родине. Опять в фильме появляется томик стихов Арсения Тарковского, а главный герой, которого играет Олег Янковский, читает одно из самых сильных стихов поэта.

Символ, на первый взгляд, является самой внятной конструкцией, элементом киноповествования. Тем не менее, известно отношение самого режиссера к тому, что ему приписывали применение тех или иных символов в творчестве. С одной стороны, оно было резко отрицательным. Символы принимались за готовые шаблоны, фигуры, схемы в ткани фильма – ведь кинорежиссер должен избегать шаблонов и создавать элементы собственного киноязыка. С другой стороны, ясно, что Тарковский не видит противоречия в отождествлении символа и кинообраза: «образ – это зерно, это саморазвивающийся организм с обратной связью, это символ самой жизни, в отличие от самой жизни» [1, с. 111]. Тем не менее все исследователи творчества Тарковского в его фильмах находят новые символы. Само киноискусство постфактум закрепляет эти жизненные смыслы в том или ином символе. Кульминацией романтической сцены свидания капитана Холина и медсестры Маши в фильме «Иваново детство» является так называемый «поцелуй над пропастью». Холин, упершись ногами в края траншеи, символически удерживает Машу над «пропастью войны». Этот «краткий жест любви», краткие чудесные объятия над зиянием «бездны» окопа органично вошли в историю кино, став элементом нового киноязыка. Ранее уже указывалось, что метафора «бездны» в русской культуре имеет прямое отношение к описанию «глубин» внутреннего мира человека, которые не верифицируемы по частям, а только как единое целое [12, с. 146–148]. Отметим, что это лишь одна из интерпретаций символа, возможны и иные...

Отдельную категорию символов в творчестве Тарковского образуют символы природных стихий. Тема четырех стихий даже становится предметом особого рассмотрения в книге Роберта Бёрда [5]. Это знаки или символы огненной и водной стихий, стихии воздушной и стихии Земли. Горящий дом в «Зеркале», и особенно, в «Жертвоприношении», самоожжение Доменико в «Ностальгии» несут семантику жертвенности человеческой жизни. Стихийные символы и их семантика, как правило, алогичны. Божественное провидение во все не должно следовать банальной человеческой логике, метафизика пожара есть «лечение» человеческой слабости и бытийного ничтожества. Со стихийными символами часто соседствуют сопутствующие стихии символы. Например, символ Дома соседствует со стихией воды (чаще всего, положительные коннотации) или огня (отрицательные коннотации), снега (отрицательные коннотации). В «Рублеве» снег, идущий в разоренном Храме, несет резко отрицательную семантику.

Весьма репрезентативна в творчестве Тарковского семантика стихии огня. В наивысшем своем смысле стяжание божественного огня есть снискание откровения. Символика «огненного куста», соответствующего библейскому явлению Бога Моисею, фрагментарно представлена в одной из сцен «Зеркала», когда мальчик Игнат разводит костер во дворе дома в городе. Весьма оригинально стихия огня взаимодействует с контуром человеческой ладони в фильме «Зеркало». Мягкий божественный огонь, живущий в человеческой ладони, символизирует некое молитвенное ритуальное действие. Порой огонь становится символической стихией всей человеческой жизни. И эти смыслы огненной стихии концентрируются, к при-

меру, в символе свечи. Это свеча, которую символически зажигает и сохраняет главный герой фильма «Ностальгия» Андрей Горчаков (роль исполняет Олег Янковский). Главный герой фильма должен пронести зажженную свечу от одного конца пустого античного бассейна к другому. Свеча здесь символизирует весь жизненный путь человека: этот символический огонь души нужно, не потушив, пронести через всю жизнь. Визуальный текст органически артикулируется поэтическим словом, ведь кроме прочего, визуальный код поддержан закадровым голосом, читающим стихи отца режиссера, Арсения Тарковского.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.
(Арсений Тарковский, 1977).

Помимо прямых знаково-символических отсылок и визуальных метафор возможна система тонких отсылок к метатексту за кадром, который усиливает художественное совершенство визуального текста – к поэзии. Именно фильм «Зеркало» имеет эти ярко выраженные особенности. Закадровый голос Арсения Тарковского, отца режиссера, читающего собственные стихи, делает необычайно цельной и подлинной художественную реальность фильма-исповеди. Вот пример очень тонкой интерпретаций огня в контуре человеческой ладони:

А стол один и прадеду, и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
(Арсений Тарковский. «Жизнь, жизнь», 1965)

Сухое (обугленное) Дерево в фильмах Тарковского посылает знаки косности, безнадежности, безжизненности окружающего мира. Той косности, которая вносит элемент хаоса в мировое сущее и которую надо преодолеть каким-то духовным качеством, например, светом или огнем души, силой любви.

Особого рода семиотическими носителями кинематографической знаковости в фильмах Тарковского выступают музыка и живопись. При этом надо отметить, что здесь Тарковский чрезвычайно избирателен. Шедевры Иоганна Себастьяна Баха и Леонардо да Винчи, безусловно, являются доминирующими в ткани фильмов Тарковского. И именно они образуют большие смысловые блоки, «линии розы» для художественной «сборки» множества смыслов.

По мнению Тарковского, судьба и происхождение человека изначально скрыты от нас, неясны и туманны. Закономерности познания ставят нас на ложный путь и подводят лишь к «иллюзии знакомства». «Познание мира» не имеет ничего общего с последовательным открытием истинных в объективном смысле закономерностей» [1, с. 365]. Архитектура как особый вид искусства высвечивает самые широкие, самые объективные, не зависящие от субъективных человеческих желаний и ощущений контуры истинного бытия. Высокие ис-

тины божественного *архитектоничны*. Но среди творений Тарковского было бы ошибкой искать монументальные архитектурные «громады» в кадре. В лучшем случае это развалины готического собора, как это продемонстрировано в фильме «Ностальгия». «Остов» собора в финальной сцене фильма растворяется в дымке небесного «ничто», сопровождаемый завораживающими напевами русских народных песен. Наивысший образ Храма дает сама Природа. Деревья, травы, поле, лес, линия горизонта – все выстраивается через микрокосм сознания эстетического субъекта, будь это человек, народ, эпоха.

Ветхозаветный мотив Святой Троицы как важный архетипический сюжет присутствует в фильмах «Андрей Рублев» и «Сталкер». Семантика троичности чрезвычайно важна для понимания глубинной архитектоники культуры [12; 15; 18]. В первом фильме в результате земных испытаний главному герою открывается истинное видение Пресвятой Троицы, а в ситуации другого фильма – «Сталкер» – семантика Троицы или Триады «перевернута» и спроецирована на реальность посткапиталистического общества. Семантика Трех дана здесь саркастически. Игра трех знаменитых актеров в этой троичной системе координат (Александра Кайдановского (Сталкер), Анатолия Солоницына (Писатель), Николая Гринько (Профессор)) передает фигуру Троицы пусть и в несколько гротескной форме, но эта трагикомичность позволяет в кинематографически смоделированной экзистенциальной ситуации увидеть то, что невозможно увидеть в реальности воображаемой.

Тот или иной великий шедевр И.-С. Баха или Леонардо Да Винчи, который цитируется в фильмах Тарковского, подобно некоему воображаемому «собору» фокусирует в своем поле все остальные элементы. «Сборка» смыслов создается в структурном поле шедевра. Пользуясь архитектурной терминологией, творчество того или иного композитора, мастера живописи дает нам смысловой каркас, несущий набор высоких смыслов, зашифрованных в кинотексте. Набор сакральных смыслов в финальной новелле фильма «Зеркало», отсылающих к тайнам жизни и смерти, органично вплетается в музыку из «Страстей по Иоанну» И.-С. Баха. Сокровенные смыслы и эзотерическая семантика жертвоприношения в одноименном фильме Тарковского вписаны в контур «Поклонения волхвов» Леонардо да Винчи. Шедевры мирового искусства – ключи в духовный мир, в сокровищницу всего человечества. В этой связи необходимо вспомнить особенно цитируемую Тарковским сцену по мотивам работы Питера Брейгеля-старшего «Охотники на снегу». Такой художественный прием в искусстве с позиций семиотики можно охарактеризовать как «текст в тексте» [19, с. 58–78]. «Охотники на снегу» – смотровая площадка внутри самого фильма, вход в пространство вечного, нетленного, уже состоявшегося в мире искусства. Усиливая это ощущение причастности к вечному и нетленному, зритель, который сумел прочувствовать то состояние, которое зашифровал в кинотексте режиссер, получает возможность попасть в «святая святых» искусства, в запечатленное подписью мастера пространство-время уникального художественного творения. Совершенно отчетливо этот сюжет смоделирован в фильмах «Солярис» и «Зеркало».

Символы «лошадь» или «молоко» могут просчитываться в зависимости от контекста, от ситуации, запечатленной в кадре. Молоко, пролившееся из кувшина в болото в сцене ослепления из «Андрея Рублева», или молоко, разлитое в момент мировой катастрофы в «Жертвоприношении» имеет негативные семантические коннотации. Тогда как молоко, которое расплескивает юная княжна в «Рублеве», символизирует любовь и полноту жизни.

Молоко, разлитое на обеденном столе или капающее с полки внутри дома может означать особого рода душевное благополучие, чувство благодати и полноты жизни.

Для понимания смыслов культуры необходимо фундаментальное уподобление процесса кинематографического восприятия креативному пространству воображаемого, где создаются образы, смыслы, перцепции, векторы понимания. Восприятие здесь соседствует с постижением, а постижение с духовным восхождением. Можно постигать историю (у Арнольда Тойнби «The Study of History»), можно также постигать смыслы культуры. Термин «постижение» присутствует в первой сцене фильма «Зеркало». Этот термин в тезаурусе Тарковского предельно мистичен, выступая, как отсылка ко внечеловеческим инстанциям в жизни человека: от травы и деревьев мистической Зоны в «Сталкере», до разумной далекой планеты в «Солярисе».

Метаязык киноискусства полицентричен и нестандартен. Несомненно, субъективный фактор здесь играет ключевую роль. Пространство-время внутренней жизни субъекта есть непостоянная величина, есть измерение бытия, существующее во внесемиотическом пространстве по отношению к той знаковости, которая присутствует в конструкции напечатанного текста. Однако так представляется только в первом приближении. Во-первых, художественный текст «соотносится не с одним, а со многими дешифрующими его кодами. Индивидуальное в художественном тексте – это не внесистемное, а многосистемное» [19, с. 191]. Во-вторых, художественный текст редко существует сам по себе, он «реагирует на соположенные ... тексты, входя с ними в семантические отношения. Так рождается проблема композиции ансамблей...» [19, с. 190]. Поэтому, говоря о субъективном вкладе кинорежиссера в киноискусство и мир культуры в целом, можно согласиться с мнением Ю. Лотмана. Если бы не существовало фильмов Бунюэля и Бергмана, полотен Леонардо, икон и фресок Андрея Рублёва, живописи Брейгеля и Рембрандта, музыки Баха и Бетховена, которые дают нам неповторимый синтез культурных смыслов, образуя ту самую уникальную палитру кинокартин знаменитого кинорежиссера, метаязык фильмов Андрея Тарковского был бы иным.

Заключение. В результате выполненного исследования было выявлено, что метаязык кинорежиссуры – это сложная многоуровневая семиотическая система и в то же время органическое единство образов, спроецированных из внутреннего мира режиссера, пытаясь расшифровать коды которого мы получаем лишь его знаковые (символические проекции). Та составляющая, которая образует твердое ядро киноязыка режиссера, имея самое непосредственное отношение к его индивидуальности, его внутреннему миру, по сути и является глубинным метаязыком киноповествования. Мастер должен избегать шаблонов и создавать элементы собственного киноязыка, метаязыка. Будучи методологически отрефлексирована, семиотика такого языка может быть понята двояко в метаязыковом контексте. В таком случае язык киноповествования становится метаязыком, будучи расщеплен на субъективную и объектную составляющие. Субъективная составляющая здесь очень важна как манифестация внутреннего мира художника, кинорежиссера, должна быть выработана «многосистемность» метаязыка, которая определяет индивидуальность творца кино.

Нами продемонстрировано, что структуру художественного метаязыка режиссера могут составлять как символы, знаки, смыслы и ракурсы, индивидуальные монтажные траектории, так сама уникально выстроенная динамика киноповествования, поэзис. При этом

необходимо интертекстуальное прочтение знакового материала в фильмах режиссера, это усиливает и углубляет творческое повторение сходных мотивов. По мнению Андрея Тарковского, у научного познания и художественного есть как точки соприкосновения, так и фундаментальное различие. Научное познание требует аналитики деталей, выстраивания системы обоснований, художественный же образ устремлен к абсолютной истине, целостен, неразложим на части, его можно принять только на веру. «Логика смысла» кинематографа противоположна формальной логике научного познания.

Установлено, что в творчестве Тарковского важны две доминанты режиссерского метаязыка: метафизика внутреннего мира (ей соответствуют, к примеру, метафоры глубины или бездны) и метафизика стихий (ей соответствуют, к примеру, метафоры огненной, водной, земной стихий, потока жизни, течения времени). Дискурсы внутреннего мира и стихийности по-разному преломляются в фильмах Тарковского и в текстах исследований, в которых присутствуют эти две стратегии мировосприятия. Способ медиации между той и другой сторонами восприятия – время как состояние внутреннего мира режиссера, природные стихии, ставшие стихиями внутреннего мира. Нами представлен в указанном контексте ряд стихийных и предметных метафор, раскрывающих проблематику взаимодействия мира культуры и внутреннего мира художника, режиссера.

Определено, что метаязык кино – язык действия, процесса. Персонаж фильма погружен в разворачивающееся в кадре действие. Вопрос о метаязыке выливается в дифференциацию наблюдающего и наблюдаемого. Для этого необходимо выделение определенных уровней и позиций наблюдения внутри киношедевра. Слов вербального языка для формирования метаязыка искусства явно недостаточно. «Черной дырой» кинематографической знаковости становится внутренний мир самого режиссера, в поле которого могут возникнуть новые смысловые слои и форматы прочтения кинотекста. Семиотическими носителями кинематографической знаковости в фильмах Тарковского выступают музыка, живопись, поэзия, стихийная семантика, семантика числа, закадровый голос персонажа. Поэтому очень важны символы, знаки, паузы, репрезентация течения времени и природных стихий, а также демонстрация общекультурных архетипических схем, выражаемых семантикой троичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарковский А. А. Запечатленное время: размышления о кино. М.: Международный ин-т им. Андрея Тарковского, 2024.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. С. Добронравова, Д. Г. Лахути. М.: Канон+, 2011.
3. Гильберт Д. Основания геометрии / пер. с нем. И. С. Градштейна. М.-Л.: ОГИЗ, Ростехиздат, 1948.
4. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959.
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989.
6. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. М.: Языки русской культуры, 1997.
7. Шпенглер О. Закат Европы / пер. с нем. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
8. Померанц Г. С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 2-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
9. Сальвестрони С. Фильмы Андрея Тарковского и русская духовная культура / пер. с итал. Т. Шишковой. М.: Библ.-богослов. ин-т св. апостола Андрея, 2007.

10. Бёрд Р. Андрей Тарковский: стихии кино. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023.
11. Салынский Д. Л. Киногерменевтика Тарковского. М.: Продюсерский центр «Квадрига», 2009.
12. Евлампиев И. И. Художественная философия Андрея Тарковского. 2-е изд. Уфа: ARC, 2012.
13. Туровская М. И. 7 1/2, или фильмы Андрея Тарковского. М.: Искусство, 1991.
14. Борзова Е. П. Триадология. СПб.: СПГУКИ, 2007.
15. Эйзенштейн С. М. Чет–нечет. Раздвоение Единого // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1998. С. 234–279.
16. Мельшиор-Бонне С. История зеркала / пер. с фр. Ю. М. Розенберг. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
17. Эко У. О зеркалах и другие истории. Между поэзией и прозой / пер. с итал. А. Голубцовой, Л. Каца. М.: Слово, 2020.
18. Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.
19. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академ. проект, 2002.

Информация об авторах.

Мальшиев Владислав Борисович – доктор философских наук (2014), доцент (2010), профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара, 443100, Россия. Автор 107 научных публикаций. Сфера научных интересов: семиотика, философия культуры, философия языка, философия кино.

Стоцкая Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук (2010), доцент (2005), профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара, 443100, Россия. Автор 87 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, проблемы интерпретации феномена рациональности, исследование научной и экономической рациональности.

Борисова Татьяна Вадимовна – доктор философских наук (2005), доцент (1991), профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара, 443100, Россия. Автор 73 научных публикаций. Сфера научных интересов: философский анализ предпринимательской деятельности, социальная философия, проблемы исторической памяти.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.09.2025; принята после рецензирования 12.11.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. Tarkovskii, A.A. (2024), *Zapechatlennoe vremya: razmyshleniya o kino* [Captured Time: Reflections on Cinema], Mezhdunarodnyi institut imeni Andrey Tarkovskogo, Moscow, RUS.
2. Wittgenstein, L. (2011), *Logisch-Philosophische Abhandlung*, Transl. by Dobronravov, I.S. and Lakhuti, D.G., Kanon+, Moscow, RUS.
3. Hilbert, D. (1948), *Grundlagen der Geometrie*, Transl. by Gradshtein, I.S., OGIZ, Rostekhizdat, Moscow, Leningrad, USSR.
4. Karnap, R. (1959), *Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic*, Izd-vo inostr. lit-ry, Moscow, USSR.
5. Barthes, R. (1989), *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics], Transl., Progress, Moscow, USSR.
6. Mamardashvili, M.K. and Pyatigorskii, A.M. (1997), *Simvol i soznanie* [Symbol and consciousness], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, RUS.
7. Spengler, O. (2000), *Der Untergang des Abendlandes*, Transl., Kharvest, AST, Minsk; Moscow, RUS.

8. Pomerants, G.S. (2013), *Otkrytost' bezdne. Vstrechi s Dostoevskim* [Openness to the abyss. Meetings with Dostoevsky], 2nd ed., Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow; SPb., RUS.
9. Silvestroni, S. (2007), *Il Cinema di Tarkovskij e la Tradizione Russa*, Transl. by T. Shishkova, Bibl.-bogoslov. in-t sv. apostola Andrey, Moscow, RUS.
10. Berd, R. (2023), *Andrei Tarkovskii: stikhii kino* [Andrey Tarkovsky: Elements of Cinema], Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh", Moscow, RUS.
11. Salynskii, D.L. (2009), *Kinogermenevtika Tarkovskogo* [Tarkovsky's Kinogermeneutics], Prodyuserskii tsentr "Kvadriga", Moscow, RUS.
12. Evlampiev, I.I. (2012), *Hudozhestvennaya filosofiya Andrey Tarkovskogo* [The artistic philosophy of Andrei Tarkovsky], 2nd ed., ARC, Ufa, RUS.
13. Turovskaya, M.I. (1991), *7 1/2, ili fil'my Andrey Tarkovskogo* [7 1/2, or the films of Andrei Tarkovsky], Iskusstvo, Moscow, RUS.
14. Borzova, E.P. (2007), *Triadologiya* [Triadology], SPGUKI, SPb., RUS.
15. Ehizenshtein, S.M. (1998), "Even–Odd. The Bifurcation of the One", *Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East – West. Researches. Translations. Publications], Nauka, Moscow, RUS, pp. 234–279.
16. Melchior-Bonnet, S. (2024), *Histoire du Miroir*, Transl. by Rozenberg, Yu.M., NLO, Moscow, RUS.
17. Eko, U. (2020), *Sugli specchi e altri saggi*, Transl. by Golubtsova, A. and Kats, L., Slovo, Moscow, RUS.
18. Florenskii, P.A. (1996), *Sochineniya* [Essay], in 4 vols., vol. 2, Mysl', Moscow, RUS.
19. Lotman, Yu.M. (2002), *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art], Akademicheskii proekt, SPb., RUS.

Information about the authors.

Vladislav B. Malyshev – Dr. Sci. (Philosophy, 2014), Docent (2010), Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences, Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara 443100, Russia. The author of 107 scientific publications. Area of expertise: semiotics, philosophy of culture, philosophy of language, philosophy of cinema.

Tatiana G. Stotskaya – Dr. Sci. (Philosophy, 2010), Docent (2005), Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences, Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara 443100, Russia. The author of 87 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, problems of interpretation of the phenomenon of rationality, research of scientific and economic rationality.

Tatiana V. Borisova – Dr. Sci. (Philosophy, 2006), Docent (1991), Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences, Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara 443100, Russia. The author of 73 scientific publications. Area of expertise: philosophical analysis of entrepreneurial activity, social philosophy, problems of historical memory.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.09.2025; adopted after review 12.11.2025; published online 20.04.2026.

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-65-82>

Культура цифровой прозрачности и человек в условиях алгоритмического надзора: социальный скоринг в контексте философской антропологии

Мария Сергеевна Сорокопуд¹✉, Алексей Алексеевич Коник²

^{1, 2}Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹✉azarimariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8112-1962>

²Konik_inf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4563-3509>

Введение. В условиях стремительной цифровизации общества социальный скоринг и социальный рейтинг становятся ключевыми инструментами алгоритмического надзора, радикально изменяя взаимодействие человека, государства и цифровых систем. Если социальный рейтинг первоначально создавался как система стимулирования общественно одобряемого поведения (примером служит китайская модель 2014 г.), то социальный скоринг расширяет эту практику, превращаясь в универсальный инструмент оценки личности на основе цифрового следа. В философско-антропологической перспективе эти процессы требуют переосмысления человеческой субъектности: границ свободы, идентичности и автономии в условиях цифрового контроля. Концепция биовласти М. Фуко и идеи «общества контроля» Ж. Делеза позволяют рассматривать социальный скоринг как проявление новой формы власти, действующей через внутреннее согласие человека с алгоритмически заданными нормами.

Методология и источники. Исследование основано на герменевтическом и критико-аналитическом подходах, а также на методах философской интерпретации понятий цифровой субъектности и алгоритмического управления. Используются труды М. Фуко, Ж. Делеза, Б. Стиглера, а также современные исследования цифровой культуры (М. Т. Саблин, Ю. Цветков, А. А. Лазаров). Эмпирическую базу составляют практики социального скоринга в Китае, США и России, включая отечественную экспериментальную платформу социального рейтинга «Мы», разработанную РГСУ как тестовую модель оценки социального статуса граждан.

Результаты и обсуждение. Социальный скоринг формирует новый тип субъекта, чья идентичность создается на основе цифровых данных и алгоритмов предсказательной аналитики. Возникает феномен цифрового конформизма: человек выстраивает поведение в соответствии с алгоритмическими ожиданиями, стремясь поддерживать высокий рейтинг, при этом исчезает граница между моральным выбором и вычисляемой полезностью. Отсутствие прозрачности алгоритмов усиливает риски дискриминации и неравенства. Российская практика демонстрирует тенденцию к расширению цифрового контроля под предлогом обеспечения безопасности, что вызывает этические вопросы о допустимых пределах государственного надзора.

Заключение. Социальный скоринг и социальный рейтинг представляют собой проявление новой парадигмы цифровой власти, в рамках которой субъект утрачивает автономию и становится объектом алгоритмической оценки. Они воздействуют на ис-

© Сорокопуд М. С., Коник А. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

следуемые отношения, превращая социальное доверие в управляемый цифровой ресурс, а субъектность в продукт вычислимой рациональности. Для сохранения человеческого измерения цифрового общества необходимы философские и нормативные рамки, направленные на защиту достоинства, свободы и права на анонимность. Гуманизация технологий и прозрачность алгоритмов становятся важнейшими условиями сохранения автономной личности в эпоху цифрового контроля.

Ключевые слова: социальный скоринг, социальный рейтинг, цифровизация, цифровая прозрачность, алгоритмический надзор, виртуальная идентичность, биовласть, субъективация, цифровая этика, защита персональных данных

Для цитирования: Сорокопуд М. С., Коник А. А. Культура цифровой прозрачности и человек в условиях алгоритмического надзора: социальный скоринг в контексте философской антропологии // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 65–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-65-82

Original paper

The Culture of Digital Transparency and the Individual in the Context of Algorithmic Surveillance: Social Scoring in the Context of Philosophical Anthropology

*Maria S. Sorokopud*¹✉, *Alexey A. Konik*²

^{1, 2}*Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia*

¹✉*azarimariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8112-1962>*

²*Konik_inf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4563-3509>*

Introduction. In the context of the rapid digitalization of society, social scoring and social rating are becoming key tools of algorithmic surveillance, radically changing the interaction between individuals, the state, and digital systems. While social ratings were initially created as a system for incentivizing socially approved behavior (an example is the Chinese model of 2014), social scoring expands this practice, becoming a universal tool for assessing individuals based on their digital footprint. From a philosophical and anthropological perspective, these processes require a rethinking of human subjectivity: the boundaries of freedom, identity, and autonomy in the context of digital control. Michel Foucault's concept of biopower and Gilles Deleuze's ideas of the "society of control" allow us to consider social scoring as a manifestation of a new form of power, operating through a person's internal agreement with algorithmically determined norms.

Methodology and sources. The study is based on hermeneutic and critical-analytical approaches, as well as methods of philosophical interpretation of the concepts of digital subjectivity and algorithmic governance. The works of M. Foucault, G. Deleuze and B. Stiegler are used, as well as contemporary studies of digital culture (M.T. Sablin, Yu. Tsvetkov, A.A. Lazarov). The empirical basis is provided by social scoring practices in China, the United States, and Russia, including the domestic experimental social rating platform "We", developed by the Russian State Social University as a test model for assessing citizens' social status.

Results and discussion. Social scoring creates a new type of subject, whose identity is constructed based on digital data and predictive analytics algorithms. A phenomenon of digital conformism is emerging: people base their behavior on algorithmic expectations, striving to maintain a high rating, while, the boundary between moral choice and calculated utility disappears. The lack of transparency in algorithms increases the risks of discrimination and inequality. Russian practice demonstrates a trend toward expanding

digital control under the guise of ensuring security, raising ethical questions about the permissible limits of state surveillance.

Conclusion. Social scoring and social ratings represent a manifestation of a new paradigm of digital power, within which the subject loses autonomy and becomes the object of algorithmic assessment. They influence these relationships, transforming social trust into a manageable digital resource, and subjectivity into a product of computable rationality. Preserving the human dimension of digital society requires a philosophical and normative framework aimed at protecting dignity, freedom, and the right to anonymity. The humanization of technology and the transparency of algorithms are becoming crucial conditions for preserving the autonomous individual in the era of digital control.

Keywords: social scoring, social rating, digitalization, digital transparency, algorithmic surveillance, virtual identity, biopower, subjectivation, digital ethics, personal data protection

For citation: Sorokopud, M.S. and Konik, A.A. (2026), "The Culture of Digital Transparency and the Individual in the Context of Algorithmic Surveillance: Social Scoring in the Context of Philosophical Anthropology", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 65–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-65-82 (Russia)

Введение. В эпоху стремительной цифровизации общество сталкивается с новыми формами социальной регуляции, основанными на сборе, анализе и оценке больших данных. Одним из наиболее ярких проявлений этой тенденции является социальный скоринг, система алгоритмической оценки поведения человека, в которой цифровая репутация становится фактором, определяющим доступ к социальным ресурсам, возможностям и привилегиям. Однако в последние годы все чаще используется и близкое по смыслу, но концептуально отличное понятие «социальный рейтинг». Если социальный скоринг связан преимущественно с технологическими механизмами анализа данных и автоматизированной оценкой, то социальный рейтинг предполагает более широкую нормативно-ценностную рамку, направленную на стимулирование «социально одобряемого» поведения и наказание за нарушения законов и моральных норм. В этом смысле социальный рейтинг представляет собой инструмент формирования «цифрового гражданства», когда социальное доверие становится объектом цифрового управления.

Показательным примером служит китайская модель, запущенная в июле 2014 г., в которой социальный рейтинг граждан оценивает их по множеству критериев (от финансовой дисциплины до гражданской активности). Система, основанная на поощрении общественно полезного поведения и санкциях за отклонения, вызвала широкий резонанс, разделив общество на сторонников и критиков. Для одних она стала символом дисциплинированного цифрового общества, а для других инструментом тотального контроля.

В российском контексте феномен социального скоринга и социального рейтинга пока находится на стадии формирования, однако наблюдаются процессы, указывающие на постепенное внедрение подобных практик. Особого внимания заслуживает экспериментальная платформа «Мы», запущенная в июле 2024 г. Российским государственным социальным университетом (РГСУ) [1]. Проект позиционируется как прототип отечественной системы социального рейтинга, оценивающей статус человека по ряду критериев, включая социальную активность, цифровое поведение и участие в общественной жизни. Несмотря на то, что система пока находится в тестовом режиме, она демонстрирует тенденцию к институционализации цифрового контроля и алгоритмизации социального доверия.

В философско-антропологической перспективе социальный скоринг и социальный рейтинг требуют переосмысления сущности человеческого субъекта, его свободы и идентичности в условиях алгоритмического надзора. Концепция биовласти М. Фуко и идеи общества контроля, предложенные Ж. Делезом, позволяют рассматривать цифровые механизмы оценки как новые формы власти, пронизывающие повседневность. В этой связи культура цифровой прозрачности выступает новым типом социальной дисциплинарности, когда человек постепенно превращается из автономного субъекта в объект постоянного наблюдения и нормирования.

Целью настоящего исследования является анализ феномена социального скоринга и социального рейтинга в контексте философской антропологии, выявление их влияния на процессы субъективации, цифровой идентичности и автономии человека в условиях алгоритмического контроля.

Методология и источники. Методологической основой исследования является философско-антропологический подход, направленный на осмысление трансформации человеческой субъектности в условиях цифровой прозрачности и алгоритмического надзора. В центре внимания – влияние технологий социального скоринга и социального рейтинга на процессы формирования субъектности человека, т. е. формирование его идентичности с помощью механизмов цифрового контроля и самооценки.

В качестве аналитических инструментов применяются положения критической теории власти (М. Фуко, Ж. Делез, Дж. Агамбен), позволяющие рассматривать алгоритмические формы наблюдения как часть более широкой системы биополитического управления. Концепция биовласти М. Фуко раскрывает, каким образом цифровые технологии становятся инструментом регуляции поведения и нормализации социальных практик, а идея общества контроля Ж. Делеза позволяет выявить переход от институциональных форм надзора к распределенным сетевым структурам. В свою очередь концепт симуляции Ж. Бодрийера используется для анализа феномена виртуальной идентичности, формирующейся в условиях цифрового медиапространства, в котором реальность все чаще подменяется ее цифровыми репрезентациями.

Методологический инструментарий дополняют герменевтический и критико-аналитический подходы, ориентированные на интерпретацию текстов и практик цифровой культуры как носителей определенных антропологических смыслов. Исследование также опирается на современные подходы к изучению алгоритмической субъектности (Б. Стиглер, Ш. Зубофф, Л. Флориди), а также на отечественные разработки в области философии технологий и цифровой этики (К. Е. Следнева, М. В. Федоров, Ю. А. Цветков и др).

Источниковая база включает философские и социокультурные исследования, стратегические документы по цифровой трансформации, правовые акты в сфере защиты персональных данных, а также материалы, отражающие актуальные кейсы социального скоринга и социального рейтинга в разных странах. В качестве эмпирических примеров рассматриваются:

- китайская система социального рейтинга, основанная на национальной программе 2014 г.;
- американские корпоративные скоринговые модели (в частности, платформенные системы Amazon и Equifax, а также инструменты поведенческой аналитики в HR-сфере);
- российские практики цифрового контроля и экспериментальная платформа социального рейтинга «Мы».

Используемая методология позволяет выявить внутренние противоречия цифровой рациональности между эффективностью управления и сохранением человеческой автономии. Обозначенный подход делает возможным комплексный анализ социального скоринга как технологического, но и прежде всего антропологического феномена, формирующего новые границы свободы, идентичности и доверия в цифровом обществе.

Результаты и обсуждение. Термин «социальный скоринг» происходит от английского слова «scoring», что буквально означает «подсчет очков». В современном контексте он описывает систему балльной оценки, применяемую для принятия решений в различных социальных и экономических сферах. Исторически первые скоринговые системы, появившиеся в 1940-х гг. в США, были разработаны для оценки платежеспособности и надежности контрагентов. Данные обрабатывались вручную, основываясь на ограниченном числе характеристик, указанных клиентами в анкетах. В эпоху глобальной цифровой трансформации социальный скоринг стал «инструментом масштабного алгоритмического управления с использованием больших баз данных, что значительно расширило его функции и сферы применения» [2, с. 34].

Вместе с тем важно различать социальный скоринг и социальный рейтинг, который имеет свою специфику. Например, в Китае с июля 2014 г. действует национальная система социального рейтинга, направленная на поощрение граждан за общественно полезное поведение и наказание за нарушения законов и моральных норм. Система начисляет баллы: чем выше рейтинг, тем больше привилегий получает человек (например, доступ к выгодным кредитам, скидки, приоритетное обслуживание), а низкий рейтинг ограничивает возможности, включая запрет на выезд за границу или доступ к определенным услугам. Такой подход вызывает неоднозначные оценки. Одни исследователи рассматривают его как инструмент социальной дисциплины, а другие как форму репрессивного контроля [3].

Социальный скоринг – это процесс, при котором используются цифровые профили для оценки и прогнозирования поведения граждан и организаций на основе их интернет-активности и других цифровых следов [4, с. 90]. В отличие от традиционных методов оценки личности (например, кредитного рейтинга), социальный скоринг учитывает множество факторов: онлайн-поведение, взаимодействие в социальных сетях (Instagram¹, X (ранее Twitter)², TikTok и др.), покупки, финансовые операции, а также эмоциональные реакции и предпочтения в цифровом пространстве. Анализ больших данных с применением алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта позволяет формировать «цифровой профиль личности, который отражает социальный капитал, поведение и соответствие социальным нормам» [4].

На практике социальный скоринг и социальные рейтинги внедряются в разных странах. В Китае система оценивает финансовую историю, социальное поведение, участие в политических и культурных мероприятиях, а также образ жизни и привычки граждан (спорт, волонтерство и т. д.) [5]. В США социальный скоринг применяется для прогнозирования поведения клиентов в банках, страховых компаниях и трудоустройстве: алгоритмы помогают оце-

¹ Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации с 21 марта 2022 г. Принадлежит экстремистской организации.

² X (до 2023 г. – «Твиттер») – американская социальная сеть. Это шестой по посещаемости сайт в мире и одна из крупнейших социальных сетей с 550 млн пользователей ежемесячно.

нивать кредитные риски и предотвращать мошенничество [6]. В России с июля 2024 г. начал функционировать экспериментальный сервис «Мы». Платформа оценивает статус граждан по различным критериям социальной активности, пока остается тестовой и требует доработки, но демонстрирует тенденцию к внедрению отечественного социального рейтинга.

Использование социального скоринга порождает ряд этических и правовых вопросов. Ключевые проблемы включают манипуляцию информацией, отсутствие прозрачности алгоритмов, возможность дискриминации определенных групп, усиление социального неравенства и нарушение права на приватность. По мнению некоторых современных исследователей, «алгоритмы могут негативно влиять на людей с низким социально-экономическим статусом, нестабильным образом жизни или ограниченным доступом к цифровым ресурсам, что формирует “цифровой барьер” и усиливает исключение из социальных и экономических процессов» [7, с. 138].

Социальный скоринг оказывает прямое влияние на адаптацию и субъектность человека. Постоянный мониторинг и оценка вынуждают людей подстраиваться под алгоритмические ожидания, повышая уровень стресса, тревожности и влияя на самооценку, что делает цифровую адаптацию как личной задачей, так и социально значимой обязанностью, связанной с требованиями глобального цифрового общества. В контексте философско-антропологического подхода социальный скоринг выступает как механизм биовласти, формирующий поведение и нормализующий социальную практику с помощью цифровых технологий, что поднимает вопросы о свободе и автономии субъекта.

Интегрируя алгоритмы больших данных и искусственного интеллекта, социальный скоринг и социальный рейтинг становятся инструментами управления, влияющими на идентичность и социальное поведение граждан, вызывая необходимость правового и этического регулирования, прозрачности алгоритмов и развития систем апелляции для защиты прав пользователей.

Этические и правовые аспекты использования социального скоринга. Одной из наиболее острых этических проблем, возникающих в условиях социальных скорингов и глобальной цифровизации, является угроза манипуляции поведением людей. В системах социального скоринга и социальных рейтингов возникает прямая угроза для личной свободы. Люди становятся объектами непрерывного наблюдения и оценки, что формирует зависимость от внешних факторов и требует постоянного подстраивания своего поведения под алгоритмические ожидания.

В современной России можно наблюдать тенденции к усилению контроля поведения граждан с использованием цифровых технологий. Одним из наиболее заметных проявлений этой тенденции является практика мониторинга социальных сетей и сети «Интернет» с целью выявления материалов, классифицируемых как «экстремистские». Несмотря на конституционно закрепленное право на свободу выражения мнений, возникает вопрос о балансе между защитой этих прав и необходимостью предотвращения деструктивной деятельности, включая дискредитацию власти, призывы к насилию или экстремизму.

Технологии, включая искусственный интеллект, используемые для анализа онлайн-активности, подвержены рискам ошибочных интерпретаций. Преступники могут создавать фальшивые аккаунты, имитирующие действия невиновных людей, чтобы дискредитировать их или

устранить конкурентов. В таких случаях алгоритмы могут формировать негативный цифровой профиль даже при отсутствии реальной вины, что способно ограничивать права граждан.

Особенно важно учитывать, что автоматизированные системы часто работают на основе фрагментарных данных, тогда как в правоохранительной практике оценка доказательств предполагает комплексный подход и тщательный сбор подтверждений. Использование неполных данных в алгоритмах скоринга может создавать предпосылки для внедрения репрессивных практик. В этой связи необходимо вырабатывать правовые и этические стандарты, минимизирующие риски и обеспечивающие баланс между защитой гражданских прав и государственной безопасностью.

В 2020 г. в России Указом Президента РФ от 29.05.2020 № 344 была утверждена новая редакция Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. [8]. Документ определяет цели и задачи государственной политики в сфере противодействия экстремизму и легитимизирует контроль содержимого социальных сетей и интернет-ресурсов. Усилен надзор за «антигосударственной» деятельностью и политической активностью в сети. Органы власти и правоохранительные органы получили полномочия по мониторингу интернет-сегмента для выявления запрещенного контента. Такой подход повышает риск того, что алгоритмы интерпретируют обычное гражданское поведение как угрозу безопасности, влияя на социальную адаптацию и ограничивая свободу выражения мнений.

Манипуляция информацией становится особенно актуальной в контексте воздействия цифровых технологий на массовое сознание. Алгоритмы, анализирующие предпочтения и поведение пользователей, позволяют формировать индивидуализированные рекламные и политические сообщения, что воздействует на общественное мнение. В России такие технологии применяются в социальных сетях, включая ВКонтакте, Одноклассники и др., где пользователи подвергаются влиянию таргетированных политических и рекламных кампаний, нарушающих принципы этической свободы и автономии субъекта.

Проблема приватности приобретает критическую значимость. Личные данные становятся важнейшим ресурсом цифровой экономики. В России активно обсуждается защита персональных данных, и законодательство постепенно развивается. С 1 марта 2021 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [9], требующие от компаний и государственных органов соблюдения стандартов обработки информации. Однако пробелов в регулировании остается много. Мобильные приложения, социальные сети и интернет-ресурсы продолжают собирать огромные объемы данных о гражданах, а системы социального скоринга не всегда соблюдают принципы добровольности и информированного согласия.

В Москве, например, функционирует система распознавания лиц «Сфера», подключенная к камерам транспортного видеонаблюдения. Программа «Безопасный город» «привела к установке 1 млн камер, треть из которых интегрирована с распознаванием лиц» [10]. С 2017 г. в столице установлено 216 тыс. камер, покрывающих 74 % общественных пространств и 0 % жилого сектора [11, с. 15]. Зафиксированы случаи использования данных без согласия граждан, что признано судами незаконным, в том числе при передаче личной информации частным компаниям. Вопрос о границах между безопасностью и правами личности остается открытым.

Отдельной проблемой является отсутствие в России четкого регулирования в сфере социального скоринга. В отличие от ЕС, где действует GDPR, у нас нет унифицированного акта, регулирующего цифровые технологии и социальный скоринг. Существующие законы о защите персональных данных часто не имеют практической реализации. Граждане могут не понимать, для каких целей используются их данные, что создает правовую незащищенность и неосведомленность о своих правах [12, с. 165].

Отсутствие стандартов оценки алгоритмов искусственного интеллекта в социальной сфере также остается критическим. AI-программы могут принимать решения, нарушающие права граждан, например, «при отказе в кредите, социальной выплате или начислении несуществующих задолженностей» [11]. Использование неполных или предвзятых данных усиливает социальное неравенство: доступ к финансовым, образовательным и трудовым ресурсам может зависеть от цифрового «социального рейтинга». В России такие системы могут углублять существующее социальное неравенство, исключая группы граждан, чьи цифровые следы не соответствуют алгоритмическим требованиям.

Примером служат микрофинансовые организации, в которых кредитная доступность напрямую зависит от цифрового следа клиента, его поведения в социальных сетях и данных о платежеспособности. Люди с низким социальным рейтингом оказываются в невыгодном положении, что ставит под угрозу их экономическую стабильность и доступ к базовым услугам.

В результате социальный скоринг и социальные рейтинги формируют новую парадигму цифрового надзора, когда алгоритмы влияют на личную свободу, социальную адаптацию и права граждан. Необходимым условием их безопасного применения становится развитие правовых норм, этических стандартов, прозрачных алгоритмов и механизмов апелляции, а также информированность пользователей о том, как и для чего используются их данные.

Проблемы информационной безопасности. В условиях глобальной цифровизации информационная безопасность становится ключевым аспектом как личной, так и национальной устойчивости. Расширение использования социальных платформ, мобильных приложений и систем социального скоринга создает новые векторы угроз для личной информации и функционирования критически важных инфраструктур. Данные могут передаваться мгновенно на огромные расстояния, что делает их уязвимыми для внешних атак, киберпреступности и манипуляций.

Наиболее распространенными угрозами остаются кибератаки, направленные на инфраструктуру и персональные данные. В феврале 2025 г. российский малый и средний бизнес столкнулся с новой киберугрозой, программой-вымогателем PE32, целью которой стало вымогательство финансовых средств за расшифровку данных. Вирус нацелен в основном на операционную систему Windows. Уязвимость была связана с удаленным доступом в версиях Windows, что демонстрирует, насколько критична своевременная техническая поддержка и обновление цифровых систем [13].

Рост фишинга и социальной инженерии также остается серьезной угрозой. Злоумышленники создают поддельные веб-сайты и письма, имитирующие банки, государственные органы или социальные платформы, чтобы получить конфиденциальные данные: пароли, реквизиты карт и личную информацию. В России за последние годы отмечен рост подобных случаев, что требует повышения цифровой грамотности граждан и внедрения современных антифишинговых технологий.

Не менее актуальны мобильные угрозы, включая шпионские программы, «трояны» и взломы смартфонов. Исследование «Лаборатории Касперского» 2024 г. показало, что в 2023 г. по сравнению с 2022-м количество кибератак на пользователей Android-устройств в России выросло в 1,5 раза. Мобильные устройства, будучи ключевым элементом цифровой идентичности, становятся критически уязвимыми в контексте социального скоринга, где данные используются для оценки поведения и финансовой надежности [14].

Глобальная цифровизация выводит информационную безопасность на уровень государственной и международной политики. Кибервойна и киберугрозы рассматриваются как реальные вызовы национальной безопасности, а защита информационных систем как стратегическая задача. В этой связи международное сотрудничество становится ключевым. Например, в ноябре 2021 г. на Первом комитете 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН был принят консенсусом российско-американский проект резолюции по проблематике международной информационной безопасности, поддержанный 107 странами [15].

Информационная безопасность в цифровой среде требует комплексного подхода, включающего технические меры, разработку правовых норм, этические стандарты и просвещение граждан. Важно, чтобы системы мониторинга, социального скоринга и распознавания лиц выполняли функции безопасности и соблюдали права и свободы личности, обеспечивая прозрачность алгоритмов и возможность контроля со стороны общества. Только интеграция технических, правовых и этических подходов позволит создать безопасное цифровое пространство, минимизировать риски манипуляций и обеспечить доверие пользователей к системам цифрового надзора.

Симуляции и виртуальные идентичности: новые формы власти. Современный феномен социального скоринга можно рассматривать в контексте трансформации классических форм власти, описанных М. Фуко. Если в дисциплинарных обществах власть реализуется через институциональные механизмы надзора (тюрьму, школу, больницу), то в цифровую эпоху наблюдается переход к алгоритмической биовласти, где контроль осуществляется посредством данных и кода [16]. Социальный скоринг становится ключевым инструментом этого перехода, переводя отношения власти в регистр числовой рациональности, когда человек оценивается как совокупность параметров, пригодных для вычисления и прогнозирования поведения.

По аналогии с тем, как паноптикон в модели дисциплины М. Фуко формировал самоконтролирующегося индивида, алгоритмические системы скоринга создают «цифрового паноптикона», в котором субъект наблюдает за самим собой через метрики и рейтинги. В этой системе власть становится анонимной, распределенной и не требует видимого наблюдателя, потому что встроена в цифровую инфраструктуру повседневности. В терминах Ж. Делеза, речь идет уже не о «заключенном в институции теле», а о «модулируемом человеке», постоянно адаптирующемся к потокам данных и меняющим свое поведение в соответствии с алгоритмическими ожиданиями [17, с. 248].

Социальный скоринг можно понимать как инструмент цифровой субъективации, при котором человек производит себя сам как «нормального» в цифровом смысле. В этом и заключается отличие скоринговой логики от дисциплинарной – вместо наказания за отклонение действует мотивация к «оптимальному поведению». Личность, осознавая, что ее циф-

ровой след становится предметом оценки, добровольно конструирует свою виртуальную идентичность в соответствии с нормативным образом, заданным алгоритмом.

Ж. Бодрийяр отмечал, что «в постиндустриальной культуре символический обмен подменяется обменом знаками» [18, с. 135]. В условиях социального скоринга этот обмен принимает форму обмена репутацией, когда рейтинг становится новой валютой социального признания. Алгоритм присваивает числовой эквивалент моральным качествам, тем самым подменяя этическое измерение прагматическим. Цифровое Я превращается в управляемый симулякр, иными словами, совокупность данных, оцениваемую системой безотносительно внутреннего содержания личности.

С философско-антропологической точки зрения это означает смещение центра человеческой субъектности от автономного субъекта, способного к моральному выбору, к вычисляемому «профилю», чья ценность определяется алгоритмически. Социальный скоринг тем самым оформляет переход от общества дисциплины к обществу контроля, когда свобода становится функцией цифровой прозрачности. В этой парадигме власть действует через добровольное участие субъекта в системе постоянной самооценки и публичного рейтинга.

Феномен социального скоринга радикально переопределяет представления о человеческой субъектности, превращая человека из автономного носителя воли в объект постоянного измерения и предсказания. В цифровом обществе идентичность больше не принадлежит самому субъекту, а конструируется через совокупность цифровых следов, репутационных метрик и алгоритмических интерпретаций. Описанный процесс можно охарактеризовать как алгоритмическую десубъективацию, при которой личность теряет право на ошибку, тайну и внутреннюю непредсказуемость, становясь функцией своих цифровых данных.

Как отмечает Б. Хан, «современная культура прозрачности уничтожает пространство для инаковости и внутреннего» [19, с. 97]. Цифровая открытость, внешне воспринимаемая как форма свободы, в действительности превращается в механизм самоконтроля. Человек становится «предсказуемым субъектом», чье поведение калибруется под стандарты алгоритмической рациональности. В рамках социального скоринга эта рациональность проявляется в постоянном стремлении поддерживать высокий рейтинг, что порождает феномен цифрового конформизма, т. е. подмену этического выбора поведенческой оптимизацией.

Социальный скоринг регулирует доступ к социальным благам и формирует тип личности, ориентированной на соответствие. Здесь возникает новый антропологический парадокс: чем больше субъект стремится к признанию в цифровом пространстве, тем сильнее он утрачивает внутреннюю автономию. Алгоритмическое управление не навязывает насилье извне, оно внедряется в мотивационные структуры самого человека. Субъект внутренне соглашается быть оцениваемым, ибо цифровой рейтинг становится формой социального признания, эквивалентом достоинства и доверия.

С точки зрения философской антропологии, можно утверждать, что социальный скоринг порождает новую форму субъектности – оценочную, основанную на постоянной соотнесенности с внешним цифровым взглядом. Подобный взгляд, воплощенный в алгоритме, заменяет Другого из классической феноменологии. Теперь человек познает себя не через встречу с другим человеком, а через статистические модели своего поведения. Б. Латур писал, что «в современном обществе границы между человеком и технологией стираются,

формируя гибридные онтологии» [20, с. 262]. Субъект превращается в «узел» сетевых связей, а его идентичность становится результатом цифровых операций.

Такая редукция субъектности до данных и рейтингов приводит к этической эрозии: исчезает различие между моральным и выгодным, личностным и публичным. Алгоритмическая рациональность не знает сострадания, стыда или искренности – лишь метрики соответствия, поэтому в контексте философской антропологии социальный скоринг можно рассматривать как предельное выражение постчеловеческой субъектности, когда человек утрачивает способность к подлинной саморефлексии и превращается в прозрачный элемент системы цифрового управления.

В цифровом пространстве власть постепенно смещается с контроля над материальными ресурсами к управлению образами, идентичностями и восприятием пользователей. Виртуальные идентичности создаются через социальные сети, игровые платформы и цифровые интерфейсы, позволяя пользователям экспериментировать с образом себя. Примеры включают Instagram, X и TikTok, а также игровые платформы вроде World of Warcraft и Fortnite. Цифровой аватар или псевдоним дают возможность формировать «вторую жизнь», в рамках которой человек может быть идеализированным образом себя или вымышленным персонажем. Часто виртуальная идентичность переплетается с реальной, размывая границы между физической личностью и ее цифровым образом.

Формирование виртуальной идентичности активно стимулируется алгоритмами платформ: фильтры для фото и видео, редакторы контента, цифровые награды и подписчики. Молодые пользователи создают образы, отражающие их самооценку и ожидания аудитории, формируя цифровую зависимость от внешних оценок (лайки, комментарии, репосты). Влияние виртуальных символов на поведение и самоощущение становится значительным, создавая новые вызовы для психоэмоционального здоровья.

Влияние виртуальных идентичностей на власть проявляется через «мягкую силу» цифровых платформ. Алгоритмы отбирают контент, формируют предпочтения и направляют культурные и идеологические установки, поддерживая доминирующие идеи. Пользователи становятся объектами управления через симуляцию реальности. Реклама и контент создают и поддерживают идеалы успеха, красоты и социального поведения, воздействуя на восприятие и моральные ориентиры. Указанная ситуация порождает новые этические и политические проблемы. Власть цифровых гигантов становится инструментом формирования вторичных реальностей, а пользователи участниками процессов манипуляции через психологическое воздействие. Виртуальные идентичности становятся объектом контроля и одновременно источником новой власти, когда личность подвергается алгоритмическому надзору.

Важной задачей становится критическая рефлексия над пределами допустимого вмешательства технологий в человеческую субъектность. Социальные сети и игровые платформы способны усиливать социальное давление, закреплять стереотипы и формировать нормы, в которых цифровая идентичность приобретает вес, сопоставимый с реальной.

Особое внимание необходимо уделять правовым и этическим аспектам управления виртуальными идентичностями. В условиях цифрового надзора необходимо создавать стандарты прозрачности алгоритмов, возможность апелляции и корректировки данных о пользователях. Обозначенные меры помогут снизить риск манипуляции и укрепить автономию личности, сохраняя баланс между цифровой культурой и человеческой свободой.

Перспективы и направления развития социального скоринга. Развитие систем социального скоринга требует внимания к вопросам интерпретируемости алгоритмов и устранения предвзятости данных. Данные, формируемые социальными практиками, могут искаженно отражать реальность, поэтому методы интерпретируемого машинного обучения позволяют минимизировать дискриминацию, повышая доверие пользователей к алгоритмическим решениям. Прозрачность и объяснимость решений становятся ключевыми требованиями при внедрении скоринговых систем в социальную сферу.

С точки зрения нормативной этики важно формировать международные стандарты и принципы, регулирующие использование социального скоринга, учитывая культурные и политические различия [21]. Унификация подходов к защите данных и обеспечению равенства может снизить конфликты между государственными интересами, корпоративными целями и правами человека.

Интересным направлением является применение технологий блокчейн, обеспечивающих децентрализацию и прозрачность. Хранение данных об оценках социальной активности в блокчейне позволяет защитить их от несанкционированного доступа и фальсификации, одновременно сохраняя возможность проверки достоверности. Например, с 2008 г. в Эстонии функционирует система KSI Blockchain для защиты данных граждан.

Не менее важным является создание механизмов обратной связи для пользователей. Возможность апелляции и разъяснения социальных рейтингов повышает справедливость системы, учитывая индивидуальные обстоятельства. Например, пользователь, столкнувшийся с ошибочным снижением рейтинга, может запросить пересмотр, что минимизирует социальные и моральные издержки. При этом подобные механизмы должны сочетать алгоритмическую обработку с участием независимых организаций, гарантирующих прозрачность и объективность решений.

Адаптивные модели социального скоринга позволяют учитывать культурные и социальные различия. Унифицированные системы глобального масштаба рискуют игнорировать локальные особенности. Например, критерии оценки социальной активности в коллективистских обществах (например, Япония) могут существенно отличаться от индивидуалистических стран (США). Адаптивные модели обеспечивают более точное отражение социальной реальности и снижают риск несправедливых оценок.

Цифровизация усиливает новые формы социального неравенства, включая ограниченный доступ к информационно-коммуникационным технологиям и недостаточную цифровую грамотность уязвимых групп населения. Концепция Дж. Ролза «завеса неведения» [22] становится особенно актуальной, поскольку справедливое общественное устройство возможно только при равном доступе к базовым цифровым ресурсам. Образовательные программы для маргинализированных групп помогают снизить риск исключения из цифровой социальной и экономической жизни.

Философы Т. Адорно и М. Хоркхаймер отмечали, что технологический прогресс без гуманистических ориентиров может стать инструментом подавления, а не освобождения: «Всякая попытка разрушить насилие природы, разрушая природу, все глубже и глубже погружает в насилие природы. Таков путь европейской цивилизации» [23, с. 89], поэтому системы социального скоринга требуют постоянного мониторинга их социального воздей-

ствия и потенциальных рисков, чтобы минимизировать возможность использования их как механизма репрессий.

Важным направлением является также постоянная оценка социальной и этической легитимности алгоритмов. Социальный скоринг не должен ограничиваться технической эффективностью и должен учитывать вопросы автономии личности, социальной справедливости и культурного контекста. Контроль, прозрачность и возможности апелляции становятся ключевыми элементами доверия к цифровым системам оценки. Этическая и юридическая регламентация, прозрачные алгоритмы, механизмы обратной связи и адаптивные модели обеспечивают более справедливое и безопасное использование социальных рейтингов, минимизируя риски усиления социального неравенства и манипуляций. Системы социального скоринга, внедряемые с учетом этих принципов, могут стать инструментом поддержки социального развития, обеспечивая баланс между интересами государства, корпораций и личности.

Можно подытожить, что современные системы социального скоринга демонстрируют переход от классических форм дисциплинарной власти, описанных М. Фуко, к алгоритмическому управлению, основанному на предсказании поведения. В этой логике человек перестает быть субъектом действия и превращается в объект статистического моделирования. Его идентичность становится производной от цифровых следов, а моральные выборы функцией репутационных метрик. Подобная трансформация подрывает саму основу человеческой субъектности, так как заменяет внутренний акт свободы внешней цифровой оценкой.

Социальный скоринг представляет собой новую форму антропологического подчинения, в рамках которого субъект добровольно соглашается на наблюдение, стремясь к социальному признанию через высокий рейтинг. Указанный процесс можно рассматривать как форму внутренней нормализации, когда человек начинает мыслить о себе не в категориях добра, долга или совести, а в терминах эффективности и репутации. В итоге, социальный скоринг регулирует социальное поведение и переопределяет само понятие человека, из носителя внутреннего опыта он превращается в «прозрачное существо», управляемое алгоритмом.

Философская опасность этого феномена заключается не в наблюдении как таковом, а в постепенной утрате способности к самопознанию. Человек, привыкший мыслить себя через цифровые показатели, теряет автономию и становится зависимым от внешней оценки. Возникает новый тип субъекта – «оценочный субъект», для которого нравственность сводится к стратегическому поддержанию позитивного образа в цифровом пространстве. Этот феномен можно определить как цифровую форму отчуждения, не экономического, как у К. Маркса, а антропологического, когда личность утрачивает внутренний центр и растворяется в логике сетевых алгоритмов.

Вместе с тем социальный скоринг не является фатальным приговором. Его существование требует этического и нормативного переосмысления, другими словами гуманизации технологий. Если рассматривать цифровую прозрачность как необратимый элемент современного бытия, задача философии состоит не в отрицании, а в переопределении границ допустимого контроля. Человеческий субъект должен оставаться центром морального выбора, а цифровые системы обязаны подчиняться принципу достоинства личности.

Социальный скоринг может стать не инструментом дисциплины, а инструментом доверия лишь тогда, когда человек будет рассматриваться как носитель ценности. Без этого условия любая система оценки превращается в механизм антропологического обезчеловечивания.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов о роли и последствиях социального скоринга в современном обществе.

Социальный скоринг формирует новую модель взаимодействия личности и социальных институтов. Если ранее социальные отношения строились на основе правовых и моральных норм, то сегодня значительная их часть опосредована цифровыми алгоритмами. Алгоритмическая оценка поведения человека становится механизмом социальной стратификации, влияя на доступ к ресурсам, трудоустройству, кредитованию и социальным льготам [24]. Цифровой рейтинг становится инструментом управления и контроля, изменяющим саму структуру социальных отношений.

Социальный скоринг оказывает прямое воздействие на субъектность человека, его способность осознавать, формулировать и реализовывать собственные цели. В условиях постоянного мониторинга и оценки человек вынужден адаптировать свое поведение к алгоритмическим ожиданиям, что ведет к снижению автономии личности и подмене внутренней мотивации внешними стимулами. Субъектность, ранее основанная на самоопределении и личной ответственности, постепенно трансформируется в реактивную модель поведения, направленную на сохранение положительного цифрового статуса.

Формирование цифрового рейтинга личности изменяет принципы социальной адаптации. Позитивное восприятие личности обществом все чаще определяется не его реальными действиями, а алгоритмическими интерпретациями цифрового следа, что ведет к появлению феномена «алгоритмической идентичности», ситуации, когда цифровой профиль становится важнее реальной личности.

Социальный скоринг усиливает неравенство между различными социальными группами. Лица с ограниченным доступом к цифровым технологиям, низким социально-экономическим статусом или нестандартным стилем жизни рискуют оказаться на периферии общественных процессов. Социальный скоринг отражает и воспроизводит существующие формы социальной дифференциации.

Этические и правовые вызовы, связанные с применением систем социального скоринга, требуют институциональной регламентации. Необходимы прозрачные механизмы контроля алгоритмов, обеспечение права на приватность и защиты персональных данных. Без этого цифровая оценка поведения превращается из инструмента социального управления в форму алгоритмической дискриминации.

В целом, социальный скоринг становится фактором, трансформирующим саму природу социальных отношений и субъектности личности. Он определяет новые формы зависимости, подотчетности и социальной адаптации, создавая вызовы для правового регулирования, этики и гуманитарного знания. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ механизмов сохранения автономии человека в условиях алгоритмического общества и разработка принципов этического регулирования цифровых рейтингов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейтинг смолоду берегут // Коммерсантъ. 06.07.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6819467> (дата обращения: 14.11.2025).

2. Саблин М. Т. Заключение сделок без риска: проверка контрагента, договорная работа, организационная система. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2012.

3. Петухова Л. Цифровой след: как банки анализируют соцсети клиентов при выдаче кредита // РБК. 11.10.2017. URL: <https://www.rbc.ru/finances/11/10/2017/59db5ec89a7947730019424d?ysclid=leok98wzr3818762224> (дата обращения: 11.11.2025).

4. Пивнева С. В., Никитенко Д. В. Социальный скоринг как инновационный инструмент управления организационными системами в условиях цифровизации // *Int. J. of Open Information Technologies*. 2025. Vol. 13, № 5. P. 87–98.

5. Федоров М., Линдре Ю. Искусственный интеллект и социальный рейтинг: начало эпохи цифрового концентрационного лагеря «в интересах человечества»? // Российский совет по международным делам. 25.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvennyu-intellekt-i-sotsialnyu-reyting-nachalo-epokhi-tsifrovogo-kontsentratsionnogo-lagerya-v> (дата обращения: 11.11.2025).

6. Проект платформы социального скоринга (материалы к Ученому совету РГСУ) // РГСУ. URL: <https://w.rgsu.net/#about> (дата обращения: 12.11.2025).

7. Лазаров А. А. Право на доступ к информации при применении системы социального кредитования (социального скоринга) // *Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 4. С. 136–142. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.136-142

8. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/?ysclid=m5pc5qx4au285335252> (дата обращения: 12.11.2025).

9. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 12.11.2025).

10. Костерева М. В России каждая третья из 1 млн камер подключена к системе распознавания лиц // *Коммерсант*. 13.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6563533> (дата обращения: 13.11.2025).

11. Гарчева Л. П. О некоторых рисках нарушения прав человека в условиях цифровизации // *Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 13–19. DOI: 10.37279/2413-1733-2022-8-1-13-19

12. Зиновьева Е. С., Яникеева И. О. Эволюция взаимодействия России и США в области международной информационной безопасности в исторической ретроспективе // *Вестн. СПбГУ. Международные отношения*. 2022. Т. 15, вып. 2. 158–173. DOI: 10.21638/spbu06.2022.203

13. Литвинов Р. Новая восточная угроза для российского бизнеса – шифровальщик PE32 // *Инфобезопасность*. 13.03.2025. URL: <https://infobezopasnost.ru/blog/news/novaya-vostochnaya-ugroza-dlya-rossijskogo-biznesa-shifrovalshhik-pe32/> (дата обращения: 13.11.2025).

14. В 2023 году число атак на пользователей мобильных устройств в России выросло в полтора раза // *Лаборатория Касперского*. 23.01.2024. URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/v-2023-godu-chislo-atak-na-polzovatelej-mobilnyh-ustrojstv-v-rossii-vyroslo-v-poltora-raza> (дата обращения: 13.11.2025).

15. Федоров М., Линдре Ю. Этика искусственного интеллекта в деятельности ЮНЕСКО // Российский совет по международным делам. 18.11.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-yunesko-voprosy-politiki-prava-i-perspektivy-ravnopra/> (дата обращения: 14.11.2025).

16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

17. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория, 2010.

18. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2018.

19. Хан Бен-Чхоль. Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А. С. Салина. М.: АСТ, 2023.

20. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию; пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД ВШЭ, 2014.

21. Следнева К. Е., Половникова О. В. Философия новой этики в рамках цифровизации // Инновационная экономика и общество. 2023. № 3 (41). С. 118–125.

22. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. Целищева, В. Карповича, А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.

23. Хоркхаймер М., Арно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997.

24. Ильин О. Как искусственный интеллект меняет кредитный скоринг: обзор проблемы предвзятости (bias) в работе алгоритмов // Zakon.ru. 14.01.2025. URL: https://zakon.ru/blog/2025/1/14/kak_iskusstvennyj_intellekt_menyaet_kreditnyj_skoring_obzor_problemy_predvzyatosti_bias_v_rabote_alg (дата обращения: 13.11.2025).

Информация об авторах.

Сорокопуд Мария Сергеевна – кандидат философских наук (2016), старший научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия. Автор 53 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, алгоритмическая власть, культурная адаптация личности, трансформация идентичности в условиях цифровизации.

Коник Алексей Алексеевич – кандидат педагогических наук (2013), доцент (2020), заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория и методика физического воспитания, спортивные тренировки, оздоровительная и адаптивная физическая культура.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.07.2025; принята после рецензирования 19.11.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. "A Rating Is Cherished from a Young Age" (2024), *Kommersant*, 06.07.2024, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6819467> (accessed 14.11.2025).

2. Sablin, M.T. (2012), *Zaklyuchenie sdelok bez riska: proverka kontragenta, dogovornaya rabota, organizatsionnaya sistema* [Conclusion of transactions without risk: counterparty verification, contractual work, organizational system], Bibliotekha "Rossiiskoi gazety", Moscow, RUS.

3. Petukhova, L. (2017), "Digital footprint: how banks analyze clients' social networks when issuing a loan", *RBC*, 11.10.2017, available at: <https://www.rbc.ru/finances/11/10/2017/59db5ec89a7947730019424d?ysclid=leok98wzr3818762224> (accessed 11.11.2025).

4. Pivneva, S.V. and Nikitenko, D.V. (2025), "Social Scoring as an Innovative Tool for Managing Organizational Systems in the Context of Digitalization", *Int. J. of Open Information Technologies*, vol. 13, no. 5, pp. 87–98.

5. Fedorov, M. and Lindre, Yu. (2021), "Artificial intelligence and social rating: the beginning of the era of a digital concentration camp "in the interests of humanity"?", *Russian Int. Affairs Council*, 25.06.2021, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvenny-intellekt-i-sotsialny-reyting-nachalo-epokhi-tsifrovogo-kontsentratsionnogo-lagerya-v> (accessed 11.11.2025).

6. "Social scoring platform project (materials for the Academic Council of the Russian State Social University)", *Russian State Social Univ.*, available at: <https://w.rgsu.net/#about> (accessed 12.11.2025).

7. Lazarov, A.A. (2022), "The Right to Access Information During the Use of the System of Social Credit (Social Scoring)", *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 4, pp. 136–142. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.136-142

8. "Decree of the President of the Russian Federation of 29.05.2020 No. 344 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025"", *Garant*, available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/?ysclid=m5pc5qx4au285335252> (accessed 12.11.2025).

9. "Federal Law "On Personal Data"" of 27.07.2006 No. 152-FZ (latest revision)", *ConsultantPlus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed 12.11.2025).

10. Kostereva, M. (2024), "In Russia, every third of 1 million cameras is connected to the facial recognition system", *Kommersant*, 13.03.2024, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6563533> (accessed 13.11.2025).

11. Garcheva, L.P. (2022), "On the risks of human rights violations in the context of digitalization", *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal Univ. Juridical science*, vol. 8 (74), no. 1, pp. 13–19. DOI: 10.37279/2413-1733-2022-8-1-13-19

12. Zinovieva, E.S. and Yanikeeva, I.O. (2022), "Evolution of the US – Russia relations in the area of international information security: A retrospective study", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Int. Relations*, vol. 15, iss. 2, pp. 158–173. DOI: 10.21638/spbu06.2022.203

13. Litvinov, R. (2025), "A New Eastern Threat to Russian Business: PE32 Ransomware", *InfoSecurity*, 13.03.2025, available at: <https://infobezopasnost.ru/blog/news/novaya-vostochnaya-ugroza-dlya-rossijskogo-biznesa-shifrovalshhik-pe32/> (accessed 13.11.2025).

14. "In 2023, the number of attacks on mobile device users in Russia increased by one and a half times", *Kaspersky Lab*, 23.01.2024, available at: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/v-2023-godu-chislo-atak-na-polzovatelej-mobilnyh-ustrojstv-v-rossii-vyroslo-v-poltora-raza> (accessed 13.11.2025).

15. Fedorov, M. and Linde, Yu. (2020), "Ethics of Artificial Intelligence in the Activities of UNESCO", *Russian Int. Affairs Council*, 18.11.2020, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-yunesko-voprosy-politiki-prava-i-perspektivy-ravnopra/> (accessed 14.11.2025).

16. Foucault, M. (1999), *Surveiller et punir: Naissance de la prison*, Transl. by Naumov, V., in Borisova, I. (ed.), Ad Marginem, Moscow, RUS.

17. Deleuze, G. and Guattari, F. (2010), *A thousand plateaus. Capitalism and Schizophrenia*, Transl. by Svirskii, Ya.I., U-Faktoriya, Ekaterinburg, RUS.

18. Baudrillard, J. (2018), *Simulacra et Simulations*, Transl. by Kachalov, A., Postum, Moscow, RUS.

19. Han, Byung-Chul (2023), *Müdigkeitsgesellschaft*, Transl. by Salin, A.S., AST, Moscow, RUS.

20. Latour, B. (2014), *Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory*, Transl. by Polonskaya, I., in Gavrilenko, S. (ed.), Publishing House of the HSE, Moscow, RUS.

21. Sledneva, K.E. and Polovnikova, O.V. (2023), "Philosophy of new ethics in digitalization", *Innovative Economics and Society*, no. 3 (41), pp. 118–125.

22. Rawls, Jo. (1995), *A Theory of Justice*, Transl. by Tselishchev, V., Karpovich, V. and Shevchenko, A., Izd. NSU, Novosibirsk, RUS.

23. Horkheimer, M. and Adorno, T.V. (1997), *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*, Transl. by Kuznetsov, M., Medium; Yuventa; Moscow; SPb., RUS.

24. Il'in, O. (2025), "How artificial intelligence is changing credit scoring: an overview of the problem of bias in the operation of algorithms", *Zakon.ru*, 14.01.2025, available at: https://zakon.ru/blog/2025/1/14/kak_iskusstvennyj_intellekt_menyaet_kreditnyj_skoring_obzor_problemy_predvzyato_sti_bias_v_rabote_alg (accessed 13.11.2025).

Information about the authors.

Maria S. Sorokopud – Can. Sci. (Philosophy, 2016), Senior Researcher at the Research Department, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 71 Gorky str., Belgorod 308024, Russia. The author of 53 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, algorithmic power, cultural adaptation of personality, transformation of identity in the context of digitalization.

Aleksey A. Konik – Can. Sci. (Pedagogy, 2013), Docent (2020), Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 71 Gorky str., Belgorod 308024, Russia. The Author of over 150 scientific publications. Area of expertise: theory and methods of physical education, sports training, health and adaptive physical education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.07.2025; adopted after review 19.11.2025; published online 20.04.2026.

Оригинальная статья

УДК 111.81; 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-83-94>

Лингвоонтологический подход в теории М. Бахтина: логика–грамматика–поэтика

Олег Константинович Кошмило

*Тольяттинская академия управления, Тольятти, Россия
koshmilo-ok@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0885-8039>*

Введение. Актуальной проблемой освоения богатого научного наследия Михаила Бахтина является фиксация того единого подхода, который хоть и неявно, но сообщает всему чрезвычайно широкому спектру выдвинутых мыслителем тем и пестрому набору синтезированных им концептов парадигмальное единство.

Методология и источники. Возникнув в широком русле «лингвистического поворота», задавшего базовую тенденцию развития гуманитарных наук в XX в., теория Бахтина методологически аккумулировала все связанные с этим поворотом подходы – феноменологию, онтологию, герменевтику, психоанализ, русский формализм, структурализм.

Результаты и обсуждение. Самый широкий веер гуманитарных феноменов – от языкознания, теории коммуникации, концепции романа до конкретных художественных произведений, оказываясь в поле мысли Бахтина, индуцируется парадигмой понимания по траектории «логика–грамматика–поэтика». В данном алгоритме сначала выделяется нормативный центр, который в своей самотождественности и местоименной неподвижности предстает в абсолютном статусе «вечной субстанции»; затем в разрезе с «логическим» центром описывается «грамматическое бытие» динамично деятельной периферии в свойстве неопределенности наличного становления. И в модусе поэтизации эта дихотомия, в которой одна сторона, притязая на субъектность и господство, отводит другой роль зависимого, но и ресурсно предикатного образования, образует союз на путях поэтического упразднения имманентной дихотомии центр/периферия, не отменяя онтологического напряжения между ними, наполняя их энергией трансцендентного смысла.

Заключение. Лингвоонтологический подход Бахтина проясняет пребывание на одной оси области логического нисхождения, синтезирующего полюс монологического субъекта в его доминировании над наличным миром и другим как своим предикатом относительно полюса Я/есть, и поэтического восхождения в модусе диалогической эквивалентности метафоризации предикатного мира, в которой тот сгущается в эстетический образ, и метонимизации эгоцентричного субъекта, смещающей его на периферию поэтического созерцания.

Ключевые слова: поэтика, синтаксис, субстанциальность, метафоризация предиката, метонимизация субъекта, образ, дух, имя

Для цитирования: Кошмило О. К. Лингвоонтологический подход в теории М. Бахтина: логика–грамматика–поэтика // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 83–94. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-83–94

© Кошмило О. К., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Linguistic and Ontological Approach in M. Bakhtin's Theory: Logic–Grammar–Poetics

Oleg K. Koshmilo

*Togliatti Academy of Management, Togliatti, Russia
koshmilo-ok@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0885-8039>*

Introduction. The current problem of mastering Mikhail Bakhtin's rich scientific legacy is to fix the unified approach that, albeit implicitly, provides a paradigmatic unity to the extremely wide range of topics proposed by the thinker and the diverse set of concepts he synthesized.

Methodology and sources. Emerging within the broad framework of the “linguistic turn”, which set the basic trend for the development of the humanities in the 20th century, Bakhtin’s theory methodologically accumulated all the approaches associated with this turn, including phenomenology, ontology, hermeneutics, psychoanalysis, Russian formalism, and structuralism.

Results and discussion. The broadest range of humanities phenomena – from linguistics, communication theory, and the concept of the novel to specific works of art – is induced by Bakhtin’s paradigm of understanding along the trajectory of “logic – grammar – poetics”. In this algorithm, the “normative” center is first identified, which, in its self-identity and pronominal immobility, appears in the absolute status of an “eternal” substance; then, in relation to the “logical” center, the “grammatical” existence of the dynamically active periphery is described in terms of the uncertainty of immediate becoming. In the modus of poeticization, this dichotomy, in which one side claims subjectivity and dominance, while the other plays the role of a dependent but predicate-rich entity, forms an alliance on the path of “poetic” abolition of the immanent dichotomy of center/periphery, without eliminating the ontological tension between them, which is filled with the energy of transcendent meaning.

Conclusion. Bakhtin's linguo-ontological approach clarifies the presence on the same axis of the field of logical descent, which synthesizes the pole of the monological subject in its domination over the present world and the other as its predicate relative to the pole of I/is, and the poetic ascent in the modus of the dialogical equivalence of the metaphorization of the predicative world, in which it condenses into an aesthetic image, and the metonymization of the egocentric subject, which shifts the latter to the periphery of poetic contemplation.

Keywords: poetics, syntax, substance, metaphorization of the predicate, metonymization of the subject, image, spirit, name

For citation: Koshmilo, O.K. (2026), “Linguistic and Ontological Approach in M. Bakhtin's Theory: Logic – Grammar – Poetics”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 83–94. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-83-94 (Russia)

Введение. Творчество Михаила Бахтина, безусловно принадлежащего, несмотря на конкретный исторический контекст, национальной и мировой традиции идеалистического культа слова, исходно пребывает в невидимом поле его «магической власти» [1, с. 238]. Осуществляемая Бахтиным онтологизация языка верна христианской парадигме начальства Слова-Логоса (Ин 1:1). Удерживая христианское представление о словесной инициативе мира и человека, Бахтин интегрирует его в контекст кризиса классической субъективности, который, достигнув своих пределов в теориях представителей немецкого идеализма, обнаружил в имманентной монологичности классического субъекта принципиальную расщепленность. Выход из тупика субстанциализма субъекта Бахтин видит в диалогичности, что

осуществляет трансгрессию за пределы изолированности индивида. С учетом описанной структурной лингвистикой разницы семантически субъективной речи и синтаксически объективного языка такая трансгрессия предстает как *транспозиция* синтаксиса имманентности с приоритетом в личном местоимении Я, фундирующего эгоцентризм субъекта, в синтаксис трансцендентности с началом в имени, способным поэтически объединить человека и мир, субъекта и Другого.

Методология и источники. Свой метод Бахтин наименовал «металингвистикой», имея в виду, что мышление бытия как мышление словами и «на словах» так или иначе обращает внимание на их самостоятельную семантику и порядок синтаксического сочетания. В этом отношении теория Бахтина оказывается созвучной онтологии Хайдеггера, в которой человеческое *присутствие* (Dasein) размыкается в мир благодаря речи как «значимому членению расположенной понятности бытия-в-мире», и только «укоренные в бытийной конституции присутствия экзистенциальные черты» онтологически делают «возможным нечто подобное языку» [2, с. 162–163].

В близости с философиями Бахтина и Хайдеггера состоит онтология имени С. Н. Булгакова. Принадлежащий христианской традиции почитания имени Бога как *начала* мира русский религиозный мыслитель, опираясь на Моисеев теоним «Я есмь Сущий» (Исх 3:14), видит ядро человеческой речи в триединстве таких частей речи, как местоимение, глагол и имя [3, с. 45–88]. По Булгакову, самым драматичными является отношение между именем и местоимением, поскольку, будучи только «тенью имени», континуально тождественное местоимение Я обладает полномочием утвердить эгоцентризм субъекта в качестве «неотъемлемой предпосылки» [3, с. 51–53]. Именно в преодолении монологичности эгоцентричного субъекта, по Ю. Кристевой, и формируется подход Бахтина, что оспаривает «структуру греческого (индоевропейского) предложения, которое строится по модели «субъект–предикат», использующей принцип тождества, обусловленности и каузальности» [4, с. 434].

Для исследования значим вывод В. Л. Махлина о том, что Бахтин рассматривает ситуацию, идущей от Аристотеля и достигшей кульминации в картезианском рационализме субстанциализации субъекта как «интегральный» момент образования человеческого духа [5, с. 21–22], которому, чтобы подняться в трансцендентную высь, необходимо коснуться имманентного дна. Ключевым в осмыслении В. Т. Фаритовым теории Бахтина является тезис о том, что у Бахтина человеческий дух способен осуществлять трансгрессию за инвариантные пределы субъект-предикатной структуры языка [6, с. 135]. Основным способом такой трансгрессии является поэтизация. Основоположники структурализма Р. Якобсон и К. Леви-Стросс, разбирая стихотворение Ш. Бодлера «Кошки», акцентируются на тропах метафоры и метонимии. По заключению теоретиков, существом поэтичности является параллельность процессов метафоризации и метонимизации, достигающих *эквивалентности*, преодолевающей логическое доминирование субъекта над предикатом [7, с. 338–341]. Событие гармонизации отношения Я и Другого сопровождается, по А. А. Грякалову, включением в это отношение *третьего* как меры «исходной смысловой заданности, вбирающей в себя все потенциальные смыслы, но не имеющей своего топоса», что, «обладая способностью сохранять внешнюю наличную непроявленность и незадействованность в обмене позициями... создает целостность высказывания» [8, с. 385–391].

Лингвоонтологическая специфика теории Михаила Бахтина во всей методологической полноте представлена уже в (изданной под именем В. Н. Волошинова) работе «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке». Описывая все многообразие возникших к началу XX в. лингвистических учений от В. фон Гумбольдта до Ф. де Соссюра, теоретик распределяет его на «магистралей» *индивидуалистического субъективизма и абстрактного объективизма* [9, с. 43]. Для первого направления «осветить языковое явление значит свести его к осмысленному (часто даже разумному) индивидуально-творческому акту» [9, с. 44]. Второе направление задается тем, что «организующий центр всех языковых явлений... перемещается... в языковую систему фонетических, грамматических и лексических форм языка» [9, с. 48]. В целом их вполне онтологическая разница, выражая «разрыв между историей и системой языка», изображается контрастом реки – образа исторической вариабельности языка – и стоящей над рекой радуги – языка как инвариантной системы [там же].

Фундаментальный зазор континуальности всеобщей и, по слову Бахтина, «себетождественной» формы как точки отсчета спекулятивного синхронизма и дискретности языкового содержания как основы сравнительно-эмпирического диахронизма в итоге восходит к онтологической разнице подотчетной универсальным законам логики субстанциальности (эссенциальности) и экзистенциальности, способной эмансипироваться от логического универсализма. Значение логической всеобщности подчеркивает такая манифестация обоих направлений: «Между логикой, управляющей системой языковых форм в данный момент, и логикой (или, вернее, алогикой) исторического изменения этих форм не может быть ничего общего. Это две разных логики: или, если мы признаем логикой одну из них, то алогикой, т. е. голым нарушением принятой логики, будет другая» [9, с. 50]. Бахтинский неологизм *алогика* выражает некую трансцендентную возможность онтологического преодоления силы логических законов, относясь прежде всего к сцене «индивидуально-творческого акта», который был бы невозможен без подобного преодоления [9, с. 52].

Собственно, одним из признаков различия рассматриваемых Бахтиным магистралей в науке о языке является оппозиция трансцендентность/имманентность. Данный признак определяет то, что если экзистенциалистское языкознание задается «отношением знака к отражаемой им реальной действительности или к порождающему его индивиду», то языкознание эссенциалистское детерминируется «отношением знака к знаку внутри замкнутой системы» [9, с. 53]. Имманентность второго направления фундирует в себе возможность систематизации языка, укорененную для Бахтина в картезианском рационализме [там же], в рамках которого субъект, возымеv характер субстанции, эгоцентрично замыкает на себя репрезентацию мира. В синтаксисе имманентности спонтанная самопричинность такого «абстрактно изолированного элемента», как Я, его автономная каузальность, изолируя личное местоимение в статусе центра тяжести высказывания, замыкает его содержание на полноте *монологичности*.

Как заключает Бахтин, из синтаксиса имманентности, т. е., синтаксиса как такового, в поэтическую композицию целостности можно перейти только скачком [9, с. 71–72]. Монологичности, замкнутой на имманентном ядре Я/есть, Бахтин противопоставляет диалогичность, ключевым обстоятельством которой является трансцендентность социальной среды: «Организирующий центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а во-

вне: в социальной среде, окружающей особь» [9, с. 85]. Поэтому Бахтин указывает на типичность и индивидуалистического субъективизма ввиду того, что «идеологическое наполнение слова» он дедуцирует из «индивидуальной психики», совпадая с абстрактным объективизмом по части общей обоим монологичности [9, с. 86].

Результаты и обсуждение. Дифференцировав некоторую сумму теорий языка на индивидуалистический субъективизм и абстрактный объективизм в отношении дихотомии спекулятивной универсальности форм языка и наличной партикулярности его содержания, воспроизводящей логическую разницу континуального субъекта и дискретного предиката, Бахтин в конечном итоге отождествляет обе магистрали в плане изолированности единого для них начала в виде монологичности субъекта, в котором с позиций «социологического метода» опознается отчужденность от диалогичности социальной среды [5, с. 18]. Ключевой чертой лингвоонтологического подхода Бахтина является разница имманентной сферы монологичной *однозначности* и трансцендентного поля диалогичной *многозначности*.

Эта разница в полной мере характеризует срединный в теоретической траектории Бахтина лингвоонтологический анализ романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Его основная тема – разница между статуарным режимом официально-элитарной культуры средневековья, представленного церковно-аристократическим меньшинством, и празднично-карнавальным, «народно-площадным» круговращением жизни эгалитарного большинства [10, с. 18–20]. Особое значение в контексте неизбежной конфронтации социальных верхов и низов принадлежит сфере празднеств. Народное большинство, отдавая своим участием должное парадным мероприятиям, заверив духовную и светскую власть в своей лояльности и законопослушности, тем не менее подлинно радуется своим собственным праздникам. В отличие от установленных «сверху» праздников с их строгим регламентом и стандартной драматургией, народный праздник представлял для простолюдина реальную отдушину в рутине полных тягот трудовых будней.

С языческой первобытности празднество, будучи целью процесса воспроизводства жизни, аграрно-праздничным календарем вторящей сезонной цикличности природы, пребывает в средоточии социальной динамики человеческого мира. Поскольку жизнь переживается как одаривание, в котором мир дарит себя смертным, а те благодарно воздают ему жертвы, цикл воспроизводства жизни, в котором фаза мучительно созидательного, тяжелого, слезного труда переходит в фазу радостно упраздняющего, веселого, сопровождающегося смехом потребления, наполняется значением двух полупериодов ритуального жертвоприношения. Так, на первом этапе происходит сакрализации жертвы, что, сопровождаясь минорно-трагедийными переживаниями, манифестирует страдание *искупления*, которое содержит смысл вменения ответственности за причиненную людьми порчу мира. Созидание сакральной жертвы имеет характер *метафоризации*, в которой единичная вещь посредством озвучиваемого жрецом священного *имени бога* являет образ мира как целого, в отношении чего искупается и этим возвращается утраченная гармония мира. Сгущение мира в образе единичной вещи как сакральной жертвы, благодаря которой мир выводится из периферии своей подчиненности и сияет на жертвеннике святыней посреди круга человеческого внимания, означает, что священное переоценивание вещи в жертву – это метафоризация мира как *предиката*.

После того, как увенчанное финальной глоссолалией жреца приготовление жертвенного объекта завершается, происходит переход ко второй фазе ритуала, составляющей существо праздничной *евхаристии*-причастия, в котором совместное вкушение жертвенного яства сопровождается радостью примирения смертных с богами и единения людей друг с другом. В поэтическом отношении праздничное потребление является *метонимизацией*, поскольку участники священной трапезы, *причащаясь* общей жертве, евхаристически переживают себя как *части* единого *целого*. Одухотворяющее поклонение жертве, смещая человека из центральности его профанной обособленности и интегрируя его в периферийный круг причастников, означает, что священная метонимизация имеет смысл десубстанциализации человека как *субъекта*.

Таким образом, ощущая себя членами бессмертного *тела бога*, участники празднующей общины образуют то, что Бахтин называет «коллективным телом»: «неготовое и открытое тело это (умирающее–рождающее–рождаемое) не отделено от мира четкими границами: оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах (стихиях)» [10, с. 37]. Общим итогом интеграции тел в коллективное тело в ритуальном, вакханальном, карнавальном празднестве является переживание бессмертия, победы жизни над смертью, а значит, и добра над злом, каким является, в частности, содержание сказки как наиболее архаичного литературного жанра. Выделившись на заре времен из мифа [11, с. 310], освящавшего своим догматическим авторитетом регулярный ритуал, волшебная сказка, будучи легкомысленно необязательной («сказка–ложь»), сохранила драматургию ритуала с двумя его полупериодами.

Как и в ритуале, завязка сказки представляет фазу мучительного исправления ошибки, преодоления порчи мира, случившейся в результате нарушения запрета, пропажи сверхценного объекта (царской дочери) [12, с. 31] и т. д. Подобно сакральному объекту жертвоприношения сказочный герой жертвенно принимает на себя сумму испытаний, метафорически конденсируя в себе участь трагического персонажа, пределом вызовов для которого иногда оказывается смерть, оборачивающаяся посредством чудесной комбинации «живой и мертвой воды» воскрешением. И уже в фазе развязки сказочный герой, выдержав испытания, восстанавливает гармонию мира, что символизируется празднично-комедийной метонимизацией в виде свадебного пира. Тем самым в следовании драматургии священнодействия в сказке завязочный период трагедийно минорного искупления ошибок-грехов переходит в развязочный период комедийно мажорного примирения-евхаристии.

Позже, пройдя весь поэтический генезис от анонимной описательности *эпоса* через *драматическую* конфликтность трагического/комического героя и мира к *лирической* центральности авторской позиции [13, с. 59–65], является античный роман. И хотя роман аккумулирует литературные роды, конструкцию романа определяет сюжет сказки в виде схожего с крестным знаменем хиазма, в котором вертикаль минорного, *злого* конфликта героя с миром в точке «перелома» (Поэт. 1452 а 20) [14, с. 657] переключается в горизонталь мажорного, *доброто* примирения одного с другим. Античный романский канон определил литературную деятельность апостола Иоанна Богослова по представлению Библии как законченного художественного произведения.

Поскольку роман остается незавершенным без вменяемой развязки, в духовном видении Богослову открываются величественные образы Апокалипсиса. На первый взгляд они

описывают катастрофу конца света. Но подлинным финалом библейского сценария мировой истории является евхаристическая радость праздничного примирения неба и земли, «брачной вечера» Христа как небесного Жениха и Церкви, «невесты Агнца» (Откр 19–22). А следом прологом к своему Евангелию «Вначале было Слово» (Ин 1:1), очевидно отсылающему к прологу всего Священного Писания «Вначале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1), евангелист уточняет и существо завязки библейского нарратива, который, обретя свою «альфу» и «омегу», предстает в качестве абсолютного художественного произведения с интригой, «соединяющей Апокалипсис с Книгой Бытия» [15, с. 31].

Его сюжетным каркасом является все та же крестообразная траектория переключения завязочной фазы трагического конфликта человечества с Богом в развязочную фазу их «божественно-комедийного» примирения. В этом переключении вертикаль грехопадения, начинаясь первородным грехом в виде нарушения божественного запрета на вкушение плодов древа познания добра и зла, завершатся страданиями и смертью Бога в лице Иисуса Христа. Затем в гробнице по прошествии трех дней случается чудесное событие воскресенья Христа как главного героя священной истории мира, образуя этим полюс перелома составляющей завязки искупительно кризисной вертикали в образующую развязку – горизонталь евхаристического примирения, венцом которой в конце исторических времен является свадебный союз небесного Бога и земного человечества.

«Божественная комедия» Данте Алигьери, обобщая тысячелетний опыт существования христианства, уже не только событийно, но и топологически воспроизводит крестно-знаменную траекторию библейского сюжета. Так, поэма завязывается сошествием во Ад, и это движение по девяти кругам, вертикально закручивающихся к фигуре Люцифера, погружает лирического героя в минорность мучительных испытаний в скорбно-покаянных переживаниях, которые кульминируют смертельный ужас в проползании вдоль замерзшего тела дьявола. Оно и образует точку переключения сужающейся вертикали адского нисхождения в горизонталь уже восхождения лирического героя по расширяющимся кругам: сначала Чистилища, а потом и Рая. И это возвышение, в котором героя сопровождает его возлюбленная Беатриче, наполняя его мажорными эмоциями радости и любви, завершается десятым небом – самым широким и неподвижным. В отношении канона христианской словесности Бахтин резюмирует: «Христианская идея мученичества (испытание страданием и смертью), с одной стороны, и идея искушения (испытание соблазнами) – с другой, дают специфическое содержание организующей материал идее испытания в громадной раннехристианской и затем средневековой житийной литературе...» [16, с. 144–145].

Накапливавшиеся на протяжении веков мировоззренческие противоречия мира средневекового Запада обусловили то, что его в итоге сменила цивилизация Нового времени. Основной среди каверз католической доктрины была онтологическая несовместимость рационализации Бога в наиболее абстрактном концепте субстанции и мистического исповедания Имени Бога. Главной сценой этого противоречия стал схоластический спор между реалистами и номиналистами об универсалиях. И финальным выводом номинализма оказывается рационалистический посыл *cogito ergo sum*, который, удержав абсолютизм субстанциальности, полностью относит его к позиции субъекта.

Литературной иллюстрацией субстанциального возобладания субъектного умозрения над предикатным миром, которая, правда, на несколько десятилетий опередила его теорети-

ческое обоснование Декартом (1637), является «Гамлет» Шекспира (1601). Трагическую субъектность Гамлета инициирует явление «призрака мертвого отца», который, открывая сыну глаза на обстоятельства своей смерти, заряжает его негативной энергией смертоносного отмщения. Явление мертвого Гамлета-отца в виде «призрака», Ghost, который еще имеет значение «духа», говорит о вытесняющем замещении имени Бога позицией субъективности в наличном образе Гамлета-сына в том смысле, в каком местоимение – это *призрак* имени или, как выражается русский религиозный мыслитель С. Н. Булгаков, «тень имени» [3, с. 51].

Человеческое местоимение Я, замещая Божье имя, принимает на себя соответствующие полномочия, среди которых возможность быть автором-творцом, пусть и вымышленного мира в виде его картины. Вытесняясь внутрь имманентно-синтаксической позиции Я/есть, в расщелину между субстанциально *господским* субъектом и *рабским* предикатом, «мертвое» отцовство Бога «воскресает» в авторстве. Канон новоевропейский поэтики фундирован в парадигме антропоцентричной субстанциализации субъекта.

В то же время, по Бахтину, возникший в XVI в. канон модернистской поэтики открыт для двух разновидностей новоевропейского романа, имеющего или имманентно монологическую, или трансцендентно диалогическую стилистику. И если «романы первой стилистической линии идут к разноречию сверху вниз, они, так сказать, снисходят до него», то «романы второй линии, напротив, идут снизу вверх: из глубины разноречия они поднимаются в высшие сферы литературного языка и овладевают ими» [16, с. 155]. Полнос картезианского эгоцентризма автора, став точкой отсчета для двух стилистик новоевропейского романа, одновременно и определил их полярность в отношении того, воспринимать этот полюс как повод для нисхождения или все же для восхождения.

И, конечно, этой второй стилистике как трансцендентной, восходящей снизу вверх, в полной мере отвечает творчество-великого русского писателя Достоевского, совершающего воскрешение евангельской поэтики. Большая часть романов писателя прежде всего представленных в Пятикнижии, реализует крестообразную траекторию библейского сюжета. Так, сюжет «Преступления и наказания» образован крестом переключения вертикали «кризиса» Раскольникова в горизонталь «перерождения» [16, с. 147]. Ось трагичного падения героя, решившегося на себе проверить собственную теорию о делении человечества на «наполеонов» и «тварей дрожащих» на предмет своей принадлежности касте первых, переламывается в ось спасения в сценах диалогов с Сонечкой, когда для взгляда Раскольникова в конкретном лице жертвы, что себя «*понапрасну* умертвила» [17, с. 247], проступает образ Божий, вдохновляя образующую развязку примирение героя с миром.

Весь план экзистенциально насыщенного диалога Раскольникова и Сонечки в модусе «обнажения приема» выражает ключевую в теории литературы Бахтина тему корреляции *автора и героя*. В контексте бахтинской концепции роман Достоевского содержит «золотое сечение», по которому герой относится к героине так, как автор относится к герою. В сценах разговоров Сонечка изображается с точки зрения Раскольникова, с которой она является в полноте своей наружности, – и в этом изображении нет ничего, что ускользало бы от взгляда читателя. Напротив, образ Раскольникова – прерывист, фрагментарен, принципиально не целостен. В смысле концепции Бахтина это означает, что Сонечка пребывает на *внешнем* полюсе Другого, предстоящего, что называется, «в полной рост», а Раскольников совпадает с *внутренним* полюсом авторского Я, которое не дано в целостности.

По Бахтину, функция наружности как то, что, объемля «целое души», дана «для меня только в другом», а для «Я» «целостный образ рассеян в жизни, попадая в поле видения внешнего мира лишь в виде случайных обрывков...» [18, с. 114–115]. Из контраста целостности Другого во внешнем образе и нецелостности Я во внутреннем переживании следует вывод о том, что «формой конкретного переживания действительного человека является корреляция, но не обратимость категорий Я и Другого, и эта форма Я, в которой Я переживаю себя-единственного, в корне отлична от формы Другого, в которой Я переживаю всех без исключения других людей» [18, с. 117–118]. В контексте поэтики романа взгляд Раскольникова на Сонечку как на Другого, собирая в ней образ Божий, является метафорическим, поскольку в ее лице Раскольникову видится божественное существо человека. Но точно так же и автор Достоевский метафорически сгущает в образе Раскольникова судьбу современного человека, который, вытравив из души Божье начало, впал в прелесть «наполеоновского» эгоцентризма («я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» [17, с. 318]).

Подобно тому, как жрец и священник своими молитвенно-благодарными, содержащими имя бога глоссолалиями заряжают земную вещь значением священного объекта, который собирает людей в круг солидарной общины, объединяющей заодно и весь мир, так же бахтинский автор-творец созидает *эстетический объект*, что в виде многозначного Образа мира замыкает на себя символически претворенную в романном мире действительность [18, с. 248]. Поэтическая метафоризация, собирая мир, выводит его из статуса предиката, депредикативизирует мир, благодаря чему он перестает быть зависимым и подотчетным человеку как субъекту и помещается в сердцевину круга человеческого благоговения, «страха и трепета».

В созидании эстетического объекта с автором-творцом происходит ключевая метаморфоза. Сгущая эстетическую форму, *Gestalt*, конденсируя образ героя, сам автор параллельно *смещается* на периферию созерцания того, что возникает как образ, который центрирует собой романый мир, а с ним и мир как таковой. Это происходящее в эстетической деятельности смещение наполняет автора-художника переживанием жалости, симпатии, любования образом или героем. Гармонизация образа героя и духа автора и обозначает существо бахтинской диалогичности, что, восходя «в вечность» [18, с. 156], «растопляет в своей стихии все без исключения внутренние и внешние определения как самих героев, так и их мира. Личность утрачивает свою грубую внешнюю субстанциальность, свою вещную однозначность, из бытия становится событием» [19, с. 175]. В случае с поэтикой Достоевского исправление перекоса пары Я/Другой сбывается на пути углубления в «подпольную» суть имманентного синтаксиса, в глубинах которого один синтаксис разворачивается в другой. И поскольку все это происходит на одной и той же траектории, поэтика Достоевского движется в свете поэтического видения Данте, герой которого восходит в трансцендентный рай сквозь ад имманентности [20, с. 141].

В описании Бахтиным художественной деятельности его процесс предстает как динамика выравнивания весов отношения человека и мира, на одной чаше которых – эстетический образ, которым является и образ героя, а на другой – дух вдохновленного автора. Итогом гармонизации этих равноправных краев оказывается возникновение *просвета* трансцендентного, который объединяет собой и эстетический образ, и событие творческого вдохновения в

«единстве обымания, охватывания предмета и события» [21, с. 318]. В онтологическом измерении просвет трансцендентности соотносится с именем Бога, включение которого является сущностной целью эстетической деятельности. В контексте отношения Я, переживающего себя как дух, и Другого, являющегося в модусе целостного образа, просвет трансцендентности предстает как явление Третьего. Как пишет А. А. Грякалов, «область третьего – это именно сфера события», а оно «представляет единство конкретно-всеобщего религиозного переживания мира, культурного космоса и неповторимого поступка» [8, с. 389–390].

Речь идет о триединстве трех моментов – духовного переживания Субъекта, внешнего образа Другого и того Третьего, что обнимет их своим кругом, и что может быть понято как имя Бога. Имеющая трансцендентный мотив гармонизация находящегося *внутри* Субъекта и Другого, являющегося, *извне* движима тем, что в другом сгущается в созерцаемый образ Божий, а Субъект смещается к периферийной позиции любящегося духа, и это встречное движение имеет целью растворение оппозиции внутреннее/внешнее в круге трансцендентной гармонии Духа как метонимизированного Субъекта и Образа как метафоризированного Другого. Лингвоонтологическое описание Бахтиным разворачивания синтаксиса имманентности в синтаксис трансцендентности прямо примыкает к христианской онтологии Троичного Бога, поскольку преобразование Другого в Образ воспроизводит отношение второго Лица Троицы к первому Лицу, а пресуществление субъекта в Дух дублирует отношение к первому Лицу Третьего – Лица Троицы. И в том, что второе и третье Лицо по способу *рождения* одного и *исхождения* другого от первого Лица, предполагают Его как свой источник, синтаксис трансцендентности, имея приоритетом Имя как горизонт троичной гармонии внешнего Образа (Другой) и внутреннего Духа (Субъект).

Заключение. Лингвоонтологический подход Бахтина различает три уровня – логику, грамматику, поэтику. Уровень грамматики представляет обыденную нейтральную закономерность самого языка, по отношению к которому именование Моисеем Бога в высказывании «Я есмь Сущий» (Исх 3:14), связывая местоимение, глагол и имя, предстает своего рода нулевой степенью речи, поскольку содержит точку бифуркации речи на нисхождение в логику и восхождение к поэтике. Логическое нисхождение синтезирует полюс субстанциально централистского, монологического субъекта, чья основа – синтаксис имманентности, в котором субъект всеобщего умозрения (глагол) доминирует над наличным миром и другим как своим предикатом (имя) относительно полюса Я/есть (местоимение). При этом принципиальная непреодолимость расщепленности в границах изолированной автономности субъекта невольно оказывается трамплином для трансгрессии за пределы субъективности, подобно тому, как достижение дна водоема дает возможность, оттолкнувшись от него, переломить вектор погружения в воду в вектор всплытия. И в случае творческого восхождения душа входит в поэтический модус метафоризации предикатного мира, в которой тот сгущается в вызывающий восхищение и любовь прекрасный образ, а сам субъект из эгоцентризма смещается на периферию любящегося созерцания, переживая в себе полноту духа. Гармонизация пресуществленного в искупительный образ мира (глагол) и человека, евхаристически причащающегося ему духом (местоимение), открывая трансцендентное измерение имени Бога, вызволяет субъект из пропасти субъект-предикатной отчужденности человека от мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошинов В. Н. О границах поэтики и лингвистики // Бахтин М. М. Антропологическая лингвистика. Избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. С. 225–253.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Академ. проект, 2011.
3. Булгаков С. Н. Философия имени. Париж: YMCA-Press, 1953.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
5. Махлин В. Л. Металингвистика М. М. Бахтина в контексте его метафилософии // Литературоведческий журнал. 2024. № 1 (63). С. 9–24. DOI: 10.31249/litzhur/2024.63.01
6. Фаритов В. Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология & философия науки. 2014. Т. XXXIX, № 1. С. 124–136.
7. Якобсон Р., Леви-Строс К. Переписка 1942–1982 / пер. с фр. О. Волчек; под науч. ред. С. Фокина. М.: Дело, 2022.
8. Грякалов А. А. Письмо о событии. Эстетическая топография современности. СПб.: Наука, 2004.
9. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка // Бахтин М. М. Антропологическая лингвистика. Избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. С. 7–144.
10. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4 (2). М.: Языки славянских культур, 2010. С. 7–508.
11. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2021.
12. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969.
13. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / пер. с нем. Г. А. Рачинского // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–157.
14. Аристотель. Поэтика / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 645–680.
15. Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе / пер. с фр. Т. В. Славко. М.; СПб.: Университ. книга, 2000.
16. Бахтин М. М. Слово в романе // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 9–179.
17. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973.
18. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 69–264.
19. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2000. С. 5–175.
20. Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству / пер. с фр. Г. Куделич. М.: Изд-во ББИ, 2013.
21. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 265–325.

Информация об авторе.

Кошмил Олег Константинович – кандидат философских наук (2001), доцент кафедры связей с общественностью Тольяттинской академии управления, ОК «Алые паруса», стр. 5, с/п «Ягодное», Ставропольский м. р-н, Самарская обл. 445114, Россия. Автор 42 научных публикаций. Область научных интересов: онтология и теория познания, философия языка, философия литературы.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.09.2025; принята после рецензирования 15.01.2026; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. Voloshinov, V.N. (2010), "On the boundaries of poetics and linguistics", Bahtin, M.M. *Antropolingvistika: Izbrannye trudy* [Anthropolinguistics: Selected Works], Labirint, Moscow, RUS, pp. 225–253.
2. Heidegger M. (2011), *Sein und Zeit*, Transl. by Bibichin, V.V., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
3. Bulgakov, S.N. (1953), *Filosofiya imeni* [The philosophy of the name], YMCA-Press, Paris, FRA.
4. Kristeva, Yu. (2000), "Bakhtin, the word, dialogue, and the novel", *Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Post-Structuralism], Transl. by Kosikov, G.K., Progress, Moscow, RUS, pp. 427–457.
5. Mahlin, V.L. (2024), "Metalinguistics of M.M. Bakhtin in the context of his metaphilosophy", *Literaturovedcheskij zhurnal*, no. 1 (63), pp. 9–24. DOI: 10.31249/litzhur/2024.63.01
6. Faritov, V.T. (2014), "Ontological status of the phenomenon of discourse", *Epistemology & philosophy of science*, vol. XXXIX, no. 1, pp. 124–136.
7. Jakobson, R. and Levi-Strauss, C. (2022), *Correspondance (1942–1982)*, Transl. by Volchek, O., in Fokin, S. (ed.), Delo, Moscow, RUS.
8. Gryakalov, A.A. (2004), *Pis'mo o sobytii. Ehsteticheskaya topografiya sovremennosti* [Letter about the event. The aesthetic topography of modernity], Nauka, SPb., RUS.
9. Voloshinov, V.N. (2010), "Marxism and the philosophy of language", Bahtin, M.M. *Antropolingvistika: Izbrannye trudy* [Anthropolinguistics: Selected Works], Labirint, Moscow, RUS, pp. 7–144.
10. Bahtin, M.M. (2010), "The works of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 4 (2), Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 7–508.
11. Meletinskii, E.M. (2001), *Poetika mifa* [Poetics of myth], Azbuka, Moscow, RUS.
12. Propp, V.Ya. (1969), *Morfologiya skazki* [Morphology of fairy tale], Nauka, Moscow, USSR.
13. Nietzsche, F. (1990), "Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik", Transl. by Rachinskii, G.A., *Sochineniya* [Works], in 2 vols., vol. 2, Moscow, Mysl', USSR, pp. 47–157.
14. Ἀριστοτέλης (1983), "Περὶ ποιητικῆς", Transl. by Gasparov, M.L., *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 2 vols., vol. 2, Mysl', Moscow, USSR, pp. 645–680.
15. Ricœur, P. (2000), *Temps et recit T. 2 La configuration dans le recit de fiction*, Transl. by Slavko, T.V., Universitetskaya kniga, Moscow, SPb., RUS.
16. Bahtin, M.M. (2012), "A word in a novel", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 3, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 9–179.
17. Dostoevskii, F.M. (1973), *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], in 30 vols., vol. 6, Nauka, Leningrad, USSR.
18. Bahtin, M.M. (2003), "On the methodology of the aesthetics of verbal creativity", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 1, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 69–264.
19. Bahtin, M.M. (2000), "Problems of Dostoevsky's creativity", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 2, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 5–175.
20. Girard, R. (2013), *Dostoïevski du double à l'unité*, Transl. by Kudelich, G., BBI, Moscow, RUS.
21. Bahtin, M.M. (2003), "On the methodology of the aesthetics of verbal creativity", *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 7 vols., vol. 1, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 265–325.

Information about the author.

Oleg K. Koshmilo – Can. Sci. (Philosophy, 2001), Associate Professor at the Department of Public Relations, Tolyatti Academy of Management; bldg. 5 OK «Alye parusa», s/p «Yagodnoe», Stavropol'skii m. r-n, Samarskaya obl. 445114, Russia. The author of 42 scientific publications. Area of expertise: ontology and theory of knowledge, philosophy of language, philosophy of literature.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.09.2025; adopted after review 15.01.2026; published online 20.04.2026.

Оригинальная статья
УДК 316.323.2(075.8); 316.016
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-95-106>

«Виртуальное сообщество» как социологический конструкт, или Как использовать цифровые следы в исследовании

Надежда Васильевна Казаринова¹✉, Михаил Сергеевич Матвеев²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ NVKazarinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5047-0022>

²mikhail.matveev97@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5378-6559>

Введение. Цель статьи – разработать методику операционализации понятия «виртуальное сообщество», позволяющую эмпирически различать онлайн-группы, которые обладают признаками общности от иных цифровых образований. Обсуждается содержание понятия «виртуальное сообщество». Предложены цифровые индикаторы для формализованного анализа трех уровней развития виртуальных сообществ.

Методология и источники. Методологическую основу составили труды представителей классической и цифровой социологии – Ф. Тённиса, Р. Парка, Б. Уэлмана, К. Фукса, А. Калиандро, Д. Рейнгольда, Д. Катца и др. Используются методы сравнительного анализа, обобщения и систематизации теоретических подходов, а также нереактивный анализ цифровых поведенческих данных – цифровых следов.

Результаты и обсуждение. Предложены показатели для каждого уровня развития виртуальных сообществ: технологическая инфраструктура и вовлеченность участников, плотность, взаимность и регулярность коммуникации; признаки кооперации, идентичности и символического ядра. Показано, что использование цифровых следов позволяет надежно дифференцировать сообщества от других социальных образований в Сети.

Заключение. Изучение Интернета как самостоятельного социального пространства требует уточнения социологического понятийного аппарата и разработки методов фиксации цифровых форм социальной активности. Виртуальные сообщества характеризуются совместными интересами, устойчивым взаимодействием, внутренними нормами и чувством принадлежности, однако их отличительной чертой является опосредованность коммуникации технологической средой, формирующей особые практики участия и поддержания связи. Операционализация понятия «виртуальное сообщество» посредством описания коммуникативных признаков и анализ цифровых следов позволяет с высокой точностью определять уровень развития сообществ и проводить их эмпирическую типологизацию. Разработанные метрики создают основу для количественных и сравнительных исследований сетевых форм общности, расширяя инструментарий цифровой социологии и углубляя понимание механизмов воспроизводства социальной солидарности в цифровой среде.

Ключевые слова: виртуальные сообщества, цифровая социология, цифровые следы, онлайн-коммуникация, сетевые взаимодействия, операционализация понятий

© Казаринова Н. В., Матвеев М. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Казаринова Н. В., Матвеев М. С. «Виртуальное сообщество» как социологический конструкт, или Как использовать цифровые следы в исследовании // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 95–106. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-95-106

Original paper

“Virtual Community” as a Sociological Construct, or How to Use Digital Traces in Research

Nadezhda V. Kazarinova¹✉, **Mikhail S. Matveev**²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉*NVKazarinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5047-0022>*

²*mikhail.matveev97@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5378-6559>*

Introduction. The purpose of this article is to develop a methodology for the operationalization of the concept of a “virtual community”, enabling an empirical distinction between online groups that exhibit signs of communality and other digital formations. The paper discusses the semantic content of the term “virtual community” and proposes digital indicators for a formalized analysis of the three levels of virtual community development.

Methodology and sources. The methodological framework is based on the works of classical and digital sociology scholars – F. Tönnies, R. Park, B. Wellman, C. Fuchs, A. Caliendo, H. Rheingold, J. Katz, and others. The study employs methods of comparative analysis, generalization, and systematization of theoretical approaches, as well as non-reactive analysis of digital behavioral data – digital footprints.

Results and discussion. The study proposes measurable indicators for each level of virtual community development: technological infrastructure and user engagement; communication density, reciprocity, and regularity; as well as signs of cooperation, shared identity, and symbolic core. It is demonstrated that the use of digital footprints makes it possible to reliably differentiate communities from other social formations on the Internet.

Conclusion. The study of the Internet as an autonomous social space requires clarification of sociological terminology and the development of methods for capturing digital forms of social activity. Virtual communities are characterized by shared interests, stable interactions, internal norms, and a sense of belonging. However, their distinctive feature is the mediation of communication through technological environments that shape specific practices of participation and connection maintenance. The operationalization of the concept of a “virtual community” through the identification of communicative features and analysis of digital footprints enables precise determination of the community’s level of development and its empirical typologization. The proposed metrics form a foundation for quantitative and comparative studies of networked forms of sociality, expanding the methodological tools of digital sociology and deepening the understanding of how social solidarity is reproduced in digital environments.

Keywords: virtual communities, digital sociology, digital footprints, online communication, network interactions, operationalization of concepts

For citation: Kazarinova, N.V. and Matveev, M.S. (2026), ““Virtual Community” as a Sociological Construct, or How to Use Digital Traces in Research”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 95–106. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-95-106 (Russia)

Введение. В данной статье на примере понятия «сообщество» обсуждается смысловая динамика терминов, свойственная социологическому теоретизированию. Типичной проблемой в этой связи становится огромное количество определений изучаемого явления, что самими исследователями «Виртуальное сообщество» как социологический конструкт, или Как использовать цифровые следы в исследовании “Virtual Community” as a Sociological Construct, or How to Use Digital Traces in Research

дователями начинает оцениваться как отсутствие консенсуса и расплывчатость. Понятие «сообщество» не избежало этой участи [см.: 1, с. 4; 2]. История использования интересующего нас термина «усугубляется» тем, что исходно он применялся для обозначения идеализированной утопии, теоретической интерпретации утраченной или неосуществленной формы [3]. Даже Ф. Тённис – ученый, который ввел в научный оборот термин «сообщество», вкладывал в него смысл утраченного «золотого века» пасторальной жизни. В предложенной Тённисом дихотомии *Gemeinschaft* – *Gesellschaft* первое понятие (на русский язык его и переводят как «сообщество») призвано было обозначать что-то естественное, органическое, реальное, эмоциональное, а именно родственные и дружеские отношения, в определенном смысле соотносимые с образом небольшой деревни. В свою очередь термин «общество» (*Gesellschaft*) фиксировал социальный мир как систему безличных отношений в эпоху ускоряющейся индустриализации, сопровождающийся отчуждением и утратой эмоциональной близости между людьми [4].

Сохраняющийся эмоционально-критический заряд в толковании понятия «сообщество» вновь и вновь окрашивал теоретическую дискуссию, в частности, обсуждение таких вопросов, как способны ли индивиды формировать «истинное сообщество» и поддерживать его с помощью современных средств коммуникации, а также какими характеристиками должно быть наделено «настоящее сообщество». Появление термина «виртуальное сообщество» придало дискуссии дополнительную остроту. Виртуальные сообщества в Сети – это «киберпротезы» (Д. В. Иванов) или реально существующие социальные объединения людей, которые спорят, соглашаются, знакомятся, влюбляются, расстаются, разделяют те или иные убеждения и верования, а характеристика «виртуальности» указывает лишь на отсутствие физического соприсутствия в его тактильном смысле [5]? Сообщество «ВКонтакте», названное так разработчиками социальной сети, которое включает многомиллионные онлайн-группы, напоминающие своей активностью модель линейной коммуникации с массовым коммуникатором (автором постов и материалов) и аудиторией, с обратной связью в виде цифровых следов («лайков», комментариев и т. д.) – это виртуальное сообщество в трактовке современной теории или вовсе не-сообщество?

Цель данной статьи – предложить методику операционализации понятия «виртуальное сообщество», что позволило бы эмпирически отличить онлайн-группы, обладающие признаками общности, от других социальных образований в Сети.

Методология и источники. Корпус источников включает тексты классической социологической традиции (Ф. Тённис), а также исследования цифрового общества в работах Д. В. Иванова, Д. Катца и Р. Райса, К. Фукса, А. Калиандро, Д. Рейнгольда, Х. Бейма и других авторов. При работе с источниками использованы общенаучные методы анализа, сравнения и обобщения теоретических положений и результатов эмпирических исследований.

Результаты и обсуждение. Изучение виртуальных сообществ, как и ранее феномена «сообщество», было подвержено влиянию утопической, идеализированной нормы, связанной с техно-оптимистичными представлениями о глобальной сети Интернет. Так, в 1978 г., до широкого распространения самой Сети, в работе «Сетевая нация» Р. Хилц и М. Турофф прогнозировали, что с помощью компьютеров люди будут объединены в сети, а компьютерно-опосредованная коммуникация навсегда изменит социальные интеракции [6]. В одном из первых исследований появившихся сетевых сообществ – в работе Г. Рейнгольда о социальных структурах в *The WELL* (один из первых сайтов социальных сетей (1985 г.)), автор ввел в научный оборот термин «виртуальное

сообщество», подчerkнув двойственность исследовательской задачи, а именно использование понятия «сообщество» как в значении концепта, так и в значении наблюдаемого социального образования. При этом он интерпретировал происходящее в виртуальном пространстве в терминах офлайн-сообществ. Онлайн-сообщество он определил как «социальное образование, возникающее в Интернете, когда определенное количество людей достаточно долго ведет публичные дискуссии, наполненные человеческими чувствами, чтобы сформировать “паутину” личных отношений в киберпространстве». Очевидно, что предложенное Г. Рейнгольдом определение сообщества в Сети может быть использовано и для описания постоянных посетителей кофейни или встреч с соседями на лавочке во дворе для того, чтобы просто пообщаться [7].

Развернувшееся обсуждение понятия «сообщество» включало как аргументы сторонников «чистоты» устоявшихся терминов, так и поиск новых концептуальных ресурсов. В первом случае дискуссанты учитывали разделяемое многими социологами определение Р. Парка, заявлявшего, что существенными характеристиками сообщества являются организованное население на определенной территории, укорененность в «почве» на этой территории, взаимная зависимость жителей. Только совокупность указанных характеристик становится основанием общности: физическая близость создает «инфраструктуру межличностных взаимодействий», которая поддерживает психологическое чувство солидарности, близости и поддержки, а близость людей обеспечивает поддержание социальных связей, даже в случае отсутствия специальных намерений со стороны участников [8]. Потому в Интернете и не может возникнуть «настоящее сообщество», что для «настоящего» необходимо присутствие индивидов в одном физическом пространстве. Оппоненты изложенного подхода напоминали, что любое сообщество представляет собой «символическую конструкцию» в сознании индивида, поэтому фактор физического местоположения следует заменить «идеями» общего места, которое обеспечивает индивида значимыми и поддерживающими социальными связями.

Одним из основных проводников этой концепции стал Б. Уэлманн, который утверждал, что в условиях цифровизации и развития средств связи при изучении сообщества идея общего пространства мало полезна, ценность представляют именно связи, которые могут поддерживаться, например, с помощью мобильных телефонов на расстоянии. Он определил сообщество «как сеть межличностных связей, которые обеспечивают общение, поддержку, информацию, чувство принадлежности и социальную идентичность ... не ограничиваясь районами и деревнями» [9, p. 348]. Б. Уэлманн обратил внимание на то, что авторы работ, делающие акцент на географической локализации, в подавляющем большинстве случаев синонимировали сообщество с понятием «соседство» (neighborhood) [10]. Ему вторил Н. Уотсон: «Я предлагаю перестать думать о “сообществе”, исходя из критериев пространства. Посмотрите: люди не всегда горят желанием общаться “даже с самыми близкорасположенными к ним” индивидами, а скорее сами определяют, с кем они хотят быть частью сообщества, а кого хотят исключить из него. Стоит начать думать о сообществе как о продукте не общего пространства, а определенных отношений между людьми» [11, p. 102].

Несмотря на дискуссии вокруг параметра физического сопresутствия, в научном осмыслении онлайн-коммуникации идея общего места, где формируются социальные связи особого типа, была сохранена. Почти афористически она сформулирована М. Аакхусом: «Наше чувство места формируется независимо от физического присутствия» [12, p. 39], а также Т. Теркенли: «Любое пространство становится “местом” через символические практики» [13, p. 325].

В этом контексте научную влияние сохраняет восходящее к Э. Дюркгейму положение о том, что «...современное общество формирует сообщество вокруг интересов и навыков в большей степени, чем вокруг местоположения...» [14, р. 8], т. е. как форма органической солидарности. Данная теоретическая установка проверялась в эмпирическом исследовании онлайн-групп фанатов сериалов, авторы которого продемонстрировали, что сообщества развиваются через коммуникацию и выработку общих внутренних норм. Даже если связи внутри группы не являются эмоционально прочными, сами группы поддерживаются целями и совместным интересом, специфическими формами выражения, групповыми смыслами, идентичностью, межличностными отношениями и нормами поведения [15].

На наш взгляд, теоретическая установка, что любое сообщество следует рассматривать как воплощенное посредством той или иной формы коммуникации (в том числе и с помощью цифровых средств) физическое и социальное присутствие, как взаимодействие людей во времени и пространстве, продуктивна для осмысления особенностей формирующихся в Сети социальных образований. В поиске фактора, задающего чувство принадлежности к сообществу без физического сопребывания его членов, ракурс сдвигается к фундаментальному значению канала коммуникации (например, цифровых устройств), порождающему эффект сообщения между пользователями. Однако следует признать основательность утверждения У. Фабиетти с соавторами о том, что если неизбежным условием отнесения человеком себя к той или иной группе является его социальное воображение, тогда почти все сообщества являются «виртуальными» [16]. Я. ван Дейк также называет разделяемый интерес главным условием конструирования виртуального сообщества [17]. Сходного мнения придерживается К. Дж. Калхун, определяя онлайн-сообщество как «большую группу людей, связанных между собой для обмена информацией, идеями, чувствами и желаниями» [18, р. 505]. К. Джонс и С. Рафаэли постулируют, что виртуальные сообщества – это символически очерченные компьютерно-опосредованные пространства, существование которых относительно прозрачно и открыто, что позволяет группам людей посещать и вносить свой вклад в набор компьютерно-опосредованных межличностных взаимодействий [19].

Ответом на вопрос, можно ли считать то или иное интернет-образование сообществом, стал набор характеристик, предложенный Н. Бэйм. К числу важнейших характеристик были отнесены:

– чувство общего пространства, которое, по словам исследовательницы, наиболее наглядно проявляется в массовых онлайн-играх (MMORPG), где пользователи действуют в рамках единого виртуального мира, населенного персонажами и снабженного собственными социальными нормами;

– обмен ресурсами и взаимная поддержка – от информационной и эмоциональной до материальной, причем пользователи помогают друг другу как альтруистически, так и ради подтверждения собственной значимости или увеличения символического капитала и статуса внутри группы;

– межличностные связи, формирующие ощущение взаимной вовлеченности и доверия;

– формирование общей идентичности: человек становится частью групповой структуры, осознает это и воспроизводит ее через участие и коммуникацию [20].

Д. Мейровиц, развивая идеи Д. Г. Мида о «генерализованном другом», предложил понятие «медиированного генерализованного другого», уточнив, что «существует предел числа

людей, с которыми можно чувствовать подлинную связь. Электронные медиа, таким образом, способствуют более широкому, но более поверхностному чувству «мы»» [21, р. 66].

Замечание Д. Мейрвица интересно как одно из многочисленных высказываний в процессе концептуализации феномена виртуальных сообществ. Приведем еще несколько принципиальных, на наш взгляд, идей.

М. Постер заметил, что индивиды представляют связи внутри виртуальных сообществ как реальные, поскольку компьютерная коммуникация позволяет формировать эффекты близости, участия, чувства товарищества, взаимности и устойчивости связей [22].

Д. Катц с коллегами уточнял, что виртуальные сообщества способны воспроизводить доверие и близость через регулярное взаимодействие, но не способны обеспечить их долговременную устойчивость без постоянного символического обновления с помощью сообщений или иных символических реакций [3].

А. Калиандро обратила внимание на то, что повседневное использование социальных сетей зачастую заключается в обновлении статуса в социальной сети, поиске какого-то технического решения и иногда публикации комментария с благодарностью, после чего люди больше никогда не возвращаются на этот ресурс [23]. Тем самым большая часть современного виртуального взаимодействия не создает плотных и устойчивых социальных образований, необходимых для формирования сообществ [24].

Чтобы обозначить интернет-взаимодействия, для которых характерны недлительность существования и рыхлость структуры, стали использовать такие понятия, как «онлайн-толпа» и «онлайн-публика». С. Стейдж, обращаясь к общепринятому определению толпы как собранию людей, физически находящихся вместе и занимающихся общим делом, дополняет его приставкой онлайн, а именно характеризует как «аффективное объединение и относительную синхронизацию аудитории по отношению к определенному онлайн-ресурсу» [24, р. 211].

Понятие «онлайн-публика» по существу воспроизводит идеи французского социолога Г. Тарда, который рассматривал публику (в отличие от толпы) как рациональное и рефлексивное коллективное образование, чья связь формируется в одновременном «осознании того, что они разделяют общую идею или желание с большим количеством людей» [25, р. 9]. По мысли Тарда, публика не могла бы существовать без средств коммуникации (например, газеты), способных объединять людей, привлекая их внимание и способствуя развитию «виртуального» чувства принадлежности между ними: «Читатели [должны] обсуждать друг с другом то, что они читают в газетах; [...] посредством разговора информация передается от человека к человеку, формируя общественное мнение» [25, р. 13]. Отталкиваясь от идей Тарда, А. Арвидссон, предлагает понятие «онлайн-публика» в значении опосредованного взаимодействия пользователей, объединенных временным эмоциональным всплеском или более выраженной фокусировкой внимания, направленной на общий объект, будь то событие, бренд или массовый коммуникатор [26]. Таким общим объектом может стать обсуждение в сетке комментариев видео от популярного блогера, обсуждение поста в ленте социальных сетей и т. д.

Хотя различение онлайн-толпы и онлайн-публики полезно для демонстрации широкого спектра социальных образований в Сети, однако их функционирование может и не привести к формированию сообщества. Иначе говоря, сохраняется концептуальная задача выделения оснований различия между виртуальными сообществами и иными социальными формациями в

современном Интернете, а также дальнейшая формализация этих различий для применения в эмпирических исследованиях.

Вариант подобной типологизации виртуальных сообществ предлагает один из современных теоретиков в области цифровой социологии К. Фукс, вводя такие параметры, как (интер)субъективная и объективная линии [27, р. 308]. В первом случае онлайн-сообщество рассматривается как непрерывные коммуникативные онлайн-практики, которые производят смыслы и не требуют общих интересов и консенсуса по ценностям и интерпретациям. Во втором случае сообщество есть, если транслируются общие ценности, идентичность, солидарность, единение. По К. Фукусу, эти подходы не взаимоисключающи. Интерсубъективность подчеркивает важность онлайн-коммуникации, объективность – важность символических и ценностных аспектов, которые создают потенциал для формирования чувства общности. Интегративный эффект, согласно Фукусу, имеет место, если рассматривать сообщества как динамические техно-социальные системы коммуникации и производства смысла, которые включают технологическую и социальную подсистемы. Взаимодействие данных подсистем позволяет выявить три уровня развития виртуального сообщества.

Первый уровень – общая технологическая инфраструктура как минимальный стандарт для установления взаимодействия. Например, пользователи зашли на сайт социальных сетей и подписались на одну и ту же онлайн-группу.

Второй уровень – онлайн-коммуникация. На этом этапе устанавливается социальный уровень виртуального сообщества, а именно устойчивое, повторяющееся общение вокруг общих тем/интересов; возникают правила, нормы, хотя на этом уровне консенсус необязателен.

Третий уровень – кооперация и признание, совместное производство новых смыслов, общих ценностей, близости и эмоциональных уз, появление чувства общности. Последнее можно определить как чувство принадлежности, которое испытывают члены сообщества, и в то же время как общее понимание того, что они должны быть вместе [14].

Не все виртуальные социальные образования достигают третьего уровня, зачастую они остаются на предыдущих уровнях.

В своем исследовании мы решили разработать показатели видовой характеристики выделенных К. Фуком этапов развития виртуального сообщества, позволяющие выявлять и проводить измерительные процедуры. Безусловно, одним из способов адаптации теоретических допущений к анализу эмпирических объектов остается использование традиционного этнографического инструментария для работы в онлайн-среде, такие как интервью с участниками и включенное наблюдение, для понимания того, насколько консолидированной является онлайн-группа. Однако, на наш взгляд, можно предложить и более формализованные показатели, которые будут актуальны для оперативного анализа большего числа эмпирических объектов. Для решения этой задачи методическую ценность представляет не реактивная стратегия анализа цифровых поведенческих данных – цифровых следов (digital footprint), характеризующих сетевую активность индивида [28].

При разработке измерительной методики мы ориентировались на решение задачи, поставленной в статье, а именно можно ли назвать любое сообщество «ВКонтакте» виртуальным сообществом в научном смысле (хотя разработчики платформы и называют цифровые пространства «сообществами»), или мы имеем дело с онлайн-группой, включающей милли-

оны читателей, но в которой отсутствует регулярная коммуникация, фан-страница, а «пользователи» – это всего лишь аудитория, конечный пункт линейной модели коммуникации.

Формализация первого уровня этапа развития виртуального сообщества, по К. Фуксу, представлена в табл. 1.

Таблица 1. Цифровые следы для получения формальных метрик первого уровня виртуального сообщества/онлайн-толпы

Table 1. Digital footprints for obtaining formal metrics of the first level of the virtual community/online crowd

Показатель	Описание	Метод измерения/цифровые следы
Наличие общего канала коммуникации	Наличие функционирующих инструментов общения в сообществе	Проверка активности на стене, в ветках комментариев и т. д.
Количество публикаций	Объем коммуникации за период	Число постов за 90 дней
Количество активных пользователей	Ширина вовлеченности участников	Уникальные авторы постов, комментариев, обсуждений
Коммуникативная вовлеченность	Отношение активных пользователей к общему числу подписчиков	Активные пользователи/подписчики

Показатели первого уровня отражают наличие минимальной инфраструктуры компьютерно-опосредованной коммуникации и базовую вовлеченность участников. При выполнении четырех критериев сообщество фиксируется как достигшее первого уровня, по Фуксу.

Второй уровень представляет собой коммуникационную практику, а именно регулярные, узнаваемые коммуникации между участниками. Типичным примером может служить активная онлайн-группа, где между людьми идет обмен фразами, мемами, ответами, формируются общие интересы, цели и темы общения. С точки зрения цифровых эмпирических индикаторов этому уровню соответствуют следующие характеристики (см. табл. 2).

Таблица 2. Цифровые следы для получения формальных метрик второго уровня виртуального сообщества

Table 2. Digital footprints for obtaining formal metrics of the second level of the virtual community

Показатель	Описание	Метод измерения/цифровые следы
Плотность диалогов	Средняя глубина веток обсуждений	Анализ и цепочки комментариев
Взаимность коммуникации	Доля пользователей, ведущих двусторонние обмены	Граф ответов пользователь–пользователь
Непрерывность участия	Доля пользователей, сохраняющих активность во времени	Количество участников, писавших ≥ 1 раз за определенный период
Тематическая связанность	Доля доминирующего смыслового кластера	LDA/тематическое моделирование
Регулярность коммуникации	Ритм публикаций и ответов	Медианное время ответа, равномерность активности по неделям

Третий уровень, по Фуксу, – это социальное сотрудничество и признание, когда группа превращается в виртуальное сообщество: появляется взаимопомощь, ритуалы, совместное производство контента, устойчивые ролевые позиции. Показатели представлены в табл. 3.

При выборе эмпирических объектов исследователю не обязательно выгружать весь массив постов и комментариев, чтобы с уверенностью определить, на каком этапе развития находится изучаемая группа. Исключить из эмпирической выборки многомиллионные или многотысячные онлайн-группы, в которых отсутствуют признаки регулярного общения, кооперации или символической интеграции, можно просто оценив наличие односторонней коммуникации, высокий процент постов без комментариев, отсутствие повторяющихся акторов в ветках обсуждений. И напротив, если группа отвечает всем этим признакам, она

потенциально может быть использована для более глубокого анализа, т. е. с высокой степенью достоверности может быть отнесена к виртуальному сообществу третьего типа.

Таблица 3. Цифровые следы для получения формальных метрик третьего уровня виртуального сообщества
Table 3. Digital footprints for obtaining formal metrics of the third level of the virtual community

Признак	Описание	Метод выявления/цифровые следы
Повторяемость символов/ритуализированность	Повторяющиеся эмодзи, мемы, шаблонные изображения, цитаты	Частотный анализ медиа-контента и эмодзи; TF-IDF для устойчивых выражений
Темы общения с высоким вовлечением	Тематические кластеры, вызывающие пики активности	Тематическое моделирование (LDA) + анализ реакций и комментариев
Словарь идентичности	Использование местоимений и коллективных маркеров («мы», «наши», «все знают»)	Частотный анализ лексем; лингвистическая нормализация корпуса
Устойчивые фигуры (ядро)	Пользователи с длительной и многоформатной активностью	Сетевой анализ: доля участников, присутствующих в большинстве коммуникативных веток
Символическое ядро (ключевые хештеги, фразы)	Повторяющиеся маркеры идентичности сообщества	Частотный анализ хештегов, цитат
Тренды взаимопомощи	Количество диалогов «запрос/решение»	Классификация постов по ключевым словам «подскажите», «ищу», «нужна помощь» и ответы с признанием помощи

Заключение. Изучение Интернета как сложившегося и активно развивающегося социального пространства предполагает оснащение современного социологического знания соответствующим социологическим понятийным аппаратом и методическими процедурами сбора данных о социальной и коммуникативной активности сетевых пользователей. Концептуализация центрального для социологии интернет-понятия «виртуальное сообщество» не может не учитывать более, чем 100-летнюю историю использования важнейших социологических терминов «общество – община – группы – сообщество». Авторы работы согласны, что к характеристикам виртуального сообщества следует отнести такие параметры групповой коммуникации, как совместные интересы и цели, устойчивое взаимодействие между участниками объединения и контролируемые нормы поведения, групповая идентичность и другие групповые конструкты, свойственные не только интернет-коммуникации. Вместе с тем мы солидарны с теми исследователями, которые утверждают, что фундаментальное определяющее свойство виртуального сообщества, выделяющее это социальное образование в особый тип, задается в первую очередь коммуникативной средой и связанным с нею коммуникативным поведением интернет-жителей.

Операционализация понятия «виртуальное сообщество» и предполагает выделение прежде всего коммуникативных признаков при его описании, а также приемов использования цифровых следов. Предложенные в статье метрики позволяют с высокой достоверностью определять характер и этап развития виртуального сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тальнишних Н. К. Культура «сетевых сообществ»: дис. ... канд. филос. наук / РГУ. Ростов н/Д, 2004.
2. Hillery G.A., Jr. A research odyssey: Developing and testing a community theory. New Brunswick, NJ: Transaction, 1982.

3. Personal Mediated Communication and the Concept of Community in Theory and Practice / J. E. Katz, R. E. Rice, S. Acord et al. // *Communication yearbook*. Vol. 28 / ed. by P. Kalbfleisch. NJ: Mahwah, 2004. P. 315–371.

4. Тённис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии* / пер. с нем. Д. В. Складнёва. СПб.: Владимир Даль, 2002.

5. Иванов Д. В. *Виртуализация общества. Версия 2.0*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.

6. Hiltz S. R., Turoff M. *The Network Nation: Human Communication via Computer*. Cambridge: MIT Press, 1978.

7. Rheingold H. *The virtual community: homesteading on the electronic frontier*. Cambridge: MIT Press, 2000.

8. Driskell R. B., Lyon L. Are Virtual Communities True Communities? Examining the Environments and Elements of Community // *City & Community*. 2002. Vol. 1, no. 4. P. 373–390. DOI: 10.1111/1540-6040.00031.

9. Wellman B. Are personal communities local? A Dumptarian reconsideration // *Social Networks*. 1996. Vol. 18, iss. 4. P. 347–354.

10. Wellman B., Leighton B. Networks, Neighborhoods, and Communities: Approaches to the Study of the Community Question // *Urban Affairs Review*. 1979. Vol. 14, iss. 3. P. 363–390. DOI: <https://doi.org/10.1177/10780874790140030>.

11. Watson N. Why We Argue About Virtual Community: A Case Study of the Phish.net Fan Community // *Virtual Culture: Identity and Communication in Cybersociety* / ed. by S. Jones. London: SAGE, 2002. P. 102–132. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446250303.n6>.

12. Aakhus M. A. Understanding Information and Communication Technology and Infrastructure in Everyday Life // *Machines That Become Us: The Social Context of Personal Communication* / ed. by J. E. Katz. London, NY: Routledge, 2003. P. 27–42. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203786826>.

13. Terkenli T. S. Home as a Region // *Geographical Review*. 1995. Vol. 85, iss. 3. P. 324–334. DOI: 10.2307/215276.

14. McMillan D. W., Chavis D. M. Sense of Community: A Definition and Theory // *J. of Community Psychology*. 1986. Vol. 14, iss. 1. P. 6–22. DOI: 10.1002/1520-6629(198601)14:13.0.CO;2-I.

15. Baym N. K. Interpreting Soap Operas and Creating Community: Inside a Electronic Fan Culture // *Culture of the Internet* / ed. by S. Kiesler. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 103–120.

16. Fabietti U., Malighetti R., Matera V. Il traffico delle culture // *Dal tribale al globale: introduzione all'antropologia* / Milano: Bruno Mondadori, 2002. P. 91–136.

17. Van Dijk J. A. G. M. *The Network Society: Social Aspects of New Media*. 2nd ed. London: SAGE, 2006.

18. Calhoun C. J. Virtual Community // *Dictionary of the Social Sciences* / ed. by C. J. Calhoun. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. P. 505.

19. Jones Q., Rafaeli S. Time to Split, Virtually: “Discourse Architecture” and “Community Building” as Means to Creating Vibrant Virtual Metropolises // *Electronic Markets*. 2000. Vol. 10, iss. 4. P. 214–223. DOI: 10.1080/101967800750050326.

20. Baym N. K. *Personal connections in the digital age*. Cambridge: Polity Press, 2015.

21. Meyrowitz J. Shifting worlds of strangers: Medium theory and changes in “them” vs. “us” // *Sociological Inquiry*. 1997. Vol. 67, iss. 1. P. 59–71. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1997.tb00429.x.

22. Poster M. *What's the matter with the Internet?* Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2001.

23. Caliandro A. Digital Methods for Ethnography: Analytical Concepts for Ethnographers Exploring Social Media Environments // *J. of Contemporary Ethnography*. 2017. Vol. 47, iss. 2. P. 1–28. DOI: 10.1177/0891241617702960.

24. Stage C. The online crowd: a contradiction in terms? On the potentials of Gustave Le Bon's crowd psychology in an analysis of affective blogging // *Distinktion: Scandinavian J. of Social Theory*. 2013. Vol. 14, № 2. P. 211–226. DOI: 10.1080/1600910X.2013.773261.

25. Butsch R. *The citizen audience: crowds, publics, and individuals*. NY: Routledge, 2008.

26. Arvidsson A. The potential of consumer publics // *Ephemera*. 2013. Vol. 13, № 2. P. 367–391.

27. Fuchs C. *Internet and society: social theory in the information age*. NY: Routledge, 2008.

28. Матвеев М. С. След как знак: эпистемология и методология цифровых данных в социологии // Социодинамика. 2025. № 4. С. 71–80. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.4.74248.

Информация об авторах.

Казаринова Надежда Васильевна – кандидат философских наук (1985), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социология коммуникации, межличностная и межгрупповая коммуникация.

Матвеев Михаил Сергеевич – магистр социологии (2023), ассистент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная коммуникация, социальные сети, технологии и общество.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 11.11.2025; принята после рецензирования 15.01.2026; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. Tal'nishnikh, N.K. (2004), "Culture of 'Network Communities'", Can. Sci. (Philosophy) Thesis, Rostov State Univ., Rostov-on-Don, RUS.

2. Hillery, G.A., Jr. (1982), *A research odyssey: Developing and testing a community theory*, Transaction, New Brunswick, NJ, RUS.

3. Katz, J.E., Rice, R.E., Acord, S. et al. (2004), "Personal mediated communication and the concept of community in theory and practice", *Communication Yearbook*, Kalbfleisch, P. (ed.), vol. 28, Mahwah, NJ, USA, pp. 315–371.

4. Tönnies, F. (2002), *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie*, Transl. by Sklyadnev, D.V., Vladimir Dal', SPb., RUS.

5. Ivanov, D.V. (2002), *Virtualization of Society. Version 2.0*, Peterburgskoe Vostokovedenie, SPb., RUS.

6. Hiltz, S.R. and Turoff, M. (1978), *The Network Nation: Human Communication via Computer*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.

7. Rheingold, H. (2000), *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*, Cambridge, MIT Press, USA.

8. Driskell, R.B. and Lyon, L. (2002), "Are virtual communities true communities? Examining the environments and elements of community", *City & Community*, vol. 1, no. 4, pp. 373–390. DOI: 10.1111/1540-6040.00031

9. Wellman, B. (1996), "Are personal communities local? A Dumptarian reconsideration", *Social Networks*, vol. 18, iss. 4, pp. 347–354.

10. Wellman, B. and Leighton, B. (1979), "Networks, neighborhoods, and communities: Approaches to the study of the community question", *Urban Affairs Review*, vol. 14, iss. 3, pp. 363–390. DOI: <https://doi.org/10.1177/10780874790140030>

11. Watson, N. (2002), "Why we argue about virtual community: A case study of the Phish.net fan community", *Virtual Culture: Identity and Communication in Cybersociety*, Jones, S. (ed.), SAGE, London, UK, pp. 102–132. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446250303.n6>

12. Aakhus, M.A. (2003), "Understanding information and communication technology and infrastructure in everyday life", *Machines That Become Us: The Social Context of Personal Communication*, Katz, J.E. (ed.), London, NY: Routledge, USA, pp. 27–42. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203786826>

13. Terkenli, T.S. (1995), "Home as a region", *Geographical Review*, vol. 85, iss. 3, pp. 324–334. DOI: 10.2307/215276
14. McMillan, D.W. and Chavis, D.M. (1986), "Sense of community: A definition and theory", *J. of Community Psychology*, vol. 14, iss. 1, pp. 6–22. DOI: 10.1002/1520-6629(198601)14:13.O.CO;2-I
15. Baym, N.K. (1997), "Interpreting soap operas and creating community: Inside a Electronic Fan Culture", *Culture of the Internet*, Kiesler, S. (ed.), Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, NJ, USA, pp. 103–120.
16. Fabietti, U., Malighetti, R. and Matera, V. (2002), "Il traffico delle culture", *Dal tribale al globale: introduzione all'antropologia*, Bruno Mondadori, Milano, ITA, pp. 91–136.
17. Van Dijk, J.A.G.M. (2006), *The Network Society: Social Aspects of New Media*, 2nd ed., SAGE, London, UK.
18. Calhoun, C.J. (2002), "Virtual community", *Dictionary of the Social Sciences*, Oxford Univ. Press. Oxford, UK, p. 505.
19. Jones, Q. and Rafaeli, S. (2000), "Time to split, virtually: "Discourse architecture" and "community building" as means to creating vibrant virtual metropolises", *Electronic Markets*, vol. 10, iss. 4, pp. 214–223. DOI: 10.1080/101967800750050326
20. Baym, N.K. (2015), *Personal connections in the digital age*, Polity Press, Cambridge, UK.
21. Meyrowitz, J. (1997) "Shifting worlds of strangers: Medium theory and changes in "them" vs. "us", *Sociological Inquiry*, vol. 67, iss. 1, pp. 59–71. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1997.tb00429.x
22. Poster, M. (2001), *What's the matter with the Internet?*, Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
23. Caliandro, A. (2017), "Digital methods for ethnography: Analytical concepts for ethnographers exploring social media environments", *J. of Contemporary Ethnography*, vol. 47, iss. 2, pp. 1–28. DOI: 10.1177/0891241617702960
24. Stage, C. (2013), "The online crowd: a contradiction in terms? On the potentials of Gustave Le Bon's crowd psychology in an analysis of affective blogging", *Distinktion: Scandinavian J. of Social Theory*, vol. 14, no. 2, pp. 211–226. DOI: 10.1080/1600910X.2013.773261
25. Butsch, R. (2008), *The citizen audience: Crowds, publics, and individuals*, Routledge, NY, USA.
26. Arvidsson, A. (2013), "The potential of consumer publics", *Ephemera*, vol. 13, no. 2, pp. 367–391.
27. Fuchs, C. (2008), *Internet and society: Social theory in the information age*, Routledge, NY, USA.
28. Matveev, M.S. (2025), "Trace as a sign: epistemology and methodology of digital data in sociology", *Sociodynamics*, no. 4, pp. 71–80. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.4.74248

Information about the authors.

Nadezhda V. Kazarinova – Can. Sci. (Philosophy, 1985), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, sociology of communication, interpersonal and intergroup communication.

Mikhail S. Matveev – Master (Sociology, 2023), Assistant at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: social communication, social networks, technology and society.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 11.11.2025; adopted after review 15.01.2026; published online 20.04.2026.*

Оригинальная статья

УДК 316.4; 004.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-107-120>

Санкционированный ИИ как педагогический инструмент: квазиэксперимент по формированию новой академической субъектности

Владимир Евгеньевич Драч

*Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
vladimir@drach.pro, <https://orcid.org/0009-0009-6280-3160>*

Введение. С распространением генеративных моделей ИИ (GenAI) обострилась дискуссия о «кризисе авторства» и угрозе академической деонтологии. Работа исследует, как интердиктивные (запрет) и предскриптивные (обязательное использование) установки модулируют субъектность студента, структуры этики и когнитивные практики.

Методология и источники. Реализован контролируемый квазиэксперимент (n = 10) в рамках дипломного проектирования. Студенты были разделены на дидактически изолированные группы с различными нормативными установками: обязательное осознанное применение ИИ противопоставлено настоятельным рекомендациям отказа от ИИ. Сбор данных включал документ-анализ, рефлексивные опросы, педагогическое наблюдение и верификационные метрики. Особое внимание уделялось пересечению формальных показателей и субъективных интерпретаций, что позволило избежать редукции к технократическому измерению взаимодействия с ИИ.

Результаты и обсуждение. Легитимация ИИ ассоциируется с процессуально-ориентированной этикой: студенты демонстрировали высокий уровень авторства, сниженный этический дискомфорт и практики критической верификации, включая выявление модельных галлюцинаций и усложнение задач. В интердиктивной группе наблюдались случаи некритического заимствования. ИИ функционировал как медиатор трансформации субъектности: от исполнителя задачи к конструктору эпистемической среды.

Заключение. Исследование демонстрирует, что педагогическая стратегия, основанная на запрете GenAI, не усиливает ни этическую ответственность, ни критическое мышление; напротив, она может способствовать пассивному доверию к «человеческим» источникам и скрытой эксплуатации технологий. В то же время нормативное встраивание ИИ в учебный процесс открывает путь к трансформации академической субъектности: студент перестает быть «производителем текста» и становится «конструктором запроса», «оператором модели» и «арбитром знания». Это требует переосмысления не только образовательных практик, но и фундаментальных категорий авторства, ответственности и компетентности.

Ключевые слова: высшее образование, генеративный искусственный интеллект, социологические исследования, выпускная квалификационная работа, машинное обучение, этические аспекты

Для цитирования: Драч В. Е. Санкционированный ИИ как педагогический инструмент: квазиэксперимент по формированию новой академической субъектности // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 107–120. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-107-120

© Драч В. Е., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Sanctioned AI as a Pedagogical Tool: a Quasi-Experiment on the Formation of a New Academic Subjectivity

Vladimir E. Drach

*Sochi State University, Sochi, Russia
vladimir@drach.pro, <https://orcid.org/0009-0009-6280-3160>*

Introduction. With the spread of generative AI (GenAI) in education, discussions on the “crisis of authorship” intensified. While most measures focus on prohibition, this paper examines how student subjectivity changes when AI is legitimized. It explores how interdictive (prohibition) and prescriptive (mandatory use with verification) attitudes modulate behavioral strategies, academic ethics, and responsibility.

Methodology and sources. A controlled quasi-experiment (n = 10) was conducted within bachelor's thesis projects. Students were divided into two didactically isolated groups: mandatory conscious AI use versus an interdictive framework. Data collection included document analysis, reflective surveys, pedagogical observation, and verification metrics. Special attention was paid to correlating formal indicators and subjective interpretations.

Results and discussion. Data demonstrate an association between AI legitimization and process-oriented ethics. The prescriptive group declared higher authorship, reduced ethical discomfort, and developed critical verification practices. Conversely, the interdictive group showed uncritical borrowing. Prohibition failed to stimulate autonomous ethical reflection. Legitimized AI catalyzed cognitive activity, transforming subjectivity from task performer to designer of the epistemic environment.

Conclusion. Prohibiting GenAI fails to strengthen ethical responsibility, potentially promoting passive trust. Normative AI integration transforms academic subjectivity: the student becomes a “prompt designer”, “model operator”, and “arbiter of knowledge”. This requires rethinking educational practices and fundamental categories of authorship, responsibility, and competence.

Keywords: higher education, generative artificial intelligence, sociological research, thesis defense, machine learning, ethical aspects

For citation: Drach, V.E. (2026), “Sanctioned AI as a Pedagogical Tool: a Quasi-Experiment on the Formation of a New Academic Subjectivity”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 107–120. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-107-120 (Russia)

Введение. Генеративный искусственный интеллект [1; 2], ворвавшись в академическое пространство [3; 4], поставил под сомнение устоявшиеся представления о происхождении знания, ответственности за текст и границах интеллектуальной автономии студента [4]. Реакция образовательных институций на этот вызов в подавляющем большинстве случаев свелась к рефлексу запрета: введены «честные декларации», разработаны алгоритмы выявления машинного текста и т. п. – все это в попытке сохранить прежнюю модель академической добродетели, основанной на идее непосредственного авторства. Однако подобные меры, ориентированные на контроль и санкцию, игнорируют фундаментальный социологический факт: технология не просто «внедряется» в практику – она переопределяет ее нормативную структуру. Вопрос уже не в том, используют ли студенты ИИ (эмпирика убедительно показывает – используют, независимо от любых запретов), а в том, какие смыслы, нормы и формы ответствен-

ности возникают в зависимости от того, легитимирована ли эта практика институционально. В настоящей работе мы обращаемся к редкому случаю педагогического вмешательства, в котором две группы студентов-дипломников были подвергнуты принципиально различным дискурсивным установкам: одной было предписано активное и осознанное взаимодействие с генеративными моделями как с инструментом мышления, другой – настойчиво рекомендовано воздержаться от их применения в пользу «человеческого» письма и кодирования. Анализируя различия в этической рефлексии, стратегиях познавательного взаимодействия и переживании авторства, мы ставим под вопрос тезис о неизбежном эрозионном воздействии ИИ на академическую субъектность и предлагаем альтернативную перспективу: ИИ как медиатор трансформации, способный не размывать, а, напротив, конструировать новые формы ответственности – при условии, что его использование встроено в педагогическую практику не как угроза, а как вызов к осмысленной когнитивной деятельности.

Таким образом, ключевая социологическая проблема, исследуемая в данной работе, заключается в выявлении механизмов институциональной легитимации нового технологического артефакта (генеративного ИИ) и его последующего влияния на трансформацию нормативной структуры академического поля, а также на конструирование новой формы академической субъектности. В то время как ряд исследований [5–7] сводит роль ИИ к простому инструменту, демонстрируя ожидаемое снижение когнитивной нагрузки, в данной работе фокус внимания смещен не на технологический детерминизм, а на обратный процесс: как социальные установки и дискурсивные рамки, создаваемые внутри института, определяют функции, этический статус и когнитивную роль ИИ, тем самым перестраивая привычные практики академического труда и формы ответственности. Работа обращается к классическим для социологии знания вопросам о том, как социальные условия производства знания формируют не только его содержание, но и самого познающего субъекта.

Исследование опирается на понимание технологий не как нейтральных инструментов, а как социальных артефактов, смысл и функция которых формируются в процессе их встраивания в конкретные практики, дискурсы и институциональные порядки. В этой перспективе генеративный ИИ рассматривается не столько как когнитивный заместитель, сколько как медиатор, чья роль определяется не внутренними характеристиками модели, а нормативными установками, в рамках которых происходит ее использование. Для анализа этого процесса ключевую роль играет концепция институциональной легитимности [8], согласно которой действия и практики обретают статус «правильных» не благодаря своей эффективности, а вследствие соответствия ожиданиям, закрепленным в социальных структурах, в данном случае – в педагогической среде. Легитимация ИИ как инструмента познания трансформирует не только поведение студентов, но и их этическую рефлексию: разрешенное действие перестает восприниматься как трансгрессия, а ответственность смещается с результата на процесс взаимодействия.

Эта трансформация вписывается в более широкую дискуссию о социальном конструировании технологий [9], где подчеркивается, что любая техника (от калькулятора до нейросети) проходит этапы интерпретативной гибкости, в ходе которых различные социальные группы приписывают ей разные функции, риски и потенциалы. В образовательном контексте ИИ может быть сконструирован как угроза академической честности, как сред-

ство повышения продуктивности или как инструмент когнитивного партнерства – и каждый из этих сценариев порождает отличные друг от друга практики, идентичности и нормы.

Особое внимание в работе уделяется понятию академической письменности как социальной и дисциплинарно обусловленной практики [10; 11], где написание текста выступает не как индивидуальный акт самовыражения, а как участие в дискурсивных актах, требующих освоения специфических жанров, стилей и авторских позиций. Внедрение ИИ в этот процесс не разрушает письменность, а модифицирует ее режимы: авторство перестает быть бинарной категорией – «я написал/не я написал», и становится градуальной и процессуальной – «я сформулировал запрос, я отфильтровал ответы, я переработал предложение, я проверил источник». Такая трансформация соотносится с более общей педагогической дискуссией о субъектности [12] – не просто о приобретении компетенций, но о становлении способности действовать автономно, ответственно и критически в условиях неопределенности. В этом свете легитимированное использование ИИ может выступать не как путь к зависимости, а как педагогическая стратегия, направленная на формирование нового типа эпистемической зрелости – способности конструировать знание через диалог с машиной, сохраняя при этом контроль над его смыслом и этическими последствиями.

Следует отметить, что проблема взаимодействия генеративного ИИ и академических практик активно осмысливается в зарубежной социологии образования и науки [6; 7]. Исследования фокусируются в основном на двух направлениях. С одной стороны, анализируется кризис академической добросовестности и новые формы плагиата, порождаемые технологией [5–7]. С другой стороны, развивается критика «технологического решения», когда ИИ рассматривается как панацея от образовательных проблем без учета сложных социальных последствий. Однако большинство этих работ рассматривают ИИ как внешний, экзогенный фактор, нарушающий устоявшийся порядок. В настоящем исследовании мы отходим от этой детерминистской перспективы и, опираясь на подход SCOT, задаемся вопросом, который остается недостаточно изученным: каким именно институциональным путем можно конструировать роль ИИ не как угрозы, а как продуктивного элемента новой академической практики? Таким образом, наш фокус смещается с констатации проблем на изучение механизмов их социального преодоления.

Методология и источники.

Концептуальная модель и исследовательские гипотезы. Настоящее исследование строится на конструктивистской методологической парадигме, постулирующей, что социальная реальность, в том числе академическая, активно конструируется через дискурсивные практики. В рамках данной парадигмы генеративный ИИ рассматривается не как детерминирующий фактор, а как социальный артефакт, чья роль и смысл определяются контекстом его легитимации. Этот подход позволяет противопоставить наше исследование распространенным в современной науке работам, которые рассматривают ИИ лишь как инструмент прямого замещения когнитивного труда [5]. В таких работах, как правило, сравнивается эффективность «голых рук» и работы с «супер-инструментом», что приводит к тривиальным выводам о снижении когнитивной нагрузки и запоминаемости.

Мы же исходим из того, что ключевым фактором является не сам инструмент, а институционально заданная рамка его использования. Наша концептуальная модель предпола-

гает, что легитимация ИИ как обязательного элемента рефлексивной практики запускает иные когнитивные и социальные механизмы, чем его запрет или негласное использование.

На основе этой модели были сформулированы следующие исследовательские гипотезы.

– Гипотеза 1 (H1): в противовес модели ИИ как «снижателя нагрузки» институциональная легитимация ИИ как партнера по мышлению не уменьшает, а трансформирует когнитивную нагрузку, смещая ее с задач прямого производства (написание текста, кода) на метакогнитивные процессы – формулирование запросов, критическую верификацию, синтез и арбитраж знаний.

– Гипотеза 2 (H2): студенты, работающие в условиях легитимации ИИ, демонстрируют более высокий уровень критической когнитивной вовлеченности (что выражается в проактивном обнаружении ошибок и «галлюцинаций» модели), чем студенты в запретительной среде, которые могут находиться в иллюзии «безопасности» традиционных источников.

– Гипотеза 3 (H3): легитимация ИИ способствует не упрощению, а расширению проектной агентности, что проявляется в готовности студентов радикально усложнять и переосмысливать свои исследовательские задачи, опровергая тезис о деградации проектного мышления при работе с ИИ.

– Гипотеза 4 (H4): в отличие от моделей, где ИИ выступает пассивным поставщиком информации, что ведет к низкому запоминанию результатов, активное и эмоционально насыщенное взаимодействие с ИИ как с инструментом со-конструирования знания (в экспериментальной группе) обеспечивает уровень запоминания и личностного присвоения результатов, сопоставимый с традиционными методами работы.

Дизайн и процедура квазиэксперимента. Настоящее исследование реализовано как целенаправленный квазиэксперимент в естественной образовательной среде – в рамках завершающего этапа бакалавриата по программе 09.03.03 «Прикладная информатика» (профиль «Прикладная информатика в экономике») Сочинского государственного университета, на кафедре информационных технологий и математики. Квазиэкспериментальный дизайн был обусловлен этическими и организационными ограничениями, не позволяющими применить рандомизацию участников, однако компенсирован строгим контролем педагогического вмешательства как ключевой независимой переменной. Важно подчеркнуть, что студенты выполняли выпускные квалификационные работы под научным руководством одного и того же преподавателя – автора настоящей статьи, что обеспечило единообразие методического сопровождения и позволило изолировать влияние дискурсивных установок от факторов разных стилей руководства.

В течение 2024/2025 учебного года участники ($n = 10$) были сознательно распределены по двум когортам до начала активной фазы проектирования. Распределение осуществлялось с учетом баланса по уровню предварительной академической подготовки и практического опыта в программировании с целью минимизировать влияние когнитивного неравенства на результаты. Группы полностью не пересекались в процессе консультаций, так как они проводились в разные дни, использовались отдельные цифровые каналы связи, а коллективные обсуждения были исключены. Это позволило обеспечить дидактическую изоляцию и предотвратить «контаминацию» дискурсивных установок между когортами.

В первой (экспериментальной) группе генеративный ИИ позиционировался как обязательный когнитивный инструмент, интегрируемый на всех этапах – от формулирования темы

и проектирования архитектуры до написания текста, генерации кода и подготовки презентационных материалов. В рамках этой установки студентам предложили добровольно подписать «Кодекс ответственного использования ИИ», включающий три ключевых принципа: 1) ИИ выступает инструментом, а не автором; 2) любой вывод модели подлежит критической верификации; 3) окончательная ответственность за содержание и качество работы лежит на студенте. Этот документ, хотя и не имел формальной юридической силы, служил дискурсивным маркером легитимации и помогал структурировать нормативные ожидания.

Во второй (контрольной) группе использовалась интердиктивная установка: студентам настоятельно рекомендовалось выполнять все компоненты работы самостоятельно, без обращения к генеративным моделям. Особое внимание уделялось продемонстрированным ограничениям современных ИИ – например, их неспособности корректно интерпретировать изображения с низким контрастом или работать с единичными символами (например, буквами). При этом акцент делался исключительно на слабостях моделей, без обсуждения их потенциальных преимуществ, что создавало устойчивый дискурсивный фрейм «ИИ как недостоверный и потенциально вводящий в заблуждение инструмент». Отдельно демонстрировалась проверка на антиплагиат: в режиме реального времени на проверку отправлялись ответы ИИ на простые запросы, и каждый раз студенты видели впечатляющий процент заимствованного текста.

Сбор эмпирических данных осуществлялся в режиме методологической триангуляции. Помимо формальных показателей (уникальность текста, результаты AI-детекции, оценки на защите), ключевым источником стали рефлексивные самоотчеты студентов – не в виде шкальных опросников, а в виде структурированных открытых ответов: оценка доли собственного авторства, перечисление ошибок ИИ (если использовался), описание стратегий формулирования запросов, самооценка этической нагрузки и субъективной сложности. Данные дополнялись наблюдательными записями за ходом консультаций и защит, а также документ-анализом ВКР, в частности, сопоставлением качества аннотаций, наличия актов внедрения, глубины технической документации и динамики проектных решений.

Таким образом, методология сочетает вмешательственный (quasi-experimental), интерпретативный (анализ документов и дискурса) и рефлексивный (стимулированные самоотчеты) подходы. В центре внимания – не бинарный факт «использовал/не использовал», а процессы конструирования смысла: как субъект интерпретирует свое право на помощь ИИ, как воспринимает свою ответственность за результат и какую позицию занимает в новом распорядке академического труда.

Результаты и обсуждение. Представленные в этом разделе данные не подтверждают доминирующего в публичном и педагогическом дискурсе нарратива о неизбежной этической деградации или когнитивной деградации при интенсивном использовании генеративного ИИ в академическом письме [13]. Напротив, они демонстрируют гораздо более сложную и интригующую картину: легитимация ИИ как обязательного инструмента работы не ведет к снятию ответственности, а, напротив, вызывает ее перераспределение и переосмысление. То, что на первый взгляд может быть интерпретировано как технологическая адаптация, оказывается глубокой институциональной реперкуссией – изменением не поведения как такового, а рамок его интерпретации.

Ключевым эмпирическим открытием стало формирование в экспериментальной группе (где использование ИИ было не только разрешено, но и предписано в качестве нормы) нового режима академической рефлексивности, в котором совесть перестает быть индикатором «чистоты» текста и превращается в индикатор контроля над инструментом. Студенты этой группы, активно вовлеченные в процесс промпт-инженерии, верификации галлюцинаций и дифференциации моделей по задачам, демонстрировали значительно более низкий уровень тревожности, связанной с использованием ИИ, чем можно было ожидать. Более того, абсолютное большинство из них приписывали себе полное авторство своих работ, несмотря на то, что технически значительные фрагменты кода, текста и даже структурных решений были сгенерированы ИИ. Такое несоответствие между материальной вовлеченностью ИИ и субъективным чувством авторства нельзя объяснить ни иллюзией, ни самообманом: оно указывает на то, что авторство в цифровой среде трансформируется из статуса «произвел знаки» в практику «направил и утвердил смысл».

Еще более значимым оказался сдвиг в режиме познавательной активности. В группе, где ИИ был легитимирован, наблюдались систематические случаи, когда студенты обнаруживали ошибки в ответах ИИ – будь то фиктивные ссылки или коды DOI в обзоре литературы, неоптимальные архитектурные решения или логические разрывы в проектировании. Это контрастирует с контрольной группой, где единственный зафиксированный факт нарушения академической добросовестности (плагиат) не был выявлен ни самим студентом, ни руководителем до защиты. Тем самым доверие к ИИ как потенциально ошибочному источнику знания запускало режим критической верификации, в то время как доверие к «человеческим» источникам (включая чужие ВКР) оставалось пассивным, что позволяет говорить о наличии парадокса интерпелляции: чем более четко артефакт маркируется как искусственный, тем сильнее он интерпеллирует субъекта в позицию активного критика.

Наконец, визуально и содержательно наиболее яркие ВКР (включая проекты, удостоенные отметки «лучшая защита дня» и «лучшая защита на потоке») были выполнены именно в экспериментальной группе, причем оба таких проекта сопровождалась радикальной переработкой исходной темы: один – в сторону внедрения ИИ в качестве ядра системы, другой – в сторону разработки многоэтапного алгоритма классификации отзывов клиентов, обрабатывающего в том числе обценную лексику клиентов, для выявления бесполезных (только эмоции) и полезных (конструктивная критика) отзывов. Такая модификация не выглядит как упрощение или «сдача позиций» перед технологией, напротив, это проявление расширенной проектной агентности – способности переосмыслить границы возможного в предметной области под влиянием новой когнитивной инфраструктуры. Здесь ИИ выступает не заменой мышления, а ко-конструирующим условием его эволюции.

Отдельно стоит отметить тот парадокс, что два студента не прошли предзащиту (что является крайней редкостью на данной кафедре) и оказались допущены к защите условно, и оба студента были из группы 1. Тем не менее за две недели они смогли существенно переработать проект и устранить все обнаруженные недочеты и отреагировать на замечания. В результате, студенты вышли на защиту и смогли получить оценку «отлично», к тому же одна из работ была признана «лучшей защитой дня». Сложно представить, что подобную

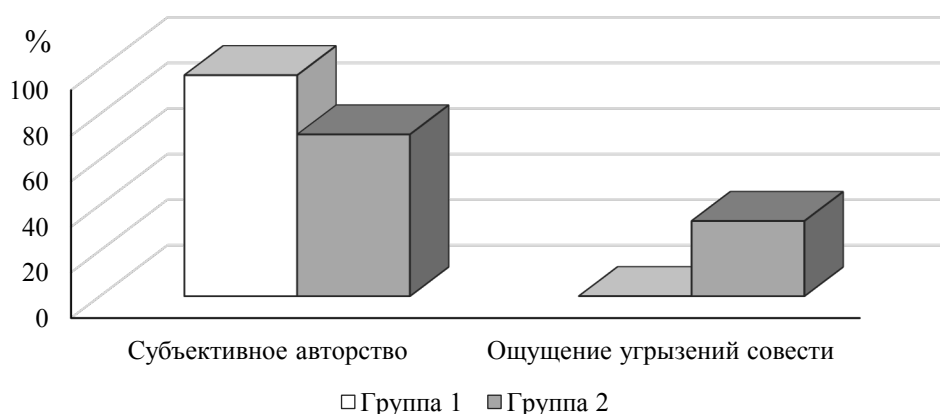
работу смог бы выполнить обычный студент, без помощи ИИ, даже с максимальной поддержкой со стороны руководителя.

Наконец, отметим, что самый низкий процент уникальности текста получился у студента из группы 1, что ожидаемо в общем случае, но странно в рамках настоящего эксперимента, так как студенты этой группы интенсивно обучались составлению запросов, которые должны гарантированно приводить к ответам с уникальностью, близкой к 100 %.

Таким образом, результаты показывают: технология не несет в себе фиксированной этической или когнитивной нагрузки, ее значение конструируется в поле институциональных ожиданий и педагогических рамок. Когда ИИ включается в процесс как санкционированный инструмент, он не ослабляет, а, наоборот, мобилизует субъективные ресурсы – ответственность, критическое мышление, творческую смелость. Это позволяет поставить под сомнение превентивную логику запрета и открыть путь к рассмотрению ИИ как педагогического ко-актанта в формировании новой академической субъектности – не той, что пишет, а той, что намеренно конфигурирует процесс письма.

Представленные эмпирические данные приглашают к переосмыслению одного из центральных мифов цифровой педагогики: мифа о нравственной уязвимости студента, стоящего лицом к лицу с генеративным искусственным интеллектом. В массовом дискурсе – как академическом, так и медиа – ИИ воспринимается как соблазнитель, отвлекающий от подлинного труда, и как угроза академической целостности, способная расшатать устои авторства и ответственности. Однако наблюдения за двумя когортами дипломников, сформированными в условиях противоположных нормативных установок, показывают, что суть трансформации лежит не в технологии как таковой, а в способе ее институциональной интеграции. Здесь возникает ключевой для нашего понимания процесса вывод, который резонирует с идеями социальных конструкционистов, но конкретизирует их для случая генеративного ИИ: этическая нагрузка не является имманентным свойством инструмента, но активно перераспределяется в зависимости от конфигурации социального поля. Этот вывод дополняет работы [14] о габитусе и поле, показывая, как новый технологический агент может быть интегрирован в практику, не разрушая, а трансформируя ее нормативную структуру под влиянием целенаправленной институциональной политики. В отличие от исследований, подчеркивающих дестабилизирующий эффект ИИ [5], мы эмпирически демонстрируем возможность его конструктивной легитимации.

В группе, где использование ИИ было не просто допущено, но педагогически предписано и сопровождается рефлексивным кодексом, совесть (та самая внутренняя инстанция социального контроля, на которую так часто ссылаются защитники «чистоты» академического письма) не усилилась, а, напротив, дестабилизировалась как источник тревоги. Студенты не испытывали угрызений совести не потому, что «отказались от морали», а потому, что нормативная неопределенность была снята: им была предоставлена легитимная когнитивная рамка, в пределах которой взаимодействие с ИИ перестало быть нарушением и стало профессиональной практикой (см. рисунок). Это позволяет говорить о формировании нового типа академической габитуализации [14], в которой работа с моделью усваивается как естественное продолжение интеллектуального труда, при условии, что поле предоставляет соответствующие символические ресурсы (в данном случае – дискурс ответственности, а не запрета).

Сравнение субъективного ощущения авторства и уровня этического дискомфорта между группами
Comparison of subjective authorship perception and ethical discomfort levels between groups

По результатам опроса студентов ($n = 10$) по шкале в процентах, где 0 = «не автор», 100 % = «абсолютный автор» и 0 = «нет угрызений совести», 100 % = «очень сильные угрызения»: группа 1 (экспериментальная) демонстрирует высокое ощущение авторства при минимальном этическом дискомфорте; группа 2 (контрольная) – умеренное чувство авторства при заметном этическом напряжении.

Особенно примечательно, что высокая самооценка авторства (вплоть до 100 %) не противоречила интенсивному использованию ИИ. Это опровергает упрощенное понимание авторства как монопольного владения текстом. Вместо этого возникает иная модель: авторство как управление процессом. Студенты, назначающие ИИ роли («программист с 30-летним стажем», «выпускник МГУ с красным дипломом»), выстраивающие многоэтапные запросы, вручную верифицирующие выходные данные (включая галлюцинации) и оптимизирующие выходные данные, демонстрируют переход от продукт-центричного к процесс-центричному пониманию интеллектуальной собственности. Автором становится не тот, кто сам написал каждую строчку, а тот, кто задал правильный вопрос, выбрал нужную модель, интерпретировал ответ и внес итоговую редакцию. Такой сдвиг соответствует более широкому тренду – постепенному переходу от парадигмы автор-субъекта к парадигме автор-редактора, где человеческая субъектность выражается не в исключительности производства, а в компетентности арбитража между источниками.

Еще одна неожиданная находка касается асимметрии доверия. В группе, где ИИ был легитимирован, студенты активно выявляли ошибки как в своих собственных исходных формулировках («огромное количество ошибок на всех уровнях»), так и в ответах моделей: ссылки на несуществующие источники, неоптимальные структуры баз данных, стратегические просчеты. В группе же, где ИИ был дискредитирован как ненадежный, подобной рефлексивной активности не наблюдалось: ошибки обнаруживались преимущественно извне, включая случаи плагиата, ускользнувшие от внимания как студента, так и руководителя. Это позволяет предположить, что парадоксальным следствием легитимации ИИ (и глубокого обучения грамотному использованию) становится активизация критического мышления: признание модели потенциально ошибочной, но при этом профессионально полезной, включает режим постоянной верификации, тогда как отрицание ее ценности ведет к пассивности и иллюзии безопасности традиционных источников.

Наконец, нельзя не отметить трансформацию когнитивного стиля дипломного проектирования. В экспериментальной группе фиксируются случаи радикального переосмысления темы – не в сторону упрощения, как опасаются критики, а, напротив, в сторону усложнения: переход от веб-конструктора на JavaScript к генеративному ИИ и от простого алгоритма классификации отзывов на Python до запуска LLM локально с целью снятия ограничений. Это свидетельствует, очевидно, о расширении воображаемого пространства возможного – того самого «технического воображения», которое ранее было доступно лишь узкому кругу специалистов. Генеративный ИИ, вписанный в педагогическую практику как инструмент исследовательской смелости, действует как каталитический агент рефлексивного дизайна: он позволяет студенту не просто реализовать заданную задачу, но вывести ее исполнение на принципиально новый уровень. У студентов группы 1 можно подчеркнуть смелость при принятии стратегических решений.

Таким образом, перед нами не просто педагогический эксперимент, мы фиксируем существенную трансформацию социальных практик на групповом уровне. Она проявляется в изменении норм ответственности и ролевых идентичностей: рождается новая фигура студента-проектировщика, для которого взаимодействие с ИИ – не отклонение от нормы, а ее обновление. И если сегодня это еще выглядит как экспериментальная практика, то завтра она может стать новой ортодоксией, при условии, что институциональные акторы осознают: бороться нужно не с технологией, а с собственной неготовностью к ее осмысленной интеграции.

Неожиданным стал результат, связанный с показателями текстовой уникальности. Исходно казалось рациональным предположить, что грамотное и глубокое взаимодействие с ИИ, включающее выбор моделей и составление сложных запросов, будет порождать высокоуникальные тексты. Однако эмпирика показала обратное: самый низкий процент уникальности был зафиксирован у одной из лучших работ экспериментальной группы. Этот парадокс заставляет поставить под сомнение адекватность традиционных метрик академической добросовестности (проверка на антиплагиат) для оценки работ, созданных в режиме ко-конструкции с ИИ. Можно предположить, что фокус смещается с лексической уникальности на концептуальную оригинальность, а стандартные детекторы плагиата оказываются неспособны уловить эту трансформацию, фиксируя лишь поверхностные совпадения в языковых конструкциях.

Полученные результаты вступают в конструктивный диалог с недавними эмпирическими работами, где констатируется, что «генеративный ИИ не повышает точность ответов, но ускоряет выполнение задач» и что его неконтролируемое использование может подрывать развитие критического мышления и глубокого обучения [6]. Эти выводы справедливы в условиях пассивной интеграции ИИ, когда студент получает доступ к инструменту, но не получает дискурсивных рамок для его осмысленного применения. В нашем исследовании, напротив, именно активная педагогическая легитимация (включая формулирование кодекса, обучение промпт-инженерии и принятие ИИ как обязательного этапа проектирования) позволила избежать эффектов поверхностного делегирования: студенты не ускоряли выполнение за счет сокращения рефлексии, они усложняли проекты вместе с ростом скорости. Другими словами, опасения по поводу «потери критичности» и «поверхностного обучения» возникают не от ИИ как такового, а от его внедрения без педагогической ответственности. Это указывает на необходимость перехода от логики «можно/нельзя» к логике «как встраивать».

Представленное исследование, хотя и ограничено по масштабу, открывает перед нами не столько педагогическую, сколько онтологическую дилемму: в условиях, когда технологическая среда все настойчивее вторгается в зону академического производства знания, мы сталкиваемся не с утратой авторства как такового, а с его трансформацией – переходом от авторства как атрибута индивидуального творческого акта к авторству как режиму ответственной координации. Институциональный дискурс, задаваемый преподавателем, оказывается мощнейшим конструирующим фактором: он не просто легитимирует или дискредитирует использование генеративного ИИ, но переопределяет границы академической субъектности. Студенты, которым было предложено не избегать ИИ, а встраивать его в практику как обязательный инструмент рефлексии, продемонстрировали не снижение, а усиление когнитивной автономии: их запросы становились все более дифференцированными, их критическая верификация – системной, а стратегии взаимодействия – все ближе к практикам экспертного мышления.

Парадоксально, но именно в условиях санкционированного использования технологий совесть как регулятор этического поведения не активизируется, а, напротив, декатастрофизуется: этическая ответственность смещается с уровня «делать/не делать» на уровень «как делать». Это указывает на то, что современные студенты уже не воспринимают ИИ как внешнюю угрозу академической честности, а осваивают его как ко-агентство – форму распределенного познания, требующую не запретов, а процедурных рамок. Тревожные сигналы (галлюцинации, подмена авторства, плагиат) в таких условиях не исчезают, но перестают быть «аварийными»: они становятся аналитическими точками входа в более глубокую работу с материалом. Тем самым педагогическая установка формирует не просто поведение, а эпистемическую установку – способ видения знания как динамического, проверяемого, всегда условного продукта взаимодействия человека и артефакта.

Однако за этим обнадеживанием скрывается и тревожный сдвиг: растет разрыв между теми, кто способен освоить ИИ как инструмент когнитивной эластичности, и теми, для кого он остается «черным ящиком» – автоматом, выдающим готовые ответы без запроса на интерпретацию. Легитимация, таким образом, не уравнивает, а поляризует, создавая новую ось социального расслоения, основанную не на доступе к технологии, а на способности вести с ней диалог. Отсюда следует, что наиболее острым вызовом для высшего образования становится не борьба с ИИ, а воспроизводство компетенции вопроса – способности формулировать запрос так, чтобы он не упрощал проблему, а раскрывал ее глубину. В этом смысле будущее академической субъектности зависит не от того, будут ли студенты писать сами или с помощью ИИ, а от того, кто будет задавать вопросы, зачем, как и сможет ли задающий вопросы подойти к ответам критически.

В то же время наши результаты выявляют и тревожную тенденцию. Мы наблюдали формирование значительного разрыва в когнитивной и проектной эффективности между студентами, освоившими ИИ как инструмент мышления, и теми, кто остался на позициях пассивного потребления информации. Этот разрыв оказался не просто заметным, а качественным, что позволяет говорить о формировании новой формы социального расслоения – уже не по доступу к технологии, а по компетенции диалога с ней. Легитимация ИИ, таким образом, не уравнивает, а поляризует, создавая предпосылки для появления «когнитивной

элиты», способной решать задачи, недоступные для остальных. Это ставит перед высшим образованием новый, фундаментальный вопрос: как предотвратить превращение этой популяризации в социальную катастрофу?

Заключение. Безусловно, представленное исследование носит поисковый (пилотный) характер и ограничено малым объемом выборки, что не позволяет распространять его выводы на всю популяцию студентов. Однако цель данной работы заключалась не в получении статистически достоверных, обобщаемых данных, а в качественной демонстрации и теоретической интерпретации социального механизма, через который институциональная легитимация ИИ трансформирует академические практики. В этом смысле наши результаты, не претендуя на финальное подтверждение гипотез, успешно верифицируют саму возможность конструктивного встраивания ИИ в образовательный процесс и ставят на повестку дня новые вопросы для дальнейших масштабных исследований.

Представленное исследование демонстрирует, что педагогическая стратегия, основанная на запрете генеративного искусственного интеллекта, не способствует ни укреплению этической ответственности, ни развитию критического мышления. Напротив, она смещает контроль во внешнюю сферу, способствуя пассивному доверию к «человеческим» источникам и скрытой эксплуатации технологий без рефлексии. В то же время преднамеренное и санкционированное встраивание ИИ в учебный процесс выступает катализатором трансформации академической субъектности: студент перестает быть исполнителем предписанной задачи и становится конструктором запроса, редактором модели и арбитром знания.

Эта трансформация свидетельствует о переходе от бинарной модели авторства: «я написал/не я написал», к процессуальной и градуальной: «я задал вопрос, я выбрал инструмент, я проверил ответ, я принял решение». Такое понимание авторства не ослабляет интеллектуальную ответственность, а насыщает ее новыми смыслами, делая акцент не на исключительности производства текста, а на компетентности управления познавательным процессом. Легитимированный ИИ, особенно при сопровождении нормативного и рефлексивного фрейма (такого как «Кодекс ответственного использования»), не подменяет мышление, а расширяет эпистемическое пространство, позволяя студентам переосмысливать даже постановку своих задач и усложнять проектные решения.

Таким образом, вызов, стоящий перед современным высшим образованием, заключается не в том, чтобы защитить студентов от ИИ, а в том, чтобы научить их вести с ним диалог на равных: критически, стратегически и этически осмысленно, технически грамотно. Будущее академической субъектности определяется не инструментом, а способностью задавать правильные вопросы и нести ответственность за интерпретацию полученных ответов. В этом контексте генеративный ИИ перестает быть угрозой и становится педагогическим ко-актантом (условием формирования новой эпистемической зрелости, необходимой в эпоху распределенного познания).

Современные опасения, что студенты «разучатся думать» с помощью ИИ, поразительно напоминают вчерашние страхи по поводу калькуляторов, которые, как утверждали многие преподаватели, «разучат считать». История, однако, показала, что технологии не отменяют мышление, а трансформируют его, требуя новых, более высоких уровней рефлексии, абстракции и контроля.

Задача образования сегодня (как и в прошлом) не в том, чтобы запрещать калькулятор, а в том, чтобы научить высшей математике. Однако, в отличие от абстрактного калькулятора, ИИ несет в себе не только потенциал для роста, но и риск глубокой социальной поляризации. Настоящее исследование показывает, что без целенаправленной педагогической политики мы рискуем получить общество, разделенное не на богатых и бедных, а на тех, кто умеет задавать вопросы машине, и тех, кто умеет лишь щелкать на «готовые ответы». И этот разрыв, возможно, окажется куда более опасным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухих В. А., Елисеев С. М., Кирсанова Н. П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии // Дискурс. 2022. Т. 8, № 1. С. 82–93. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93>
2. Ильичев В. Ю., Драч В. Е., Чукаев К. Е. Морально-нравственные проблемы всеобщего применения нейронных сетей // Рефлексия. 2023. № 5. С. 8–13.
3. Цифровая экономика и системная цифровая трансформация / А. С. Копырин, Е. В. Видищева, В. В. Коваленко и др. / под общ. ред. А. С. Копырина. Сочи: РИЦ СГУ, 2023.
4. Драч В. Е., Торкунова Ю. В. Использование генеративного искусственного интеллекта для социологических исследований // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 52–70. DOI: [10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70)
5. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task / N. Kosmyna, E. Hauptmann, Y. Yuan et al. // Arxiv.org. 2025. DOI: [10.48550/arXiv.2506.08872](https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.08872)
6. The impact of ChatGPT on student performance in higher education / N. Mike, K. Karsai, G. Orbán et al. URL: <https://publicatio.bibl.u-szeged.hu/34431/1/paper28.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).
7. The impact of ChatGPT on higher education / J. Dempere, K. Modugu, H. Allam, L. Ramasamy // Frontiers in Education. 2023. Vol. 8. P. 1–13. DOI: [10.3389/educ.2023.1206936](https://doi.org/10.3389/educ.2023.1206936)
8. Suchman M. C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20, № 3. P. 571–610. DOI: [10.5465/amr.1995.9508080331](https://doi.org/10.5465/amr.1995.9508080331)
9. Pinch T. J., Bijker W. E. The social construction of facts and artefacts: Or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other // Social Studies of Science. 1984. Vol. 14, iss. 3. P. 399–441. DOI: [10.1177/030631284014003004](https://doi.org/10.1177/030631284014003004)
10. Lea M. R., Street B. V. Student writing in higher education: An academic literacies approach // Studies in Higher Education. 1998. Vol. 23, iss. 2. P. 157–172. DOI: [10.1080/03075079812331380364](https://doi.org/10.1080/03075079812331380364)
11. Lillis T. Situating academic literacies // Academic Literacies: The Public and Private Discourse of University Students / ed. by T. Lillis, M. R. Lea. London: Routledge, 2020. P. 1–24.
12. Biesta G. The Rediscovery of Teaching: On Rhetoric, Truth, and the Subject of Education. London: Routledge, 2017.
13. Иванько Н. А. Искусственный интеллект в образовании: социальная инновация или когнитивная деградация? // Вестн. РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2025. № 7. С. 125–138. DOI: [10.28995/2686-7249-2025-7-125-138](https://doi.org/10.28995/2686-7249-2025-7-125-138)
14. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990.

Информация об авторе.

Драч Владимир Евгеньевич – кандидат технических наук (2005), доцент (2006), доцент кафедры информационных технологий и математики Сочинского государственного университета, ул. Пластунская, д. 94, Сочи, 354000, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, радиоэлектроника и информационные технологии, педагогика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 10.11.2025; принята после рецензирования 29.01.2026; опубликована онлайн 20.04.2026.

REFERENCES

1. Glukhikh, V.A., Eliseev, S.M. and Kirsanova, N.P. (2022), "Artificial Intelligence as a Problem of Modern Sociology", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 82–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93
2. Ilyichev, V.Yu., Drach, V.E. and Chukaev, K.E. (2023), "Moral and Ethical Problems of Universal Use of Neural Networks", *Refleksiya*, no. 5, pp. 8–13.
3. Kopyrin, A.S., Vidishcheva, E.V., Kovalenko, V.V. et al. (2023), *Tsifrovaya ekonomika i sistemnaya tsifrovaya transformatsiya* [Digital Economy and Systemic Digital Transformation], in Kopyrin, A.S. (ed.), RIC SSU, Sochi, RUS.
4. Drach, V.E. and Torkunova, Yu.V. (2025), "Implementation of Generative Artificial Intelligence in Sociological Research", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 52–70. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70
5. Kosmyrna, N., Hauptmann, E., Yuan, Y. et al. (2025), "Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task", *Arxiv.org*. DOI: 10.48550/arXiv.2506.08872
6. Mike, N., Karsai, K., Orbán, G. et al. (2024), *The impact of ChatGPT on student performance in higher education*, available at: <https://publicatio.bibl.u-szeged.hu/34431/1/paper28.pdf> (accessed 10.11.2025).
7. Dempere, J., Modugu, K., Allam, H. and Ramasamy, L. (2023), "The impact of ChatGPT on higher education", *Frontiers in Education*, vol. 8, pp. 1–13. DOI: 10.3389/feduc.2023.1206936
8. Suchman, M.C. (1995), "Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches", *Academy of Management Review*, vol. 20, no. 3, pp. 571–610. DOI: 10.5465/amr.1995.9508080331
9. Pinch, T.J. and Bijker, W.E. (1984), "The social construction of facts and artefacts: Or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other", *Social Studies of Science*, vol. 14, iss. 3, pp. 399–441. DOI: 10.1177/030631284014003004
10. Lea, M.R. and Street, B.V. (1998), "Student writing in higher education: An academic literacies approach", *Studies in Higher Education*, vol. 23, iss. 2, pp. 157–172. DOI: 10.1080/03075079812331380364
11. Lillis, T. (2020), "Situating academic literacies", *Academic Literacies: The Public and Private Discourse of University Students*, Lillis, T. and Lea, M.R. (eds.), Routledge, London, UK, pp. 1–24.
12. Biesta, G. (2017), *The Rediscovery of Teaching: On Rhetoric, Truth, and the Subject of Education*, Routledge, London, UK.
13. Ivanko, N.A. (2025), "Artificial intelligence in education: social innovation or cognitive degradation?", *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, no. 7, pp. 125–138, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-7-125-138
14. Bourdieu, P. (1990), *The Logic of Practice*, Stanford Univ. Press, Stanford, USA.

Information about the author.

Vladimir E. Drach – Can. Sci. (Engineering, 2005), Docent (2006), Associate Professor at the Department of Information Technologies and Mathematics, Sochi State University, 94 Plastunskaya str., Sochi 354000, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, radio electronics and information technologies, pedagogy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.11.2025; adopted after review 29.01.2026; published online 20.04.2026.

Оригинальная статья
УДК 316:179.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-121-136>

Ценностно-нормативные конфликты гуманизации отношения к животным в современной России

Александра Вениаминовна Щербина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Введение. Актуальность исследования процессов гуманизации отношения к животным в современной России определяется влиянием на них глобальных трендов и общественными потребностями укрепления и продвижения традиционных ценностей российского общества. Об их значимости в последнее десятилетие сигнализируют повестка, рост социального активизма, нормотворчество на федеральном и региональном уровнях.

Методология и источники. Использованы документы федеральных (ФЗ № 498, Указ Президента № 809) и региональных органов власти РФ, результаты общероссийских опросов ВЦИОМ (2019–2024), данные НКО и маркетинговых исследований. Применены контент- и дискурс-анализ материалов СМИ и социальных медиа. Учтены публикации отечественных социологов. Социокультурный подход использован для выявления связей институциональных изменений с динамикой социальных представлений о гуманизме. Использован объясняющий потенциал критической моральной социологии.

Результаты и обсуждение. Критически рассмотрены разработанные в российской социологии и социальной психологии показатели и индексы гуманного отношения к животным. Дан анализ противоречий в процессах институционализации отношения к животным-компаньонам, безнадзорным животным, зоозащитного движения. Сформулированы ключевые для достижения общественного согласия вопросы: какие средовые и субъектные показатели можно и нужно выделять и закреплять в качестве норм регулирования заботы о животных в человеческом общежитии и какие технически доступные и социально-психологически приемлемые инструменты надзора в этой сфере можно применять. Предложен категориальный анализ ценностно-нормативных конфликтов, различены идеологические, нормативные и инновационные конфликты, намечены возможные пути их регулирования. Обоснован вывод: консенсус о содержании «гуманного отношения к животным» не достигнут; его институционализация не завершена, но оно уже стало в социальных представлениях элементом традиционной ценности российского общества.

Заключение. Прогнозируется усиление вовлеченности в дискурс гуманного отношения к животным представителей элиты, ученых, религиозных мыслителей, социальных активистов, граждан.

Ключевые слова: традиционные ценности, гуманное отношение к животным, забота о питомце, безнадзорные животные, зоозащитники, постгуманизм, ценностно-нормативные конфликты

Для цитирования: Щербина А. В. Ценностно-нормативные конфликты гуманизации отношения к животным в современной России // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 121–136. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-121-136

© Щербина А. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Value-Normative Conflicts of Humanization in Attitudes toward Animals in Russia

Alexandra V. Shcherbina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Introduction. The relevance of studying the humanization of animal rights in contemporary Russia is determined by the influence of global trends and the societal need to strengthen and promote traditional values in Russian society. Their importance over the past decade has been demonstrated by the public agenda, the growth of social activism, and regulatory developments at the federal and regional levels.

Methodology and sources. Documents from federal and regional government bodies of the Russian Federation (Federal Law No. 498, Presidential Decree No. 809), survey results from the All-Russian Public Opinion Research Center (2019–2024), and data from non-profit organizations and marketing research organizations were used, along with content and discourse analysis of media and social media. Publications by Russian sociologists were considered. A sociocultural approach was used to identify the connections between institutional changes and the dynamics of social perceptions of humanism. The explanatory potential of critical moral sociology was utilized.

Results and discussion. This article critically examines indicators and indices of humane treatment of animals developed in Russian sociology and social psychology. It analyzes contradictions in the institutionalization of attitudes toward companion animals, stray animals, and the animal rights movement. A key question for achieving public consensus is formulated: which environmental and subjective indicators can and should be identified and enshrined as norms regulating animal care in human society, and which technically accessible and socio-psychologically acceptable oversight tools can be applied in this area. A categorical analysis of value-normative conflicts is proposed, distinguishing between ideological, normative, and innovative conflicts, and outlining possible ways to regulate them. The article substantiates the conclusion that consensus on the content of “humane treatment of animals” has not been reached; its institutionalization is not complete, but it has already become, in social perceptions, an element of traditional values in Russian society.

Conclusion. Increased involvement of elites, scientists, religious thinkers, social activists, and citizens in the discourse on humane treatment of animals is predicted.

Keywords: traditional values, humane treatment of animals, pet care, stray animals, animal rights activists, posthumanism, value-normative conflicts

For citation: Shcherbina, A.V. (2026), “Value-Normative Conflicts of Humanization in Attitudes toward Animals in Russia”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 121–136. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-121-136 (Russia)

Введение. В защите, укреплении и продвижении традиционных ценностей, развитии духовно-нравственной культуры современного российского общества, не изолированного от глобальных трендов, тема гуманного отношения к животным приобретает актуальное значение, становясь быстро растущей областью междисциплинарных исследований и точкой приложения практических интересов. Собственно, общественный интерес (в его связи с частным и корпоративным) в этой сфере состоит в том, чтобы очертить и законодательно

закрепить нормативные границы здорового нравственного отношения человека к животному не только идеологически, но и практически.

Осмысление отношения человека к животным за последние десятилетия меняется во всем мире. Выступая своего рода границей отношения человека к самому себе, понимания им своей сущности, оно всегда включалось в традиционное мирозерцание, в религиозные верования и философию. В современном глобализированном мире на социальные представления об идеалах и нормах этого отношения влияют достижения естественных наук (эволюционной биологии, этологии, зоопсихологии, нейрофизиологии), новые идеологические течения и социальные движения, продвигающие критическое переосмысление гуманизма в его обновленных версиях, радикальный разрыв с антропоцентризмом в пользу биоцентризма. Дискурс биоэтики и космоэтики предлагает отказаться от обоснования моральных иерархий видовыми различиями и обрисовывает захватывающие воображение проекты радикального переосмысления и практического изменения отношения человека и «нечеловеческого животного», «освобождения животных» (П. Сингер).

Проблема отношения к животным (в частности, к животным-компаньонам, на примере которого она исследуется в данной работе), не являясь ключевой в иерархии социальных проблем российского общества, при более внимательном анализе интересна тем, что позволяет вскрыть социологическими методами характеристики современного глобального перехода в новую социальность, выявить генерируемые им ценностно-нормативные конфликты на разных уровнях социального взаимодействия, описать степень включенности в них элит (законодателей, чиновников, лидеров общественного мнения (ЛОМ)) и гражданского общества (НКО, сообществ, рядовых граждан), рассмотреть региональные различия условий (ресурсы, инфраструктура), влияющих на возможности их манифестирования и регулирования, а также способы социального надзора с использованием цифровых технологий.

Неоднозначное и спорное понятие «гуманное отношение к животным» распространилось в современном массовом сознании, широко интерпретируется в глобальном социогуманитарном дискурсе, закреплено в международных стандартах. Во Всемирной декларации прав животных, принятой ЮНЕСКО в 1978 г., сформулирован принципиальный тезис: животные имеют право на уважение и жизнь без страданий, а жестокое обращение с ними недопустимо. Правовые нормы гуманного отношения к животным отражены в российском законодательстве: статьи ГК и УК РФ, соответственно, запрещают обращение с животными, противоречащее принципам гуманности, и устанавливают уголовную ответственность за жестокое обращение с ними. Наконец, ст. 4 «Основные принципы обращения с животными» федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2018) предписывает «признание способности животных испытывать эмоции и физические страдания, ответственность человека за судьбу животного, необходимость воспитания у населения нравственного гуманного отношения к животным и научного обоснования сочетания нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства» [1].

В современной России гуманизация отношения к животным – важный элемент повестки СМИ и социальных медиа, продвигаемый гражданскими инициативами, сообществами и движениями. Внимание к процессу в публичном дискурсе поддерживается инфор-

мационно-коммуникативными технологиями, используемыми в рекламе и современных бизнес-моделях, стремящихся монетизировать все живое, эмоционально затрагивающее человека. В рафинированных формах тема отношения человека к животным представлена в постгуманистическом дискурсе, декларируемые ценности которого просачиваются в социальные представления и влияют на поведенческие установки россиян.

Социологическая интерпретация понятия «гуманное отношение к животным» направлена на выделение показателей, значимых для диагностики и регулирования социального взаимодействия в этой сфере [2]. Попытаемся дать анализ ценностно-нормативных конфликтов, генерируемых противоречиями в процессах институционализации гуманного отношения к животным, в частности к животным-компаньонам и безнадзорным. Об их значимости в последнее десятилетие сигнализируют нормотворчество на федеральном и региональном уровнях и рост социального активизма.

Методология и источники. Эмпирическую базу исследования составили официальные документы (ГК, УК РФ, ФЗ № 498), результаты всероссийских опросов населения (ВЦИОМ, 2019–2024 гг.), замеряющих массовые представления и установки россиян с учетом социально-демографических различий в отношении к животным в их динамике, данные НКО (Центр изучения питания и благополучия животных, Фонд защиты животных «Ника», 2023–2025 гг.), частных исследовательских и маркетинговых проектов; материалы СМИ и социальных сетей. Проанализированы публикации отечественных социологов о социальных проявлениях и проблемах меняющегося отношения к животным в РФ за последнее десятилетие, исследования зоозащитного движения. Учтены материалы официальной статистики, нормативные решения органов власти на федеральном и региональном уровнях. Традиционный контент-анализ документов и данных социологических исследований, фокусирующихся на отношении к животным-компаньонам, безнадзорным животным в поселенческой среде, формах социального активизма в защите животных сочетается с дискурс-анализом материалов социальных медиа. Социокультурный подход классической социологии используется для анализа динамики ценностных представлений о гуманном отношении к животным в их связи с институциональными изменениями в российском обществе. Ценностно-нормативные конфликты осмысляются на основе категориального анализа в парадигме системного подхода, позволяющего обозначить ключевые пункты приложения практического интереса, направленного на регулирование конфликтов, возникающих по вопросам нормирования субъектных и средовых характеристик человеческого общежития, в которое включены животные. Использован объясняющий потенциал критической моральной социологии.

Результаты и обсуждение. Индивидуально окрашенное гуманное отношение к животным непосредственно проявляется в заботе о домашних питомцах и реализуется в социальной среде. ВЦИОМ подтверждает, что большинство граждан РФ (66 %) имеет домашних животных. Данные опроса 2024 г. показывают, насколько забота о питомцах стала устойчивым социальным явлением. Респонденты отметили стремительные улучшения в сфере услуг для владельцев животных: три четверти сообщили, что по месту их проживания имеется доступ к сервисам для питомцев. При этом сохраняется значительный разрыв между крупными и малыми городами и селами: в Москве и Санкт-Петербурге о наличии инфраструктуры для животных говорят девять опрошенных из десяти (93 %), в малых городах – 78 %, а на селе –

53 %. Ожидаемо лидируют коммерческие услуги. В основном это ветклиники и зоомагазины (61 и 60 %). Более специализированная (pet-friendly) и уличная инфраструктура развита не так широко, сконцентрирована в крупных городах, не отвечает растущим потребностям владельцев: не достает кафе, магазинов, куда можно зайти с собакой, приспособлений по уходу. Более четверти владельцев собак недовольны условиями для прогулок с питомцами [3].

Изменение потребительских запросов и структуры трат на питомцев в России – предмет интереса отечественных и глобальных маркетологов. В исследовании Mars Petcare прослеживается смена моделей отношений с питомцами на трех поколениях россиян: для представителей первого поколения основой самореализации была семья, домашним животным вменялись некоторые обязанности (охота на грызунов, охрана дома), кормили их «со стола» или отдельно приготовленной пищей из доступных в обычных магазинах продуктов. Значимый фактор, отмеченный в исследовании, – россияне «жили в мире без онлайн-доступа к информации». Представители следующего поколения уже имеют этот доступ и воспринимают питомцев как членов семьи. Все реже владельцы вменяют питомцам обязанности, все чаще заботятся об их здоровье. Формируются новые привычки: предпочтение отдается специальным кормам. Наконец, третье поколение («Z») владельцев демонстрирует окончательное оформление «тренда на гуманизацию»: «83 % владельцев кошек и 76 % владельцев собак считают своего питомца членом семьи, другом и даже ребенком», они «готовы платить больше за высокое качество и натуральность... проявляют большой интерес к специализированным рационам... подбирают корм с учетом размера питомца и его индивидуальных предпочтений... среди владельцев собак востребованы услуги доставки кормов по подписке, выгула, передержки и даже “служб знакомств”... При этом уже 80 % владельцев питомцев регулярно посещают ветеринарного врача... стремятся больше времени проводить с питомцами: ходить вместе в кафе, ездить в поездки, отмечать особые праздники» [4].

Эти формирующиеся привычки и потребительские запросы оцениваются как проявления «экологической и социальной ответственности» и как перспективы для рынка, на котором конкурируют глобальные производители, средний и малый бизнес. Появляются новые предложения, например от «зоопсихологов» (информация из объявлений на Avito): «восстановление в паре человек–животное», «когнитивно-психологическая коррекция», «работа с границами питомца». Как на любом нишевом потребительском рынке, важен фактор моды: дороже обходится приобретение питомца, растет сектор роскоши (в новостях от Avia pro сообщается о покупке китайским девелопером в октябре 2025 г. тибетского мастифа за 1 млн дол., содержание которого обходится в 20 тыс. дол. в год). Таков ракурс рекламной подачи образа жизни с животными-компаньонами для разных социальных групп: гуманизация выражается в росте потребительских запросов владельцев и расходов на питомца.

Забота о животных стала и моральной категорией, символическим ресурсом повседневной субъектности и респектабельного образа жизни в российских городах. В критической моральной социологии исследуется, как субъекты из разных социально-экономических групп конструируют свою моральную состоятельность, артикулируя право на нормальность и достойную жизнь [5]. Мы видим милых питомцев, некрупных (успехи селекционной работы под потребности владельцев – жителей многоквартирных домов, часто – небольших квартир, студий), ухоженных (стрижка, прическа), нарядных (специальная одежда), окру-

женных вниманием (игрушки), тщательно оберегаемых (регулярный медицинский осмотр, профилактика и лечение), их носят на руках, а с недавнего времени – катают в колясках. Все чаще на улицах крупных городов мы встречаем не даму, а господина с собачкой, не пенсионера, которому питомец скрашивает досуг, а деловитого молодого человека с симпатичным (и дорогим!) другом, не семью с детьми и собакой, а бездетную пару с нарядной собачкой. Рост числа одиночных домохозяйств, бездетных пар коррелирует (разумеется, не является следствием) с заботой о домашнем животном-компаньоне – «члене семьи».

Гуманное отношение к животным в современной России стало значимым моральным ресурсом, используемым в интерпретации социальных позиций: многие ЛОМ в своих социальных каналах сообщают об оказании помощи животным. (Американская электоральная социология давно установила положительное влияние демонстрации кандидатом расположения к животным на предпочтения избирателей.) Две трети россиян считают владельцев животных более привлекательными, – свидетельствуют данные опроса, проведенного сервисом Twinby и благотворительным фондом помощи бездомным животным «Ника» (к Дню защиты бездомных животных в августе 2025 г). 41 % опрошенных россиян особенно ценят людей, которые берут животных из приюта, считая это поступком, говорящим о доброте и эмпатии. Две трети респондентов отметили, что в социальных сетях больше интересуются профилями с фотографиями домашних питомцев. Около половины опрошенных полагают, что наличие питомца облегчает знакомство с людьми. Большинству россиян, особенно тем, у кого питомцы уже есть, важно, как потенциальный партнер относится к животным: любви и уважения к ним они требуют в пять раз чаще, а 85 % заявили, что неприязнь к животным может стать поводом установить личные границы и причиной отказа от отношений. При этом подавляющее большинство респондентов убеждены, что питомец помогает укрепить отношения и создать уют в доме, взаимодействие с ним – своего рода «тест на партнерство», где каждый учится идти на компромисс и договариваться [6].

Противоречия институционализации гуманного отношения к животным-компаньонам обусловлены исторически сложившимися ограничениями среды и субъектными характеристиками. Городское пространство пока плохо приспособлено к потребностям владельцев собак, а их ролевые ожидания часто вступают в противоречие с нормами общественного порядка, вызывают недовольство и генерируют конфликты. Согласно ВЦИОМ, с проявлениями неприязни (доходящей до угроз) сталкивались 17 % владельцев. Значительная часть россиян, не имеющих домашних животных, испытывают беспокойство и тревогу в связи с присутствием чужих собак в общественных местах. Каждый десятый в этой группе отметил проблему уборки за собаками в доме (подъезде, лифте) и укусы, нападение на людей. В общей сложности проблемы выгула собак беспокоили каждого третьего, отсутствие уборки – более четверти [3]. Забота о животных может выражаться и в специфических формах так называемой зоошизофрении, в частности «накопительства животных», которые делают невыносимыми условия проживания для соседей, загрязняют среду.

В нашем обществе уже сформировались запросы на развитие инфраструктуры (в перспективе – на новые градостроительные и архитектурно-планировочные решения по организации среды, комфортной для жителей с разными интересами), на повышение ответственности и культуры как владельцев животных-компаньонов, так и тех, у кого их нет. Оче-

видно, что нормативный контроль (запреты, штрафы, предписания местной власти) должен быть усилен. Но нет согласия в понимании того, что можно и нужно выделять и закреплять в качестве норм регулирования заботы о животных-компаньонах в человеческом общежитии и какие технически доступные и социально-психологически приемлемые инструменты надзора в этой сфере можно применять. Эти вопросы остаются в фокусе общественных дискуссий, а их решение требует комплексного научного обоснования.

Самые острые противоречия предьявляет институционализация отношения к бездомным животным. Постоянное присутствие этой темы в российской повестке (СМИ регулярно сообщают как о фактах нападения на людей безнадзорных животных с трагическими последствиями, так и о фактах живодерства, расправы с животными) демонстрирует, как труден переход от разделяемых в обществе ценностей гуманного отношения к животным к принятию и согласованию норм их реализации во взаимодействии социальных субъектов разных уровней ответственности: частных лиц, чиновников, сообществ. Социальная аномия, при которой нормы противоречат разделяемым ценностям и не согласуются между собой, выражается здесь многими показателями. Объективный анализ ситуации осложняется фрагментарностью статистики на федеральном уровне.

Центр изучения питания и благополучия животных организовал в 2023 и обновил в 2025 г. Всероссийскую перепись домашних и бездомных животных. Согласно отчету Центра, у 3,6 млн животных нет хозяев, из них только небольшая доля (около 170 тыс.) опекаема в приютах и волонтерами. «Сегодня в России работает 530 приютов, но они перегружены: в среднем на каждый из них приходится около 320 животных. Для сравнения: в США работает более 13 500 приютов» [7]. Опрос ВЦИОМ (2022 г.) подтверждает масштабы бедствия: 90 % россиян видят в своем населенном пункте бездомных собак или кошек, каждый третий слышал за последние 2–3 года о случаях нападения безнадзорных собак на людей в своем поселении. Сочувствие к бездомным животным, в опросе его выразило большинство респондентов (71 %), омрачается опасениями (12 %), страхом и неприязнью (7 %). Две трети россиян высказываются за гуманные способы сокращения численности бездомных животных: предлагают отлавливать их и помещать в пункты временного содержания до передачи другим хозяевам; также одобряют отлов, стерилизацию, чипирование и возвращение в среду. Поддерживают идею отстрела или уничтожения бездомных животных только 13 % опрошенных, а еще 4 % предложили усыплять таких животных на улицах. Россияне оказались единодушны в том, что недобросовестные хозяева, бросившие животное на улице, должны нести за это ответственность (94 %). Каждый второй предлагает обязать их оплачивать затраты на отлов и содержание, четверть поддержала административный штраф или обязательные работы (молодежь выбирала этот вариант чаще). За более строгую уголовную ответственность высказались 15 % опрошенных, среди молодежи 18–34 лет ее поддержали 22 %. Исследование выявило поколенческие различия: молодежь лучше информирована и более активна, чаще требует ужесточения санкций для тех, кто бросил своего питомца, но значительно реже поддерживает убийство [8].

В отношении к безнадзорным животным ярко проявляется противоречие разделяемых ценностей и норм поведения россиян. И общероссийские, и региональные данные опросов

показывают: несмотря на то, что большинство людей при виде бездомного животного испытывают жалость и сочувствие, тех, кто помогает – значительно меньше. Примерно две трети респондентов сообщили, что не предпринимают ничего, видя бездомных животных; 72 % указали, что не знают, куда о них сообщать [8]. По данным упомянутого Центра, за последние годы только 7 % семей взяли в свой дом животное с улицы, но растет количество граждан, жертвующих приютам и участвующих в акциях. Прямой помощью бездомным животным занимаются, как правило, зоозащитные организации и приюты. У нас в стране решение проблемы осложняется сильными региональными различиями, в том числе в вопросах бюджетных возможностей на местах. Это касается создания и финансирования пунктов временного содержания, приютов, обучения персонала и т. п. Чем крупнее населенный пункт, тем чаще респонденты говорят, что заниматься бездомными животными должны специализированные учреждения, а обеспечивать безопасность людей – органы власти.

Для законодателей и чиновников нормативный конфликт – рассогласованность норм обращения с безнадзорными животными и норм обеспечения безопасности людей – остается серьезным вызовом. Федеральный центр летом 2023 г. передал регионам право самостоятельно решать проблему безнадзорных опасных животных. До этого действовала единая мера для всех субъектов, закрепленная федеральным законом 2018 г., – отлов, размещение в приютах, стерилизация, вакцинация и возврат неагрессивных животных в среду. В 17 российских регионах были приняты законы об эвтаназии бездомных животных [9], что вызвало волну недовольства, протестные выступления, причем не только зоозащитников, но и обычных граждан. В трех регионах – Бурятии, Якутии и Магаданской обл., против крайней меры с судебными исками выступили зоозащитники. В июле 2024 г. Конституционный суд признал обязательной федеральную норму о гуманном обращении с животными, допустив принятие решений об эвтаназии на местном уровне лишь в исключительных случаях [10]. В регионах, где произошли трагедии из-за нападения собак на людей, вновь принимаются постановления об эвтаназии, что опять вызывает протесты. На Всероссийском съезде защитников животных в октябре 2025 г. участники, уличая региональные власти в бездействии, произволе и необоснованно жестких решениях, высказались в пользу обратной передачи полномочий от регионов федеральному центру.

Отношение к бездомным животным остается зоной конфликтов, высокоинтенсивных и насильственных, консенсусные решения пока не найдены. Противоречия правоприменения, недостаток средств, низкое качество управления, дефицит информации и множество других факторов указывают – общественное внимание к этой проблеме будет только усиливаться. Способность местных властей ее решать уже затрагивает имидж регионов и оказывает влияние на электоральные предпочтения. Тема отношения к животным продолжает активно и очень эмоционально обсуждаться. Характерно, что отсылки к гуманности еще больше провоцируют непримиримых оппонентов к взаимным обвинениям и даже оскорблениям. В постах, комментариях к новостным сообщениям видно, как радикально могут различаться интерпретации гуманности у тех, кто требует защитить людей «любой ценой», и тех, кто настаивает, что животные невинны и сами нуждаются в защите. Достаточно, например, посмотреть на контент канала «Всероссийского народного экологического зоозащитного движения». В обсуждение и решение этой проблемы будет вовлекаться еще больше социально активных людей, в частности развиваться зоозащитное движение.

Российское движение в защиту животных имеет исторические корни: оно было и в дореволюционной, и в Советской России, а за последние 10–15 лет заметно усилилось. Разнообразие форм, в которых движение заявляет о себе, применяемых инструментов продвижения своей повестки, способов реализации своих целей и задач (не всеми одобряемых) – показатели способности наших граждан к самоорганизации для реализации общественно значимых целей.

Сегодня, по оценкам социологов [11; 12], в регионах РФ о животных пекутся и небольшие самодеятельные группы, и НКО. Главную роль в организации этих сообществ и рекрутировании новых членов играют социальные медиа: в них распространяются истории о жестоком обращении с животными, трогательных примерах дружбы и взаимопомощи человека и животного, в том числе в зоне проведения СВО, о готовящихся акциях (спасательных, протестных, рекламных).

В отечественной социологии исследуются коммуникационные модели, социально-демографические и социально-психологические характеристики зоозащитников. Преобладает дистанционное взаимодействие: средств для аренды помещений не хватает [13]. Типичный российский зоозащитник – замужняя женщина старше 35 лет с детьми, давно и регулярно участвующая в деятельности движения. Мотивы – привитые в семье убеждения, представления о должном, личный опыт «встречи» (с беспомощным, страдающим живым существом), вызвавшая эмоциональный отклик информация в социальных медиа [14].

Современная социальная психология вносит свой вклад в эмпирическую интерпретацию понятия «гуманное отношение к животным», исследует различные аспекты мотивации и поведения, направленного на взаимодействие с животными и их защиту. Консенсусным индикатором гуманности является признание неприемлемости издевательств, намеренного причинения боли, увечий. Интуитивно понятна связь чувства сострадания к животному со способностью чувствовать одушевленность «другого», с добротой, широко понимаемой гуманностью. От неприемлемости жестокости по отношению к животным, абстрактной любви к ним до вовлеченности в деятельные, социально значимые ее проявления – огромная дистанция. Как измерить любовь к животным и ее социально значимые эффекты? Каков вклад привязанности к животным в гуманистические (в традиционном смысле) установки? Психологи пытаются создать шкалу, которая операционализирует сострадание к животным как набор аффективных, когнитивных, поведенческих способностей и взаимосвязанных с ними навыков [15]. В российской социальной психологии прослеживается связь привязанности к животным с социально позитивными феноменами: моральными мотивами непричинения вреда, помощи, социальной справедливости. Интересны данные о связи с «просоциальными установками»: самые сильные – с социальным экоактивизмом, слабые – с экологическим стилем жизни, связь с экологической идентичностью не обнаружена. Впрочем, авторы исследования отмечают, что эти связи имеют частный характер и должны интерпретироваться с осторожностью [16].

Согласно данным, полученным в сравнительном исследовании зооволонтеров и добровольцев, помогающих людям, первые сильнее вовлечены в добровольческую активность, зачастую помогают в одиночку, склонны брать на себя личную ответственность за судьбу подопечного. Волонтеры, помогающие людям, чаще заняты определенным видом помощи, сотрудничают с другими волонтерами и не проявляют активность на постоянной основе вне организаций, в которых состоят [17].

Зоозащитники вносят огромный вклад в институционализацию гуманного отношения к животным. Это и нормотворчество: многие положения ФЗ об ответственном отношении – результат их действий (информационных кампаний в СМИ, коллективных запросов, петиций, пикетов и т. п.), и контроль правоприменения: привлекая общественное внимание к фактам жестокости, зоозащитники добиваются судебных решений. Взаимодействуют с местными властями, бьются за финансирование стерилизации, чипирования, отлова безнадзорных животных; информируют население, обучают ответственному отношению к животным взрослых, проводят «уроки доброты» для детей. Наконец, создают приюты, кормят, лечат, находят хозяев бездомным животным.

Зоозащитное движение сталкивается с рядом трудностей и ограничений: неготовность чиновников на местном уровне выстраивать сотрудничество с НКО, бюрократические барьеры при их регистрации, недостаток ресурсов, повышенное внимание СМИ к негативным событиям и недостаточное – к положительному опыту решения проблем [18].

Восприятие, оценки социальной активности зоозащитников и зооволонтеров в российском общественном сознании противоречивы. Предвзятость, произвольное наделение дурными качествами, вменение «антигуманных» побуждений демонстрируют друг другу как приверженцы и сторонники зоозащитного движения, так и его критики и оппоненты. Налицо все признаки конфликтного дискурса: провокационные вопросы, навязывание моральных дилемм, выстраивание произвольных иерархий, язык вражды. Это – своеобразный индикатор состояния гуманизации отношения к животным в нашем обществе: до оестествления, нормализации этого отношения нам еще далеко. Впрочем, в известном смысле такие аффективные конфликты функциональны для общества.

Ценностно-нормативные конфликты в социальном взаимодействии неизбежны: мы можем разделять общие ценности, признавать, что нечто должно быть сделано, но вступать в конфликт относительно того, как именно это должно быть сделано. Напротив, придерживаясь различных, даже взаимно исключаящих ценностей, можно иметь согласие относительно правил социального взаимодействия в определенных условиях. Нормы из ценностей нельзя дедуцировать. Они – предмет обсуждения, рационального анализа, творческого поиска и договоренностей в среде, имеющей объективные ограничения.

Полагаю убедительным вывод из предшествующего изложения: гуманное отношение к животным уже стало в социальных представлениях обязательным элементом традиционной ценности российского общества, названной в Указе Президента РФ – гуманизм, милосердие, справедливость [19]. Попытаемся выделить основные ценностно-нормативные конфликты, возникающие в институционализации этой ценности, имея в виду возможные пути их регулирования: идеологические (ценностные) конфликты – сталкивающиеся интерпретации ценностей («смыслосодержащих образцов», идеальных объектов); нормативные конфликты – противоречие разделяемых ценностей и норм поведения, противоречие норм, неопределенность правил и норм, неработающие правила; наконец, выделим подвид нормативных конфликтов – инновационные конфликты – противоречие соображений технической целесообразности сложившимся нормам.

Идеологические (ценностные) конфликты. Как защитники животных, так и их оппоненты заявляют о своей приверженности гуманизму. В социальных представлениях, интер-

претирующих гуманизм, заметно воздействие глобального социогуманитарного просвещения и не критического усвоения доводов постгуманизма, претендующего на роль новой идеологии. В идеологических спорах манифестируется конфликт ценностей традиционного, старого и нового гуманизма [20]. Остановимся на двусмысленности представлений последнего об отношении человека и животного, о статусе и «правах животных». Утверждается, что исторически сложившееся отношение человека к животным должно быть пересмотрено в русле критики антропоцентризма и дискриминирующих практик, вырастающих на его основании. Животных нужно рассматривать в одном ряду с угнетенными: женщинами, инвалидами, представителями поработанных этнических групп, секс-меньшинств и т. п. Животных надо «деколонизировать», а для этого – пересмотреть традиционные ценности: отказаться от противопоставления природы и культуры, деконструировать бинарные файлы (человек – животное, способный – неспособный и т. п.), признать субъектность и «права» животных, включить их в моральное сообщество. «Дать животным голос»!

Ирония состоит в том, что стремление уравнивать человека и «нечеловеческое животное» приводит к результатам, обратным ожидаемым: например, к оправданию хищнического поведения человека. Благодаря этологии, зоопсихологии, мы сегодня лучше осведомлены не только о том, что животные – страдающие, чувствующие существа, способные к научению, передаче опыта (огромный вклад К. Лоренца – ученого, мыслителя, просветителя), но и о поведенческих механизмах регуляции численности популяции, которые мы ранее связывали исключительно с человеческим общежитием и рассматривали как нечто морально неприемлемое и сомнительное, как то, что нужно искоренить. К собаке нужно относиться по-человечески, а не по-собачьи: гуманное отношение к животным – это в некотором смысле антиприродное, неестественное, – человеческое отношение. Забота о животных – это забота о них по их собственной мере, или – по человеческой? Может человек спасти животных? Спасти их – это значит предоставить их самим себе (т. е. законам эволюции с ее внешне- и внутривидовой агрессией)? Ответ – в области метафизики и сотериологии [21], куда неуместно здесь углубляться. Но игнорировать религиозные традиции, этические презумпции (эти «социальные факты») невозможно ввиду их практических амбивалентных последствий. Так, например, статус «священных животных» не позволяет их убивать, но не гарантирует им комфортного существования (узнаваемый пример – коровы в Индии). Признание перерождения и его превратностей, возможно, является решающим аргументом против умерщвления животных, но не обязательно побуждает проявлять о них заботу. Наконец, разрушение бинарных файлов, уравнивание человека и животного подчас приводит к рафинированной жестокости – подчинению животных нашим представлениям об их «благополучии»: например, вменение веганства хищникам, навязывание диким животным межвидового взаимодействия (совместное проживание с людьми), которое «взаимно обогащает», излишний косметический уход, украшательство и т. п.

Регулировать ценностные конфликты (тем более в условиях культурной глобализации) только административно-правовыми методами невозможно. Здесь ключевая роль принадлежит конструктивному символизму: ценность гуманизма (в аспекте гуманного отношения к животным) символически интерпретируется в идеальных универсумах – философии, религии, искусстве. Положительная тенденция нашего времени – включение в дискурс отноше-

ния человека к животному представителей традиционных для России конфессий. И вклад деятелей искусства здесь может быть очень весомым.

Ценности воплощаются в действиях людей и объективируются в нормах, правилах, запретах. Некоторая несогласованность ценностей и норм неизбежна, но явно выраженное противоречие требует регулирования и времени: оно преодолевается эволюционно, не в идейных спорах – во многом бесплодных, а в кропотливой работе информирования, воспитания, обучения, продвижения добротных поведенческих образцов в социальной рекламе – широко понимаемой.

Нормативные конфликты. Как было показано, некоторые нормы гуманного отношения к животным (рассмотренной выше заботы о питомцах) вступают в противоречие с нормами общественного порядка: владельцы питомцев возмущены негуманными запретами и ограничениями (транспорт, общепит, зоны отдыха), окружающие требуют соблюдения их прав. Регулирование таких конфликтов предполагает как нормирование среды, так и ответственности владельцев. Процесс идет: в ряде городов России вводятся курсы и экзамены для владельцев собак (по аналогии с правами на вождение), обсуждается идея обязательной регистрации и даже страховки гражданской ответственности владельцев. В Санкт-Петербурге, например, в октябре 2025 г. принят «Закон о выгуле и содержании собак» с подробными регламентами. Регулирование самого интенсивного в настоящее время конфликта (противоречие норм безопасности и запрета убивать безнадзорных животных) требует устранения несоответствия федеральных и региональных норм, административных решений для создания системы предупреждения нападений (массовая стерилизация, отлов агрессивных животных, просвещение населения о правилах поведения и т. д.), дополнительных финансовых ресурсов.

Неработающие нормы. Отдельные законодательно закрепленные нормы ФЗ об ответственном обращении не реализуются из-за нехватки финансирования, неспособности чиновников грамотно разработать планы отлова и стерилизации безнадзорных животных, слабого контроля за исполнением запрещающих норм, безнаказанной жестокости по отношению к животным. Управление такого рода конфликтами требует привлечения дополнительных ресурсов, усиления контроля за расходованием средств на программы обращения с животными, повышения эффективности работы институтов, информационного обеспечения, в том числе создания единой системы учета животных.

Инновационные конфликты. Чтобы гуманное отношение к животным могло реализоваться ответственно и без нарушения общественного порядка, необходим мониторинг данных, анализ и управление как средовыми, так и субъектными характеристиками социальных взаимодействий. Таким образом, неизбежно усиление социального надзора, использующего современные цифровые технологии. Можно предположить, что он будет восприниматься как излишний, что может стать источником новых конфликтов.

Заключение. Разделяемая большинством нашего общества ценность гуманизма и милосердия все чаще включает нравственную оценку действий, направленных и на животных. В процессах гуманизации отношения к животным неизбежно возникают нравственные коллизии и ценностно-нормативные конфликты. Анализ (далеко не полный, так как мы рассматривали проблему только в одном аспекте – отношения к животным-компаньонам, собакам) показал, что в нашем обществе пока не выработан консенсус относительно содержания цен-

ности «гуманное отношение к животным», не завершены и противоречивы процессы ее институционализации, т. е. превращения в принудительные нормы поведения, благодаря которым социальное взаимодействие структурируется и легитимируется. Разделяемые на индивидуальном уровне ориентации поведения, формирующиеся потребности личности, ее культурные действия в этой сфере неоднозначны по своим последствиям для общества. Дискурс гуманного отношения к животным – своеобразная точка сборки вопросов о нравственных правах и обязанностях, о свободе и ответственности, об искусственном и естественном. Вовлечение в него светских и религиозных мыслителей, ученых, представителей элиты, социальных активистов, граждан будет только усиливаться. Для управленцев способность включаться в него и принимать практические решения станет тестом на профессионализм.

Для системы образования актуальной задачей является определение духовно-нравственных ориентиров воспитания и образования детей и юношества в практике отношений с животными, включение в содержание образования оценок религиозных табу, этических принципов, правовых норм, регулирующих отношения с животными в других странах, сравнение их с образцами собственных культурно-исторических традиций. Социологам предстоит углубить теоретическую и эмпирическую интерпретацию понятия «гуманное отношение к животным», определить ключевые показатели и индикаторы для замеров, диагностики и социального управления как субъектными (например, дети и/или питомцы в семье), так и средовыми (тип поселения, жилья) характеристиками этого отношения.

В контексте культурной глобализации процессы гуманизации отношения к животным – показатель того, что РФ – в глобальном тренде улучшения морально-нравственного климата, роста толерантности и доверия. В какой мере этот тренд коррелируется с укреплением, защитой и продвижением традиционных российских ценностей – отдельный вопрос. Хочется думать, что ресурсы культурно-исторических традиций народов России позволят нам не только вписываться в глобальные тренды, но и самим формировать их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 498 «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43912> (дата обращения: 01.11.2025).
2. Колесниченко М. Б., Корнилова К. А. Исследование отношения к животным в социологии // Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 100–112. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.1.8
3. Публичная жизнь домашних животных // Аналитический обзор. ВЦИОМ. 25.07.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/publichnaja-zhizn-domashnikh-zhivotnykh?ysclid=mhbstkcede476258096> (дата обращения: 01.11.2025).
4. Вадимов И. С человеческим лицом. Как у россиян меняется отношение к питомцам // Коммерсант. 12.12.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4180648?ysclid=mg9bisqw9985952663> (дата обращения: 01.11.2025).
5. Чернова Ж., Щеглов Я., Литвинова А. Моральная экономика «хорошей жизни»: достоинство, признание и гендерные границы в условиях классового неравенства // Социологическое обозрение. 2025. Т. 24, № 3. С. 60–83. DOI: 10.17323/1728-192x-2025-3-60-83
6. Две трети россиян считают владельцев животных более привлекательными // РБК Life. 18.08.2025. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/689f3c349a7947b12a7681e9?ysclid=mh95dbm72w171600529> (дата обращения: 01.11.2025).

7. Всероссийская перепись бездомных животных 2025 // Центр изучения питания и благополучия животных. 16.04.2025. URL: <https://petcarecenter.ru/articles/vserossiiskaia-perepis-bezdomnyh-zivotnyh-2025?ysclid=mhqvqixanx413563760> (дата обращения: 01.11.2025).

8. Человек и бездомные животные: контролировать, бороться или помогать? // ВЦИОМ. 19.08.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-bezdomnye-zhivotnye-kontrolirovat-borotsja-ili-pomogat> (дата обращения: 01.11.2025).

9. Законы об усыплении бездомных животных приняты в 17 регионах России // Сапа Медиа. 03.05.2025. URL: <https://sapa.media/zakony-ob-usyplenii-bezdomnyh-zhivotnyh-prinyaty-v-17-regionah-rossii-20250303/> (дата обращения: 01.11.2025).

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 N 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» // Консультант плюс. 18.07.2024. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/85611.html> (дата обращения: 01.11.2025).

11. Осипенко Е. А. Особенности российского зоозащитного движения в обществе // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5 (154). С. 309–315. DOI: 10.51379/KPJ.2022.156.6.038

12. Веселова Н. Ю., Бычкова Н. П. Организационно-правовые аспекты совершенствования муниципального управления в области содержания безнадзорных животных // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 2 (34). С. 57–62. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-10950

13. Орлова Е. А., Черепкова А. С. Оценка отношения социума к проблеме бездомных животных посредством использования коммуникационных исследований // Мир науки и мысли. 2023. № 3. С. 16–20.

14. Полутин С. В., Самойлова Е. А. Социологический портрет российского зоозащитного движения // Регионология. 2020. № 1 (110). С. 184–199. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.184-199.

15. Khoury B., Vergara R. C. Compassion questionnaire for animals: Scale development and validation // J. of Environmental Psychology. 2024. Vol. (4): 102470. DOI: 10.1016/j.jenvp.2024.102470

16. Нартова-Бочавер С. К., Ларионов П., Щерба Е. К. Привязанность к домашним питомцам и любовь к людям – есть ли связь? // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 1. С. 156–170. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150110>

17. Воробьева А. Е., Скипор С. И. Психологические характеристики волонтеров различных направленностей активности // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 3. С. 205–218. DOI: 10.17759/sps.2021120313

18. Осипенко Е. А. Зоозащитное движение в регионе: социальные барьеры и ограничения // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 4: 08SCSK422. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK422.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

19. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 01.11.2025).

20. Катерный И. В. Концептуализация социальной онтологии постгуманизма: социологические импликации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6 (154). С. 13–34. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.02

21. Льюис К. С. Страдание // Письма Баламута. Страдание. Расторжение брака. И др. / Собр. соч.: в 8 т. Т. 8 / пер. с англ. Н. Трауберг, Т. Шапошникова, Г. Ястребов. М.: Фонд Александра Меня. Дом надежды, 2005. С. 123–207.

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехниче-

ского университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.12.2025; принята после рецензирования 03.02.2026; опубликована онлайн 20.04.2026.

REFERENCES

1. "Federal Law of 27.12.2018 No. 498 "On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", *President of Russia*, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43912> (accessed 01.11.2025).
2. Kolesnichenko, M.B. and Kornilova, K.A. (2020), "Sociological study of attitude to animals", *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, no. 1, pp. 100–112. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.1.8
3. "Public life of companion animals. Analytical review" (2024), *VCIOM*, 25.07.2024, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/publichnaja-zhizn-domashnikh-zhivotnykh?ysclid=mhbstkcede476258096> (accessed 01.11.2025).
4. Vadimov, I. (2019), "With a human face: How Russians' attitudes to pets are changing", *Kommersant*, 12.12.2019, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4180648?ysclid=mg9bisqw9985952663> (accessed 01.11.2025).
5. Chernova, Zh., Shcheglov, Ya. and Litvinova, A. (2025), "The moral economy of the "Good life": dignity, recognition, and gender boundaries in the context of class inequality", *The Russian Sociological Review*, vol. 24, no. 3, pp. 60–83. DOI: 10.17323/1728-192x-2025-3-60-83
6. "Two thirds of Russians consider pet owners more attractive" (2025), *RBC Life*, 18.08.2025, available at: <https://www.rbc.ru/life/news/689f3c349a7947b12a7681e9?ysclid=mh95dbm72w171600529> (accessed 01.11.2025).
7. "All-Russian Census of Stray Animals" (2025), *Center for the Study of Animal Nutrition and Welfare*, 16.04.2025, available at: <https://petcarecenter.ru/articles/vserossiiskaia-perepis-bezdomnyx-zivotnyx-2025?ysclid=mhqvgixanx413563760> (accessed 01.11.2025).
8. "Humans and stray animals: control, fight or help?" (2022), *VCIOM*, 19.08.2022, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-bezdomnye-zhivotnye-kontrolirovat-borotsja-ili-pomogat> (accessed 01.11.2025).
9. "Laws on the euthanasia of stray animals adopted in 17 regions of Russia" (2025), *Sapa Media*, 03.05.2025, available at: <https://sapa.media/zakony-ob-usyplenii-bezdomnyh-zhivotnyh-prinyaty-17-regionah-rossii-20250303/> (accessed 01.11.2025).
10. "Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 18.07.2024 N 38-P "In the case of checking the Constitutionality of Part 4 of Article 7, Paragraph One of Part 1 and Part 7 of Article 18 of the Federal Law "On the Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the request of the Supreme Courts of the Republic of Buryatia", *Consult plus*, 18.07.2024, available at: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/85611.html> (accessed 01.11.2025).
11. Osipenko, E.A. (2022), "Features of the Russian animal protection movement in society", *Kazan Pedagogical J.*, no. 5 (154), pp. 309–315. DOI: 10.51379/KPJ.2022.156.6.038
12. Veselova, N.Yu. and Bychkova, N.P. (2021), "Organizational and legal aspects of improvement of municipal governance in the field of standing animals", *Natural-Humanitarian Studies*, no. 2 (34), pp. 57–62. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-10950
13. Orlova, E.A. and Cherepkova, A.S. (2023), "Assessment of attitude of a society to the problem of homeless animals through the use of communication research", *The world of science and ideas*, no. 3, pp. 16–20.

14. Polutin, S.V. and Samoilova, E.A. (2020), "A sociological portrait of the animal welfare movement in Russia", *Russian j. of regional studies*, no. 1 (110), pp. 184–199. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.184-199
15. Khoury, B. and Vergara, R.C. (2024), "Compassion questionnaire for animals: Scale development and validation", *J. of Environmental Psychology*, vol. 100 (4): 102470. DOI: 10.1016/j.jenvp.2024.102470
16. Nartova-Bochaver, S.K., Larionow, P. and Scherba, E.K. (2024), "Attachment to Pet and Love for People – is There a Connection?", *Social Psychology and Society*, vol. 15, no. 1, pp. 156–170. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150110>
17. Vorobieva, A.E. and Skipor, S.I. (2021), "Psychological characteristics of volunteers with different activity profiles", *Social Psychology and Society*, vol. 12, no. 3, pp. 205–218. DOI: 10.17759/sps.2021120313
18. Osipenko, E.A. (2022), "The animal-protection movement in a region: social barriers and constraints", *World of Science. Ser. Sociology, Philology, Cultural Studies*, vol. 13, no. 4: 08SCSK422, available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK422> (accessed 01.11.2025).
19. "Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"", *President of Russia*, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (accessed 01.11.2025).
20. Katerni, I.V. (2019), "Theorizing social ontology of posthumanism: sociological implications", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6 (154), pp. 13–34. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.02
21. Lewis, C.S. (2005), "The Problem of Pain", *The Screwtape Letters. Screwtape Proposes a Toast. The Problem of Pain. The Great Divorce. Reflection on the Psalms. Letters to Malcolm*, in 8 vols., vol. 8., Transl. by Trauberg, N., Shaposhnikova, T. and Yastrebov, G., Fond Aleksandra Menya, Dom nadezhdy, Moscow, RUS, pp. 123–207.

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy, 1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.12.2025; adopted after review 03.02.2026; published online 20.04.2026.*

Оригинальная статья

УДК 811.133.1

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-137-148>

Социальная реклама как маркер лингвокультурного пространства

Екатерина Евгеньевна Везубова¹, Ольга Александровна Фрейдсон²✉

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹c_verezubova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4915-7992>

²✉olga-freidson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1933-492X>

Введение. Социальная реклама является важным элементом современной культурной и языковой среды, способствующим формированию общественного сознания и трансляции культурных ценностей. В своей работе авторы ставят целью выявить ключевые характеристики и закономерности функционирования социальной рекламы в российском и французском лингвокультурном пространстве и определить факторы, которые обуславливают различия и сходства в подходах к созданию и продвижению социальных кампаний.

Методология и источники. Работа основывается на методологии междисциплинарного подхода, с использованием дискурс-анализа и контент-анализа. В основу теоретико-методологической базы легли работы в области медиадискурса и лингвокультурологии. В качестве эмпирического материала используются примеры социальной рекламы, опубликованные в российских и французских источниках за 2010–2025 гг.

Результаты и обсуждение. Продемонстрировано существование значительных различий в лексико-семантическом поле социальной рекламы во французском и русском лингвокультурных пространствах. Французская терминология подразумевает направленность на эмоции и индивидуальную ответственность, а русская – на государственные интересы и коллективные ценности. В ходе анализа тематики выявлена значительная схожесть ключевых тем: здоровый образ жизни, безопасность дорожного движения, борьба с зависимостями, поддержка семьи и экология, однако расставляются разные акценты. Французская реклама больше внимания уделяет вопросам экологии, равноправия полов и культурного наследия, в то время как русская подчеркивает важность патриотизма, социальной стабильности и традиционных ценностей. Во французской рекламе также отмечается вовлеченность корпораций в социальные проекты. Российский сегмент социальной рекламы демонстрирует большую приверженность национальным проектам и государственным программам. Все эти различия связаны с историческими особенностями формирования структур и участия гражданского общества в развитии социальных инициатив.

Заключение. Выявленное существенное различие в текстах и тематике социальной рекламы является отражением культурных традиций и исторических факторов российского и французского общества. При этом оба типа социальной рекламы демон-

© Везубова Е. Е., Фрейдсон О. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

стрируют эффективность в зависимости от культурного контекста и ожиданий аудитории. Различия в подходах показывают необходимость учитывать национальную специфику при разработке социальной рекламной стратегии.

Ключевые слова: социальная реклама, рекламный дискурс, лингвокультурный анализ, национальная специфика, лингвокультурное пространство

Для цитирования: Вerezубова Е. Е., Фрейдсон О. А. Социальная реклама как маркер лингвокультурного пространства // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 137–148. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-137-148

Original paper

Social Advertising as a Marker of Linguistic and Cultural Space

Ekaterina E. Verezubova¹, Olga A. Freidson²✉

^{1,2}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

¹*c_verezubova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4915-7992>*

²✉*olga-freidson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1933-492X>*

Introduction. Social advertising is an important element of the modern cultural and linguistic environment, contributing to the formation of public consciousness and the transmission of cultural values. In this work, the authors aim to identify the key characteristics and patterns of social advertising in the Russian and French linguistic and cultural spaces, and to determine the factors that stipulate the differences and similarities in the approaches to creating and promoting social campaigns.

Methodology and sources. The work is based on the methodology of an interdisciplinary approach, using discourse analysis and content analysis. The theoretical and methodological framework is based on works in the field of media discourse and linguoculturology. The empirical material includes examples of social advertising published in Russian and French sources from 2010 up to 2025.

Results and discussion. It has been demonstrated that there are significant differences in the lexical and semantic field of social advertising in the French and Russian linguistic and cultural spaces. The French terminology focuses on emotions and individual responsibility, while the Russian terminology focuses on state interests and collective values. The analysis of the themes revealed significant similarities in the key topics: healthy lifestyle, road safety, addiction prevention, family support, and environmental issues, but with different emphases. French advertising focuses more on environmental issues, gender equality, and cultural heritage, while Russian advertising emphasizes the importance of patriotism, social stability, and traditional values. French advertising also highlights the involvement of corporations in social projects. The Russian segment of social advertising demonstrates a greater commitment to national projects and government programs. These differences are related to the historical features of the formation of structures and participation of the civil society and the development of social initiatives.

Conclusion. The significant differences in the texts and themes of social advertising reflect the cultural traditions and historical factors of Russian and French society. However, both types of social advertising demonstrate effectiveness depending on the cultural context and audience expectations. The differences in approaches highlight the need to consider national specifics when developing social advertising strategies.

Keywords: social advertising, advertising discourse, linguocultural analysis, national specificity, linguocultural space

For citation: Verezoubova, E.E. and Freidson, O.A. (2026), "Social Advertising as a Marker of Linguistic and Cultural Space", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 137–148. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-137-148 (Russia)

Введение. Социальная реклама, как мощный инструмент коммуникации, играет важную роль в формировании общественного сознания и продвижении социально значимых ценностей. Она является зеркалом социокультурных особенностей общества, отражая его приоритеты, нормы и культурную традицию [1]. Изучение социальной рекламы как продукта лингвокультуры позволяет понять механизмы воздействия на общественное мнение, выявить стратегии убеждения и определить эффективность различных подходов в решении социальных задач.

Сравнительный анализ социальной рекламы в разных социокультурных пространствах составляет актуальность исследования в эпоху глобализации и межкультурного сотрудничества и дает возможность выявить универсальные и специфические черты, обусловленные историческими, политическими, экономическими, культурными и языковыми факторами.

Целью данного исследования является выявление ключевых характеристик и закономерностей функционирования социальной рекламы в российском и французском лингвокультурном пространстве, а также определение факторов, обуславливающих различия и сходства в подходах к созданию и продвижению социальных кампаний.

Социальная реклама – это особый вид рекламного дискурса, который характеризуется рядом черт, отличающих его от дискурса коммерческой рекламы, которая направлена на максимально широкую целевую аудиторию с целью реализации ценностного компонента [2]. В ее задачи входят просвещение, воспитание, профилактика и регулирование поведения общества. Благодаря этим своим функциям она играет важнейшую роль в укреплении общественных связей, повышении уровня сознательности и ответственности граждан [3].

Культурное пространство, в котором функционирует социальная реклама, значительно влияет на используемые в ней языковые средства. Приемы, эффективные в одной культуре, могут оказаться непонятными и даже неуместными в другой, поскольку люди склонны доверять источникам информации, которые соответствуют их культурным представлениям и нормам. Социальная реклама вызывает доверие и позитивный отклик аудитории лишь в том случае, если она вписывается в определенный социокультурный контекст. Новизна работы заключается в ее фокусе на выявлении специфики таких контекстов, а также языковых приемов при создании эффективных рекламных стратегий в российском и французском лингвокультурных пространствах.

Методология и источники. В качестве основной методологии был выбран метод компаративного анализа текстов социальной рекламы, который позволил выявить общие и специфические черты в способах представления социальных проблем, в стратегиях убеждения и в подходах к формированию общественного мнения в двух разных культурах. Основным источником эмпирического материала послужили открытые источники, включающие веб-сайты организаций, занимающихся продвижением социальных инициатив (как государственных, так и некоммерческих), информационные порталы, фото- и видеоархивы. Использование открытых источников обусловлено их доступностью и репрезентативностью и позволяет получить достаточно обширный объем информации о различных аспектах соци-

альной рекламы в российском и французском медиапространстве. Для анализа текстов социальной рекламы были использованы также методы семантического анализа, стилистической интерпретации и лингвокультурологического подхода для выявления ключевых смыслов и ценностей, представленной в рекламе, а также для изучения художественных средств и приемов, используемых для усиления воздействия на аудиторию. Кроме того, в исследовании использовались методики контент-анализа и фрейминга для выявления доминирующих мотивов и форм подачи материала.

Результаты и обсуждения. Обращаясь к теме социальной рекламы как маркера языка культуры, считаем необходимым в первую очередь сопоставить некоторые термины, входящие в лексико-семантическое поле социальной рекламы во французском и русском языках.

Термин *социальная реклама* относительно молод. Он появился в русском лингвокультурном пространстве в 1992 г., а в 2006 г. был закреплен в законодательстве. Сам факт определения социальной рекламы в законодательстве говорит о том, что она прежде всего находится на службе интересов государства, и делает ее «институционализированной» [4].

Что касается французского лингвокультурного пространства, определения социальной рекламы в правовых текстах мы не обнаружили. Мы отметили несколько синонимичных терминов, определения которым дается в словарях и работах исследователей в области лингвистики и рекламы [5; 6]. Наиболее распространенными из них являются *publicité sociale*, *publicité sociétale*, а также *publicité d'intérêt général*. В определениях этих терминов отсутствует отсылка к интересам государства. К примеру, *publicité sociale* определяется как «Publicité faite en faveur d'œuvres humanitaires ou charitables» (реклама в пользу гуманитарных или благотворительных дел¹) [5]. Термин *intérêt général* имеет определение «Conception de ce qui est bénéfique à l'ensemble des membres d'une communauté» (осознание того, что полезно всем членам сообщества) [7].

Прилагательное *social* (*социальный* в основном своем значении) с появлением социальных сетей (франц. *réseaux sociaux*) и распространением рекламы посредством этого пространства, в сочетании *publicité sociale* стало использоваться для обозначения рекламы, транслируемой через социальные сети, т. е. произошло своего рода «смещение» значения прилагательного [8]. Вместе с тем пара прилагательных *social/sociétal* (*sociétal* – *общественный, имеющий отношение к обществу*) в сочетании с лексемой *cause* (*cause sociale/sociétale*) обозначает социально/общественно полезное дело. Значимым примером такого общественно полезного дела служит *Grande Cause Nationale* (Национальный приоритет). Подобно российским «Национальным проектам», в этом случае инициатива исходит от государства. Однако в России контроль их исполнения осуществляет государство [9]. Во Франции же *Grande Cause Nationale* выбирается ежегодно, объявляется премьер-министром, при этом роль государства сводится к предоставлению бесплатной рекламы и распространению информации, а сама инициатива реализуется ассоциациями или некоммерческими организациями.

Интересно сравнение французского устойчивого сочетания *campagne de sensibilisation* и его русского эквивалента *разъяснительная кампания/общественно-информационная кам-*

¹ Здесь и далее перевод наш.

пания, а также однокоренного глагола *sensibiliser* и его эквивалента *разъяснять*, используемого в контексте социальной рекламы. На наш взгляд, в этих лексемах содержится глубинное различие в восприятии воздействия социальной рекламы в российском и французском обществе. Словосочетание *sensibiliser à un problème* на практике обычно переводится как *привлекать внимание к проблеме* либо как *информировать о существовании проблемы*, т. е. в русском варианте акцент делается на информированности, знании. Если же заглянуть во французский толковый словарь, для глагола *sensibiliser* приводится определение *rendre sensible à qch* (сделать чувствительным, восприимчивым) [10], следовательно, на первое место выходит не знание, а чувство, эмоциональный отклик на проблему. Термины «информирование», «разъяснительная кампания», принятые в русской терминологии социальной рекламы, несомненно, ближе к английской *Public Awareness Campaign* (кампания по информированию общественности), где *awareness – the mental state of knowing about something* [11] (состояние разума, характеризующееся знанием о чем-либо).

Таким образом, приступая к сравнительному исследованию дискурса социальной рекламы, мы можем предположить, что французские тексты в сочетании с невербальными компонентами в большей степени направлены на эмоциональное воздействие, в то время как в русском лингвокультурном пространстве дискурс социальной рекламы предназначен для разъяснения государственных задач.

Анализ тематики социальной рекламы – еще один важный момент изучения ее лингвокультурной специфики, поскольку он позволяет выявить проблемы общества и его основные ориентиры.

Социальная реклама, как и любая другая, является отражением ценностей общества, в котором она создается. Ее задачей является формирование общественного мнения, транслирование социальных норм. Исследование текстов российских и французских слоганов социальной рекламы показало, что наиболее актуальными темами являются:

1. *Безопасность дорожного движения*. Эта тема стабильно занимает лидирующие позиции, поскольку отражает серьезную проблему аварийности на дорогах. Российские рекламные тексты направлены на соблюдение правил дорожного движения как в целом: «Соблюдайте ПДД и помните всегда: жизнь великолепна и только одна!», так и в отдельных сферах: «За каждым знаком – живые люди. Водитель, обращай внимание на пешеходные переходы», «Выбирай, куда посадить ребенка» (сопровождается изображением автомобильного и инвалидного кресел).

Французское общество также обеспокоено ситуацией на дорогах, и здесь главенствуют две темы: невнимательность (использование телефона во время вождения) и опасное поведение мужчин за рулем. Последние по статистике чаще всего гибнут в ДТП. Для них опасное вождение – повод продемонстрировать свое преимущество перед женщинами, и во Франции распространен слоган «*Homme au volant, danger/mort au tournant*» (Мужчина за рулем – опасность/смерть на повороте). Как видим, социальной рекламе, связанной с поведением на дорогах, свойственен гендерный подтекст, в ней существительные *homme, femme* приобретают символическое значение, становясь символами опасного/безопасного вождения. Так, несколько провокационный слоган «*Conduisez comme une femme*» (Ведите машину, как женщина) содержит призыв к безопасному вождению. Однако для ясности он до-

полняется объяснением «Conduire comme une femme veut dire une seule chose, rester en vie» (Водить машину, как женщина, означает только одно – остаться в живых). Таким образом, несмотря на сходство общей тематики, видение проблемы существенно отличается в русском и французском лингвокультурном пространстве.

2. *Здоровый образ жизни.* Реклама, пропагандирующая здоровое питание: «Жирное – не может быть здоровым. Ожирение – это смертельно опасная болезнь» и занятия спортом: «Подтянись. Займись спортом. Будь ближе к мечте» – становится все более распространенной в последние годы в России. Французская социальная реклама также призывает к здоровому образу жизни, во Франции действует программа «Manger – bouger» (есть – двигаться), и каждый француз с детства знает, что нужно съесть 5 овощей и фруктов в день. Однако удовлетворение этой базовой потребности становится невозможным из-за других социальных проблем: высокие цены на жилье («Si tant d'enfants ne mangent pas 5 fruits et légumes par jour, c'est aussi un problème de logement» (Если столько детей не съедают 5 фруктов и овощей в день, это также проблема жилья)) или на сами фрукты и овощи: например, в видеоролике, посвященном дороговизне фруктов, девочка спрашивает у мамы, с какого возраста детям полагаются фрукты, а реклама заканчивается фразой «La vie de devrait pas coûter aussi cher» (Жизнь не должна стоить так дорого). Следовательно, здоровое питание считается нормой, для достижения которой требуется решить ряд социальных проблем. Что касается компонента *bouger* (движения), в 2024 г. под эгидой Олимпийских игр в Париже, правительство Франции объявило общенациональную задачу (*Grande Cause Nationale*) «Bâtir la nation sportive» (Создать здоровую нацию). В рамках этого проекта повсюду можно было увидеть слоган «Bouge chaque jour» (Двигайся каждый день) где первые две буквы «переплетались» с цифрой 30, которая обозначала минимальное время активности в день: 30 минут. Этот слоган является доказательством любви французов к точным цифрам.

3. *Борьба с зависимостями.* В рамках пропаганды здорового образа жизни отдельно выделяется реклама, направленная на борьбу с алкоголизмом, наркоманией и другими зависимостями: «Скажи нет наркотикам, скажи нет смерти», «Пей, кури! Естественный отбор уже начат».

Во французской социальной рекламе, призывающей отказаться от вредных привычек (в частности, от курения) можно отметить две ранее упомянутые тенденции: во-первых, их страсть к точным цифрам, во-вторых – показать связь курения с другими проблемами социума: «Votre avion a 1 chance sur 4 de s'écraser, vous montez? Cancer du poumon 1 chance sur 4. Vous fumez?» (У вашего самолета 1 шанс из 4 разбиться, вы сядете? Рак легкого – 1 шанс из 4 – вы курите?). Зная стремление французенок к равноправию и пристрастие к сигарете как к символу освобождения, слоган «L'industrie du tabac n'a jamais voulu d'une femme libre» (Индустрии табака никогда не нужна была свободная женщина) призывает не отождествлять свободную женщину и женщину с сигаретой. «40 % – C'est la proportion de déchets liés aux mégots en Méditerranée. 12 ans – C'est le temps qu'il faut qu'un mégot se décompose» (40 % – это процентное соотношение окурков к мусору в Средиземном море, а 12 лет – это время, за которое окурочек разлагается), здесь приводятся точные цифры, и курение связывается с проблемой экологии.

4. *Демографические инициативы.* Поддержка семьи, материнства и детства также является важной темой в российском социокультурном пространстве, отражающей демографи-

ческие вызовы, стоящие перед страной: «Любящая семья – счастливые дети – лучшее будущее России! Любите и берегите детей – они ваше счастливое будущее!», «Многодетная семья – будущее страны». Можно заметить, что российская социальная реклама семьи обращена к будущему: семья, страна, счастливое будущее.

Французское общество известно некоторой свободой в семейных отношениях. Помимо традиционной семьи, во Франции распространены семьи с одним родителем, сводные семьи, однополые браки. Однако, согласно опросам французов [12], семья в самом широком своем значении остается тем самым местом, где человек чувствует себя защищенным. Известна серия рекламы «*La famille c'est sacré*» (Семья – это святое), в которой в юмористической форме представлены самые различные типы семейных отношений: «– *Comme disent mon papa, ma maman et la troisième femme de mon papa: la famille c'est sacré*» (Как говорит мой папа, моя мама и третья жена моего папы, семья – это святое). Кроме того, важной темой является приемная семья (*famille d'accueil*), причем не только для детей и подростков, но и для одиноких пожилых людей (в последнем случае подчеркивается важность связи поколений, сохранения знаний, опыта и традиций). Существует, к примеру, серия рекламных афиш французской ассоциации «*Petits-fils*» (Внуки), на которых изображены вместе молодые и пожилые люди. Картинка сопровождается текстом из двух предложений, в центре которых находится глагол *s'occuper* (заниматься чем-либо, заботиться о ком-либо): «*Nathan S'OCCUPE tous les jours avec plaisir de Pierre. Pierre S'OCCUPE d'enseigner le jazz à Nathan*». Глагол *s'occuper* в сочетании с одушевленным существительным имеет значение «заботиться о ком-либо». Взаимность действий подчеркивается также «перекрестным» использованием имен молодого и пожилого человека (Натан ЗАБОТИТСЯ о Пьере, а Пьер ЗАБОТИТСЯ о том, чтобы научить джазу Натана). Таким образом, пожилые люди представлены как хранители знаний, навыков, которыми они могут обогатить молодое поколение в обмен на заботу.

С разными акцентами представлена и такая, казалось бы, универсальная ценность, как материнство. Российская социальная реклама стремится подтолкнуть женщин к рождению детей, созданию многодетной семьи, недопущению аборта [13]. Например, «Стране нужны ваши рекорды» (на фоне цветущей женщины с тремя детьми), «Счастье быть мамой. Сохрани беременность». Во французской же социальной рекламе, во-первых, внимание уделяется как материнству, так и отцовству, подчеркивая равенство прав мужчин и женщин «*Maternité – Paternité – Parité*» (Материнство – Отцовство – Равенство), а во-вторых, утверждается право женщин иметь выбор родить ребенка или сделать аборт «*L'avortement est un droit, et c'est moi qui choisiss*» (Аборт – это право, и выбор за мной).

5. *Экология и защита окружающей среды.* Хотя эта тема и не столь активно отражается в российской рекламе, как во Франции, однако в последнее время она становится все более актуальной, что связано с растущим осознанием экологических проблем. В отличие от французской социальной рекламы, охватывающей разные аспекты экологических действий, российская социальная реклама направлена в основном на проблему мусора и загрязнений окружающей среды: «По этим следам (отпечатки пальцев, ноги, руки) можно найти человека, а по таким (мусор) – свинью! НЕ СОРИ!» и бережное отношение к природе: «Задумайся, это зависит от каждого из нас. А ТЫ вырастил дерево, чтобы его ломать?».

Экологичность, бережное отношение к природе, экономное потребление активно пропагандируется во французской социальной рекламе: например, существует целая серия пла-

катов, основанных на известных каждому французу литературных произведениях, сказках или баснях Лафонтена: «Maître Corbeau ne laissera plus tomber son fromage» (Ворона больше не выронит свой сыр). Поскольку сыр – важная составляющая французской культуры, для его приготовления требуется время и мастерство, бережному отношению к этому продукту часто посвящены рекламные материалы: «Destinée du fromage périmé: 41 mois de fabrication pour finir à la poubelle» (Судьба испорченного сыра: 41 месяц производства, чтобы в итоге попасть в мусорное ведро).

Пропаганда бережного отношения касается не только продуктов питания. Людей призывают не выбрасывать старые вещи, а по возможности отремонтировать их, меняться ими, повторно использовать, чтобы не покупать новые: «Tes nouveaux outils n'ont pas besoin d'être neufs» (Твои новые инструменты не обязательно должны быть новыми). Этот слоган строится на противопоставлении значений прилагательных *nouveau* (новый для обладателя, но мог быть уже кем-то использованный) и *neuf* (новый, только что сделанный и еще не был в употреблении). Таким образом, подобно предыдущим темам, проблема экологии во французском лингвокультурном пространстве существует не в одиночку, но связана с проблемой чрезмерного потребления, свойственной французскому обществу, которое сегодня стремится бережно относиться к окружающему миру.

6. *Социальное поведение и равенство.* Тема равноправия женщин, как мы уже отмечали, достаточно широко представлена во французской социальной рекламе. Например, в рекламном слогане: «Droits de l'homme humains pour tou·tes·s» (Человеческие права человека для всех) присутствуют два интересных момента: вместо зачеркнутого существительного *homme*, которое имеет значение *человек* и *мужчина* вводится прилагательное *humain* (человеческий), не имеющее гендерной соотнесенности. Кроме того, используется инклюзивное письмо (форма женского рода множественного числа прилагательного *toutes*), подчеркивающее «включенность» женщин в правовое поле.

В российской социальной рекламе, по признанию специалистов [14], проблема равноправия мужчин и женщин не затрагивается настолько часто. Однако мы заметили, что как во французской, так и российской социальной рекламе поднимаются темы домашнего насилия. В отношении этой тематики рекламные слоганы обеих культур солидарны, призывая женщину не молчать, причем в обеих культурах используются существующие веками стереотипы. Например, французская социальная реклама использует в качестве слогана отрывок из клятвы новобрачных при венчании «Jusqu' à ce que la mort nous sépare» (Пока смерть не разлучит нас) на фоне фотографии невесты с синяками на лице. Российская серия плакатов «Мысли по-новому», посвященная этой тематике, содержит измененные поговорки «Стерпится – разлюбится», «Милые бранятся – уже не только тешатся».

Интересными примерами рекламных слоганов представлена тематика корректного поведения в городском транспорте. Управление парижского транспорта (RATP) создало серию плакатов, которые в юмористической форме обращают внимание на проявления некорректного поведения в транспорте: невежливое обращение к водителю «Jean-Luc a un prénom. Ce n'est donc pas la peine de la traiter de tous les noms» (У Жан-Люка есть имя. Поэтому не следует называть его всеми именами), громкие разговоры по телефону в общественном транспорте «19.03. La France apprend que Séverine a prévu des lasagnes pour ce soir. C'est le choc»

(19.03. Франция узнает, что у Северины сегодня на ужин лазанья. Это шок). Среди примеров российской социальной рекламы, можно отметить московскую серию «В моих правилах» со знаменитостями: «В моих правилах снимать рюкзак в транспорте. Денис Косяков, актер», «В моих правилах быть вежливой в транспорте. Виктория Лопырева», «В моих правилах уступать места в транспорте. Александр Петров, актер».

Представленные тематики являются преобладающими и обуславливаются социальной значимостью представленных в них задач. Однако, в отличие от западной модели, где основными драйверами выступают НКО и коммерческие бренды, в России около 67 % социальной рекламы инициируется и финансируется государственными структурами [15]. Это создает определенный тон и направленность, выражающиеся в преобладании государственных инициатив и делая актуальными темы социальной стабильности, традиционных ценностей и патриотизма: «Единственная. Я люблю свою страну», «1941–1945: живем и помним», «Путешествуй по России. Смотри! Гордись! Запоминай!».

Французская социальная реклама, в свою очередь, демонстрирует близость с коммерческой рекламой: многие бренды привлекают потребителей не только качеством и разнообразием товара, но и «приобщением» потребителя к полезной инициативе или поддержанию ценностей общества. Например, практически каждая французская компания берет социальные обязательства (*engagement social*). Существует также понятие *Responsabilité Sociétale des Entreprises* (RSE) (социальная ответственность компаний). Например, французский бренд красоты Chanel обращает внимание на вопросы экологии (*développement durable, circularité* – циркулярность, позволяющая сократить углеродный след), сохранение человеческого достоинства (*dignité*), а также защиту прав женщин. Интересной особенностью этих кампаний является прецедентность, цитирование текстов, широко известных носителям французской культуры. Так, на странице, посвященной своей социальной миссии, компания Chanel приводит цитату Габриэль Шанель: «Je veux être de ce qui va arriver» (Я хочу быть причастной к тому, что произойдет) [16], вплетая философию создательницы бренда в современный контекст социальных обязательств.

Другие бренды также активно используют идеи социальных обязательств, приглашая своих клиентов участвовать в полезном деле, или предлагая решение актуальных проблем. Например, всемирно известная фирма L'Oréal выступает против сексуальных домогательств и отстаивает право женщин быть привлекательными. Бренд запустил кампанию под названием «Elles l'ont bien mérité» (Они этого заслужили), говоря о том, что женщины, якобы, «заслужили» домогательств, поскольку выглядят привлекательно. В этой фразе легко узнается другой слоган L'Oréal: «Parce que je le vauх bien» (Я этого достойна), в котором, однако, вместо восхищенного высказывания (*je vauх* – я достойна) используется своего рода обвинение (глагол *mériter* может использоваться как в положительном, так и в отрицательном контексте: «заслужить» можно как похвалу, так и наказание).

В целом в российской социальной рекламе стоит отметить также явно выраженную апелляцию к коллективным ценностям. В ней значительно чаще используются концепты «мы», «вместе», «единство»: «Мы вместе», «Вместе – мы сила», «В единстве – сила», «Народов много – страна одна», «Пока мы едины – мы непобедимы», «Все у нас получится!», тогда как французские аналоги делают упор на права, личную ответственность и индивидуальный

выбор: «Ma jupe n'est pas une invitation» (Моя юбка не является приглашением), «Le progrès c'est moi» (Прогресс – это я), «Je suis étudiante en souffrance, j'appelle ... ou je télécharge l'application ...» (Я студентка в депрессии, я звоню... или я скачиваю приложение...).

Заключение. Сравнительный анализ терминологии, тематики и языковых особенностей российской и французской социальной рекламы продемонстрировал, что эти компоненты действительно являются маркерами лингвокультурного пространства, Тексты социальной рекламы характеризуются тесной связью языковых средств и культурных кодов, передающих ценности, специфичные для конкретного общества, а также особые способы их донесения до целевой аудитории.

Анализ тематики текстов социальной рекламы во Франции и в России выявил как общие черты, так и существенные различия, обусловленные социокультурными контекстами. Во Франции акцент делается на индивидуальной ответственности, правах человека, равноправии и экологической сознательности часто с использованием юмора и культурных кодов. Французскому дискурсу социальной рекламы свойственен ярко выраженный гендерный аспект, он апеллирует к цифрам и деталям, внимателен к индивидуальным особенностям, разнообразию, характеризуется стремлением к изысканности, куртуазности.

Российская социальная реклама, напротив, больше ориентирована на коллективные ценности, патриотизм и государственные инициативы, подчеркивая важность семьи, традиций и социальной стабильности. Ряд тематик (безопасность на дороге, борьба с зависимостями) актуален для обеих стран, но подходы к решению проблем и само видение проблемы различаются.

Французская социальная реклама часто связана с коммерческими брендами, которые поддерживают социальные инициативы, в то время как в России доминирует государственное финансирование.

Все эти различия отражают разные приоритеты и ценности, существующие в двух обществах, и подчеркивают важность учета культурного контекста при создании эффективной социальной рекламы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шарапов Р. О., Астахин А. С., Воронов А. А. Социальная реклама как инструмент социально ответственного маркетинга // Экономика устойчивого развития, 2024. № 1 (57). С. 297–303.
2. Нефедова Л. А., Сотникова Е. С. Лингвокультурные особенности русскоязычного дискурса социальной рекламы о безопасности дорожного движения // Вестн. НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 2020. № 2 (50). С. 40–55. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-40-55
3. Епремян Т. В. Дискурс социальной рекламы: социокультурное исследование // Экономика. Социология. Право. 2021. № 2 (22). С. 67–83.
4. Маркин И. М. Институт социальной рекламы в оценках россиян // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 107. С. 197–201.
5. Grand dictionnaire terminologique // Office québécois de la langue française. URL: <https://vitrinelinguistique.oqlf.gouv.qc.ca/fiche-gdt/fiche/8406431/publicite-sociale> (дата обращения: 10.08.2025).
6. Gallo E. Les discours de la publicité sociétale: analyse de campagnes italiennes et françaises: Thèse de doctorat (Philology) / Sorbonne université, Paris, 2023.

7. Larousse: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne // Larousse livres. URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 10.08.2025).

8. Bathelot B. Publicité sociale // Définitions marketing. L'encyclopédie illustrée du marketing, 16.05.2017. URL: <https://www.definitions-marketing.com/definition/publicite-sociale/> (дата обращения: 10.08.2025).

9. Рыженкова Ю. Нацпроекты. Профсоюзный словарь // Солидарность 03.09.2024. URL: <https://www.solidarnost.org/special/profdict/natsproekty.html> (дата обращения: 10.08.2025).

10. Dico en ligne le Robert // Le Robert. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (дата обращения: 10.08.2025).

11. Awareness // Cambridge Dictionary: English – Russian Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/awareness?q=awareness+> (дата обращения 10.08.2025).

12. Fourquet J. Les Français et la famille // Ifop. 19.03.2025. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-francais-et-la-famille-3/> (дата обращения: 23.08.2025).

13. Сазонова Е. С., Волкова О. А. Социальная реклама как инструмент продвижения традиционных семейных ценностей в России // Logos et Praxis. 2014. № 5. С. 43–59.

14. Ильина В. В. Особенности современной российской социальной рекламы // Коммуникология: электрон. науч. журн. 2019. Т. 4, № 2. С. 46–64.

15. Социальная реклама в России: особенности, влияние и эффективность // Skypro. URL: <https://sky.pro/wiki/marketing/sotsialnaya-reklama-cto-eto-prostymi-slovami-ob-effektivnosti/> (дата обращения: 26.08.2025).

16. Développement durable // Chanel. URL: <https://www.chanel.com/fr/developpement-durable/> (дата обращения: 26.08.2025).

Информация об авторах.

Верезубова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук (2004), доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, лит. А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: романские языки, история и грамматика французского языка, межкультурная коммуникация.

Фрейдсон Ольга Александровна – кандидат филологических наук (2004), доцент (2024), доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, лит. А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: романские языки, лексикология, межкультурная коммуникация.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 02.09.2025; принята после рецензирования 08.12.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. Sharapov, R.O., Astahin, A.S. and Voronov, A.A. (2024), "Social advertising as a tool of socially responsible marketing", *Economics of sustainable development*, no. 1 (57), pp. 297–303.

2. Nefedova, L.A. and Sotnikova, E.S. (2020), "Linguistic and Cultural Features of the Russian Public Service Advertising Discourse on Road Safety", *Nizhny Novgorod Linguistics Univ. Bulletin*, no. 2 (50), pp. 40–52. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-40-55

3. Epremyan, T.V. (2021), "Social advertising discourse: a sociocultural study", *Economy. Sociology. Law*, no. 2 (22), pp. 67–83.

4. Markin, I.M. (2009), "Social Advertising Institution as Evaluated by the Russians", *Izvestia: Herzen University J. of Humanities & Sciences*, no. 107, pp. 197–201.

5. "Large terminological dictionary", *Quebec Office of the French language*, available at: <https://vitrinelinguistique.oqlf.gouv.qc.ca/fiche-gdt/fiche/8406431/publicite-sociale> (accessed 10.08.2025).
6. Gallo, E. (2023), "The discourses of societal advertising: analysis of Italian and French campaigns", Dr. Sci. (Philology) Thesis, Sorbonne Univ., Paris, FRA.
7. "Larousse: free online encyclopedia and dictionaries", *Larousse livres*, available at: <https://www.larousse.fr/> (accessed 10.08.2025).
8. Bathelot, B. (2017), "Social advertising", *Définitions marketing. L'encyclopédie illustrée du marketing*, 16.05.2017, available at: <https://www.definitions-marketing.com/definition/publicite-sociale/> (accessed 10.08.2025).
9. Ryzhenkova, Yu. (2024), "National projects. Trade Union Dictionary", *Solidarnost' [Solidarity]*, 03.09.2024, available at: <https://www.solidarnost.org/special/profdict/natsproekty.html> (accessed 10.08.2025).
10. "Le Robert Online Dictionary", *Le Robert*, available at: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (accessed 10.08.2025).
11. "Awareness", *Cambridge Dictionary: English – Russian Dictionary*, available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/awareness?q=awareness+> (accessed 10.08.2025).
12. Fouquet, J. (2025), "The French and the family", *Ifop*, 19.03.2025, available at: <https://www.ifop.com/publication/les-francais-et-la-famille-3/> (accessed 23.08.2025).
13. Sazonova, E.S., Volkova, O.A. (2014), "Public service advertising as a tool of promoting traditional family values in Russia", *Logos et Praxis*, no. 5, pp. 43–59.
14. Il'ina, V.V. (2019), "Features of modern Russian social advertising", *Communicology: an electronic Scientific J.*, no. 2, pp. 46–64.
15. "Social Advertising in Russia: Features, Influence, and Effectiveness", *Skypro*, available at: <https://sky.pro/wiki/marketing/sotsialnaya-reklama-chto-eto-prostymi-slovami-ob-effektivnosti/> (accessed 26.08.2025).
16. "Sustainable development", *Chanel*, available at: <https://www.chanel.com/fr/developpement-durable/> (accessed 26.08.2025).

Information about the authors.

Ekaterina E. Verezubova – Can. Sci. (Philology, 2004), Associate Professor at the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32, let. A, Griboyedov Canal emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: Romance languages, history and grammar of the French language, intercultural communication.

Olga A. Freidson – Can. Sci. (Philology, 2004), Docent (2024), Associate Professor at the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32, let. A, Griboyedov Canal emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: Romance languages, lexicology, intercultural communication.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 02.09.2025; adopted after review 08.12.2025; published online 20.04.2026.*

Original paper

УДК 811.1; 83'374.4; 81'33; 902

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-149-162>

Structuring the Near Eastern Dialect Continuum in the Neolithic

Georgiy M. Telezhko

Independent researcher, yurate@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5910-3758>

Introduction. The question of the territories and temporal reference of the origin of ethnic groups that are part of the Indo-European (IE) community remains open up to nowadays. This is due to the difficulties in localizing the area of the Proto-Indo-European (PIE) language, from which the origin of the IE languages is assumed. The article proposes the derivation of IE languages from the archaic dialect continuum, bypassing the stage of the simultaneous existence of a hypothetical PIE language. The relevance of the article lies in the reduction of uncertainty in the ideas about the ethnogenesis of the IE peoples.

Methodology and sources. The time of the beginning of the emergence of ethnic groups from the ancient dialect continuum is determined by paleogenetic data. To determine the areas of emergence of ancient ethnic groups, data on the original names of copper ore/copper, livestock and cultivated plants, etc., were used in conjunction with data on copper deposits, areas of cattle domestication, plant cultivation, etc., the ancient areas of the carriers of which are considered to be quite well known.

Results and discussion. The emergence of IE ethnic groups began in the 9th-7th millennia BC in the Fertile Crescent zone and was associated with the transition of mobile hunters-gatherers to the sedentary lifestyle of farmers. The ancestors of the Slavs, Balts, Latins and Germans emerged earlier from the Middle Eastern dialect continuum in the vicinity of the Semitic, Hurrian-Urartian and Kartvelian tribes and ancestors of the Turks.

Conclusion. The complex application of linguistic, archaeological, and paleogenetic data makes it possible to clarify the history of the emergence of a number of IE ethnic groups without using the hypothesis of a common PIE ancestral homeland. The separation of particular histories of ethnogenesis in space and time makes it possible to exclude some inconsistencies such as "Wanderwörter".

Keywords: Indo-European dialects, Neolithic revolution, migrations, Balts, Slavs, Latins, Germans

For citation: Telezhko, G.M. (2026), "Structuring the Near Eastern Dialect Continuum in the Neolithic", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 149–162. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-149-162

Оригинальная статья

Структурирование ближневосточного диалектного континуума в неолите

Георгий Михайлович Тележко

Независимый исследователь, yurate@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5910-3758>

Введение. Вопрос о территориях и временной привязке происхождения этнических групп, входящих в индоевропейскую (ИЕ) общность, до настоящего времени остается открытым. Это связано с трудностями в локализации ареала праиндоевропейского

© Telezhko G. M., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

(ПИЕ) языка, который полагается источником ИЕ языков. В статье предлагается выведение ИЕ языков из архаичного диалектного континуума, минуя стадию единовременного существования гипотетического ПИЕ языка. Актуальность статьи состоит в уменьшении неопределенности в представлениях об этногенезе ИЕ народов.

Методология и источники. Время начала обособления этнических групп из древнего диалектного континуума определено по палеогенетическим данным. Для определения ареалов обособления древних этнических групп использованы данные об исконных названиях медной руды/меди, домашнего скота и культурных растений и прочего в комплексе с данными о месторождениях меди, районах одомашнения скота, культивации растений и т. п. Для проверки географической привязки ареалов носителей ряда ИЕ диалектов использовались перекрестные заимствования из/в соседние и/или субстратные не-ИЕ языки, древние ареалы носителей которых считаются достаточно хорошо известными.

Результаты и обсуждение. Обособление ИЕ этнических групп началось в IX–VII тысячелетии до н. э. в зоне Плодородного Полумесяца и было связано с переходом подвижных охотников-собирателей на оседлый образ жизни земледельцев. Ранее других из ближневосточного диалектного континуума выделились предки славян, балтов, латинов и германцев в соседстве с семитскими, хуррито-урартскими и картвельскими племенами и предками тюрков.

Заключение. Комплексное применение лингвистических, археологических и палеогенетических данных позволяет уточнить историю обособления ряда ИЕ этнических групп без привлечения гипотезы об общей ПИЕ прародине. Разнесение частных историй этногенеза в пространстве и времени дает возможность исключить несообразности типа «блуждающих терминов».

Ключевые слова: индоевропейские диалекты, неолитическая революция, миграции, балты, славяне, латины, германцы

Для цитирования: Тележка Г. М. Структурирование ближневосточного диалектного континуума в неолите // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 149–162. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-149-162

Introduction. In the author's previous papers on Indo-European (IE) ethnogenesis, the possibility of using correlations of lexicons of ancient states of a number of languages (mainly basic, industrial and economic vocabulary) for geographical referencing of habitats of the corresponding dialectal subcontinents [1] in combination with archaeological and DNA genealogy data was investigated.

In the papers, it was assumed that for historical applications it is not so much the degree of kinship of languages that is important, but the phonetic convergence of the basic and basic industrial and economic vocabulary, which make this vocabulary understandable on both sides of the contact. For example, the mutual intelligibility of Nenets *vark* 'bear', Ancient Greek *ἄρκτος* 'bear' and the Hittite *hartagga* 'predator, bear' are more informative in the study of the conditions of ethnogenesis than the kinship of Latin *bōs* 'bull, cow' and Tajic *gov* 'bull, cow' (IE prototype **gʷow-* [2, Latin "bos"]) or kinship of Lith. *šūð* 'dog' and Ancient Greek *κύων* 'dog' (IE prototype **kʷen-* [2, Meaning "dog"]). Phonetic convergences make it possible to detect adstrate mutual influence, and their number allows us to assess its degree in pairs of different languages, even if the languages are not related to each other: for example, the word *chifanit* 'to eat' in the vocabulary of the Sakhalin people clearly indicates the presence of their contacts with the Chinese.

Pairwise phonetic correlations of the basic lexicons of the IE languages made it possible to identify ethnical groups with the longest/most intensive neighborhood, forming dialectal subcontinents that smoothly change from one to another. The lexical indicators of the

neighborhood of the ancestors of the Slavs and the dialect core, which includes the dialects of the ancestors of the Balts, Indo-Aryans, and Italians, turned out to be the largest [1, p. 130].

Lexical correlations only make it possible to relatively bind ethnic groups to each other. In what territories and at what time the processes of ethnogenesis of separate peoples – speakers of IE languages – began to take place – this question remains open. Its solution is made dependent on the definition of the area of speakers of a hypothetical Proto-Indo-European (PIE) language, the collapse of which led to the emergence of many languages of the IE family.

However, at present, there are several alternative theories of the PIE ancestral homeland, none of which, in the presence of *pro* arguments, can reasonably reject *contra* arguments. For example, supporters of the Anatolian theory admit that it is impossible to find any archaeological culture of the Near East of the 5th-4th millennia BC that could be confidently attributed to the ancient IE unity [3, p. 891]. In addition, none of the theories can explain the phenomenon of a significant predominance of the Slavic language group in terms of population and territory in comparison with other IE language groups [4], especially with the Baltic.

The article proposes to abandon the axiomatic introduction of a single PIE language to explain the set of observed similarities in the languages of the IE family and to find separate "ancestral homelands" of the Baltic, Slavic, Latin and Germanic dialect groups. An analysis of the native vocabulary of these groups, which provides information about the periods and regions where this vocabulary may have first appeared, also allows us to identify areas where there was intense and/or prolonged contact between the ancestors of speakers of the languages of these groups.

Methodology and sources. The time of the beginning of the emergence of ethnic groups from the ancient dialect continuum is determined by paleogenetic data.

The first ancient DNA data from the Pre-Pottery Neolithic of Mesopotamia, Cyprus, and the Northwestern Zagros has shown that these and neighboring populations were formed through admixture of pre-Neolithic sources related to Anatolian, Caucasus, and Levantine hunter-gatherers, forming a Neolithic continuum of ancestry [5, pp. 982, 985]. This result puts *terminus post quem* for ethnic differentiation, that is, the search for ethnic ancestors is limited in time to the era of the Pre-Pottery Neolithic (~IX–VII millennia BC).

The DNA data has also revealed that Anatolian Epipaleolithic people experienced Mesopotamian-related and additional Levantine-related gene flow, thus documenting at least two pulses of migration from the Fertile Crescent heartland to the early farmers of Anatolia [idem]. This result limits the search for the homelands of the studied IE ethnic groups to the Fertile Crescent region. It is important to mention that these two migration pulses precede in time and coincide in direction with two waves of migrations of Neolithic farmers from Anatolia to Southern Europe [6, Ch. 5, 6; 7] with particular traces of inheritance between Çatal Hüyük (Neolithic Anatolia) and Vinča (Eneolithic Balkans) cultures discovered by archeologists [6, pp. 63, 64, et al.]. In [7], the Proto-Baltic attribution of the cultures of the first wave and the Proto-Slavic attribution of the cultures of the second wave are suggested.

The methodology for ethnogenetic research is based on the following ideas. If a term is common to a certain group of languages and native, that is, it has clear semantics in these languages, then it should have had appeared in the common ancestor of these languages when the phenomenon it denotes became significant for the speakers of this ancestral language. For

example, the Common Slavic name of copper, which has the semantics of 'smth crumpling' and has no relatives in other languages, suggests that the Common Slavic language as a group of closely related dialects already existed at the time and in the area of copper deposits of the Balkan-Carpathian metallurgical province, the oldest in Europe, at least not later than its collapse in the 4th millennium BC [7]. But Common Slavic could have begun to form even earlier, during the discovery of copper nuggets on the territory of Anatolia (Çatal Hüyük) and present-day Palestine: copper nuggets differ from ordinary stones in that they crumple when struck, never breaking into pieces, hence the meaning of 'crumpling'.

In the course of ethnogenetic research, the original names of the most ancient cultivated plants (figs, cherries, wheat, etc.) and domestic animals (goat, sheep, donkey, etc.) were also used, if the time and areas of the original use of these are known from archaeological research. Finally, as in previous papers, in order to clarify the areas of emerging of specific IE ethnic groups, a search was carried out for the source language of local toponyms and a search for cross-borrowings in IE languages and non-IE languages of presumably neighboring tribes.

Assumptions made:

– it is implied that in the absence of long-term and/or intensive contacts with foreigners, their material culture and language can be preserved not only during a long stay in one place, but also in the course of their settlement, which allows lexical material documented much later to be extrapolated to the distant past;

– it is assumed that the names of animals and plants that had fairly compact areals in the past, in combination with archaeological data on the beginning of the cultural use of those of them that were domesticated, carry information about the settlement of ethnic groups that invented these zoonyms and phytonyms according to the rules of their languages; the same applies to the names of metals, the history of mining of which is known;

– in the article, as a rule, when searching for prototypes of the names used, well-known etymological hypotheses are used; if such hypotheses were in doubt, then reasoned alternatives are proposed; in cases where the etymology is considered unclear, original solutions are proposed.

The dating of archaeological cultures is taken from scientific publications, but since the methods of their determination do not always coincide, and sometimes are not being mentioned at all, the dates given here serve only the purpose of approximate relative chronological binding of cultures to each other.

Results and discussion.

Tribal groups that were the first to separate from the Neolithic dialectal continuum.

Transition of mobile hunters-gatherers to the sedentary lifestyle of farmers in the so called Fertile Crescent (in the Near East) had caused relative isolation of groups of population from one another, causing, in turn, divergence of the dialectal continuum, divergence of agricultural and cattle breeding terminology in that number. The basic terms of agriculture with the meanings 'to sow', 'seed' (the innovated meaning that differs from common and more archaic 'grain') and 'sieve', akin to one another, are found in Slavic, Baltic, Germanic and Italic languages (see Tables 1, 2).

This fact permits to think that ancestors of speakers of these language groups belonged to one and the same dialect continuum in Neolithic times and were the first to separate from it in that very area of the Fertile Crescent. As to the rest IE languages (Arian, Anatolian, Tokharic, Greek, etc.), their

lexicons do not contain cognates of *sow*, *sieve* and *seed* with the same meanings, which shows that their ancestors had not belonged to the same Near East dialect continuum as ancestors of Slavic, Baltic, Germanic and Italic languages in the Neolithic times. Proto-Celtic dialect did contain cognates of the mentioned words and borrowed some relevant terms from Proto-Italics but it showed next to no signs of its prolonged presence in the Near East, hence here it will be only mentioned occasionally.

Table 1. Comparison of Slavic words meaning 'sow', 'sieve', 'seed', and 'net'

language\meaning	sow	sieve	seed	net
Old Slavic/Old Russian	сѣти/сѣяти	/cuto	сѣмя	сѣть
Old Czech/Czech	sieti	/sito	/simě	siet
Slovak	siat'	sito	semeno	siet'
Polish	siac'	sito	siemię	siec'

Table 2. Comparison of Baltic, Latin and German words meaning 'sow', 'sieve', 'seed', and 'net'

language\meaning	sow	sieve	seed	net
Lith.	sėti	sietas	sėmens	tinklas
Lett.	sēt	siēts	sēkla	tīkls
Lat.	serō, satum	cribrum	sēmen	rete
Goth./Proto-Germ.	saian	/*sibi	/*sēmō	/*natjɑ
OHG/Proto-Germ.	sāen	/*sibi	sāmō	/*natjɑ

The first cereal to be cultivated was wheat, and its cultivation had been accomplished in different parts of this very region. That is why the earliest native names for wheat are different: Old Slav. *пшеница* (from past passive participle **рѣшенъ* 'crushed' of the Proto-Slavic verb meaning 'to push' / 'to crush') and Lat. *triticum* (from Lat. verb meaning 'to rub') reflect the usage of Neolithic hard (durum) wheat; Lith. *kvietyš* and related German *Weizen* reflect the cereal's color.

The domestication of goats had taken place also in different parts of the Fertile Crescent, starting independently in both the Southern Zagros/Central Iranian Plateau (8th millennium BC), and in Eastern Anatolia (9th millennium BC) [8].

Synchronous acts of domestication of the goat in different separate regions explain the "multiplicity of goat names in Indo-European" [9, p. 12], mainly cognates of:

- Rus. *коза* [koza];
- Lith. *ožka*;
- Lat. *capra* > Old Irish *gabor*, Welsh *gafr*;
- OHG *geiz*.

Sanskrit. *bukkaḥ* 'goat' (and its numerous IE cognates meaning 'buck', 'lamb', 'ram') with a dubious etymology from PIE **bʰuǵ-* looks like a loan from Proto-Slavic **byuckъ* 'bull' from an onomatopoeic **bukati* 'to moo'. These names for small cattle were characteristic of tribes inhabiting the Northern Black Sea Region in Neolithic times, not the Fertile Crescent. Other names are characterized by sporadic distribution [9, p. 85], so they are not valuable for this study as well.

Contrary to IE goat names, related IE sheep names and related donkey names result from domestication of the sheep and donkey in one region first and the consequent chain of loans from one dialect to another.

The sheep was first domesticated in Northern Mesopotamia before the 6th millennium BC (the settlement of Yarimtepe I of the Hassun culture) [10, p. 147]. IE sheep names are:

- Lith. *avis*, Lett. *avs*;

- Lat. *ovis*;
- Old Slavic *овьца*;
- Hittite *ḫāwis*; Luwian *ḫāwīs*;
- Sanskrit *ávi-*;
- Tocharian B: *awi* (pl.);
- Ancient Greek *ῥίς*;
- Old Irish *oí*;
- Old English *eowu*.

The donkey was first domesticated in North-Eastern Africa in 5th millennium BC. This was the time when Levantine farmers of Late Tahuni culture maintained regular contacts with population of nowadays Egypt and Palestina [11]. Related donkey names are:

- Lith. *āsilas*, Old Pruss. *asilis*;
- Goth. *asilus*;
- Lat. *asinus* 'donkey' > Welsh *asyn*, *asellus* 'small donkey' > Middle Irish *asal*;
- Ancient Greek *ῥίος* < **osonos*;
- Shum. *anše*.

Original location of Proto-Slavs.

Kinship of the words meaning 'sieve' and 'net' is observed in the Slavic group only (Tables 1, 2), which fact leads to a suggestion that Proto-Slavs adapted the idea of sieves for fishing being to some extent isolated from other dialectal groups. This is also relevant to the complex of Slavic agricultural terminology taken as a whole [12, p. 114].

The first of the enlisted IE goat names, **koza*, is a common Slavic term. The question remains if it has clear semantics in Slavic languages, and if so, Proto-Slavic people could have participated in domestication of goat giving them a suitable (i. e. comprehensible) name. Otherwise, Slavic peoples would have adopted the name for goat from a foreign source, as it was in case of *bison*, e. g.

Original Slavic etymology of **koza*, with the meaning 'covered (with hair)' [13], and the absence of its cognates in IE languages argue that **koza* had served prototype for regional Proto-Baltic and Proto-Turkic names for goat:

- P.-Slavic **koza* > Turkic (Bashkir) *kāzā*;
- P.-Baltic **ožka* (with metathesis with respect to P.-Slavic, according to Brückner) > Turkic *öčkä* [9, p. 87].

Now we may suggest that Proto-Slavs had something to do with original domestication of goat in the vicinity of the Fertile Crescent (that is, either in Eastern Anatolia or in Zagros foothills) being in contact with some of the ancestors of Balts and Turks, whose location did not permit them to be the first in the sense of goat domestication. Since one of the Neolithic migration flows to Europe had started from Levant (and none from Zagros), we can with a noticeable degree of reliability suggest Levant and Eastern Anatolia as regions where Proto-Slavs had originally emerged being in relative isolation from Transcaucasian and Zagros tribes.

This conclusion is supported with numerous etymological arguments:

- original Slavic etymologies of re-loaned names of wild animals of North Africa and Near East (Rus. *жираф* [zhiraf] 'giraffe', *зебра* [zebra] 'zebra', *страус* [straus] 'ostrich', et al.) and native ones (*слон* [slon] 'elephant', *верблюду* [verbl'ud] 'camel', *обезьяна* [obez'jana] 'ape', *попугай* [popugai] 'parrot' [14], donkey et al.);

– original Slavic etymologies of re-loaned names of wild plants of Eastern Mediterranean (Rus. *купарис* [kɪparɪs] 'cypress tree', *циперус* [tsɪperus] 'cyperus', *кедр* [kedr] 'cedar tree'...) and native names of plants growing and/or first cultivated in Near East (*смоква* [smokva] 'fig', *черешня* [chereshn'a] 'sweet cherry', *пшеница* [pshenitsa] 'wheat', *ячмень* [jachmen'] 'barley', *горох* [goroh] 'peas', *просо* [proso] 'millet', *мята* [m'ata] 'mint', et al.) [15; 16];

– taking into account correspondences [ɲ] ~ [ɣɲ], [ɣɲ] ~ [(h)ɲ] independent of the directions of the phonetic evolution (Old Slavic *гнѣздо* [gnɛzdo] 'nest' ~ Old Indian *nīdās*, Lat. *nīdus*, OHG *nest*; Serb.-Croat. *гњида* [gnɪda] 'nit', Lett. *gnīda*, Old Icel. *gnit* ~ OHG *niz*, Old Eng. *hnitu*, OCS *гнѣтити* [gnɛtiti] 'to ignite' ~ Sloven. *nétiti*, Czech *nítiti*) one should agree with the probability of *гниль* [gnɪľ] 'putrid, rotten' > *Νεῖλος*, remembering that Nile was of extreme use for its *sapropel* < Ancient Greek *σαπρός* 'putrid, rotten' + *πηλός* 'mud, clay';

– Proto-Slavic loans in Semitic and Sumerian (Hebr. *galgal*, *gamal*, Assyr. *laḥannu*, Arab. *laqan*, *tassah*, Sum. *urud*, et al.) [1, p. 141; 7];

– Near East toponyms and ethnonyms, likely going back to Proto-Slav. **мѣдь* [mjɛdɨ] < **męti* 'to crumple', e. g., Biblical *Μαδιανίτης* 'Midianites', a polyethnic group in Sinai Peninsula, and *Μηδία* 'Media' – in both regions there were copper deposits.

The etymology of Slavic name for 'donkey' needs commenting.

The use of donkeys began in the Near East; they were used for riding and pulling carts. In the 3^d millennium BC, the capital of ancient Elam (in the south-west of present-day Iran) was the city of Anshan – literally, "Donkey" (from Shum. *anše* 'donkey').

The origin of Lith. *āsilas*, Old Prussian *asilis*, Goth. *asilus* allegedly from Latin *asinus* 'donkey', *asellus* 'small donkey', Ancient Greek. *ὄνος* 'donkey' < **osonos* is explained by borrowing from a yet unknown substrate language of Asia Minor [17, article "осел"].

The best candidate for this substrate language seems to be the Anatolian ancestor of the Slavic languages, due to the earlier transition of the Proto-Slavs to a sedentary way of life. In the Slavic languages, the semantics of the name of the animal corresponds to historical reality and is morphologically transparent: 'saddled' (from Proto-Slav. **sedьlo* 'saddle' ultimately from Proto-Slav. **sędŏ* 'I shall sit' in descendants of which the transition [ɛ] > [Vn] and assimilation [dl] > [ll] ([l]) had occurred). The latter assimilation can be seen comparing the Proto-Slavic **selo* 'arable land, settlement' and **sedlo* 'settlement', contrasted by Vasmer [idem, article "село"], a similar "opposition" being seen in Rus. *мыло*, Sloven. *mílo* – Czech *mýdlo*, Polish, Upper Sorbian *módlŏ* [idem, article "мыло"], the same with Rus. *вила*, *шило*, etc. – and Western Slavic analogues.

South-Eastern Anatolia and Levant of 9th–7th millennia had been the areal of Pre-Pottery Neolithic Tahuni culture [18, p. 41–42]. In the languages of the IE ethnic groups, except for Proto-Slavic, there are no signs of their presence in this region at the same time.

Original location of Proto-Balts.

Proto-Slavic loan of **ožka* into Proto-Baltic means that Proto-Balts emerged as speakers of a separate dialect relatively far from Anatolia and Levant but not as far as Zagros, another region of goat domestication, where Proto-Balts would have named goat using their own word. This conclusion is supported by:

– original Baltic etymology of the oronym Caucasus related with Lith. *kaukarà* 'hill';

– original Baltic (Lithuanian) etymologies of the names for 'elephant' and 'camel' known in the territory of nowadays Syria with loans for African endemics' names, 'giraffe' and 'zebra';

– unique kinship of Baltic terms for 'apple' (apple-trees were first cultivated in the Caucasus) and 'round'; for 'sheep' and 'shod' [13] or IE 'dressed' [9, pp. 70–71], but with loans for 'fig' (from Semitic) first cultivated in Arabia and Anatolia, and 'sweet cherry' (from Slavic) first cultivated in Anatolia;

– archaic contacts with Proto-Slavs (related terms for 'berry' and 'star' with no IE cognates [4], unique Balto-Slavic kinship of the terms for 'wine' and 'grapes');

– Hurrian loans in Baltic; related terms in Baltic, Hurrian-Urartian [7], Kartvelian [19, pp. 150–152] and Semitic (e. g., Common Baltic term for 'eagle' > unique Akkad. *erum* 'eagle').

On the basis of a comparative analysis of the names of representatives of the fauna and flora of the Caucasus and Siberia in the Turkic languages, the ancestral homeland of the Turks is also convincingly tied to Transcaucasia and, approximately, to the interval of the 6th–4th millennia BC (according to G. Gumbatov, private correspondence).

The ancient Transcaucasian neighborhood of the Proto-Turks and the Proto-Balts explains the following etymological connections of the level of basic vocabulary:

– Lith., Old Prussian *dangus* 'sky' – and Old Turkic **teŋri/*taŋri* (also Old Mong. *t'ngri* – 'sky', Sum. *diŋir* [tiŋir] 'sky', Chinese 天[tian] 'sky');

– Lith. *mėdis* 'tree', East. Lith. dial. *mėdžias*, Zhem. *mėdė* 'forest', Lett. *mežs* 'forest', Old Prussian *median* 'tree' – and Mong. *mod* [mod] 'tree', *модон* [modon] 'wooden';

– Lith. *miškas*, Lett. *mežs* 'forest' – and Ottoman Turkish *meşä* Azer. *meşə* 'forest' (Slavic *межа* 'boundary' and IE lexemes meaning 'medium' are secondary);

– Lith. *gėlė* 'flower' (with unknown origin) – and Ottoman Turkish *gül*, Azer. *gül* 'flower';

– already mentioned Baltic loan of 'goat' into Turkic.

Archaic contacts with Hurrians, Urartians, Proto-Slavs, Proto-Turks and Akkadians alongside with invention of wine [20], domestication of sheep before 6th millennium BC [10] and cultivation of apple-trees (and never – sweet cherries and figs) were possible at the time and on the territory of Transcaucasian Shulaveri-Shomu culture, just between Zagros mountains and Anatolia.

Original location of Proto-Italics and Proto-Germans.

The streams of migration via the Caucasus northward and back from Yamnaya culture (across the Caucasus into Armenia), where they left numerous patrilineal descendants, have been detected genetically [21, Abstract]. Participating of Proto-Italics, Proto-Celts and Proto-Germans in these migrations could explain the following linguistic phenomena:

– probable North Caucasian origin of IE numerals meaning 'five' [22, p. 119], most noticeable in Lat. *quinque* and Arm. *hinq* with phonetics greatly different from that of the Baltic and Slavic numerals meaning 'five': Lat. *quinque* and Arm. *hinq* 'five' are phonetically closer to North Caucasian lexemes meaning 'fist' = 'five fingers', than to IE words for 'fist';

– northern origin of Latin, Greek, Hittite, Arian, Celtic, Albanic and Germanic names for 'bear', related to the Nenets name [1, p. 132], unrelated with Slavic and Baltic names;

– Indo-Arian connections (Sansk. *dyáuṣ-pitṛ* 'Heavenly Father' and *apām napāt* 'Child of the Waters') of names of Latin gods *Iūpiter* (Proto-Germanic **Tīwaz*) and *Neptunus* (Celtic *Nechtan*), the names being absent in Slavic and Baltic mythology;

– traces of "Caucasian" vigesimal counting system in Celtic and Albanic.

In Central Iranian Plateau, the use of copper dates back to the Pre-Pottery Neolithic (9th–7th millennia BC), and in the 4th millennium copper mining began in the upper reaches of the

Euphrates [23, pp. 51, 52]. Hence Akkadian, Italic and Germanic words for 'ore'/'copper' as well as with Transcaucasian and Sumerian words for 'to melt (metal)' and '(copper)smith':

– Akkad. *erû* 'copper', Lat. *aes*, genitive *aeris* 'metal', Germanic: Goth. *aiz*, OHG *ēr* 'ore', Old Icel. *eir* 'ore', 'copper' [3, p. 709];

– Lat. *tabeo* 'thaw', Armenian *darbin* 'smith', Hurrian *tabrinni-* 'smith' with the stem *tav-* 'to melt (metal)' and Sum. *tabira/tibira* 'coppersmith' [24, p. 268–270].

The absence of Celtic words for 'copper', related to the above-mentioned Latin and Germanic words, may result from early migrations of Proto-Celtic tribes in the direction of the Volga River (Khvalynsk culture) where they may have adopted prototypes for Old Welsh *emid* and Old Irish *umae* 'copper', co-operating within Balkan-Carpathian metallurgic province.

Latin *capra*, Old Irish *gabor*, Welsh *gafr* 'goat' and Old Norse *hafr* 'buck' have plenty of IE cognates meaning 'goat/buck', 'sheep' and even 'boar' (Greek cognate), and a non-IE one: Elamite *ka-pu-ra*. It is difficult to point out in which language within this group of names the original name for goat had a clear sense, but there is a temptation to connect Latin *capra* with Latin *capra* 'covering' and *caput* 'head' (the upper, "covering" part of a person), *capra* looking like a calque of Proto-Slavic **koza* ('covered') or having a typological resemblance with the latter in this case.

The last word for 'goat' in the list of IE goat names is a Germanic word from the Proto-Germanic prototype **gaits*. It is related with Latin *haedus* 'young goat' and, very probable, with Proto-Semitic **gady-* 'young goat', Proto-Berber **a-ǵāyd*, Proto-Nakh **gaaʒa* (hence Chechen *zāza* [gaza] 'goat') [25, pp. 56–57]. It is widely accepted that the common stem cannot be derived from any known IE root, therefore it should be a loan from a pre-IE substrate language. Like in the case with 'donkey', Proto-Slavic appears a suitable candidate explaining uniformly Proto-Nakh **gaaʒa* 'goat', Ancient Egyptian *ghs* 'gazelle' (*h* – voiceless pharyngeal fricative) and Arabic *ḡazāl* 'idem' as borrowings from Proto-Slavic **koza* 'goat' or **kozula* 'roe', remembering correspondence of Proto-Slavic [k] to Semitic [g] when borrowing (e. g., P.-Slav. **kolo* 'wheel' > Hebr. *galgal* 'wheel', P.-Slav. **komolъ* 'hornless' > Hebr. *gamal* 'camel' [1, p. 141]).

So Proto-Italics and Proto-Germans look like a group of tribes inhabiting originally a region between Zagros/Central Iranian Plateau and Caucasus, North-East to Semitic tribes in Arabia, and being in contact with Proto-Balts and Proto-Celts. This conclusion is supported by:

- absence of native names for African endemics, as well as of camel and elephant;
- loaned (from Proto-Slavs directly or via Proto-Balts) Latin and Gothic names for 'donkey', donkeys being domesticated in Africa in the late 4th millennium BC;
- borrowing of Baltic or Slavic terms for 'wine' to Latin, Celtic and Germanic (the terms for 'grapes', the raw for wine, in Latin, Celtic and Germanic has no etymological connection with the corresponding terms for 'wine', hence Lat. *vīnum* etc. could not be native words);
- closest phonetic similarity of Latin and native Baltic names for 'sheep' among other IE sheep names (compare Lat. *ovis* and Lith. *avis*);
- related terms for 'wheat' in Baltic and Germanic;
- connection of Latin *gelidus* 'icy, frosty' with Semitic: Syr. ܓܠܝܕܐ (*galīdā*), Hebr. גלילד (*galīd*), Arab. جليد (*jalid*), all – 'ice';
- traces of Mesopotamian duodecimal counting system in Germanic;
- connections of Gothic and Hurrian [26, p. 156];

– an odd similarity of Welsh and Georgian terms for 'wine' (Georgian *yvino*, Celtic-Brittonic **gwin*) and of Welsh *blaidd* 'wolf' (with unreliable etymology from Old Irish *bled* 'sea monster') and Lith. *bliauti* 'to bleat, howl';

– Altaic and Dravidian elements in Celtic, e. g., Old Irish *macc* 'son', having no IE etymology, is related to Tamil. *maka* 'child, son, boy' [27, pp. 12, 17], etc.

The influx of Neolithic population from eastern Anatolia, Syria, and northern Mesopotamia led to the formation of the Maikop culture in the 4th millennium BC (Early Bronze Age), independently of the steppe dwellers of the northern Black Sea region. This is evidenced by the Y-haplogroups of the Maikop culture population: G2a2, J1 and J2 – haplogroups of Neolithic southern farmers and pastoralists.

The return flux from North caused the ruin of Kura-Araks polyethnic culture in the Middle Bronze age (3d millennium BC). The presence of Proto-Celts and Proto-Italics (and not only them among the IE ethnic groups, but except Proto-Slavs, Proto-Balts and Proto-Germans) in this region at this time is witnessed by adopting the regional term for silver into their languages: Lat. *argentum*; Old Alban. *rgjand*; Old Bret., Old Welsh *argant*, Old Irish *argat*; Old Arm. արծաթ (*arcat'*); Sanskr. रजत (*rajatá*), Avest. *arəzata*; Ancient Greek *ἄργυρος*; Tokh. B *arjum* < Sanskr. *árjuna* 'of silver', – having common origin with North Caucasian names of silver: Arch. *arsī*, Darg. *arc*, Lak. *arcu*, And. *orsī*, Akhv. *arči*, Abkh. *araznó*, Abaz. *rəzna* et al [22, p. 131]. Silver was mined from lead-silver ores in the Kura-Araks culture since the 4th millennium BC [28, p. 165].

Conclusion. The complex application of linguistic, archaeological, and paleogenetic data leads to the following scenario of the emergence of a number of IE ethnic groups, passing from the hunter-gatherers' way of life to the sedentary one in Pre-Pottery Neolithic times in the Near East:

– Proto-Slavs had separated from the hunter-gatherers' continuum in South-Eastern Anatolia at Pre-Pottery Neolithic times, with their further expansion southwards to Levant (Tahuni culture) and North-Eastern Africa and westwards to the Balkans (as future Illyrians);

– Proto-Balts had separated from the Neolithic continuum in Transcaucasia (Shulaveru-Shomu culture) with further expansion westwards to the Balkans (as future Thracians), partly returning in the 4th – 2d millennia BC to Anatolia (probably, as Luwians who founded Troy I and were assimilated by Hittites, and with the last migration flux as Phrygians);

– Proto-Italics and Proto-Germanics emerged somewhere in the area including Central Iranian Plateau, Zagros foothills and Northern Mesopotamia with further expansion northwards via Caucasus to the areals of Maikop (Proto-Italics) and Khvalynsk (Proto-Germanics and Proto-Brittons) cultures, partly returning in the 4th–2d millennia to Transcaucasia (as future Italics, Armenians, Albans and Celts) and to Northern Mesopotamia (as part of future Germanics).

This scenario explains many of linguistic oddities without addressing to the hypothesis of a common PIE ancestral homeland and without implying the necessity of "Wanderwörter". It is clear that further discussion can raise new questions or reveal inconsistencies in the suggested scenario forcing to its modification or replacement. Nevertheless, the application of the described method to figure out the circumstances of migrations of other ancient ethnic groups seems promising and can form the content of further work.

REFERENCES

1. Telezhko, G. (2022), "Research on the Structure of Indo-European Dialect Continuum by Comparing Swadesh Lists of the Closest Descendant Languages", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 124–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-124-157
2. "Indo-European Etymology", *The Global Lexicostatistical Database*, available at: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0> (accessed 26.04.2025).
3. Gamkrelidze, T. and Ivanov, V. (1984), *Indoevropskii yazyk i indoevropetsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and Historical and Typological Analysis of the Proto-Language and Proto-Culture], Izd. Tbil. Univ., Tbilisi, USSR.
4. Alinei, M. (2003), "Interdisciplinary and linguistic evidence for Palaeolithic continuity of Indo-European, Uralic and Altaic populations in Eurasia, with an excursus on Slavic ethnogenesis", *Quaderni di semantica*, vol. 24, no. 2, pp. 187–216.
5. Lazaridis, I., Alpaslan-Roodenberg, S., Acar, A. et al. (2022), "Ancient DNA from Mesopotamia suggests distinct Pre-Pottery and Pottery Neolithic migrations into Anatolia", *Science*, vol. 377, iss. 609, pp. 982–987. DOI: 10.1126/science.abq0762
6. Safronov, V. (1989), *Indoyevropeyskiye prarodiny* [Indo-European Homelands], Volgo-Vyatskoye knizhnoye izd-vo, Gorkiy, USSR.
7. Telezhko, G. (2023), "Attempt at Ethnic Attribution of the Ancient European Community of the Chalcolithic Era", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, iss. 5 (107), available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15389> (дата обращения: 16.05.2025). DOI: 10.32743/UniPhil.2023.107.5.15389
8. Naderi, S., Rezaei, H.-R., Pompanon, F. et al. (2008), "The goat domestication process inferred from large-scale mitochondrial DNA analysis of wild and domestic individuals", *Proc. of the Nat. Academy of Sciences*, vol. 105, no. 46, pp. 17659–17664. DOI: 10.1073/pnas.0804782105
9. Trubachev, O. (1960), *Proiskhozhdenie nazvaniy domashnykh zhivotnykh v slavyanskikh yazykakh* [Origin of Names of Domestic Animals in Slavic Languages], Moscow, AN SSSR, USSR.
10. Munchayev, R. and Merpert, N. (1981), *Rannezemledel'cheskie poseleniya Severnoi Mesopotamii. Issledovaniya sovetskoi ekspeditsii v Irake* [Early agricultural settlements of Northern Mesopotamia. Research of the Soviet expedition in Iraq], Nauka, Moscow, USSR.
11. Salem, N., van de Loosdrecht, M., Sümer, A. et al. (2025), "Ancient DNA from the Green Sahara reveals ancestral North African lineage", *Nature*, vol. 644, iss. 8046, pp. 144–150. DOI:10.1038/s41586-025-08793-7
12. Filin, F. (1962), *Obrazovanie yazyka vostochnykh slavyan* [Origin of the language of the Eastern Slavs], Izd. AN SSSR, M.-L., USSR.
13. Telezhko, G. (2024), "Reading O. N. Trubachev's "The Origin of Names of Domestic Animals in Slavic Languages", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 11 (125), available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/18604> (accessed 16.05.2025). DOI: 10.32743/UniPhil.2024.125.11.18604
14. Telezhko, G. (2017), "On Etymology of Names of Some Species of African Fauna", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, iss. 9 (43), available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5132> (accessed 16.05.2025).
15. Telezhko, G. (2018), "Etymology of a Number of Mediterranean Lexemes Borrowed into Russian", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, iss. 6 (52), available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6025> (accessed 22.05.2025).
16. Telezhko, G. (2018), "Criticism of Some Supposed Sources for Slavic Agricultural Vocabulary", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, iss. 1 (47), available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5445> (accessed 22.05.2025).

17. Vasmer, M. (1986), *Russisches Etymologisches Wörterbuch*, in 4 vols., Transl. by Trubachev, O.N., in Larin, B.A. (ed.), 2nd ed., Progress, Moscow, USSR.
18. Mellaart, J. (1982), *Earliest Civilisations of the Near East*, Transl. by Antonova, E.V., Nauka, Moscow, USSR.
19. Shaposhnikov, A.K. (2007), "Linguistic Antiquities of the Northern Black Sea Region (Etymology of Linguistic Relics of the Northern Black Sea Region)", Dr. Sci. (Philology) Thesis, IRL RAS, Moscow, RUS.
20. McGovern, P., Jalabadze, M., Batiuk, S. et al. (2017), "Early Neolithic wine of Georgia in the South Caucasus", *Proc. of the National Academy of Sciences*, vol. 114, iss. 48, pp. E10309–E10318. DOI: 10.1073/pnas.1714728114
21. Lazaridis, I., Alpaslan-Roodenberg, S., Acar, A. et al. (2022), "The genetic history of the Southern Arc: a bridge between West Asia and Europe", *Science*, vol. 377, iss. 6609: eabm4247. DOI: 10.1126/science.abm4247
22. Starostin, S. (1988), "Indo-European – North-Caucasian isoglosses", *Drevnii Vostok: etnokul'turnye svyazi* [Ancient East: ethno-cultural links], Nauka, Moscow, USSR, pp. 112–163.
23. Avilova, L. (2009), "Models of metal production in the Near East (Chalcolithic - middle bronze age)", *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, iss. 3 (39), pp. 50–58.
24. Yakubovich, I. (2009), "Two Armenian Etymologies", *Caucasian and Near Eastern Studies XIII*, Tatišvili, I., Hvedelidze, M. and Gordeziani, L. (eds.), Logos, Tbilisi, pp. 266–272.
25. Bjørn, R. (2017), "Foreign elements in the Proto-Indo-European vocabulary. A comparative loanword study", Master's Thesis, Univ. of Copenhagen, Copenhagen, DNK.
26. Ivanov, V. (1983), *Istoriya slavyanskikh i balkanskikh nazvanii metallov* [History of Slavic names of metals], Nauka, Moscow, USSR.
27. Mihaylova, T. (2007), "Масс, cailin and ceile – an Altaic element in Celtic?", *The Celtic Languages in Contact, Papers from the Workshop within the Framework of the XIII Int. Congress of Celtic Studies*, Bonn, GER, 26–27 July 2007, pp. 4–24.
28. Chernykh, E. (2013), *Nomadic Cultures in the Megastructure of the Eurasian World*, vol. 1, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.

Information about the author.

Georgiy M. Telezhko – Can. Sci. (Engineering, 1997), Independent Researcher. The author of 80 scientific publications. Areas of expertise: comparative linguistics, atmospheric physics, relativity theory.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 22.05.2025; adopted after review 27.11.2025; published online 20.04.2026.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тележко Г. М. Исследование структуры индоевропейского диалектного континуума с помощью сравнения списков Сводеша ближайших языков-потомков // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-124-157
2. Indo-European etymology // The Global Lexicostatistical Database. URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0> (дата обращения: 26.04.2025).
3. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд. Тбил. ун-та, 1984.
4. Alinei M. Interdisciplinary and linguistic evidence for Palaeolithic continuity of Indo-European, Uralic and Altaic populations in Eurasia, with an excursus on Slavic ethnogenesis // *Quaderni di semantica*. 2003. Vol. 24, № 2. P. 187–216.
5. Ancient DNA from Mesopotamia suggests distinct Pre-Pottery and Pottery Neolithic migrations into Anatolia / Lazaridis I., Alpaslan-Roodenberg S., Acar A. et al. // *Science*. 2022. Vol. 377, iss. 609. P. 982–987. DOI: 10.1126/science.abq0762

6. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989.
7. Тележко Г. М. Попытка этнической атрибуции древнеевропейской общности эпохи энеолита // *Universum: филология и искусствоведение*. 2023. Вып. 5 (107). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15389> (дата обращения: 16.05.2025). DOI: 10.32743/UniPhil.2023.107.5.15389
8. The goat domestication process inferred from large-scale mitochondrial DNA analysis of wild and domestic individuals / S. Naderi, H.-R. Rezaei, F. Pompanon et al. // *Proc. of the Nat. Academy of Sciences*. 2008. Vol. 105, no. 46. P. 17659–17664. DOI: 10.1073/pnas.0804782105
9. Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
10. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981.
11. Ancient DNA from the Green Sahara reveals ancestral North African lineage / N. Salem, M. van de Loosdrecht, A. Sümer et al. // *Nature*. 2025. Vol. 644, iss. 8046. P. 144–150. DOI: 10.1038/s41586-025-08793-7
12. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
13. Тележко Г. М. Читая О. Н. Трубачёва «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» // *Universum: филология и искусствоведение*. 2024. Вып. 11 (125). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/18604> (дата обращения: 16.05.2025). DOI: 10.32743/UniPhil.2024.125.11.18604
14. Тележко Г. М. К этимологии названий некоторых представителей африканской фауны // *Universum: филология и искусствоведение*. 2017. Вып. 9 (43). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5132> (дата обращения: 16.05.2025).
15. Тележко Г. М. Этимология ряда лексем Средиземноморья, заимствованных в русский язык // *Universum: филология и искусствоведение*. 2018. Вып. 6 (52). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6025> (дата обращения: 22.05.2025).
16. Тележко Г. М. Критический анализ некоторых предполагаемых источников славянской сельскохозяйственной лексики // *Universum: филология и искусствоведение*. 2018. Вып. 1 (47). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5445> (дата обращения: 22.05.2025).
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986.
18. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / пер. с англ. Е. В. Антоновой. М.: Наука, 1982.
19. Шапошников А. К. Языковые древности Северного Причерноморья (Этимология языковых реликтов Северного Причерноморья): дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т Рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 2007.
20. Early Neolithic wine of Georgia in the South Caucasus / P. McGovern, M. Jalabadze, S. Batiuk et al. // *Proc. of the National Academy of Sciences*. 2017. No. 114, iss 48. P. E10309–E10318. DOI: 10.1073/pnas.1714728114
21. The genetic history of the Southern Arc: a bridge between West Asia and Europe / I. Lazaridis, S. Alpaslan-Roodenberg, A. Acar et al. // *Science*. 2022. Vol. 377, iss. 6609: eabm4247. DOI: 10.1126/science.abm4247
22. Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // *Древний Восток: этнокультурные связи*. М.: Наука, 1988. С. 112–163.
23. Авилова Л. И. Модели металлопроизводства на Ближнем Востоке (энеолит – средний бронзовый век) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2009. Вып. 3 (39). С. 50–58.
24. Yakubovich I. Two Armenian Etymologies // *Caucasian and Near Eastern Studies XIII* / ed. by I. Tatišvili, M. Hvedelidze, L. Gordeziani. Tbilisi: Logos, 2009. P. 266–272.
25. Bjørn R. Foreign elements in the Proto-Indo-European vocabulary. A comparative loanword study: Master's Thesis / Univ. of Copenhagen. Copenhagen, 2017.
26. Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983.

27. Mihaylova T. Macc, cailin and ceile – an Altaic element in Celtic? // The Celtic Languages in Contact: Papers from the Workshop within the Framework of the XIII Int. Congress of Celtic Studies, Bonn, 26–27 July 2007 / 2007. P. 4–24.

28. Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Информация об авторе.

Тележко Георгий Михайлович – кандидат технических наук (1997), независимый исследователь. Автор 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительное языкознание, физика атмосферы, теория относительности.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 22.05.2025; принята после рецензирования 27.11.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.*

Оригинальная статья

УДК 81-114.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-163-179>

Адаптация англицизмов в экономическом дискурсе: разнообразие фонетических, морфологических и графических методов

Эльмира Раясовна Брагина

*Институт экономических исследований, Донецк, Россия
elmirabragina1973@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1173-4477>*

Введение. В статье рассматривается адаптация англицизмов в экономическом дискурсе с акцентом на разнообразие фонетических, морфологических и графических методов. Цель исследования заключается в детальном изучении и сравнении продуктивности указанных методов адаптации заимствований из английского языка в русскую экономическую терминологию. Научная новизна состоит в сравнительном анализе методов адаптации и выявлении продуктивных способов адаптации англицизмов.

Методология и источники. В ходе работы применялись методы структурно-сопоставительного, контрастивного и морфологического анализа, а также методики классификации и процентного подсчета.

Результаты и обсуждение. Фонетическая адаптация представлена 13 способами, из них высокопродуктивные способы (60–85 %) включают изменение положения ударения, субституцию звуков и оглушение звонких согласных в конце слова. Графическая адаптация представлена 12 способами, из них высокопродуктивный способ (81 %) – это субституция букв. Морфологическая адаптация охватывает 8 способов: высокопродуктивные (72–92 %) – гендерная модификация, склоняемость и стирание морфемных границ.

Заключение. Результаты проведенного исследования подчеркивают многоаспектный и комплексный характер процесса адаптации заимствований. Высокопродуктивные способы фонетической, графической и морфологической адаптации обеспечивают гибкость новых терминов и легкость их восприятия носителями языка, что способствует более эффективному использованию данной терминологии в современном экономическом дискурсе. Среднепродуктивные способы обладают определенными ограничениями, которые могут негативно влиять на адекватное восприятие терминов специалистами. Низкопродуктивные способы, в свою очередь, приводят к созданию неестественных по звучанию и графике терминов, что затрудняет их интеграцию в русскую языковую среду и снижает частоту использования в профессиональном контексте.

Ключевые слова: англицизмы, адаптация, экономический дискурс, фонетические методы, графические методы, морфологические методы, продуктивность, структурно-сопоставительный анализ, терминология

Для цитирования: Брагина Э. Р. Адаптация англицизмов в экономическом дискурсе: разнообразие фонетических, морфологических и графических методов // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 163–179. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-163-179

© Брагина Э. Р., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Adaptation of Anglicisms in Economic Discourse: Diversity of Phonetic, Morphological and Graphical Methods

Elmira R. Bragina

*Institute of Economic Research, Donetsk, Russia
elmirabragina1973@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1173-4477>*

Introduction. This article examines the adaptation of Anglicisms within economic discourse, focusing on a variety of phonetic, morphological, and graphic methods. The objective of this study is to analyze in detail and compare the productivity of these methods in adapting English loanwords into Russian economic terminology. The scientific novelty of the research lies in the comparative analysis of these adaptation methods and the identification of the most productive ways to adapt Anglicisms.

Methodology and sources. The study employed methods of structural-comparative, contrastive, and morphological analysis, alongside classification and percentage calculation techniques.

Results and discussion. Phonetic adaptation is represented by 13 methods; the highly productive ones (60–85 %) include stress shifting, sound substitution, and the devoicing of word-final consonants. Graphic adaptation comprises 12 methods, with letter substitution being highly productive (81 %). Morphological adaptation encompasses 8 methods: the highly productive ones (72–92 %) are gender modification, declinability, and the erasure of morpheme boundaries.

Conclusion. The results of the conducted research underscore the multidimensional and complex nature of the loanword adaptation process. Highly productive methods of phonetic, graphic, and morphological adaptation ensure the flexibility of new terms and their ease of comprehension by native speakers, thereby facilitating the more effective use of this terminology in modern economic discourse. Moderately productive methods exhibit certain limitations that may negatively impact the adequate comprehension of these terms by specialists. Low-productivity methods, in turn, result in terms that are unnatural in sound and spelling, hindering their integration into the Russian linguistic environment and reducing their frequency of use in professional contexts.

Keywords: anglicisms, adaptation, economic discourse, phonetic methods, graphic methods, morphological methods, productivity, structural-comparative analysis, terminology

For citation: Bragina, E.R. (2026), "Adaptation of Anglicisms in Economic Discourse: Diversity of Phonetic, Morphological and Graphical Methods", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 163–179. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-163-179 (Russia)

Введение. В связи с экономической глобализацией, укреплением торговых отношений на международном уровне, унификацией международных экономических стандартов, увеличением количества транскорпораций и расширением их географических горизонтов на мировой арене, где английский язык по праву является средством межнационального общения, тема заимствований из английского языка привлекает внимание современных исследователей. Важность этой проблематики также обусловлена необходимостью использовать единую терминологическую систему для оптимизации деловой коммуникации. Современная информационная открытость в результате свободного доступа к зарубежным информационным ресурсам, научные публикации на английском языке, ИТ-достижения в области

164 Адаптация англицизмов в экономическом дискурсе: разнообразие фонетических, морфологических...
Adaptation of Anglicisms in Economic Discourse: Diversity of Phonetic, Morphological and Graphical Methods

коммуникации обусловили тот факт, что терминология экономики стала наиболее динамичной и динамической терминосистемой. Заимствование англицизмов происходит посредством совместных зарубежных исследовательских проектов, стажировок для повышения квалификации, академического обмена научными публикациями, а также через прямые профессиональные контакты. В контексте психолингвистических факторов расширения и ускорения процесса заимствования англицизмов можно выделить желание специалистов показать свою профессиональную компетенцию, привлекательность новых терминов, престижность английского языка и молодежную языковую моду.

В силу того, что заимствования являются одновременно и инструментом межнационального общения, и его итогом, а также выполняют функции промежуточного соединяющего компонента между культурами и «вечного двигателя» в динамической языковой среде, мы вправе отнести заимствования к категории двусторонних процессов или циклических взаимодействий, происходящих в настоящее время с небывалой скоростью за счет информационно-технологического скачка. На наш взгляд, именно терминология экономики, как ни одна другая, ощущает эту скорость модификации языкового пространства в силу активного процесса глобализации, необходимости международного общения в унифицированной форме и того факта, что основные бизнес-понятия закладываются в англоязычной среде.

Ассимиляция англицизмов – это сложный многоэтапный процесс, включающий в себя фонетическую, графическую, морфологическую и семантическую модификации заимствованного лексикона, наполняющий языковую среду языка-реципиента и влияющий на качество общения и передачи информации. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью стандартизации механизмов адаптации для улучшения качества межличностного диалога в сфере экономики. Результаты нашего сопоставительного анализа могут быть использованы как лингвистами для дальнейшего изучения терминологии, так и специалистами из бизнес-сектора.

Ключевыми моментами данного исследования являются признание заимствования «вечным двигателем» языковой динамики, особой восприимчивости терминологии экономики к изменениям, доминирующей роли английского языка на межнациональной арене и многоуровневого процесса адаптации заимствованных слов.

Заимствование иноязычной лексики – процесс долгий, многоэтапный и многоуровневый, поэтому для понимания полной картины этого явления необходим комплексный междисциплинарный подход. Литературный обзор направлен на анализ работ по заимствованию с целью выявления общих тенденций исследований, определения проблем и направлений изучения данной темы в дальнейшем. Прежде всего рассмотрим теоретические основания исследования заимствований, а затем отраслевые исследования заимствований.

Во-первых, это структурно-функциональная парадигма, в рамках которой заимствование рассматривается как естественный способ пополнения новой лексики без существенных деформационных процессов в новой языковой среде благодаря внутренним компенсаторным механизмам языка-реципиента (фонетическая, графическая и морфологическая адаптации). Основопологающей темой структурно-функциональной парадигмы является заполнение лексических пробелов языка, создание новых стилистических оттенков. Авторами этой концепции являются В. М. Жирмунский, Е. Д. Поливанов и А. А. Реформатский, а среди иностран-

ных лингвистов в области системной функциональной лингвистики можно отметить М. Холлидея и К. Маттиссена, которые в своей работе «An Introduction to Functional Grammar» рассматривают влияние экстралингвистических культурных и социальных факторов на заимствования [1]. Е. Д. Поливанов указывает на такую функцию заимствований, как введение новых понятий и концептов, которые ранее не имели аналогов в языке-реципиенте [2], А. А. Реформаторский справедливо полагает, что роль заимствований состоит в расширении семантического поля, считая их межнациональным способом взаимодействия [3]. В. М. Жирмунский определяет функцию заимствований как одну из составляющих динамического языкового процесса, влияющего на грамматику и синтаксис языка-реципиента [4].

Представители социолингвистической парадигмы И. Ф. Беликова и Л. П. Крысин считают заимствования продуктом социокультурного влияния и экстралингвистических факторов. Л. П. Крысин в своих работах анализирует степень зависимости языкового пополнения иноязычной лексики от социальных изменений, подчеркивая, что в эпоху открытости границ, глобализации, развития коммуникационных технологий, образования международных концернов и различного рода других межнациональных сообществ процесс заимствования иностранной лексики активизируется. Л. П. Крысин классифицирует методы ассимиляции заимствований на фонетические, морфологические и семантические типы, каждый из которых имеет свои причины и характерные черты. Так, например, фонетическая адаптация обусловлена намерением сохранить оригинальную оболочку звучания иноязычной лексики, а семантическая – необходимостью адаптации новых понятий, идей и предметов к языковой системе реципиента [5]. И. Ф. Беликова рассматривает англицизмы как необходимую меру для унификации понятий на международной арене в терминологии экономики, подчеркивая особую динамику процесса заимствований благодаря развитию информационных технологий [6]. Среди иностранных лингвистов в области социолингвистической парадигмы можно выделить Д. Таннен, которая в своей книге «Gender and Discourse» исследует связь между различным гендерным языковым поведением и социальными изменениями в обществе [7].

Когнитивно-дискурсивная парадигма рассматривает заимствования как способ концептуализации новых понятий и явлений, взаимодействие мышления языка с культурой. Ярким автором данного направления является Е. С. Кубрякова, которая акцентирует внимание на роли заимствований как трансляторов когнитивных процессов восприятия и понимания окружающего мира. Автор считает, что заимствования являются обратной реакцией на социальные изменения и инструментом, через который мы строим наше понимание мира. Е. С. Кубрякова также рассматривает практику создания идентичности различными социальными группами сквозь призму использования языковых заимствований и изучает, как могут быть связаны метафоризация, категоризация и концептуальная интеграция с процессом адаптации иноязычной лексики в языковой среде реципиента [8; 9]. Среди иностранных работ по данной тематике можно выделить работу Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live By», в которой они доказывают ключевую роль метафоры в нашем восприятии мира [10].

В области отраслевых исследований заимствований подробно остановимся на экономическом дискурсе, информационных технологиях и медиа-дискурсе. В контексте лингвистов, исследующих заимствования в экономическом дискурсе, необходимо выделить

П. А. Сурначеву, В. В. Файду и Е. В. Бондареву. Исследуя роль английских заимствований в русском деловом дискурсе, П. А. Сурначева и В. В. Файда анализируют и классифицируют виды ассимиляций англицизмов, уделяя особое внимание их поэтапному вхождению в иную языковую среду. Авторы описывают этот процесс, который стал динамичным в период глобализации, анализируя фонетическую, морфологическую и семантическую адаптации, выделяя как положительные (повышение точности и современности), так и отрицательные (трудности в понимании носителями речи) аспекты влияния заимствований на языковую среду языка-реципиента [11]. Е. В. Бондарева, используя сопоставительный метод, описывает различия и сходства заимствованных неологизмов из английского языка в русском и испанском, изучает экстралингвистические факторы, влияющие на перенос определенного словарного корпуса английского языка в русский и испанский дискурс. В своей работе автор анализирует влияние языковых и культурных контекстов на процесс заимствования иноязычной лексики, например то, что некоторые термины экономики имеют разные значения и употребляются в разных контекстах в зависимости от социальной и культурной характеристик страны [12].

В контексте исследований по заимствованиям в терминологии информационных технологий необходимо отметить таких лингвистов, как К. А. Забродина, В. С. Сафронова, В. С. Родионов, Н. В. Исхаков, А. А. Балакирёва, А. О. Козлов и О. О. Обидина. Так, работа [13] посвящена классификации, анализу адаптаций и применению заимствованных англицизмов в сфере ИТ, их роли в языковом пространстве русского языка. Авторы указывают на свой выбор исследования – терминологию ИТ, в силу того, что она является наиболее динамично изменяющейся терминологией благодаря научно-техническому прогрессу. Основными положениями их исследования являются изменчивость ИТ-терминологии (термины этой области чаще других меняются в зависимости от новых ИТ-разработок), контекстуальная семантическая адаптация терминов, их полисемия (в зависимости от контекста термины «жонглируют» своими значениями), кросс-культурные различия (восприятие и использование терминов напрямую зависят от межнационального различия в контекстах) [13]. Исследования лингвистов А. А. Балакирёвой, А. О. Козлова и О. О. Обидиной направлены на изучение частных феноменов в терминологии ИТ. В своих статьях авторы описывают дефиницию, область употребления, этапы адаптации терминов «провайдер», «сервер» и «куки». Исследование данных терминов заключается в определении этимологии и описании их диахронической (сравнение семантики исходной этимологической лексемы и современного значения) и синхронической (контекстуальная зависимость значения термина) семантической эволюций [14–16].

В контексте исследования заимствований в терминологии медиадискурса необходимо выделить работы лингвистов К. В. Сапсай и Н. Г. Аветисяна. Так, К. В. Сапсай подвергает критике использование заимствований из английского языка и на языковых примерах показывает их негативное влияние на диалог в социуме. Ключевыми аспектами его исследования являются: описание иррационального применения заимствований и коммуникативных барьеров, которые приводят к недопониманию сути изложенного и трудностям в общении; методологические исследования автора (методы анализа тестов и опросы), в результате которых не только фиксируются сложности в понимании тех или иных терминов, но и предлагаются пути

решения проблем посредством создания словарей или/и разработки методики адаптации терминов (проще говоря их «кастомизирования», от англ. customise – переделывать, подгонять под нужды целевой аудитории) к специфике аудитории [17]. Н. Г. Аветисян полагает, что модная тенденция употребления англицизмов в русском языке оказывает негативное влияние на культурные аспекты, чистоту языка и идентичность. Автор акцентирует внимание на том, что англицизмы стали символом глобализации на международном уровне, формируя при этом новые культурные концепции. Методология исследования Н. Г. Аветисяна включает анализ текстов и социальные опросы [18].

Цель нашего исследования – детально изучить и сравнить продуктивность фонетического, графического и морфологического методов адаптации заимствования из языка-донора – английского, в терминологии экономики в русском языке, проанализировать способы всех методов, выявить способы и методы с наибольшим количеством продуктивных, найти объяснение их вариативности.

Методология и источники. В ходе данного исследования применялись методы структурно-сопоставительного, контрастивного и морфологического анализа, методики классификации и процентного подсчета. Выборка материала произведена из следующих источников: «Морфемно-орфографический словарь» А. Н. Тихонова [19], «Этимологический словарь русского языка» Г. А. Крылова [20], «Экономический словарь терминов» [21].

Результаты и обсуждение. Мы выдвигаем следующую гипотезу. Вследствие того, что английский и русский языки относятся к разным типам: аналитическому и флективному, соответственно, между ними существуют глубокие фонетические и морфологические различия.

В области фонетики можно выделить несколько особенностей. В английском языке насчитывается 44 фонемы, тогда как в русском – 42. Русская система гласных проще, но система согласных значительно богаче за счет палатализованных звуков. В русском языке мягкие согласные имеют фонемное значение и способны менять смысл слова (например, «брат» и «брать»). Для английского языка такое явление нехарактерно.

Морфология языков также принципиально отличается. Русский язык является флективным и синтетическим. В нем существует шесть падежей, а глаголы изменяются по родам, в отличие от английского. В русском языке огромный объем информации несут окончания слов. Английский язык, будучи аналитическим, передает смысл иначе: с помощью предлогов и строгого порядка слов в предложении.

Учитывая эти структурные особенности, мы предполагаем, что все три метода адаптации терминов из языка-донора (английского) в русский язык окажутся продуктивными. При этом в экономической терминологии каждый из методов будет включать в себя около 10 способов адаптации англицизмов.

Англицизмы – заимствованные слова из английского языка [22], язык-донор – это язык, из которого заимствуются морфемы, слова, словосочетания, выражения в другой язык.

В нашем исследовании под методом адаптации мы понимаем совокупность языковых изменений в одной из областей лингвистики, под способом адаптации – одно языковое явление внутри одного метода адаптации.

Рассмотрим фонетическую, графическую, морфологическую адаптацию англицизмов в терминологии экономики в русском языке.

Фонетическая адаптация англицизмов в терминологии экономики в русском языке представлена 13 способами.

Высокопродуктивные способы адаптации.

1. Изменение положения ударения (85 %):

– постепенное изменение ударения в терминах (64 %): `startup – `стартап, стар`тап, `jackpot – `джек-пот, джек-`пот, `counter-trade – `каунтертрейд, каунтер`трейд, `feedback – `фидбек, фид`бек;

– изменение ударения сразу при вхождении в русский экономический лексикон (21 %): `front office – фронт-`офис, `startup – старт`ап, `news-maker – ньюс`мейкер.

2. Субституция звуков (68 %):

– англ. /ŋ/ на рус. [нг] clearing – клиринг, holding – холдинг;

– англ. [h] на рус. [x]: holding – холдинг, hedging – хеджирование; звук [h] в английском языке является глухим гортанным фрикативным, который в русском языке не имеет точного эквивалента, поэтому при фонетической адаптации он заменяется на русский глухой щелевой звук [x];

– англ. [w] на рус. [y]: warrant – уорант, wash – уош, wash out – уошаут.

3. Оглушение звонких согласных в конце слова в русском языке (60 %): brand [brænd] – бренд [брэнт]; trend [trænd] – тренд [трэнт]; secondmend [sə'kɒndm(ə)nt] – секондмент [секондмент].

Согласно фонетическим правилам русского языка звонкие согласные в конце слова оглушаются, поэтому англицизмы, заканчивающиеся на звонкие согласные, во время ассимиляции адаптируются под нормы русского языка.

Явление высокопродуктивности этих способов фонетической адаптации можно объяснить попыткой языка облегчить восприятие новых терминов и избежать фонетических конфликтов в силу разных фонетических правил и систем ударений в русском и английском языках. Более того, эти трансформации позволяют носителям языка легче и быстрее запоминать новые актуальные термины экономики, образованные в результате экономической глобализации и необходимости интеграции в международные экономические системы.

Среднепродуктивные способы адаптации.

4. Звуковая конвергенция (45 %):

– англ. долгий и короткие звуки [ɑ:]/[ʌ] на рус. краткий звук [a]: pArtnership [BrE 'pɑ:tnənʃɪp] /consUlting [BrE kən'sʌltɪŋ] – консАлтинг и пАртнёрство;

– англ. [i/i:] на рус. [и]: clinch – клинч, feedback – фидбек.

5. Сохранение звуковой оболочки дифтонгов/трифтонга (42 %): business coaching ['bɪznəs 'kəʊtʃɪŋ] – бизнес-коучинг, outsider [aʊtsaɪdər] – аутсайдер, buy-back ['baɪ bæk] – бай-бек/бай-бок, bareboat ['beərbəʊt] charter – бербоут-чартер/бэрбоут-чартер, news-maker ['nju:z.meɪkər] – ньюсмейкер, high-tech ['haɪ tɛk] – хайтек, layaway ['leɪəweɪ] – лэй-эвэй, time out/timeout ['taɪmaʊt] – тайм-аут, boycott ['bɔɪkə:t] – бойкот, outright ['aʊtraɪt] – аутрайт, raiding ['reɪdɪŋ] – рейдерство, underlying [ʌndər'laɪɪŋ] – андерлайн, underwriter [ʌndər'raɪtər] – андеррайтер, lock-out ['lɒk aʊt] – локаут, backwardation [ˌbæk.wər'deɪ.ʃən] –

бэквардэйшн, insider ['m,saidər] – инсайдер, downtick ['daʊn.tɪk] – даунтик, outtrade ['aʊt.treɪd/] – ауттрейд, realtor ['ri:əl.tər] – риелтор/риэлтор, hardliner ['hɑrd,lainər] – хардлайнер.

6. Транскрибирование (41 %): холдинг – holding, бизнес-коучинг – business coaching, фидбек – feedback, фронт-офис – front office.

Низкопродуктивные способы адаптации.

7. Звуковая дивергенция (28 %): англ. [a]/[e] на рус. [e]: dumping – демпинг, vesting – вестинг, settlement – сетлемент.

Следует отметить, что, несмотря на изменения в процессе адаптации в написании, морфемная структура англицизма сохраняется в большинстве случаев.

8. Транскрибирование с произношением г в середине термина (18 % из всех терминов, подвергшихся транскрибированию): outright – аутрайт, benchmarking – бенчмаркинг, traveller's cheque – тревелерс-чек, counter-trade – каунтертрейд, startup – стартап.

9. Сохранение положения ударения (15 %): se`condmend – се`кондмент, `clearing – `клиринг, out`sider – аут`сайдер.

10. Транскрибирование с произношением последней буквы -г (12 % из всех терминов, подвергшихся транскрибированию): инсайдер – insider, аутсайдер – outsider, стартап – startup, news-maker – ньюсмейкер.

11. Два или более вариантов транскрибирования (3 %): бай-бек/бай-бок – buy-back, бербоут-чартер/бэрбоут-чартер – bareboat charter, риелтор/риэлтор – realtor.

На наш взгляд, есть несколько объяснений наличия двух и более вариантов транскрибирования: вариативность в произношении возможна, во-первых, из-за разных региональных предпочтений носителей русского языка; во-вторых, из-за различных источников распространения (фильмы, музыка, Интернет), а также из-за недавнего входа в языковое пространство русского языка.

12. Переход от дифтонга к звуку (3 %): oversold [oʊvər'sould] – оверсолд, overdraft [ˈoʊvərdræft] – овердрафт.

13. Переход от трифтонга к дифтонгу (2 %): hiring ['haɪərɪŋ] – хайринг.

Низкопродуктивность этих способов указывает на сопротивление носителей языка сложным или непривычным формам, а многообразие вариантов произношения в профессиональной среде, где необходимы краткость и точность, может быть нежелательной.

В табл. 1 представлен анализ продуктивности способов фонетической адаптации англицизмов в терминологии экономики русского языка, расположенных в порядке убывания степени продуктивности. Необходимо учитывать, что некоторые термины могут подвергаться нескольким способам фонетической адаптации одновременно.

Фонетические способы заимствования можно классифицировать на те, которые обусловлены, с одной стороны, нежеланием выходить из «зоны комфорта», и другие, которые являются результатом попытки сохранить первоначальное звучание иноязычной лексики, тем самым унифицируя ее для легкого понимания в процессе межнациональной коммуникации. Первые развиваются, подчиняясь фонетическим законам языка-реципиента, другие претерпевают своего рода насилие со стороны действий носителей языка.

Таблица 1. Анализ продуктивности способов фонетической адаптации англицизмов в терминологии экономики русского языка, выраженных в процентном соотношении и расположенных в порядке убывания степени продуктивности

Table 1. Analysis of the productivity of phonetic adaptation methods for Anglicisms in Russian economic terminology, expressed as percentages and arranged in descending order of productivity

№	Способы фонетической адаптации	Процентное соотношение, %
1	Изменение положения ударения, из них постепенное изменение ударения в терминах (64 % от общего количества терминов, подвергшихся фонетической трансформации) и изменение ударения сразу при вхождении в русский экономический лексикон (21 % от общего количества терминов, подвергшихся фонетической трансформации)	85
2	Субституция звуков	68
3	Оглушение звонких согласных в конце слова в русском языке	60
4	Звуковая конвергенция	45
5	Сохранение звуковой оболочки дифтонгов/трифтонга	42
6	Транскрибирование	41
7	Звуковая дивергенция	28
8	Транскрибирование с произношением г в середине термина	18 % из всех терминов, подвергшихся транскрибированию
9	Сохранение положения ударения	15
10	Транскрибирование с произношением последней буквы -г	12 % из всех терминов, подвергшихся транскрибированию
11	Два варианта транскрибирования	3
12	Переход от дифтонга к звуку	3
13	Переход от трифтонга к дифтонгу	2

Графическая адаптация заимствований из английского языка в терминологии экономики в русском языке представлена 12 способами.

Высокопродуктивный способ адаптации.

1. Субституция букв (81 %):

- англ. ea на рус. и: **dealer** – дилер, **clearing** – клиринговое перечисление;
- англ. c на рус. к: **coaching** – коучинг, **clearing** – клиринг, **cleaning** – клининг; **consulting** – консалтинг;
- англ. j на рус. дж: **Jigsaw analysis** – Джигсо-анализ, **jet set** – джет-сет, **jet economy** – джет-экономика;
- англ. h на рус. х: хеджирование – **hedging**, **hiring** – хайринг;
- англ. w на рус. уо: **warrant** – уорант, **wash** – уош, **wash out** – уошаут.

Замена определенных букв на аналогичные буквы русского языка способствует устранению сложностей с написанием и чтением научных и деловых текстов, а также позволяет создать стандартизированные формы англицизмов, которые необходимы для обеспечения однозначности в профессиональной среде.

Среднепродуктивные способы адаптации.

2. Графическая дивергенция (59 %):

- англ. ea на рус. и/е: **spread** – спред, **leadership** – лидерство;
- англ. u на рус. е/и: **business** – бизнес, **dumping** – демпинг;
- англ. a на рус. е/а/ей: **brand** – бренд, **bareboat charter** – бербоут-чартер/бэрбоут-чартер, **news-maker** – ньюсмейкер;
- англ. i на рус. и/ай: **hiring** – хайринг, **insider** – инсайдер, **hardliner** – хардлайнер, **underwriter** – андеррайтер, **outsider** – аутсайдер, **cleaning** – клининг; **insider** – инсайдер, **goodwill** – гудвилл, **lifo (last-in-first-out)** – лифо;

– англ. s на рус. с/з, буква з в интервокальной позиции: **business coaching** – бизнес-коучинг, **jet set** – джет-сет, **secondmend** – секондмент.

Следует отметить, что, несмотря на изменения в процессе адаптации в написании, морфемная структура англицизма сохраняется в большинстве случаев.

3. Графическая конвергенция (54 %):

– англ. e/a на рус. е: **traveller's cheque** – тревелерс-чек, **hedge** – хедж, **benchmarking** – бенчмаркинг, **jackpot** – джек-пот;

– англ. c/k на рус. к: **business-coaching** – бизнес-коучинг, **boycott** – бойкот, маркетинг – marketing;

– англ. ou/ow на рус. ау: **outright** – аутрайт, **downtick** – даун-тик, **lock-out** – локаут;

– англ. e на рус. е/э: **jet economy** – джет-экономика, **trend** – тренд.

Низпродуктивные способы адаптации.

4. Частичная транслитерация (32 %):

– англ. написание с дефисом на рус. слитное написание: **counter-trade** – каунтертрейд, **high-tech** – хайтек;

– англ. написание слитно на рус. через дефис: **jackpot** – джек-пот, **layaway** – лэй-эвэй, **timeout** – тайм-аут;

– англ. написание раздельно на рус. через дефис: **business plan** – бизнес-план, **traveller's cheque** – тревелерс-чек.

5. Полная транслитерация (18 %): **holding** – холдинг, **vending** – вендинг, **clinch** – клинч, **trend** – тренд, **renting** – рентинг.

6. Графическая субституция дифтонгов (15 %):

– англ. oa на рус. оу: **business coaching** – бизнес-коучинг, **bareboat charter** – бербоут-чартер/бэрбоут-чартер;

– англ. ou на рус. ау: **outright** – аутрайт, **counter-trade** – каунтертрейд;

– англ. ai на рус. ей: **raiding** – рейдерство.

7. Усечение двойных согласных букв середине слова (13 %): **баратрия** – barratry, **сетлемент** – settlement, **тревелерс-чек** – traveller's cheque, **ауттрейд** – outtrade.

8. Усечение гласных букв в середине слова (12 %): **бум** – boom, **фидбек** – feedback, **гудвилл** – goodwill.

9. Усечение двойных согласных букв в конце слова (11 %): **бизнес** – business, **бойкот** – boycott.

10. Сохранение двойной буквы (9 %): **гудвилл** – goodwill, **блоттер** – blotter.

11. Два и более вариантов транслитерации (4 %): **бай-бек/бай-бок** – buy-back, **бербоут-чартер** – bareboat charter – бербоут-чартер/бэрбоут-чартер, **риелтор** – realtor – риелтор/риэлтор.

12. Усечение гласных в конечной позиции (2 %): **такс-фри** – tax free.

Полная транслитерация может создавать сложные для чтения термины, которые не соответствуют фонетическим правилам русского языка, а частичная транслитерация, усечение букв и использование двойных букв может привести к неоднозначности термина и ухудшению графической читаемости. В целом, результаты этих способов не могут создать унифицированные оболочки терминов экономики.

В табл. 2 представлен анализ продуктивности способов графической адаптации англицизмов в терминологии экономики русского языка, расположенных в порядке убывания сте-

пени продуктивности. Необходимо учитывать, что некоторые термины могут подвергаться нескольким способам графической адаптации одновременно.

Таблица 2. Анализ продуктивности способов графической адаптации англицизмов в терминологии экономики русского языка, выраженных в процентном соотношении и расположенных в порядке убывания степени продуктивности

Table 2. Analysis of the productivity of graphic adaptation methods for Anglicisms in Russian economic terminology, expressed as percentages and arranged in descending order of productivity

№	Способы графической адаптации	Процентное соотношение, %
1	Субституция букв	81
2	Графическая дивергенция	59
3	Графическая конвергенция	54
4	Частичная транслитерация	32
5	Полная транслитерация	18
6	Графическая субституция дифтонгов	15
7	Усечение двойных согласных букв в середине слова	13
8	Усечение гласных букв в середине слова	12
9	Усечение двойных согласных букв в конце слова	11
10	Сохранение двойной буквы	9
11	Два варианта транслитерации	4
12	Усечение гласных в конечной позиции	2

Морфологическая адаптация англицизмов в терминологии экономики в русском языке представлена восемью способами.

Высокопродуктивные способы адаптации.

1. Гендерная модификация с подавляющим количеством существительных мужского рода (93 %): блоттер, клинч, бедлам, клиринг, локаут, овердрафт, гудвилл, андеррайтер.

2. 92 % англицизмов склоняются: аутсайдер, тренд, хеджирование, стартап, фидбек, клинч, хайтек, баратрия, бренд (ср.: бай-бек/бай-бок, своп, лэй-эвэй).

3. Субституция англ. простого термина с приставкой или суффиксом, сложного термина, терминологического словосочетания на рус. простой термин, другими словами стирание морфемных границ (72 %): lock-out – локаут, benchmarking – бенчмаркинг, bareboat charter – бербоут-чартер, feedback – фидбек, goodwill – гудвилл, backwardation – бэквардэйшн, oversold – оверсолд, outright – аутрайт, outrade – ауттрейд.

Склоняемость англицизмов по падежам в русском языке позволяет использовать их во всех конструкциях, способствует восприятию этих терминов не как иноязычных, делает термин более компактным и простым для восприятия. Стирание морфем говорит о том, что в ходе адаптации заимствованный термин подвергся модификации. На наш взгляд, данный способ никак не влияет на более легкое восприятие носителями языка, так как «морфема вычленяется только в ходе специального исследования, являясь результатом сознательной абстракции; слово дано в непосредственном опыте человека, и оно легче, чем морфема, опознается носителем языка» [8, с. 182].

В результате процесса стирания морфемных границ в русском языке образуются англицизмы с квазиморфами – единицами, «неполюценными по своим строевым качествам: характеризуя готовые единицы, они вряд ли способны принять участие в создании новых единиц» [9, с. 60].

Среднепродуктивный способ адаптации.

4. Вхождение нескольких однокоренных англицизмов в один парадигматический ряд (67 %): тренд – трендовый, стратап – стартап-компания – стартап-фирма, клиринг – кли-

ринговый, клиринг-банк, холдинг – холдинговый – агрохолдинг – госхолдинг – энергохолдинг – интернет-холдинг – холдинг-компания – медиахолдинг, коучинг – бизнес-коучинг – коучинг-менеджмент, аутсайдер – аутсайдерство – аутсайдерский.

Вхождение однокоренных англицизмов в парадигматический ряд говорит об их способности становиться более гибкими в русском языке, образуя однокоренные слова. Однако не все англицизмы обладают такими свойствами, что снижает продуктивность этого способа.

Низкопродуктивные способы адаптации.

5. Субституция англ. суффикса -ing на рус. суффикс -инг (51 %): holding – холдинг, coaching – коучинг, marketing – маркетинг, clearing – клиринг, vesting – вестинг, hiring – хайринг.

6. Субституция англ. простого термина на рус. терминологическое словосочетание (28 %): clearing – клиринговое перечисление, TOD – ТОД-операция.

Субституции английского простого термина на русское терминологическое словосочетание помогает избежать многозначности и недопонимания.

7. Изменение частиречной принадлежности – англ. глагол/прилагательное/причастие на рус. существительное (16 %): swift – свифт, to swap – своп, to spread – спред, to oversell – оверсолд.

8. Субституция англ. суффикса -ship на рус. суффикс -ств (9 %): partnership – партнерство, leadership – лидерство.

Субституция английского суффикса -ship на русский суффикс -ств происходит в результате эквивалентности семантической нагрузки, которую они несут, а именно обозначения состояния, качества или отношения.

Эти способы являются низкопродуктивными в силу того, что замена суффиксов приводит к созданию терминов, не соответствующих фонетическим и морфологическим нормам русского языка, а изменение частичной принадлежности часто ведет к потере смысла или ясности.

В табл. 3 представлен анализ продуктивности способов морфологической адаптации англицизмов в терминологии экономики русского языка, расположенных в порядке убывания степени продуктивности. Необходимо учитывать, что некоторые термины могут подвергаться нескольким способам морфологической адаптации.

Таблица 3. Анализ продуктивности способов морфологической адаптации англицизмов в терминологии экономики русского языка, выраженных в процентном соотношении и расположенных в порядке убывания степени продуктивности

Table 3. Productivity analysis of morphological adaptation methods for Anglicisms in Russian economic terminology, expressed in percentage terms and arranged in descending order

№	Способы морфологической адаптации	Процентное соотношение, %
1	Гендерная модификация (м.р.)	93
2	Склоняемые англицизмы	92
3	Стирание морфемных границ	72
4	Вхождение нескольких однокоренных англицизмов в один парадигматический ряд	67
5	Субституция англ. суффикса -ing на рус. суффикс -инг	51
6	Субституция англ. простого термина на рус. терминологическое словосочетание	28
7	Изменение частиречной принадлежности, англ. глагол/прилагательного/причастия в рус. существительное	16
8	Субституция англ. суффикса -ship на рус. суффикс -ств	9

Результаты и обсуждение. Фонетическая адаптация англицизмов в терминологии экономики в русском языке представлена 13 способами, из них два способа с высокой продуктивностью, четыре – со средней, семь – с низкой продуктивностью; графическая адаптация представлена 12 способами, из них один способ с высокой степенью продуктивности, три – со средней и восемь способов – с низкой; морфологическая адаптация представлена восемью способами, из них четыре способа с высокой степенью продуктивности, один способ – со средней и три – с низкой.

Пополнение языковой среды иноязычными лексемами является аспектом междисциплинарного исследования и требует рассмотрения сквозь призму разных дискурсивных практик, основных теоретических исследований. В нашей работе проанализированы базисные исследования иноязычной лексики, принадлежащие Л. П. Крысину и В. И. Беликовой (социолингвистическая парадигма), Е. Д. Поливанову, А. А. Реформатскому и В. М. Жирмунскому (структурно-функциональная парадигма), Е. С. Кубряковой (когнитивно-дискурсивная парадигма), отраслевые исследования П. А. Сурначевой и В. В. Файды в области экономики, К. А. Забродиной с соавторами и А. А. Балакирёвой – в области информационных технологий, К. В. Сапсай и Н. Г. Аветисян – в медиадискурсе. Несмотря на естественную природу любой языковой среды обогащать свой лексикон за счет иноязычной лексики, такие лингвисты, как К. В. Сапсай и Н. Г. Аветисян, критически оценивают роль заимствований в языке.

Проведенный анализ позволил детально и комплексно описать процессы адаптации англицизмов в терминологии экономики в русском языке сквозь призму фонетических, графических и морфологических трансформаций. Фонетическая адаптация представлена 13 способами с различной степенью продуктивности. Высокопродуктивные способы (60–85 %), которые стали стандартом в процессе интеграции новых терминов в русский язык, – изменение положения ударения (из них постепенное изменение ударения в терминах (64 % от общего количества терминов, подвергшихся фонетической трансформации) и изменение ударения сразу при вхождении в русский экономический лексикон (21 % от общего количества терминов, подвергшихся фонетической трансформации)), субституция звуков, оглушение звонких согласных в конце слова в русском языке. Среднепродуктивными способами (41–45 %) являются звуковая конвергенция, сохранение звуковой оболочки дифтонгов/трифтонгов, транскрибирование. Низкопродуктивные способы (2–28 %) представлены звуковой дивергенцией, транскрибированием с произношением г в середине термина, сохранением положения ударения, транскрибированием с произношением последней буквы -г, двумя или более вариантами транскрибирования одного и того же термина, переходом от дифтонга/трифтонга к звуку.

Графическая адаптация англицизмов в терминологии экономики в русском языке представлена 12 способами. Высокопродуктивный способ (81 %) – субституцией букв. Среднепродуктивными способами (54–59 %) являются графическая дивергенция и графическая конвергенция. Низкопродуктивные способы (2–32 %) представлены частичной транслитерацией, полной транслитерацией, усечением букв, сохранением двойных букв.

Морфологическая адаптация англицизмов в терминологии экономики в русском языке представлена восемью способами. Высокопродуктивными способами (72–92 %) является гендерная модификация, склоняемость, стирание морфемных границ. Среднепродуктивный способ (67 %) – вхождение однокоренных англицизмов в парадигматический ряд. Низкопродуктивные способы (9–51 %) представлены субституцией суффиксов, изменением частеречной принадлежности.

Заключение. На наш взгляд, практической значимостью исследования английских заимствований в терминологии экономики в русском языке является прежде всего улучшение качества преподавания экономической терминологии посредством внедрения курсов по лингвистической адаптации экономических терминов, создания методических разработок, описывающих и классифицирующих механизмы заимствования.

Далее результаты нашего исследования могут быть использованы в создании рекомендаций по трансформации терминов и базы данных эффективных переводческих решений, что приведет к усовершенствованию переводческих стратегий. В контексте разработки рекомендаций по унифицированию заимствований возможно формирование стандартизированных подходов к заимствованию. Дополнительными направлениями применения являются проведение экспертных проверок качества составления деловой документации, лингвистических тренингов для переводчиков и специалистов сферы экономики, создание программ с ИИ для автоматизированного перевода экономических текстов.

Перспективы дальнейших исследований представляются в создании многофакторной шкалы оценки адаптационной способности заимствований, формировании механизмов прогнозирования успешности/неуспешности заимствования, сравнительном анализе адаптационных механизмов в родственных и неродственных языках, а также описании лингвокультурных особенностей восприятия заимствований.

Таким образом, результаты исследования показывают комплексный характер адаптации англицизмов в терминологии экономики в русском языке. Высокопродуктивные способы фонетической, графической и морфологической адаптации англицизмов в этой сфере способствуют гибкости терминов в языке-реципиенте и легкости в восприятии носителями языка. Среднепродуктивные способы имеют свои ограничения и недостатки, а низкопродуктивные приводят к созданию неестественных по звучанию и графике терминов, отсутствию гибкости в адаптации в русской языковой среде, что снижает частоту их использования в экономическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Halliday M., Matthiessen C. An Introduction to Functional Grammar. 3rd ed. London: Routledge, 2004. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203783771>
2. Поливанов Е. Д. Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков // Записки Восточн. отд. Императорск. рус. археологич. общ-ва. СПб.: Тип. Императорск. Акад. наук, 1915. Т. XXII, вып. I-II. С. 173–190.
3. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996.
4. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956.
5. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.
6. Беликова И. Ф. Морфологические преобразования в языке как результат заимствований: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза, М., 1988.
7. Tannen D. Gender and Discourse. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994.
8. Кубрякова Е. С. Об основных единицах лингвистического анализа и предмете морфологии // Морфологическая структура слова в языках различных типов / отв. ред. В. И. Жирмунский, О. П. Суник. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 179–182.

9. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков). 4-е изд., стереотип. М.: ЛКИ, 2019.
10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
11. Сурначева П. А., Файда В. В. Русификация заимствований из английского языка в российской бизнес-сфере // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: сб. материалов XXIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2024. С. 266–271.
12. Бондарева Е. В. Особенности заимствования неологизмов из английского в русский и испанский языки: сопоставительный анализ // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 158–167. DOI: 10.24866/2949-2580/2024-4/158-167
13. Заимствования из английского языка в русский в сфере информационных технологий / К. А. Забродина, В. С. Сафронова, В. С. Родионов, Н. В. Исхаков // Инжиниринг и технологии. 2021. Т. 6, № 2. С. 44–46. DOI: 10.21685/2587-7704-2021-6-2-9
14. Balakireva A. A. Terminological borrowings from English into Russian (using the example of the IT-term provider) // Язык и межкультурная коммуникация: сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Астрахань: Астраханский гос. ун-т им. В. Н. Татищева, 2024. С. 389–393.
15. Kozlov A. O. Terminological borrowings from English to Russian in the field of IT technologies (Server) // Язык и межкультурная коммуникация: сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Астрахань: Астраханский гос. ун-т им. В. Н. Татищева, 2024. С. 460–463.
16. Obidina O. O. Terminological borrowings from English to Russian in the field of IT technologies (Cookie) // Язык и межкультурная коммуникация: сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Астрахань: Астраханский гос. ун-т им. В. Н. Татищева, 2024. С. 478–482.
17. Сапсай К. В. Неоправданные заимствования из английского языка как проблема нарушения коммуникации // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2023. № 1 (3). С. 348–351.
18. Avetisyan N. G. Growing trend towards borrowing from English – threat to the Russian language? // Moscow State Univ. Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2021. № 1. P. 62–71.
19. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь // Gufo.me. URL: <https://gufo.me/dict/tikhonov> (дата обращения: 09.03.2025).
20. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка // Gufo.me. URL: <https://gufo.me/dict/krylov> (дата обращения: 09.03.2025).
21. Экономический словарь терминов // Gufo.me. URL: https://gufo.me/dict/economics_terms (дата обращения: 10.03.2025).
22. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка (1935–1940). Т. 1 // Повто.ру. URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0058.htm (дата обращения: 09.03.2025).

Информация об авторе.

Брагина Эльмира Раясовна – кандидат филологических наук (2001), доцент (2005), доцент отдела междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров Института экономических исследований, ул. Университетская, д. 77, Донецк, ДНР, 283048, Россия. Автор более 65 научных публикаций. Сфера научных интересов: теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, межкультурная коммуникация, ESP.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 09.09.2025; принята после рецензирования 15.01.2026; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. Halliday, M. and Matthiessen, C. (2004), *An Introduction to Functional Grammar*, 3rd ed., Routledge, London, UK. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203783771>
2. Polivanov, E.D. (1915), "Comparative-Phonetic Outline of Japanese and Ryukyuan Languages", *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Proc. of the Eastern Department of the Imperial Russian Archaeological Society], Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, SPb., RUS, vol. XXII, iss. I-II, pp. 173–190.
3. Reformatskii, A.A. (1996), *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics], in Vinogradov, V.A. (ed.), Aspect Press, Moscow, RUS.
4. Zhirmunskii, V.M. (1956), *Nemetskaya dialektologiya* [German dialectology], Izd-vo Akad. nauk SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.
5. Krysin, L.P. (1968), *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Borrowed Words in Modern Russian Language], Nauka, Moscow, USSR.
6. Belikova, I.F. (1988), "Morphological Transformations in Language as a Result of Borrowings", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after by Maurice Thorez, Moscow, USSR.
7. Tannen, D. (1994), *Gender and Discourse*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
8. Kubryakova, E.S. (1963), "On the Basic Units of Linguistic Analysis and the Subject of Morphology", *Morfologicheskaya struktura slova v yazykakh razlichnykh tipov* [Morphological Structure of Words in Languages of Various Types], in Zhirmunskii, V.I. and Sunik, O.P. (eds.), Izd-vo Akad. nauk SSSR, Moscow, USSR, pp. 179–182.
9. Kubryakova, E.S. (2019), *Osnovy morfologicheskogo analiza (na materiale germanskikh yazykov)* [Fundamentals of Morphological Analysis (Based on Germanic Languages)], 4th ed., Moscow, LKI, RUS.
10. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live By*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
11. Surnacheva, P.A. and Faida, V.V. (2024), "Russification of borrowings from English in the Russian business sphere", *Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya, yazykovoï kommunikatsii i lingvodidaktiki* [Current Problems of Linguistics, Translation Studies, Language Communication, and Linguodidactics], Reshetnev Univ., Krasnoyarsk, RUS, pp. 266–271.
12. Bondareva, E.V. (2024), "Specific Features of borrowing neologisms from English into Russian and Spanish: a comparative analysis", *Far Eastern Philological J.*, vol. 2, no. 4, pp. 158–167. DOI: [10.24866/2949-2580/2024-4/158-167](https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/158-167)
13. Zabrodina, K.A., Safronova, V.S., Rodionov, V.S., Iskhakov, N.V. (2021), "English in the field of borrowings in Russian", *Engineering and Technology*, vol. 6, no. 2, pp. 44–46. DOI: [10.21685/2587-7704-2021-6-2-9](https://doi.org/10.21685/2587-7704-2021-6-2-9)
14. Balakireva, A.A. (2024), "Terminological borrowings from English into Russian (using the example of the IT term "provider")", *Language and Intercultural Communication: Proc. of the XVIII Int. Scientific and Practical Conference*, Astrakhan Tatishchev State Univ., Astrakhan, RUS, pp. 389–393.
15. Kozlov, A.O. (2024), "Terminological borrowings from English to Russian in the field of IT technologies (Server)", *Language and Intercultural Communication: Proc. of the XVIII Int. Scientific and Practical Conference*, Astrakhan Tatishchev State Univ., Astrakhan, RUS, pp. 460–463.
16. Obidina, O.O. (2024), "Terminological borrowings from English to Russian in the field of IT technologies (Cookie)", *Language and Intercultural Communication: Proc. of the XVIII Int. Scientific and Practical Conference*, Astrakhan Tatishchev State Univ., Astrakhan, RUS, pp. 478–482.
17. Sapsai, K.V. (2023), "Unjustified borrowings from English as a problem of communication breakdown", *Byulleten' gumanitarnykh issledovaniï v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve* [Bulletin of Humanitarian Studies in Interdisciplinary Scientific Space], no. 1 (3), pp. 348–351.
18. Avetisyan, N.G. (2021), "Growing trend towards borrowing from English – threat to the Russian language?", *Moscow State Univ. Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 62–71.

19. Tikhonov, A.N. (n. d.) "Morphemic-Orthographic Dictionary", *Gufo.me*, available at: <https://gufo.me/dict/tikhonov> (accessed 09.03.2025).

20. Krylov, G.A. (n. d.) "Etymological Dictionary of the Russian Language", *Gufo.me*, available at: <https://gufo.me/dict/krylov> (accessed 09.03.2025).

21. "Economic Dictionary of Terms", *Gufo.me*, available at: https://gufo.me/dict/economics_terms (accessed 10.03.2025).

22. Ushakov, D.N. (n. d.), "Explanatory Dictionary of the Russian Language (1935–1940)", vol. 1, *Povto.ru*, available at: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0058.htm (accessed 09.03.2025).

Information about the author.

Elmira R. Bragina – Can. Sci. (Philology, 2001), Docent (2005), Associate Professor at the Department of Interdisciplinary Scientific Research, Innovation and Training of Scientific and Pedagogical Personnel, Institute of Economic Research, 77 Universitetskaya str., Donetsk, DPR 283048, Russia. The author of more than 65 scientific publications. Area of expertise: theoretical, applied, and comparative linguistics, cross-cultural communication, ESP.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.09.2025; adopted after review 15.01.2026; published online 20.04.2026.

Оригинальная статья

УДК 81.42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-180-199>

Лингвистическая модель приграничного миграционного дискурса (на материале английского языка)

Екатерина Олеговна Зубарева¹✉, Екатерина Сергеевна Ложкина²

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹✉ fialka21-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>

²7heusername1sal1e@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5572-0917>

Введение. В статье рассматривается модель приграничного миграционного дискурса на материале английского языка на примере американо-мексиканской границы. Актуальность предлагаемого исследования связана с возрастающим интересом лингвистов к сложному феномену миграции, а также с тем, что данный тип дискурса впервые выделяется авторами самостоятельно. Цель исследования – построить лингвистическую модель приграничного миграционного дискурса с помощью привлечения корпусных технологий.

Методология и источники. В качестве основных методов исследования были использованы интерпретация, категоризация, систематизация и контекстуальный и дефиниционный анализ. Материалом для работы послужила глава «The Border» из книги Lily Ana Chavez «Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood» [1], объемом 65 600 печатных знаков без пробелов.

Результаты и обсуждение. Данное исследование выполнено в рамках миграционной лингвистики, одной из ее задач является изучение миграционного нарратива, с помощью которого формируется определенное отношение принимающего общества к разным категориям участников миграционных процессов и их образов. Опираясь на концепции Г. Г. Слышкина и В. И. Карасика, авторы выделяют приграничный миграционный дискурс как особый тип и аргументируют свою позицию. В статье представлена модель данного типа дискурса, включающая 1560 лексем, 15 семантических модулей и 13 микромодулей.

Заключение. В результате установлено, что к ядру модели приграничного миграционного дискурса относятся семантические модули «Участники миграции» и «Граница»; к ближней периферии – «Закон», «Гражданство», «Миграционная политика» и «Безопасность»; к дальней периферии – «Театральность», «Экономика», «Этническая принадлежность», «Коммуникация», «Документы» и «Современные технологии».

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, приграничный дискурс, лингвистическое моделирование, модель, семантический модуль, граница

Для цитирования: Зубарева Е. О., Ложкина Е. С. Лингвистическая модель приграничного миграционного дискурса (на материале английского языка) // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 180–199. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-180-199

© Зубарева Е. О., Ложкина Е. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Linguistic Model of Cross-Border Migration Discourse (Based on the English Language)

Ekaterina O. Zubareva^{1✉}, **Ekaterina S. Lozhkina**²

^{1, 2}Perm State University, Perm, Russia

¹✉fialka21-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>

²heusername1sal1e@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5572-0917>

Introduction. The article is examined a model of cross-border migration discourse based on the English language on the example of the US-Mexican border. The relevance of the proposed research is related to the increasing interest of linguists in the complex migration phenomenon, as well as the fact that this type of discourse is first identified by the authors independently. The aim of the study is to build a linguistic model of cross-border migration discourse by using corpus technologies.

Methodology and sources. Interpretation, categorization, systematization, and contextual and definitional analysis were used as the main research methods. The material for the work was the chapter “The border” from the book “Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood” by Lily Ana Chavez [1], with a volume of 65,600 pp. without spaces.

Results and discussion. This study was carried out within the framework of migration linguistics, one of the tasks of which is to study the migration narrative, through which a certain attitude of the host society towards different categories of participants in migration processes and their images are formed. Based on the concepts of G.G. Slyshkin and V.I. Karasik, the authors identify the cross-border migration discourse as a special type of discourse and argue their position. The article is presented a model of this type of discourse, including 1560 lexemes, 15 semantic modules and 13 micromodules.

Conclusion. As a result, the semantic modules “Migration participants” and “Border” belong to the core of the model of cross-border migration discourse. The near periphery includes “Law”, “Citizenship”, “Migration Policy” and “Security”. The far periphery includes “Theatricality”, “Economy”, “Ethnicity”, “Communication”, “Documents” and “Modern technologies”.

Keywords: migration linguistics, migration discourse, cross-border discourse, linguistic modeling, model, semantic module, border

For citation: Zubareva, E.O. and Lozhkina, E.S. (2026), “Linguistic Model of Cross-Border Migration Discourse (Based on the English Language)”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 180–199. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-180-199 (Russia)

Введение. Благодаря лингвистическому интересу к феномену миграции возникла миграционная лингвистика – научное направление, занимающееся изучением миграционного нарратива, языковой динамики, лингвотолерантностью и лингвоконфликтотенностью [2; 3].

Одним из основных объектов изучения миграционной лингвистики является миграционный дискурс и его моделирование. Термин «дискурс» имеет множество определений. Согласно точке зрения З. Харриса, дискурс – это предложения, произнесенные или написанные последовательно одним или более человеком в определенной ситуации [4, р. 3]. По мнению В. Е. Чернявской, дискурс – это «языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность» [5, с. 11]. Г. Г. Слышкин

утверждает, что «любая единица языка или речи может служить основной для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта. Это касается и дискурса... Дискурс будет являться объектом, а концепт – инструментом анализа» [6, с. 38–39]. В нашей работе концепт понимается как способ квантификации и категоризации знаний человеческого опыта, единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [7, с. 70].

Отечественные исследователи выделяют миграционный дискурс как самостоятельный тип дискурса [8, с. 37] и определяют его как «вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные практики, социальные агенты, участники, вовлеченные в социальные события» [2, с. 120]. Согласно концепции Т. ван Дейка, миграционный дискурс – это сложная структура, включающая лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты и рассматриваемая как идеологический конструкт, который выражает определенную позицию общества и формирует отношение к миграции и ее участникам [9].

Миграционный дискурс интерферентен, он включает в себя элементы других дискурсов, так как феномен миграции сложен и многоаспектен и является объектом исследования не только лингвистики, но других наук: политологии, социологии, демографии и пр. Миграционный дискурс обладает разножанровой структурой и имеет множество субдискурсов, например, политический, медийный, парламентский, юридический миграционный и т. п. [8, с. 35].

Миграционный дискурс рассматривается как институциональный, т. е. как «общение в рамках статусно-ролевых отношений, речевое взаимодействие представителей социальных групп/институтов друг с другом» [10, с. 291], и для его описания используются следующие параметры: «типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы» [10, с. 314]. Таким образом, участники общения являются системообразующим признаком миграционного дискурса так же, как и особый хронотоп.

Объектом данного исследования является приграничный миграционный дискурс, который мы выделяем на основе концептуального подхода, одного из его ключевых концептов «граница» и на основе объектно-субъектного подхода. Приграничный миграционный дискурс имеет свой круг участников, например, мигранты, приграничники, офицеры, контрабандисты, пункты контроля и прочее, хронотоп, обладает своими ценностями и специальной лексикой, которая рассматривается в работе.

Авторы предлагают модель приграничного миграционного дискурса. В настоящее время метод моделирования активно применяется в лингвистике, под моделью понимается «искусственно создаваемое реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее языковое явление в более упрощенном виде» [11, с. 304]. Любая модель должна обладать однозначностью, четкой связной структурой и иметь объяснительную силу. К основным теоретическим требованиям модели относятся полнота, простота, объяснительная сила, адекватность, экономность и точность [12, с. 98].

Методология и источники. Материалом для данного исследования послужила глава «The Border» англоязычной научной работы «Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood» [1], посвященная национальным границам и их роли в укреплении государства. Для построения модели приграничного миграционного дискурса использована программа AntConc, позволяющая создать собственный лингвистический корпус из

документа в формате txt и осуществить его количественный и качественный контент-анализ. Традиционные лингвистические методы анализа текста позволяют выполнить данную задачу, однако, они менее эффективны, если вместе с ними не используются методы компьютерного анализа текста [13, с. 147].

Корпусный анализ осуществлялся по следующей методике: сначала в оригинальном англоязычном тексте главы нами вручную были выделены лексические единицы и словосочетания (например, *exposed to death* или *human cargo*), которые, на наш взгляд, тесно связаны с приграничным миграционным дискурсом и которые представляют интерес для дальнейшего анализа. Далее все лексемы были распределены по семантическим модулям и микромодулям, например, модуль «Участники миграции» и его микромодули «Мигрант», «Государство», «Регионы, страны и города» и «Контрабандисты». Уточним, что под семантическими модулями мы подразумеваем определенную систему, которая позволяет обрабатывать и интерпретировать языковые явления [14, с. 10]. Он представляет собой конкретный набор языковых средств, объединенных общей тематикой. Отметим, что одна и та же лексема может входить в несколько модулей, например, словосочетание *national safety* входит как в модуль «Миграционная политика», так и в модуль «Безопасность». Затем оригинальный текст главы был скопирован в документ формата txt и загружен в приложение AntConc в виде «Quick Corpus» или временного корпуса. Далее в поисковую строку поочередно вводили заранее выделенные леммы, настроив соответствующие параметры поиска. Форма множественного числа некоторых лексем находилась либо после добавления к исходной лемме окончания *-s*, либо после ее постановки в нерегулярную форму множественного числа. Далее результат для форм каждой леммы суммировался, например, количество найденных лексем *border* складывалось с количеством *borders*, и фиксировался нами в отдельном документе.

В процессе анализа были получены статистические данные о частотности употребления тех или иных лексем в тексте. Статистические данные играют большую роль в моделировании, так как позволяют выделить наиболее частотные лексемы и впоследствии определить, какие модули относятся к ядру, ближней и дальней периферии лингвистической модели. Процентный объем модулей рассчитывался следующим образом: количество лексем, входящих в семантический модуль, делилось на общее количество всех выявленных лексем (1560).

В каждом модуле лексемы перечисляются в порядке убывания частотности, также приводятся по два примера, иллюстрирующих реальное функционирование некоторых лексем, входящих в модуль. В результате интерпретации и классификации материала были сформированы следующие семантические модули и микромодули.

1. Участники миграции (39,4 %): community (7), man (7), woman (6), actant (2), employer (2), parent (2), asylum interviewer (1), child (1), enclave (1).

For example, he concludes that women are likely to be targeted by the border according to their sexuality and men according to their religion and ethnicity. – Например, он приходит к выводу, что на границе женщины, скорее всего, будут оцениваться по критерию сексуальной привлекательности, а мужчины – по их религии и этнической принадлежности¹.

¹ Перевод примеров выполнен авторами.

Additionally, to label the migrant community as “invisible” would be a dismissal of the perception of the people who live in that community, many of whom are migrants or relatives of migrants and, thus, to whom migrants are incredibly visible. – Кроме того, назвать сообщество мигрантов «невидимым» означало бы проигнорировать восприятие людей, живущих в этом сообществе, многие из которых являются мигрантами или их родственниками, и для которых, следовательно, мигранты очень заметны.

1.1. Мигрант (18,1 %): migrant (157), quasi-citizen (23), homo sacer (19), anti-citizen (18), bare life (18), undesirable person (8), immigrant (6), refugee (5), border-crosser (4), outsider (4), enemy (3), non-citizen (3), stateless person (2), asylum recipient (1), asylum seeker (1), biopolitical body (1), border transgressor (1), excluded subject (1), human cargo (1), intersectional identity (1), Iranian goshand (1), labour market problem (1), sacrificial creature (1), Spanish pollo (1), subordinate body (1), target of erasure (1), renshu (1).

Ultimately, I intend to illustrate the national border not as a barrier that distinguishes insider from outsider, but as a boundless and exploitative rendering process that intends to convert migrants into subordinate bodies, upon which the sovereign nation-state may capitalize. – В конечном счете мы охарактеризуем национальную границу не как барьер, который позволяет отделить «своего» от «чужого», а как нескончаемый эксплуатационный процесс преобразований, направленный на превращение мигрантов в подчиненный человеческий ресурс, который суверенное государство может использовать ради собственной выгоды.

Sovereign power produces migrants as excluded subjects to be dealt with violently while simultaneously neutralizing their ability to resist or protest. – Суверенная власть позиционирует мигрантов как «исключенных» субъектов, к которым нужно применять насилие, одновременно нейтрализуя их способность к сопротивлению или протесту.

1.1.1. Характеристики мигранта (3,8 %): labor (15), unauthorized (8), undesirable (8), exposed to death (4), visible (4), documented (3), undocumented (3), dangerous (2), deserving (2), illegal (2), authorized (1), cisgender (1), good (1), helpless (1), heterosexual (1), immoral (1), irresponsible (1), needy (1), profound (1), sad (1).

Nevertheless, this discourse of humanitarianism works to remedy the concerns of citizens who find themselves concerned about the fate of “good” migrants, “refugees” as opposed to drug dealers and violent criminals. – Тем не менее этот дискурс гуманизма направлен на успокоение граждан, озабоченных судьбой «хороших» мигрантов и «беженцев», которые противопоставляются наркоторговцам и жестоким преступникам.

He references an experience of his own, in which he and others were advised to wear dirty clothes to their UNHCR interview in order to appear “sad” and “profound”. – Он ссылается на свой собственный опыт, когда ему и другим людям посоветовали надеть грязную одежду на интервью в УВКБ ООН, чтобы казаться «печальными» и «проникновенными».

1.2. Государство (12 %): nation-state (53), citizen (42), state (19), country (12), detention center (10), authority (8), officer (6), government (5), insider (4), nation (4), border guard (3), borderland (3), border agent (2), border policing (2), Custom (2), media (2), agent of sovereignty (1), figure of sovereignty (1), immigration policy (1), permanent resident (1), politico-legal subject (1), roving patrol (1), sovereign body (1).

The myth of border securitization as an act of benevolence towards migrants eases the conscience of citizens while also fostering a paternalistic narrative: one that illustrates an idealistic portrait of the nation-state, extending a generous hand to the helpless, needy migrant. – Миф об охране границ как акте добродетели по отношению к мигрантам облегчает совесть граждан и одновременно способствует формированию патерналистского нарратива, иллюстрирующего идеалистический портрет национального государства, протягивающего щедрую руку помощи беззащитному и нуждающемуся мигранту.

General police officers may also question a person's legal status, meaning the migrant is at risk of deportation or detention if they are approached by officers even during day-to-day activities, such as driving or walking. – Сотрудники полиции могут также спрашивать человека о его правовом статусе. Это означает, что если к мигранту обращается полицейский, он подвергается риску депортации или задержания даже во время повседневной деятельности, например во время вождения или прогулки.

1.3. Регионы, страны и города (2,9 %): Sweden (5), the United States (5), EU (4), Southwestern U.S. Border (3), Global North (2), Global South (2), London (2), Mediterranean EU Border (2), Middle East (2), Nazi Germany (2), African (1), American (1), Bristol (1), Central American countries (1), Chicago (1), El Salvador (1), European countries (1), Guinea (1), Honduras (1), Iran (1), Los Angeles (1), Mexico (1), New York City (1), Palestine (1), South Africa (1), Spanish-African border (1).

Khosravi shares the experience of a Guinean man named Lamin, who spent over ten years seeking asylum in various European countries and the United States before he was deported back to Guinea from Sweden. – Кошрави рассказывает о случае гвинейца по имени Ламин, который провел более десяти лет в поисках убежища в различных европейских странах и США, прежде чем был депортирован из Швеции обратно в Гвинею.

Two thirds of the U.S. population is located in this 100-mile zone, as are most of the largest cities in the country, including New York City, Los Angeles, and Chicago. – В этой стомильной зоне находится две трети населения США, а также большинство крупнейших городов страны, включая Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Чикаго.

1.4. Контрабандисты (0,7 %): smuggler (7), coyote (1), human trafficker (1), shetou (1), panish pollo (1).

A compelling example of this is the discourse surrounding human smuggling and trafficking pertaining to the border. – Ярким примером этого является дискурс вокруг контрабанды людей и связанной с границей торговли ими.

These terms include names such as the Spanish pollos (chickens) for Mexican border crossers and coyote for the smuggler; the Iranian gosfand (sheep) for "illegal" border crossers; and renshe (human snakes) for smuggled Chinese people and shetou (snakehead) for Chinese smugglers. – Эти термины включают такие названия, как испанское «pollos» («куры») для мексиканцев, пересекающих границу, и «coyote» («койот») для контрабандистов; иранское «gosfand» («овца») для нелегальных мигрантов; «renshe» (люди-«змеи») для незаконно ввозимых китайцев и «shetou» («змееголов») для китайских контрабандистов.

2. Граница (23,2 %): border (132), boundary (12), border-crossing (6), border-crosser (4), borderland (3), passage (2), bordering process (1), border space (1), border transgressor (1), boundary-ness (1).

The conventional premise of the national border maintains a territorial and spatial indication, as it supposedly refers to the boundary that sits between one nation-state and the next. – Традиционно понятие государственной границы включает в себя компоненты «пространство» и «территория», поскольку оно, как считается, обозначает рубеж, проходящий между одним национальным государством и другим.

The territories across which those borders transverse may be referred to as “borderlands”, and, in some circumstances, communities on either side of a border function as one, unbridled by national constraints. – Земли, через которые проходят эти границы, можно назвать «приграничными территориями», и в некоторых обстоятельствах общества по обе стороны рубежа функционируют как единое целое, не сдерживаемое национальными ограничениями.

2.1. Контроль границ (4,4 %): Border Gaze (16), Border Spectacle (15), securitization (10), officer (6), border enforcement (3), border guard (3), point/port/area of entry (3), border agent (2), border policing (2), checkpoint (2), Custom (2), inspection (2), Border Patrol (1), boundary of protection (1), drone (1), motion sensor (1).

However, border politics and policing may be traced far beyond the border and even beyond the borderlands, materializing along the complex dynamics of deportations, detentions, raids, and the importation of (often unauthorized) migrant labor. – Однако пограничная политика и деятельность пограничных служб могут проследиваться далеко за пределами границ и даже близких к ним территорий, реализуясь в сложной динамике депортаций, задержаний, рейдов и зачастую нелегального ввоза трудовых мигрантов.

Customs and Border Patrol (CBP) agents carry out certain tasks that demonstrate the exceptionality of the region from the Fourth Amendment, including the operation of checkpoints on major highways and secondary roads, at which every motorist is stopped and asked for their immigration status. – Сотрудники погранично-таможенной службы (ПТС) выполняют определенные задачи, которые демонстрируют исключительность региона согласно Четвертой поправке, включая работу контрольно-пропускных пунктов на основных магистралях и второстепенных дорогах, где каждого водителя останавливают и уточняют его иммиграционный статус.

2.2. Виды границы (3,4 %): national (34), securitized (6), physical (4), invisible (2), racialized (2), externalized (1), internalized (1), land (1), sea (1).

Navigating a national border, particularly those that are highly securitized, provides a scene for the demonstration of necropower wherein migrants are exposed to violence in a number of forms. – Пересечение государственных границ, особенно тех, которые тщательно охраняются, предоставляет возможность демонстрации некровласти, когда мигранты подвергаются различным формам насилия.

“My status as a Swedish citizen disappeared at the racialized border because of my face,” he writes, referring to the fact that the basis of the interrogation was racially motivated on the basis of his appearance. – «Мой статус гражданина Швеции исчез на расиализованной границе из-за моего лица», – пишет он, имея в виду тот факт, что основанием для допроса послужила расовая принадлежность, выводы о которой представители власти сделали по его внешности.

2.3. Пограничная политика (3,3 %): Border Spectacle (15), border politics/policy (14), border rendering process (9), rebordering politics (4), border localization (6), border violence (1), border exploitativeness (1), debordering policy (1), inflation of the border (1).

In order for the border spectacle – which that characterizes the border as a boundary of protection between insiders and outsiders – to be maintained, then, the state must rely on the making of those complex internal dynamics as banal. – Чтобы продолжать «пограничный спектакль», характеризующий границу как защитный барьер между «своими» и «чужими», государство должно попытаться превратить сложную внутреннюю динамику в простую.

I argue that border violence is another method of political erasure that stands beside the subordinate inclusion of migrant labor. – Мы утверждаем, что насилие на границе – это еще один метод политического «стирания», который стоит рядом с эксплуатационным «включением» трудовых мигрантов.

2.4. Определение границы (1,5 %): aphysical entity/dimension (4), Southwestern U.S. Border (3), barrier (2), Mediterranean EU Border (2), boundary of protection (1), barbed-wire fence (1), border ubiquitousness (1), functional nexus (1), hollow outline (1), inevitable seam (1), juncture of two nation-states (1), obstacle (1), semi-tangible suture (1), Spanish-African border (1), spatial entity (1), spatial indication (1), wall (1).

De Genova is highlighting a crucial truth about national borders: they are not an inevitable seam between one country and another, but an aphysical dimension produced through a series of practices perpetuated by border politics and policing. – Де Генова подчеркивает важнейшую правду о государственных границах: они являются не неотъемлемым барьером между одной страной и другой, а афизическим образованием, созданным посредством ряда практик, закреплённых пограничной политикой и пограничными службами.

The nation-state system is based on the functional nexus between a determinate localization (territory) and a determinate order (the state). – Система национального государства основана на функциональной связи между определенной локализацией (территорией) и определенным порядком (государством).

3. Процессы, связанные с миграцией (16,5 %): violence (39), exclusion/exception (26), exploitation (22), (political) erasure (19), inclusion (15), production/reproduction (15), deportation/deporting/deportability (14), securitization (11), subordination/subjugation (11), detention (10), border rendering process (7), localization (7), instrumentalization (4), rebordering politics (4), colonization (2), denationalization (2), destruction (2), discrimination (2), inflation (2), inspection (2), persecution (2), sovereign self-legitimation (2), immobilization (3), importation (3), interaction (3), militarization (3), raid (3), territorialization/reterritorialization (3), war (3), animalization (1), asylum process (1), banishment (1), cultural degradation (1), debordering politics (1), dehumanization (1), detection (1), division (1), interception (1), national identity-making (1), political recognition (1), regulation of mobility (1), searches (1), segregation (1), slavery (1), social sorting (1), struggle for autonomy (1), suicide bombing (1).

In order to demonstrate the employment necropolitics in all its forms, Mbembe draws on “topographies of cruelty” such as the colony and the plantation, referencing historical instances such as apartheid in South Africa, chattel slavery, war, suicide bombings, and the colonization of Palestine. – Чтобы продемонстрировать применение некрополитики во всех ее формах, Мбе-мбе опирается на «топографии жестокости», такие как колония и плантация, ссылаясь на исторические примеры: апартеид в Южной Африке, рабство, война, самоподрывы смертников и колонизация Палестины.

According to Khosravi, "...borders regulate movements of people. While a small category of people enjoy unrestricted mobility rights, most people are caught within borders. The regulation of mobility operates through social sorting that involves sexual, gender, racial and class inequalities". – Согласно Кошрави, «...границы регулируют перемещения людей. В то время как лишь небольшая категория людей обладает неограниченными правами на передвижение, большинство сковано границами. Регулирование мобильности осуществляется посредством социального отбора, который включает в себя половое, гендерное, расовое и классовое неравенство».

4. Закон (14,4 %): law (24), enforcement (8), legal status (6), officer (6), legitimacy (3), order (3), empowerment (2), self-legitimation (2), sovereign ban (2), Anti-terrorism Act (1), lawmaking (1), legacy (1), juridical language (1), juridical relation (1), punishment (1).

In the detention center, the migrant is the subject of the law, but to them the law is impervious – they are given little to no opportunity to access the law, through due process or otherwise. – В центре содержания мигрант подчиняется закону, но для него этот закон недостижим – у мигранта практически нет возможности получить доступ к закону в рамках надлежащей правовой процедуры или иным образом.

He first points to Eurocentric global hegemony in order to detail the racialization of borders, noting the importance of having "the ability to translate one's life story into Eurocentric juridical language and to perform the role expected of the refugee" in order to successfully obtain refugee status. – Сначала он указывает на евроцентрическую глобальную гегемонию, чтобы подробно описать расиализацию границ, отмечая важность наличия «способности перевести историю своей жизни на евроцентрический юридический язык и выполнить роль, ожидаемую от беженца» для успешного получения статуса беженца.

4.1. Правонарушения (8,8 %): violence (39), exploitation (22), detention (10), detention center (10), illegality (8), violation (7), crime (5), killing (5), prison (4), apprehension (3), sexual assault (3), concentration camp (2), human smuggling (2), importation of unauthorized migrant labor (2), persecution (2), trafficking (2), bribery (1), custody (1), death camp (1), domestic violence (1), drug trade (1), extermination camp (1), robbing (1), sexual abuse (1), suicide bombing (1), terror (1), transgression (1), violent crime (1), warrantless stop (1).

Even authorized migrants, adds Khosravi, are subject to robbing and bribery – if the migrant fails to comply, they could be arrested. – Даже легальные мигранты, как добавляет Кошрави, подвергаются грабежу и вымогательству; если мигрант не подчинится, его могут арестовать.

Additionally, migrants may be exploited in other ways, with fear of deportation deterring them from reporting crimes such as sexual assault and domestic violence. – Кроме того, мигрантов могут эксплуатировать и другими способами: страх перед депортацией удерживает их от сообщений о таких преступлениях, как сексуальное и домашнее насилие.

4.2. Правонарушители (1,6 %): smugglers (7), bandit (4), criminal (4), border transgressor (1), coyote (1), drug dealer (1), goshand (1), human trafficker (1), rapist (1), renshu (1), shetou (1), Spanish pollo (1), terrorist (1).

Upon his refusal to answer several of the officer's questions, Khosravi was informed he could be detained for up to nine days under an act known as the Anti-Terrorism Act. – После того как Кошрави отказался отвечать на некоторые вопросы офицера, ему сообщили, что он может быть задержан на срок до девяти дней в соответствии с законом, известным как закон о борьбе с терроризмом.

He adds that authorities are unlikely to hold these rapists accountable, which reveals a patriarchal quality of the nation state as it is based in conflating militarization, masculinity, and securitization. – Он добавляет, что власти вряд ли привлекут этих насильников к ответственности, что свидетельствует о патриархальном характере национального государства, поскольку оно основано на совокупности милитаризации, маскулинности и обеспечения безопасности.

5. Регулирование миграции (11 %).

5.1. Меры и процедуры (6,2 %): law (24), deportation/deporting/deportability (14), securitization (11), border rendering process (7), rule (6), rebordering politics (4), territorialization/reterritorialization (3), border control (2), border enforcement (2), denationalization (2), inspection (2), sovereign ban (2), banishment (1), confining (1), debordering politics (1), drone (1), expel (1), frisking (1), interception (1), motion sensor (1), questioning (1), random stop (1), search (1), UNHCR interview (1), warrantless stop (1).

While practices of scrutinization may differ depending on the national border and the port of entry in question, highly visible measures often accompany such experiences, including questioning and frisking performed publicly before others in the area. – Хотя практика досмотра может отличаться в зависимости от национальной границы и конкретного пункта въезда, подобный опыт часто сопровождается весьма показательными мерами, включая допросы и обыски, проводимые публично, на глазах у людей вокруг.

The United States serves as a fine example of “rebordering politics”: While the Fourth Amendment to the U.S. constitution protects people from random stops and searches, the federal government claims the power to conduct certain kinds of warrantless stops a “reasonable distance” from the border – 100 air miles from any external boundary in the U.S. – Соединенные Штаты служат прекрасным примером политики установления новых границ: в то время как Четвертая поправка к Конституции США защищает людей от необоснованных задержаний и обысков, федеральное правительство имеет право проводить определенные виды задержаний без ордера на «разумном расстоянии» от границы – 100 воздушных миль от любой внешней границы США.

5.2. Люди и институты (4,8 %): Border Gaze (16), detention center (10), smuggler (7), officer (6), bandit (4), prison (4), border guard (3), port/point/area of entry (3), border agent (2), border policing (2), checkpoints (2), concentration camp (2), Custom (2), militarized patrol (2), sovereign body (1), agent of sovereignty (1), asylum interviewer (1), Border Patrol (1), extermination camp (1), figure of sovereignty (1), hybrid collectif (1), immigration policy (1), roving patrols (1), trafficker (1), vigilante (1).

He also notes the risks faced by migrants who are not heterosexual or cisgender face a higher risk for violence and discrimination by smugglers, bandits, border guards, and asylum interviewers. – Он также отмечает, что нецисгендерные и негетеросексуальные мигранты подвергаются большему риску насилия и дискриминации со стороны контрабандистов, бандитов, пограничников и служащих, проводящих интервью для решения о предоставлении убежища.

According to Agamben, the concentration camp is the most salient manifestation of sovereign power, as the place in which bare life is most brazenly seized by the state. – Согласно Агамбену, концлагерь – это самое показательное проявление суверенной власти, место, где государство наиболее откровенно подчиняет себе «голую жизнь».

6. Гражданство (9,7 %): citizen (42), citizenship (32), quasi-citizen (23), anti-citizen (18), statelessness (7), legal status (6), asylum status (4), quasi-citizenship (4), non-citizen (3), residency (3),

denationalization (2), refugee status (2), anti-citizenship (1), country of residence (1), immigration status (1), political belonging (1), political disenfranchisement (1), resident (1).

Khosravi conceived of these terms in his auto-ethnography, stating that as there are citizens, there are too quasi-citizens and anti-citizens. – Кошрави создал эти термины и использовал их в своей автоэтнографии, заявив, что существуют как граждане, так и квазиграждане, и антиграждане.

I believe the term “erasure” is more accurate in describing the condition that Khosravi is articulating: the political disenfranchisement of a particular group contributing to the widespread neglect of that group, despite their (possibly vast) presence within the nation-state. – Мы считаем, что термин «стирание» более точно определяет состояние, которое описывает Кошрави: политическое бесправие определенной группы, способствующее повсеместному игнорированию этой группы, несмотря на, возможно, огромное количество ее представителей в национальном государстве.

7. Миграционная политика (6,9 %): sovereign violence (16), necropolitics (10), migrant subordination (9), necropower (9), border securitization (8), border rendering process (7), abandonment (4), discrimination (3), militarization (3), rebordering politics (3), cruelty (2), democracy (2), denationalization (2), depoliticize (2), Eurocentric standarts (2), global hegemony (2), inequity (2), migrant's inclusive exclusion (2), national sovereignty (2), political brutality (2), sovereign reproduction/production (2), subjugation (2), boundary of protection (1), dehumanization of the migrant (1), exploitativeness (1), immigration policy (1), national constraints (1), national «purity» (1), national safety (1), national security (1), political disenfranchisement (1), sovereign autonomy (1), state control (1), state violence (1).

Through various discursive practices, border securitization is touted as a virtuous measure intended to protect the innocent citizens within from the migrants without, who would otherwise threaten national safety and prosperity through practices such as drug trade, violent crime, and cultural degradation. – С помощью различных дискурсивных практик усиление контроля над границами преподносится как добродетельная мера, призванная защитить невинных граждан внутри страны от мигрантов, которые в противном случае угрожали бы безопасности и процветанию нации посредством торговли наркотиками, насильственных преступлений и культурной деградации.

This sovereign violence, carried out through numerous direct and indirect apparati of the state, is a manifestation of what is termed “necropolitics” - defined as the sovereign instrumentalization of death. – Суверенное насилие, осуществляемое через многочисленные прямо и опосредованно работающие государственные аппараты, является проявлением так называемой некрополитики, которую определяют как массовое уничтожение людей с помощью инструментов суверенной власти.

8. Безопасность (5,3 %): deportation/deporting/deportability (14), securitization (11), detention (10), detention center (10), officer (6), apprehension (3), border guards (3), border policing (2), checkpoints (2), Customs (2), inspection (2), raid (2), banishment (1), Border Patrol (1), detection (1), drone (1), economic security (1), expel (1), frisking (1), militarized patrols (1), motion sensors (1), national safety (1), national security (1), public transit inspections (1), random stops (1), roving patrols (1), security practices (1).

The migrant detention center is a powerful localization of inclusive exclusion, existing perhaps more as a tangible representation of the state of exception than anywhere else. – Центр содержания мигрантов – это служба, сосредотачивающая в себе «включающее исключение» в большей степени, чем любое другое место, представляющая собой осязаемое воплощение чрезвычайного положения.

But for those who can elude detection and evade apprehension and deportation there awaits, as their thankless reward, a protracted and indefinite social condition of deportability, and its attendant deprivations, which will supply the distinctive qualification of their labour-power. – Но тех, кто сумеет ускользнуть от обнаружения, избежать задержания и выдворения из страны, в качестве награды ожидает неопределенность, постоянный страх депортации и сопутствующие ему лишения, которые определяют их «особую» квалификацию работника.

9. Театральность (4,3 %): homo sacer (23), erasure of migrant (19), Border Spectacle (15), fictionalized enemy (2), sacrifice (2), spectacle of militarization (2), animalization (1), border ritual (1), inflation of the border (1), militarized obstacle course (1), political performance (1), topographies of cruelty (1).

This conventional perception of a national border perpetuates the notion that the border is a barrier between insider and outsider, and the spectacle of militarization that often occurs at national borders only reinforces this impression. – Такое восприятие границы укореняет представление о том, что она – это барьер между «своими» и «чужими», а частые случаи милитаризации приграничных зон только подкрепляют эту идею.

He concludes, “Dehumanized and represented in terms of chicken and sheep – two animals traditionally sacrificed in rituals – the border transgressors are sacrificial creatures for the border ritual”. – Он резюмирует: «Дегуманизированные и представленные в терминах “курица” и “овца” – двух животных, традиционно приносимых в жертву в ритуалах, нарушители границы становятся жертвами для пограничного ритуала».

10. Виды миграции (3,4 %): labor (26), deportation/deporting/deportability (14), journey (3), mobility (3), movement (3), importation of unauthorized migrant labor (2), expel (1), expulsion (1), settlement (1).

Those citizens who feel compassion for asylum-seekers, particularly those with knowledge of any persecution and strife that motivated their journey, are likely to believe refugees should be allowed passage past the border in search of a better life. – Граждане, которые испытывают сострадание к просителям убежища, особенно те, кто знают о преследованиях и беспорядках, побудивших их покинуть родную страну, скорее всего, считают, что следует дать разрешение на переход границы беженцам, ищущим лучшую жизнь.

He includes stateless people in refugee camps, alongside the settlement of new colonies and mass expulsions, among the practices that are “underwritten by the sacred terror of truth and exclusivity.” – Он включает переселения людей без гражданства в лагеря беженцев, а также основание новых колоний и массовые изгнания в число практик, которые «подкреплены священным террором истины и исключительности».

11. Экономика (3 %): prosperity (5), economic discrimination (2), employer (2), industry (2), American consumer (1), capital (1), capital-labour relation (1), capitalism (1), economic “benefit” (1), economic exploitation (1), economic security (1), economic strife (1), “extra-economic” violence (1), labour market problem (1), manufacturer (1), market (1).

Above all, they are portrayed as a “labour market problem”. – Прежде всего их представляют как «проблему рынка труда».

This form of exploitation contributes to the reproduction of sovereignty in two different ways; both isolating the migrant in exploitative conditions with little visibility to the public, and simultaneously benefiting the economy as manufacturers can keep costs low for the American consumer. – Такая форма эксплуатации способствует сохранению суверенитета двумя различными способами: мигранта эксплуатируют, практически полностью изолируя его от общества и одновременно с этим принося пользу экономике, поскольку производители могут поддерживать низкие цены для американского потребителя.

11.1. Трудовые отношения (1,5 %): migrant workers/migrant labor (9), labour-power (6), labor violation (2), labor exploitation (1), low wage (1), minimum wage (1), the most dangerous and low-paid job (1), source of labor (1), subordination of migrant labor (1), working conditions (1).

The specter of “illegality” accompanies them even to the workplace, where speaking out against labor violations risks deportation and thus makes reporting them more challenging. – Призрак «нелегальности» преследует мигрантов даже на рабочем месте, где выступление против нарушений прав трудящихся чревато депортацией, что заставляет мигрантов молчать.

Furthermore, the unauthorized migrants who disproportionately occupy the most dangerous and low-paid jobs in countries such as the United States (such as positions in the meatpacking industry) have few protections provided to them by the government. – Более того, нелегальные мигранты, выполняющие подавляющее большинство самых опасных и низкооплачиваемых работ в таких странах, как США (например, на мясокомбинатах), не обеспечены достаточной защитой со стороны государства.

12. Этническая принадлежность (2,5 %): race (4), appearance (3), background (3), ethnicity (3), xenophobic mode/stereotype (2), Chinese renshu (1), Chinese shetou (1), “civilized” Western values (1), lineage (1), prejudice (1), racial difference (1), racial division (1), segregation (1), Spanish pollo (1), Iranian gosfand (1).

The conditions of anti- and quasi-citizenship account for a person’s legal status, but also elements of their background such as their class, race, lineage, and other factors. – Условия анти- и квазигражданства определяются не только правовым статусом человека, но и такими характеристиками, как класс, раса, происхождение и другие факторы.

He illustrates this point by discussing how xenophobic stereotypes (gathered from figures like Osama Bin Laden and Saddam Hussein) allow a “primitive masculinity” to be ascribed to Muslim men in Sweden, contributing to the notion that Muslim men not only endanger Muslim women (who are similarly stereotyped as passive) but also are fundamentally at odds with “civilized” Western values. – Он иллюстрирует этот тезис, рассказывая о том, как ксенофобские стереотипы (основанные на таких фигурах, как Усама бен Ладен и Саддам Хусейн) позволяют приписывать «примитивную маскулинность» мужчинам-мусульманам в Швеции, способствуя формированию представления о том, что мужчины, исповедующие ислам, не только представляют опасность для мусульманок (которые аналогично стереотипизируются как безропотные), но и идут вразрез с «цивилизованными» западными ценностями.

13. Коммуникация (1,5 %): narrative (8), migrant’s own narrative (3), racialized discourse (2), rhetoric of “deservedness” (2), xenophobic mode/stereotype (2), discourse of humanitarianism

(1), discursive practice (1), everyday language (1), highly-public discourse (1), instrumentalization of discourse (1), juridical language (1), native language (1), paternalistic narrative (1), rhetoric (1).

Rather, what the erasure of migrants and migrant communities enables is the nation-state's improved ability to subordinate and exploit the migrant for its own gain, while simultaneously ensuring the narrative surrounding such exploitation and subordination remains within state control. – Скорее, «стирание» мигрантов и мигрантских сообществ позволяет национальному государству совершенствовать способность подчинять и эксплуатировать мигрантов в своих интересах, одновременно следя за обеспечением собственного контроля над нарративом, связанным с этой темой.

The implications of such images fuel a powerful discursive dynamic within the nation-state, and other implications that are far more subtle can be found even in everyday language. – Подтексты таких образов подпитывают мощную дискурсивную динамику внутри национального государства, а другие, гораздо менее очевидные, можно обнаружить даже в повседневном языке.

14. Документы (0,5 %): documentation (5), Anti-terrorism Act (1), U.S. Constitution (1), visa (1).

While a national border is most widely understood to be located at the juncture of two nation-states, De Genova describes border spaces to be a far more "variegated spectrum," encompassing points of entry within nations, such as airports – where migrants undergo inspection by authorities and are issued documents which may be issued and violated, such as visas. – В то время как государственная граница чаще всего понимается как место стыка двух национальных государств, де Генова описывает пограничные пространства как гораздо более «пестрый спектр», включающий в себя пункты въезда на территорию государства, такие как аэропорты, где мигранты проходят досмотр и получают или не получают документы, например визы.

The anti-citizen is perhaps the subject of the border gaze in its most unadulterated form, as they have no documentation of citizenship or residency to protect them from deportation or detention. – Антигражданин – это, пожалуй, самый очевидный объект наблюдения для «ока границы», поскольку у него нет документов, подтверждающих гражданство или место жительства, которые могли бы защитить его от депортации или задержания.

15. Современные технологии (0,2 %): advanced technology (1), drone (1), motion sensor (1).

In revisiting De Genova's concept of the Border Spectacle, I intend to examine how it functions through the dissemination of highly-public discourse and imagery that strengthen the public perception of the border as a dangerous boundary, which the government must securitize through heightened militarization and advanced technology (such as drones and motion sensors). – Возвращаясь к концепции Де Геновы о «пограничном спектакле», мы намерены изучить, как она функционирует благодаря распространению высокопубличного дискурса и образов, которые укрепляют общественное восприятие границы как опасного рубежа, который правительство должно охранять с помощью усиленной милитаризации и передовых технологий (таких, как дроны и датчики движения).

Анализ позволяет представить расширенную модель приграничного миграционного дискурса, которая включает 15 семантических модулей с входящими в них дополнительными микромодулями. Ядро модели включает в себя модули, в которые входит больше 15 % лексем: «Участники миграции», «Граница» и «Процессы, связанные с миграцией». К ближ-

ней периферии относятся модули объемом от 5 до 15 %: «Закон», «Регуляция миграции», «Гражданство», «Миграционная политика» и «Безопасность». В дальнюю периферию входят модули объемом менее 5 %: «Театральность», «Виды миграции», «Экономика», «Этническая принадлежность», «Коммуникация», «Документы» и «Современные технологии».

Наиболее объемный модуль – «Участники миграции», это подтверждает, что участники дискурса являются его системообразующей категорией. В этом модуле самыми частотными стали лексемы *migrant(s)* и *nation-state*. В контексте анализируемой главы эти участники миграционных процессов противопоставляются друг другу: государство нацелено на эксплуатацию мигрантов, лишение их базовых гражданских прав и «политической видимости». Также государство стремится к укреплению собственного суверенитета посредством создания искусственных нарративов об опасности мигрантов и о великодушии страны, принимающей их. Такой вывод можно сделать, опираясь в том числе на наиболее частотные лексемы модуля «Процессы, связанные с миграцией»: *violence, exclusion/exception, exploitation, (political) erasure*. Одной из причин возникновения подобного противостояния, отраженного в англоязычном дискурсе, может выступать миграционная политика, проводимая президентом США Дональдом Трампом, меры которой направлены против мигрантов и беженцев, особенно из латиноамериканских и мусульманских стран, против пребывания в стране детей мигрантов и незаконного ввоза людей на территорию США.

Микромодуль «Мигрант» представлен лексемами, с помощью которых на разных языках обозначают нелегальных мигрантов: *Iranian goshand, Spanish pollo, Chinese renshe*. Микромодуль «Контрабандисты» также включает в себя лексему из китайского языка, которая обозначает человека, занимающегося незаконным ввозом мигрантов: *shetou*.

В модуле «Граница», помимо ключевого для нашего исследования концепта BORDER, можно обнаружить несколько неочевидных определений границы: *aphysical entity/dimension, border ubiquitousness, functional nexus, inevitable seam, semi-tangible suture*. Эти абстрактные и метафорические образы связаны с восприятием границы автором главы. Граница является в первую очередь не физическим разделением двух государств, а эксплуатационным процессом, направленным на подчинение мигрантов с целью извлечения экономической или политической выгоды. Лексемы *border rendering process, border violence* и *border exploitativeness* также указывают на то, что упомянутые исследователи воспринимают границу именно таким образом.

Наиболее частотной лексемой в модуле «Закон» стала лексема *law*, упоминаемая в тексте 24 раза. Данная лексема принадлежит не только миграционному, но и юридическому дискурсу. В контексте главы закон – это то, чему мигрант обязан подчиняться, но чем у него нет права пользоваться для защиты себя и своих прав. Автор ссылается на работу Джорджо Агамбена «Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life» [15], где под «голой жизнью» подразумевается жизнь в исключительно биологическом смысле. Она противопоставлена «благой жизни» – возможности быть гражданином и влиять на политику своего государства. Автор рассуждает о том, как национальное государство приравнивало мигранта к «голой жизни», лишив его гражданских прав и возможности обратиться к закону. Впоследствии такое положение мигранта приводит к его практически беспрепятственной эксплуатации государством.

В микромодули «Правонарушения» и «Правонарушители» вошли характерные для криминального дискурса лексемы, указывающие на лиц, которые совершают как насильственные

(*killing, sexual assault, domestic violence, sexual abuse, suicide bombing, terror, violent crime*), так и ненасильственные преступления (*importation of unauthorized migrant labor, bribery, drug trade, transgression*). Согласно оригинальному тексту, мигрант либо является источником правонарушений, например торговли наркотиками и взяточничества, либо рискует стать жертвой правонарушителей, при этом практически не имея возможности отстоять себя, поскольку любое сообщение о жестоком обращении может обернуться для него депортацией.

В модулях «Регулирование миграции» и «Безопасность», помимо законов и миграционной политики, упоминаются также процедуры, которым мигрант с высокой вероятностью может быть подвергнут при пересечении границы: *deportation/deporting/deportability, inspection, confining, frisking, interception, questioning, random stop, search, warrantless stop*. В главе говорится, что мигранты являются одним из инструментов для изначальной их постановки в более уязвимое положение и дальнейшего подчинения: страх, вызываемый упомянутыми процедурами, будет вынуждать мигранта соглашаться на тяжелые условия работы и жизни в стране пребывания, чтобы избежать рисков столкновения с контролирующими органами.

В модуле «Гражданство» интерес вызывают следующие лексемы: *citizen, citizenship, quasi-citizen, anti-citizen, statelessness, quasi-citizenship, non-citizen*. Шахрам Кошрави рассматривает гражданство не как бинарную категорию, а как спектр, где антигражданин противопоставлен гражданину и характеризуется следующим образом: «человек, существующий вне обычной системы регулирования, нарушающий установленные нормы и представляющий риск для безопасности и качества жизни “нормальных” граждан». С точки зрения исследователя, нелегальные мигранты воспринимаются как антиграждане, ухудшающие жизнь в государстве, поскольку считается, что они «пренебрегают “этическими ценностями” и “моральными устоями” граждан». Квазигражданин – это человек, который вследствие или в процессе пересечения границы и прохождения связанных с этим фактом юридических процедур рискует быть подвергнутым какой-либо форме угнетения и дискриминации, например из-за «настораживающей внешности». К квазигражданам автор книги относит также детей мигрантов, поскольку они с высоким шансом могут столкнуться с формами угнетения, через которые прошли их родители, а гражданство, на которое они претендуют по праву рождения в стране, может оспариваться.

Лексемы *sovereign violence, necropolitics* и *necropower* из модуля «Миграционная политика» обобщают все формы дискриминации и эксплуатации мигрантов, с помощью которых государство укрепляет собственный суверенитет и формирует антимигрантские нарративы. Словосочетание *Eurocentric standarts* указывает на существующую парадигму восприятия мигрантов: в ряде стран мигрант должен соответствовать евроцентрическим представлениям о себе, например выглядеть печальным и носить грязную одежду, чтобы получить убежище или другую защиту.

Модуль «Театральность» нетипичен для миграционного дискурса. В него были включены лексемы, указывающие на искусственность антимигрантских нарративов, продвигаемых государством, а также на рукотворность процедур, направленных на дальнейшее угнетение и подчинение мигранта. Так, например, термин *Border Spectacle*, являющийся третьим по частоте в модуле, был предложен Н. де Геновой [16]. Ученый определил это понятие как «зрелище принуждения на “границе”, при котором “нелегальность” мигрантов становится наглядной».

Мы понимаем «пограничный спектакль» как совокупность социально-политических процессов и процедур, происходящих на государственных границах и направленных против мигрантов: усиленные досмотры, депортации, задержания и прочее, а также проводимых демонстративно для дальнейшего извлечения политической и/или экономической выгоды.

В модуле «Виды миграции» первой по частотности лексемой является *labor*, что указывает на преобладание трудовой миграции и на возможность дальнейшей экономической эксплуатации мигрантов. Словосочетание *economic exploitation* встречается в следующем за «Видами миграции» модуле «Экономика».

Модуль «Этническая принадлежность» содержит лексемы, указывающие на существующую этническую дискриминацию мигрантов: *xenophobic mode/stereotype*, “civilized” *Western values*, *prejudice*, *racial difference*, *racial division*, *segregation*. Также упоминаются этносы, относящиеся к странам – донорам миграции по отношению к США: *Chinese renshe*, *Chinese shetou*, *Spanish pollo*, *Iranian gosfand*.

Модуль «Коммуникация» отражает роль языка и общения в миграционных процессах. В модуле встречаются лексемы, обозначающие различные языковые явления, влияющие на положение мигранта и образы мигранта и государства в современном мире: *migrant’s own narrative*, *racialized discourse*, *rhetoric of “deservedness”* *discourse of humanitarianism*, *paternalistic narrative*. Патерналистский нарратив используется государством как инструмент для демонстрации собственной благосклонности по отношению к мигрантам и, следовательно, создания более положительного образа себя. Риторика «заслуженности» приводит к делению мигрантов на «достойных» и «недостойных» права на въезд в страну. На эту риторику влияет в том числе и расиализованный дискурс, включающий в себя зачастую негативные стереотипы о различных этносах и приводящий к этнической дискриминации мигрантов.

Модуль «Документы» содержит как общее понятие *documentation*, так и более конкретные названия документов и законов, определяющих статус мигранта и возможности его въезда в страну и пребывания в ней: *Anti-terrorism Act*, *U.S. Constitution*, *visa*.

В модуле «Современные технологии» упоминаются два типа оборудования для усиленной защиты и охраны границ: *drone*, *motion sensor*. Эти лексемы встречаются также в модулях «Граница», «Регуляция миграции» и «Безопасность».

Заключение. Таким образом, результаты доказывают, что приграничный миграционный дискурс можно выделить в отдельный тип дискурса: участники миграции выступают его ключевой категорией, а концепт «граница» является одним из центральных. Также данный тип дискурса обладает своей лексической уникальностью: семантические модули, относящиеся в основном к ближней периферии, отражают как глобальные, так и тесно связанные непосредственно с границей процессы и явления. Лексемы необязательно принадлежат исключительно миграционному дискурсу, это подтверждает интердискурсивность приграничного дискурса, что свойственно миграционному дискурсу в целом. Возникает и необычный семантический модуль «Театральность», указывающий на сходства миграционной политики и миграционных процессов, связанных с границей, со спектаклем. Семантические модули дальней периферии являются не такими объемными, поскольку многие содержащиеся в них лексемы входят и в семантические модули ядра и/или ближней периферии. Семантические модули дальней периферии акцентируют внимание на более конкрет-

ных аспектах, сопряженных с миграцией и влияющих на ее развитие. Большое количество лексем с негативной коннотацией может быть связано с миграционной политикой США, создающей существенные ограничения для мигрантов. Контент-анализ корпуса, созданного на базе анализируемого материала, позволяет сформировать лексическую базу основных понятий, относящихся к миграции (миграционный подъязык), которые могут быть использованы для составления современного миграционного глоссария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chavez L. *Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood*. NY: Annandale-of-Hudson, 2020.
2. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4, № 2. С. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
3. Костева В. М. Дискурсы миграции в лингвистике // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики / науч. ред. А. М. Амагов. Пермь: ПГНИУ, 2019. С. 46–52.
4. Harris Z. *Discourse analysis* // *Language*. 1952. Vol. 28, № 1. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.2307/409987>
5. Чернявская В. Е. *Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия*. М.: Наука, 2006.
6. Слышкин Г. Г. *Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 38–45.*
7. Воркачёв С. Г. *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64–72.
8. Зубарева Е. О. *Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2019. Т. 5, № 1. С. 35–45. DOI: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
9. Van Dijk T. *Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies / ed. by R. Zapata-Barrero, E. Yalaz. Cham: Springer, 2018. P. 227–245. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13*
10. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002.
11. *Лингвистическое моделирование / С. Н. Антонова, И. А. Афонина, А. В. Дрожачих и др.* Тюмень: Вектор Бук, 2009.
12. Апресян Ю. Д. *Идеи и методы современной структурной лингвистики*. М.: Просвещение, 1966.
13. Райскина В. А., Дубнякова О. А. *Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) // Актуальные вопросы современной науки*. 2015. № 40. С. 146–154.
14. Зубарева Е. О., Колегова А. А. *Синтагматическая модель концепта traveller в британском и американском вариантах английского языка // Евразийский гуманитарный журнал*. 2024. № 1. С. 6–18.
15. Agamben G. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1998.
16. De Genova N. *Spectacles of migrant 'illegality': the scene of exclusion, the obscene of inclusion // Ethnic and Racial Studies*. 2013. Vol. 36, iss. 7. P. 1180–1198. DOI: 10.1080/01419870.2013.783710

Информация об авторах.

Зубарева Екатерина Олеговна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры зарубежной филологии Пермского государственного национального исследовательского университета. *Лингвистическая модель приграничного миграционного дискурса (на материале английского языка)* 197
Linguistic Model of Cross-Border Migration Discourse (Based on the English Language)

ского университета, ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор 41 научной публикации. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, миграционная лингвистика, лексикографирование.

Ложкина Екатерина Сергеевна – студентка (4-й курс) факультета филологии и коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, миграционная лингвистика, теория перевода.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.09.2025; принята после рецензирования 19.12.2025; опубликована онлайн 20.04.2026.

REFERENCES

1. Chavez, L. (2020), *Sovereign Violence: Migrants, Borders, and the Brutal Logic of Nationhood*, Annandale-of-Hudson, NY, USA.
2. Shustova, S.V. (2018), "Migration linguistics and migration discourse", *Theoretical and Applied Linguistics*, no. 4 (2), pp. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
3. Kosteva, V.M. (2019), "Migration discourses in linguistics", *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki* [Migration Linguistics in the modern scientific paradigm: Meditation practices], Amatov, A.M. (ed.), Perm State Univ., Perm, RUS, pp. 46–52.
4. Harris, Z. (1952), "Discourse analysis", *Language*, vol. 28, no. 1, pp. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.2307/409987>
5. Chernyavskaya, V.E. (2006), *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviya* [The discourse of power and the power of discourse. Problems of speech influence], Nauka, Moscow, RUS.
6. Slyshkin, G.G. (2000), "Discourse and concept (on the linguistic and cultural approach to the study of discourse)", *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse], in Karasik, V.I. and Slyshkin, G.G. (eds.), Peremena, Volgograd, RUS, pp. 38–45.
7. Vorkachev, S.G. (2001), "Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics", *Philological sciences*, no. 1, pp. 64–72.
8. Zubareva, E.O. (2019), "The Model of Migration Discourse", *Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 5, no. 1, pp. 35–45. DOI: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
9. Van Dijk, T. (2018), "Discourse and migration", *Qualitative Research in European Migration Studies*, Zapata-Barrero, R. and Yalaz, E. (eds.), Springer, Cham, CHE, pp. 227–245. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13
10. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, RUS.
11. Antonova, S.N., Afonina, I.A., Drozhashchikh, A.V. et al. (2009), *Lingvisticheskoe modelirovanie* [Linguistic modeling], Vektor Buk, Tyumen, RUS.
12. Apresyan, Yu.D. (1966), *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki* [Ideas and methods of modern structural linguistics], Prosveshhenie, Moscow, USSR.
13. Raiskina, V.A. and Dubnyakova, O.A. (2015), "Modern methods of corpus linguistics in text analysis (using the example of the BFM corpus)", *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki* [Actual issues of modern science], no. 40, pp. 146–154.
14. Zubareva, E.O. and Kolegova, A.A. (2024), "The syntagmatic model of the concept TRAVELLER in the British and American Variants of the English language", *Eurasian Humanitarian J.*, no. 1, pp. 6–18.
15. Agamben, G. (1998), *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, Stanford Univ. Press, Stanford, USA.
16. De Genova, N. (2013), "Spectacles of migrant 'illegality': the scene of exclusion, the obscene of inclusion", *Ethnic and Racial Studies*, vol. 36, iss. 7, pp. 1180–1198. DOI: 10.1080/01419870.2013.783710

Information about the authors.

Ekaterina O. Zubareva – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Foreign Philology, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of 41 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, semantics, migration linguistics, lexicography.

Ekaterina S. Lozhkina – Student (4th year) at the Faculty of Philology and Communication, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. Area of expertise: cognitive linguistics, migration linguistics, theory of translation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.09.2025; adopted after review 19.12.2025; published online 20.04.2026.*

Оригинальная статья

УДК 811.111

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-200-210>

Средства реализации фатической коммуникации в англоязычном кинодиалоге: динамический аспект

Инна Владимировна Кононова¹✉, Никита Сергеевич Проказов²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹✉ ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>

²famdoc953@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0045-8204>

Введение. В статье исследуется эволюция средств фатической коммуникации в англоязычном кинодиалоге на протяжении почти девяноста лет (1930–2018). Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения динамики дискурсивных практик, отражающих социокультурные изменения в обществе. Научная новизна заключается в применении диахронического корпусного анализа фатических маркеров в киноречи для выявления тенденций коллоквиализации и демократизации коммуникативных норм, транслируемых через массовое искусство. Цель исследования – на материале корпуса *Movies* установить количественные и качественные изменения в употреблении фатических единиц и интерпретировать их в контексте эволюции коммуникативных практик.

Методология и источники. Работа выполнена в русле диахронической дискурсологии и корпусной лингвистики. Материалом послужил корпус *Movies*, содержащий диалоги из англоязычных фильмов 1930–2018 гг. (общий объем около 200 млн словоупотреблений). Анализ проводился в три этапа: 1) формирование списка фатических маркеров на основе предварительного просмотра фильмов и теоретических работ; 2) вычисление нормализованной частотности отобранных единиц по десятилетиям с последующим объединением в три периода (1930–1960, 1961–1990, 1991–2018) и расчетом средней взвешенной частотности с учетом объема подкорпусов; 3) интерпретация полученных данных.

Результаты и обсуждение. Анализ динамики фатических маркеров выявил устойчивую тенденцию к коллоквиализации и демократизации киноречи. Наиболее ярко это проявляется в смене доминирующих формул приветствия и прощания: формальные *good morning* и *goodbye* последовательно уступают место неформальным *hi* и *bye*. В группе маркеров, отражающих вопрос о состоянии собеседника, наблюдается вытеснение ритуализированной формулы *how do you do?* более разговорными эквивалентами *how are you doing* и *what's up?* Значительный рост демонстрируют дискурсивные маркеры и филлеры, имитирующие спонтанность речи. Формулы вежливости последовательно снижаются, уступая место более кратким и прямым аналогам. Полученные данные свидетельствуют о том, что кинодиалог постепенно отходит от театральной условности и приближается к живой разговорной речи, отражая реальные языковые изменения и трансформацию коммуникативных норм в обществе.

Заключение. Проведенное исследование подтвердило, что фатическая коммуникация в англоязычном кинодиалоге претерпела значительную эволюцию. От формальных, ритуализированных структур 1930–1960-х гг. киноречь перешла к коллоквиальным формам, имитирующим спонтанное устное общение. Начиная с 1960-х гг., фиксируется

© Кононова И. В., Проказов Н. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

снижение частотности этикетных клише и увеличение дискурсивных маркеров, филлеров и редуцированных форм, которые отражают общую тенденцию к демократизации языка и наполнению киноречи естественными для реальной коммуникации элементами. Фатические средства становятся важным инструментом создания достоверного речевого портрета.

Ключевые слова: фатическая коммуникация, кинодиалог, диахронический анализ, корпусная лингвистика, коллоквиализация, дискурсивные маркеры

Для цитирования: Кононова И. В., Проказов Н. С. Средства реализации фатической коммуникации в англоязычном кинодиалоге: динамический аспект // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 2. С. 200–210. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-200-210

Original paper

Means of Implementing Phatic Communication in English-Language Film Dialogue: a Diachronic Aspect

Inna V. Kononova¹✉, Nikita S. Prokazov²

^{1, 2}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

¹✉*ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>*

²*famd0c953@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0045-8204>*

Introduction. The article examines the evolution of phatic communication means in English-language film dialogue over nearly ninety years (1930–2018). The relevance of the study is determined by the need to investigate the dynamics of discursive practices reflecting socio-cultural changes in society. The scientific novelty lies in the application of diachronic corpus analysis to phatic markers in film speech to identify trends towards colloquialization and democratization of communicative norms conveyed through mass art. The aim of the research is to identify quantitative and qualitative changes in the use of phatic units based on the *Movies* corpus and to interpret them in the context of the evolution of communicative practices.

Methodology and sources. The research is carried out within the framework of diachronic discourse studies and corpus linguistics. The material is the *Movies* corpus, containing dialogues from English-language films of 1930–2018 (total volume about 200 million words). The analysis was conducted in three stages: 1) compiling a list of phatic markers based on preliminary film viewing and theoretical works; 2) calculating the normalized frequency of the selected units by decade, followed by consolidation into three periods (1930–1960, 1961–1990, 1991–2018) and computing the weighted average frequency taking into account the size of subcorpora; 3) interpreting the obtained data.

Results and discussions. The analysis of the dynamics of phatic markers revealed a steady trend towards colloquialization and democratization of film speech. This is most clearly manifested in the change of dominant greeting and farewell formulas: formal *good morning* and *goodbye* consistently give way to informal *hi* and *bye*. In the group of markers reflecting inquiries about the interlocutor's state, the ritualized formula *how do you do?* is being replaced by more colloquial equivalents *how are you doing* and *what's up?*. Discourse markers and fillers imitating speech spontaneity show a significant increase. Politeness formulas consistently decline, giving way to shorter and more direct analogues. The obtained data indicate that film dialogue gradually moves away from theatrical conventionality and approaches live conversational speech, reflecting real language changes and the transformation of communicative norms in society.

Conclusion. The conducted research confirmed that phatic communication in English-language film dialogue has undergone significant evolution. From the formal, ritualized structures of the 1930s–1960s, film speech has shifted towards colloquial forms imitating spontaneous oral communication. Starting from the 1960s, a decline in the frequency of etiquette clichés and an increase in discourse markers, fillers, and reduced forms is recorded, reflecting the general trend towards language democratization and the enrichment of film speech with elements natural to real communication. Phatic means become an important tool for creating a credible speech portrait.

Keywords: phatic communication, film dialogue, diachronic analysis, corpus linguistics, colloquialization, discourse markers

For citation: Kononova, I.V. and Prokazov, N.S. (2026), "Means of Implementing Phatic Communication in English-Language Film Dialogue: a Diachronic Aspect", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 2, pp. 200–210. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-2-200-210 (Russia)

Введение. Современная лингвистика характеризуется интересом к изучению дискурса как сложного коммуникативного явления, интегрирующего языковые, когнитивные и социокультурные аспекты. В рамках антропоцентрической парадигмы особое значение приобретает исследование дискурсивных практик в их историческом развитии, поскольку дискурс, будучи формой социального взаимодействия, неизбежно претерпевает изменения под влиянием трансформаций общественного устройства и социокультурных норм. Как отмечается в работах по исторической дискурсологии Л. А. Кочетовой, любой тип общения содержит как устойчивые, инвариантные элементы, обеспечивающие его идентичность, так и вариативные характеристики, отражающие адаптацию к меняющимся условиям [1]. Выявление этих изменений и их интерпретация в широком социокультурном контексте составляют цель диахронического анализа дискурса как направления, формирующегося на пересечении исторической лингвистики, теории дискурса и лингвопрагматики.

Диахронический подход к дискурсу, ранее преимущественно применявшийся к изучению формальной стороны языковой системы, в последние десятилетия обретает новые исследовательские векторы. В центре внимания оказываются не только эволюция языковых норм, но и динамика дискурсивных категорий, таких как коммуникативная тональность, стратегии вежливости, способы реализации речевых актов [2].

Кинематограф, возникший на рубеже XIX и XX вв., эволюционировал от немого зрелища до сложнейшего синтетического искусства и мощного средства массовой коммуникации, отражающего языковые нормы и представления о речевом идеале исторического периода. Осмысление феномена кино в лингвистическом фокусе привело к возникновению самостоятельного исследовательского поля – кинодискурса. Под кинодискурсом в современной науке понимается целостное семиотическое поликодовое пространство, образуемое в рамках институциональной практики кинопроизводства динамическим взаимодействием вербального (диалоги, монологи), паралингвистического (интонация, паузы), визуального (изображение, монтаж), аудиального (музыка, шумы) кодов и характеризуемое связностью, цельностью, завершенностью, ориентированностью на адресата, прагматической направленностью [3; 4]. Кинодискурсу свойственна креолизованность, т. е. единство разнородных знаковых систем, где языковой компонент, будучи ведущим для передачи смысла, тем не менее интерпретируется в неразрывной связи с изображением [5].

Среди множества аспектов изучения кинодискурса центральное место занимает анализ его вербального компонента – киноречи, а основной коммуникативной единицей в рамках киноповествования выступает кинодиалог. С. Козлофф рассматривает кинодиалог как одну из важнейших составляющих кинематографического произведения, все, что проговаривается в репликах [6]. Тем не менее кино является преимущественно визуальной средой, поэтому диалог в фильме (в отличие от театрального искусства) должен быть комплементарным, дополняющим действие элементом кинодискурса [7].

Диалог в кино выступает инструментом погружения в диегезис – повествуемую вымышленную реальность с присущей ей пространственно-временной организацией и объектами смоделированной действительности. Следовательно, кинодиалоги способствуют навигации реципиента по иллюзорной реальности посредством услышанного и увиденного им на экране [7]. Важно отметить, что кинодиалог не тождествен диалогу в реальной межличностной коммуникации. В диегетическом мире фильма диалог стремится к уподоблению естественному разговору, представляя собой псевдоустную речь, прошедшую через фильтры сценарной, режиссерской и актерской интерпретации, существующую в рамках киноконтекста и выполняющую функцию социокультурной репрезентации и нормализации коммуникативного поведения. Основное отличие естественной и срежиссированной коммуникации заключается в крайней степени имплицитности реального коммуникативного акта: участники не акцентируют внимание на информации, известной собеседнику [8]. Кинодиалоговая контекстуальность и ситуативность подкреплены наличием визуального сопровождения, которое намекает, а иногда и однозначно указывает на подразумеваемый смысл, формируя для зрителя интерпретационное поле.

Хотя кинодиалог обладает относительной самостоятельностью, поскольку, в отличие от естественной коммуникации, персонажи вынуждены проговаривать сюжетно важные элементы повествования, отсутствие опоры на видеоряд может препятствовать точному и полному восприятию фрагментов кинокартины. Соответственно, доля имплицитной информации в кинодиалоге значительно возрастает благодаря наличию видеоряда. В связи с тем, что диалог является вербальным ядром кинодискурса, имитирующим живую речь и повседневные коммуникативные практики, для дальнейшего анализа лингвопрагматических характеристик представляется целесообразным предложить более узкое понятие – диалогический кинокурс. Под ним понимается совокупность вербальных интерактивных практик глобального кинодискурса, реализуемых в кинотексте и репрезентирующих нормативные модели речевого поведения в определенном историческом и социально-культурном контексте. Данный термин представляется методологически оправданным, поскольку позволяет концептуализировать кинодиалог не как изолированный текстовый фрагмент, а как дискурсивное явление, функционирующее в системе кинодискурса и включающее совокупность прагматических, социокультурных, когнитивных и мультимодальных параметров. Использование этого термина позволяет интегрировать достижения дискурсологии и лингвопрагматики, а также обосновать правомерность диахронического анализа кинодиалога как формы социально значимой коммуникации. Анализ дискурсивных характеристик диалога в киноленте предполагает отказ от учета визуального ряда, музыки, монтажа, рассматривая их скорее как глобальный нарративный контекст, а не интегрированные части коммуникативного акта. Цель такого подхода – изучить, как

в условиях художественной симуляции функционируют универсальные языковые механизмы, при этом открывая возможности к рассмотрению кинодиалога как особого типа интеракции, но в рамках лингвистической парадигмы.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных языку кино, в современной лингвистике сохраняется заметный дисбаланс. Преобладают синхронические исследования, ограничивающиеся анализом конкретного фильма, творчества отдельного режиссера или языковых особенностей определенного жанра [9]. Подобные работы, безусловно, ценны, однако они не позволяют выявить масштабные исторические тенденции в эволюции речевого поведения, транслируемого через экран. Диахронический подход к изучению диалогического кинодискурса, предполагающий сравнительный анализ языковых характеристик на материале разных исторических периодов, до последнего времени применялся единично [10]. Эта лакуна обусловлена не только методологическими сложностями работы с большими массивами данных исторических срезов, но и традиционным скепсисом по отношению к художественным текстам как достоверному источнику информации о живой речи. Важно подчеркнуть, что намеренный социокультурный мимесис и воспроизведение естественных речевых паттернов в диегитическом мире фильма позволяет рассматривать кинематограф в качестве репрезентативного дискурсивного архива, который отражает динамику коммуникативных характеристик на разных этапах языка.

В рамках диахронического исследования кинодискурса в числе наиболее чувствительных индикаторов эволюции речевой архитектуры можно выделить средства фатической коммуникации. Понятие фатической коммуникации восходит к работам Б. Малиновского, который рассматривал ее как форму речевого взаимодействия, направленную не на передачу информации, а на установление, поддержание, завершение и возобновление социального контакта [11]. В дальнейшем данная функция была концептуализирована в функциональной модели языка Р. О. Якобсона как *фатическая функция*, обеспечивающая поддержание канала коммуникации. Современные прагматические исследования трактуют фатическую коммуникацию как многоуровневое явление, включающее рутинные формулы, дискурсивные маркеры, речевые филлеры, междометия, хезитационные конструкции и формы вежливости [12].

В английском языке фатические средства отличаются высокой формальной и функциональной вариативностью и охватывают широкий спектр единиц [13]:

- ритуализированные формулы речевого этикета: приветствия (*hi, hello*), прощания (*goodbye, see you*), формулы вежливости (*how are you?, nice to meet you*);
- контактоустанавливающие и связующие элементы: комментарии о погоде (*lovely weather, isn't it?*), стандартные вопросы о делах, логические связки (*by the way, speaking of which*);
- речевые филлеры: лексические единицы, заполняющие паузы хезитации и сигнализирующие о процессе производства речи (*well, you know, I mean, like, sort of*);
- междометия и восклицания: эмоциональные (*oh, wow, oops*) и контактные (*hey, eh*) сигналы;
- маркеры обратной связи: краткие реакции слушающего, подтверждающие восприятие и поддержание контакта (*uh-huh, yeah, really, right, okay*).

Современные исследования подчеркивают, что фатическая коммуникация не ограничивается механическим поддержанием контакта, а выполняет важные функции социальной

идентификации, эмоциональной регуляции, управления межличностной дистанцией и конструирования образа говорящего. В контексте кинодиалога фатические элементы приобретают особую значимость, поскольку участвуют в моделировании стихийного, речевого взаимодействия, формировании психологического портрета персонажа и репрезентации социокультурных норм эпохи.

В естественной устной речи эти элементы выполняют важнейшие регулирующие, эмоционально-экспрессивные и когнитивные функции, являясь индикаторами спонтанности, эмоционального состояния, социальной дистанции и когнитивной нагрузки сообщаемой информации. В искусственном дискурсе кино они становятся инструментом создания лингвистической и психологической достоверности персонажа. Таким образом, диахроническое исследование фатических средств в англоязычном кинодиалоге позволяет получить доступ к эволюции не только языковых форм, но и глубинных социокультурных представлений о том, что считать естественным в речевом поведении.

Методология и источники. В рамках диахронических исследований дискурса корпусный подход занимает центральное место, поскольку он обеспечивает эмпирическую обоснованность выводов, репрезентативность данных и воспроизводимость результатов. Корпусная лингвистика предоставляет инструментарий для системного анализа больших массивов текстов, включая частотный анализ, анализ распределения языковых единиц, коллокационный, а также конкордантный анализ. В диахроническом аспекте данные методы позволяют выявить тренды в употреблении языковых средств, фиксировать изменения их функциональной нагрузки и сопоставлять коммуникативные стратегии различных исторических периодов [14].

Корпусный анализ динамики фатических средств предполагает прежде всего выявление изменений в их нормализованных частотах в различных временных срезах, позволяющее установить тенденции к усилению или ослаблению определенных типов фатической коммуникации.

Материалом настоящего исследования послужил корпус *Movies*, включающий диалоги из англоязычных фильмов и охватывающий широкий временной диапазон – с 1930 по 2018 г. Его общий объем (порядка 200 млн слов) представляет достаточную эмпирическую базу для проведения масштабного диахронического анализа. Тексты корпуса снабжены метаданными, включая информацию о годе и стране производства для формирования временных отрезков и сопоставления языковых явлений в динамике. Доступ к корпусу *Movies* осуществляется посредством платформы *English-Corpora.org*, предоставляющей веб-интерфейс для выполнения поисковых запросов по словоформам и леммам, фильтрации по временным периодам и вариантам английского языка, извлечения частотных данных, анализа коллокаций и получения конкордансов. В рамках настоящего исследования корпус *Movies* используется для выявления эволюции средств фатической коммуникации посредством сопоставления их частотности в различных исторических периодах. С помощью сравнительного анализа данных по десятилетиям возможно зафиксировать тенденции коллоквиализации кинодиалога, изменения формул, обслуживающих коммуникативный акт, а также трансформации их прагматической нагрузки.

Результаты и обсуждение. Процедура анализа динамики средств фатической коммуникации включала несколько этапов. На первом этапе был сформирован список фатических маркеров, подлежащих исследованию. Выборка производилась по итогам просмотренного

материала кинодиалогов (по одному фильму на каждое десятилетие) с опорой на сформулированные функции фатических элементов. На втором этапе с помощью встроенного поискового интерфейса корпуса была определена нормализованная частотность отдельных маркеров фатической коммуникации для конкретного десятилетия. Нормализованная частотность, позволяющая сравнивать частоту использования слов в текстах неоднородного объема, выражается количеством употреблений слова на миллион. Для представления более глобальных данных об изменении частотности десятилетия были сгруппированы следующим образом: 1930–1960, 1961–1990, 1991–2018. Такая разметка временной оси позволила избежать искажения в данных, исключая повтор одного и того же года. Поскольку временной диапазон был разделен на три периода, возникла необходимость в вычислении средней взвешенной частотности с учетом объема подкорпусов, приходящихся на каждый из трех временных срезов. В качестве весового коэффициента использовалось количество слов в соответствующем подкорпусе для минимизации влияния несоразмерности корпусного материала и обеспечения статистической достоверности результатов. Средняя взвешенная частотность маркеров фатической коммуникации была рассчитана по формуле

$$f_{\text{взв}} = \frac{\sum_{i=1}^n (f_i N_i)}{\sum_{i=1}^n N_i},$$

где n – количество лет в периоде; f_i – нормализованная частотность маркера в i -м периоде; N_i – объем корпуса в i -м временном периоде.

Полученные результаты расчетов представлены в таблице.

Средняя взвешенная частотность фатических маркеров по трем периодам
Weighted average frequency of phatic markers across three periods

Фатический маркер	1930–1960 гг.	1961–1990 гг.	1991–2018 гг.
good morning	226,8	145,00	77,9
greetings	9,53	9,68	6,35
howdy	29,96	22,03	8,28
hello there	13,39	8,70	5,44
hey there	2,33	3,09	7,78
hi	198,44	476,76	544,18
goodbye	336,78	141,86	72,68
bye	107,1	167,8	196,7
see you later	46,4	48,5	39,3
see ya	8,02	17,74	22,11
catch you later	0,14	3,06	2,90
so long	51,0	20,25	8,68
how do you do?	195,1	57,25	14,13
how are you doing?	2,54	13,51	17,68
what's up?	23,84	35,63	117,78
are you all right?	10,95	18,06	12,30
you alright?	0,68	0,93	2,31
you see	118,78	71,75	33,05
I mean	57,09	195,95	314,5
you know what?	0,61	2,10	14,17

Окончание таблицы
End of the table

Фатический маркер	1930–1960 гг.	1961–1990 гг.	1991–2018 гг.
is that so?	12,1	6,16	4,22
uhm	0,04	0,41	0,48
pardon me	27,49	9,19	3,03
if you don't mind	41,52	22,24	12,7
yeah	1357,20	2261,60	3787,00
speaking of which	0,18	0,76	2,91
don't mention it	8,41	4,00	3,01
just a moment	43,31	15,61	4,97
wait a sec	0,07	1,28	1,94
if you'll excuse me	13,42	8,26	5,45
would you kindly	1,54	1,55	0,34
fair enough	2,33	2,19	3,85

Анализ динамики фатических маркеров в диахроническом аспекте демонстрирует устойчивую тенденцию к демократизации и коллоквиализации киноречи. На основе количественных данных о средней взвешенной частотности употребления различных фатических единиц в трех периодах можно проследить эволюцию способов поддержания контакта в диалогах, а также изменение ритуалов начала и завершения общения. Наиболее ярко демократизация языка проявляется в смене доминирующих формул приветствия и завершения коммуникативного акта. Частотность традиционного утреннего приветствия *good morning* снизилась с 226,8 в 1930–1960 до 145,0 в 1961–1990 и 77,9 в 1991–2018. Одновременно с этим неформальное *hi* демонстрирует взрывной рост, становясь основным, коллоквиальным приветствием в позднем кино. Аналогичный тренд наблюдается в ритуализированном прощании: частотность *goodbye* падает с 336,78 до 141,86 и 72,68. Усеченная форма *bye*, напротив, стала более распространенной в речи киноперсонажей (107,1 → 167,8 → 196,7). Нейтральное *see you later* колеблется без явной тенденции (46,4 → 48,5 → 39,3), но его разговорный вариант *see ya* уверенно набирает популярность (8,02 → 17,74 → 22,11) наряду с *catch you later*, пиковая частотность которого приходится на период 1961–1990 гг. (3,06) и сохраняется в дальнейшем.

Особого внимания заслуживает группа маркеров, отражающих вопрос о состоянии собеседника. Классическая этикетная формула *how do you do*, которая практически не предполагает содержательного ответа, становится значительно менее частотной (195,1 → 57,25 → 14,13). На смену ей приходят неформальные эквиваленты: маркер *how are you doing* возрастает с 2,54 до 13,51 и 17,68; частотность *what's up* выросла почти в 5 раз в 2018 г. по сравнению с 1930. Один из ярких примеров коллоквиализации – сравнение полной и редуцированной форм *are you all right?* и *you alright?* Конвенциональная форма *are you all right* со вспомогательным глаголом после некоторого роста во втором периоде (10,95 → 18,06) снижается до 12,30 в третьем. Ее редуцированный вариант *you alright* характеризуется растущей плотностью (0,68 → 0,93 → 2,31). Тенденция к упрощению элементов высказывания объясняется тем, что киноречь имитирует фонетические и синтаксические преобразования, происходящие в спонтанном устном общении с целью реализации закона экономии речевых усилий.

В поздние периоды кинодиалог все больше приближается к реальной разговорной практике, что выражается в увеличении доли слов, маркирующих хезитацию в дискурсе.

Междометие *yeah* для выражения согласия с собеседником или поддержания контакта демонстрирует колоссальный рост (1357,20 → 2261,60 → 3787,00). Маркер *I mean*, используемый для уточнения высказывания, также резко учащается (57,09 → 195,95 → 314,5). Фраза *you know what?*, выполняющая функцию привлечения внимания, возрастает с 0,61 до 2,10 и 14,17. Растет и плотность средств воссоздания вокализованной хезитации: например *uhm*, имитирующий паузу колебания, заметно проявляется во втором временном срезе и продолжает расти (0,04 → 0,41 → 0,48). Рассмотренные средства поддержания контакта и их частотность указывают на эволюцию фатических средств коммуникации. Со второй половины XX в. кинодиалог постепенно теряет крайнюю привязанность к традиционному сценическому искусству с характерными для него речевыми клише. Доля имплицитной информации транслируется через визуальный ряд, поэтому речь в кинодиалоге становится более краткой и уподобляется естественной коммуникации.

Частотность формул вежливости, таких как *pardon me, if you don't mind, if you'll excuse me, don't mention it, just a moment* последовательно снижается на протяжении всех трех периодов. Например, *pardon me* падает с 27,49 до 9,19 и 3,03; *if you don't mind* – с 41,52 до 22,24 и 12,7; *just a moment* – с 43,31 до 15,61 и 4,97. Данный тренд указывает на отказ от излишней формальности в пользу более прямых и кратких способов выражения намерений. Наблюдается смещение фокуса с обслуживающих коммуникацию фатических элементов на прагматический результат. В то же время появляются разговорные аналоги, такие как *wait a sec*, частотность которого растет (0,07 → 1,28 → 1,94).

Заключение. Проведенный диахронический анализ данных демонстрирует эволюцию фатической коммуникации в киноречи от формальных, ритуализированных структур к коллоквиальным, имитирующим спонтанное общение. В раннем кинематографе речевые клише для приветствий, прощаний, светских бесед, а также формальных переходов к теме разговора были необходимы для создания безупречного диалога, четко сегментированного и подчиненного логике повествования. Фатические элементы этого периода были лишены психологической нагрузки и выступали средством воссоздания реальных коммуникативных практик, обслуживая общение. Низкая плотность спонтанных филлеров и междометий объясняется не только эстетическими установками, но и господствующими в то время тенденциями в языке.

Начиная с 1960-х гг. происходит радикальный сдвиг в функциональной парадигме фатической коммуникации. Наблюдается заметное снижение средней взвешенной частотности формальных фатических маркеров и увеличение плотности коллоквиализированных формул. Кинодиалог смещается в сторону большей разговорности и прагматической естественности, расширяет спектр неканонических средств установления, поддержания и завершения контакта. Фатическая функция при этом не исчезает, но все чаще реализуется посредством менее конвенциональных языковых средств, включая сокращенные формы, междометия и контекстуально обусловленные реплики минимального объема. Она эволюционирует в важнейший инструмент создания психологического портрета персонажа. Паузы, филлеры, самоперебивы и междометия начинают активно использоваться для передачи внутреннего состояния героя не как идеально прописанного действующего лица, а как живого человека, которому свойственны неуверенность, смущение, лживость, эмоциональное потрясение. Фатические средства отражают несовершенство естественной спонтанной

речи. Этот процесс, являющийся частью общей демократизации языка, проявляется в замене полных формул сокращенными, росте частотности дискурсивных маркеров и речевых филлеров, а также в изменении этикетных норм. Полученные данные позволяют проследить, как кинодиалог постепенно отходит от театральной условности и приближается к живому разговору, отражая реальные языковые изменения в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочетова Л. А. Историческая дискурсология как вектор развития теории дискурса // Вестн. МГЛУ. 2015. № 6 (717). С. 323–334.
2. Кочетова Л. А. Диахронный подход к изучению рекламного дискурса: теоретико-методологический аспект // Вестн. МГЛУ. 2012. № 638. С. 216–224.
3. Лавриненко И. Н. Критерии классификации кинодискурса // Вестн. Харьковского национ. ун-та. Дискурсология: семантика и прагматика. 2012. № 1003. С. 41–44.
4. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЧелГУ. Челябинск, 2010.
5. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: кинотекст // Политическая лингвистика. 2007. Вып. (2) 22. С. 106–110.
6. Kozloff S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley; LA: Univ. of California Press, 2000.
7. Katz E. The Film Encyclopedia. NY: Harper Perennial, 1998.
8. Колодина Е. А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 2-1. С. 327–333.
9. Zyкова I. V. Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse // Russian J. of Linguistics. 2023. Vol. 27, no. 2. P. 334–362. DOI: 10.22363/2687-0088-33206
10. Kochetova L. A., Ilyinova E. Yu. Diachronic and dialect variation of English intensifying adverbs in the film dialogue discourse: corpus-based study // Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics. 2022. Vol. 21, no. 5. P. 95–107. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.5.9
11. Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // The Meaning of Meaning / C. K. Ogden, I. A. Richards (eds.). NY: Harcourt, Brace & World, 1923. P. 296–336.
12. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.
13. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London; NY: Longman, 1983.
14. Кочетова Л. А. Историко-дискурсивные корпусные исследования // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 23–28.

Информация об авторах.

Кононова Инна Владимировна – доктор филологических наук (2010), профессор (2024), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиологическая лингвистика, диахроническая концептология, корпусные исследования текста и дискурса.

Проказов Никита Сергеевич – аспирант кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Сфера научных интересов: корпусные исследования дискурса.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.12.2025; принята после рецензирования 18.02.2026; опубликована онлайн 20.04.2026.*

REFERENCES

1. Kochetova, L.A. (2015), "Historical discourse studies in the theory of discourse", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ.*, no. 6 (717), pp. 323–334.
2. Kochetova, L.A. (2012), "Diachronic perspective in advertising discourse studies: theory and methodology", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ.*, no. 638, pp. 216–224.
3. Lavrinenko, I.N. (2012), "Criteria for the classification of cinematic discourse", *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta. Diskursologiya: semantika i pragmatika*, no. 1003, pp. 41–44.
4. Zaretskaya, A.N. (2010), "Features of subtext realization in cinematic discourse", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, CSU, Chelyabinsk, RUS.
5. Voroshilova, M.B. (2007), "Creolized text: text of cinema", *Political Linguistics*, iss. 2 (22), pp. 106–110.
6. Kozloff, S. (2000), *Overhearing Film Dialogue*, Univ. of California Press, Berkeley, LA, USA.
7. Katz, E. (1998), *The Film Encyclopedia*, Harper Perennial, NY, USA.
8. Kolodina, E.A. (2013), "The status of film dialogue among the related concepts: film dialogue, film text, film discourse", *Vestnik of Lobachevsky Univ. of Nizhni Novgorod*, no. 2-1, pp. 327–333.
9. Zyкова, I.V. (2023), "Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse", *Russian J. of Linguistics*, vol. 27, no. 2, pp. 334–362. DOI: 10.22363/2687-0088-33206
10. Kochetova, L.A. and Ilyinova, E.Yu. (2022), "Diachronic and dialect variation of English intensifying adverbs in the film dialogue discourse: a corpus-based study", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 21, no. 5, pp. 95–107. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.5.9
11. Malinowski, B. (1923), "The problem of meaning in primitive languages", *The Meaning of Meaning*, in Ogden, C.K. and Richards, I.A. (eds.), Harcourt, Brace & World, NY, USA, pp. 296–336.
12. Vinokur, T.G. (1993), *Govoryashchii i slushayushchii. Varianty rechevogo povedeniya* [The speaker and the listener. Variants of speech behaviour], Nauka, Moscow, RUS.
13. Leech, G.N. (1983), *Principles of Pragmatics*, Longman, London, NY, USA.
14. Kochetova, L.A. (2020), "Historical-discursive corpus studies", *Yazyk i kul'tura epokhu globalizatsii* [Language and culture in the era of globalization], Saint Petersburg State Univ. of Economics Publishing House, SPb., RUS, pp. 23–28.

Information about the authors.

Inna V. Kononova – Dr. Sci. (Philology, 2010), Professor (2024), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: axiological linguistics, diachronic conceptology, corpus-based studies of text and discourse.

Nikita S. Prokazov – Postgraduate Student at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. Area of expertise: corpus-based studies of discourse.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.12.2025; adopted after review 18.02.2026; published online 20.04.2026.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько, ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, разделенных запятыми и отражающих содержание статьи;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи подряд, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора, сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний), e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 17.04.26. Дата выхода в свет 24.04.26.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 27,95. Печ. л. 27,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 44.
Цена свободная.

Signed to print 17.04.26. Publication date 24.04.26.
Sheet size 60 × 84 1/8. Educational-ed. liter. 27,95. Conventional printed sheets 27,0.
Number of copies 300. Printing plant 1–150 copies. Order no. 44.
Free price.

Отпечатано в издательстве СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

Published by ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia. Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56